

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: Лингвистика и педагогика
Научный журнал**

Том 12 № 4 / 2022

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: Linguistics and Pedagogics
Scientific Journal**

Vol. 12 № 4 / 2022

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: Лингвистика и педагогика**

**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Lingvistika i Pedagogika)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как русский язык, теория языка, сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, теория и методика профессионального образования, общая психология, психология личности, история психологии, социальная психология.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Филологические науки: 10.02.01; 10.02.19; 10.02.20

Педагогические науки: 5.8.7

Психологические науки: 19.00.05; 5.3.1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р технических наук, профессор, ректор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Скобликова Татьяна Владимировна, д-р педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Валерий Петрович, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Российской академии естественных наук, доктор филологических наук, профессор; Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Российская Федерация)

Боженкова Раиса Константиновна, доктор филологических наук, профессор; МГТУ им. Н.Э. Баумана (г. Москва, Российская Федерация)

Боженкова Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва, Российская Федерация)

Василенко Татьяна Дмитриевна, доктор психологических наук, профессор; Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Российская Федерация)

Криволапова Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор; Курский государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Молчанова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор; Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Российская Федерация)

Никишина Вера Борисовна, доктор психологических наук, профессор; Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (г. Москва, Российская Федерация)

Пищальникова Вера Анатольевна, доктор филологических наук, профессор; Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, Российская Федерация)

Подымова Людмила Степановна, доктор педагогических наук, профессор; Московский педагогический государственный университет (г. Москва, Российская Федерация)

Попова Нина Васильевна, доктор педагогических наук, профессор; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Степыкин Николай Иванович, доктор филологических наук, доцент; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Степанова Надежда Сергеевна, доктор филологических наук, доцент; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Томаков Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Шаклеин Виктор Михайлович, академик РАН, доктор филологических наук, профессор; Российский университет дружбы народов (г. Москва, Российская Федерация)

Якушкина Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент; Российский государственный гидрометеорологический университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

Телефон: +7(4712) 22-25-26,

Факс: +7(4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80884 от 21.04.21).

ISSN 2223-151X (Print)

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieslingva/>

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, д. 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.
Подписной индекс журнала 44292
в объединенном каталоге
«Пресса России».

Периодичность: четыре выпуска в год

Свободная цена

Оригинал-макет подготовлен Е.Г. Анохиной

Подписано в печать 21.12.2022

Дата выхода в свет 30.12.2022. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,5.

Тираж 1000 экз. Заказ 43.

16+

© Юго-Западный государственный университет, 2022

Материалы журнала доступны
под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Proceedings of the Southwest State University Series: Linguistics and Pedagogics

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such fields as the Russian language, language theory, comparative historical typological and comparative language knowledge, theory and methodology of vocational education, general psychology, personality psychology, history of psychology, social psychology.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete text of the articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Philological Sciences: 10.02.01; 10.02.19; 10.02.20

Pedagogical Sciences: 5.8.7

Psychological Sciences: 19.00.05; 5.3.1

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering, Rector of the Southwest State University
(Kursk, Russian Federation)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana V. Skoblikova (Deputy Editor-in-Chief),
Doctor of Pedagogy, Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Valery P. Abramov, Doctor of Philological Sciences, Professor; Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Raisa K. Bozhenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation)

Natalia A. Bozhenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation)

Tatyana D. Vasilenko, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation)

Elena M. Krivolapova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Kursk State University (Kursk, Russian Federation)

Lyudmila N. Molchanova, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation)

Vera B. Nikishina, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Pirogov Russian National Research Medical University (Moscow, Russian Federation)

Vera A. Pischalnikova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

Lyudmila S. Podymova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

Nina V. Popova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Nikolay I. Stepykin, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Nadezhda S. Stepanova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Vladimir I. Tomakov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Victor M. Shaklein Doctor of Philological Sciences, Professor; RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Yakushkina, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor; Russian State Hydrometeorological University (Saint Petersburg, Russian Federation)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

**Official address of the Founder, Publisher
and Editorial Office**

50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040,
Russian Federation

Phone: +7(4712) 22-25-26,

Fax: +7(4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-80884 of 21.04.21).

ISSN 2223-151X (Print)

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieslingva/>

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040,
Russian Federation

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44292 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: Quarterly

Free-of-control price

Original lay-out design Elena G. Anohina

Sent to the printing 21.12.2022.

Release date 30.12.2022. Format 60x84/8.

Offset paper. Printer’s sheets: 27,5.

Circulation 1000 copies. Order 43.

16+

© Southwest State University, 2022

Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	10
Манифестация языкового явления «инверсия» в текстах англоязычных СМИ Нигерии	10
<i>Ж. Багана, М. В. Алаева</i>	
Особенности нестандартного употребления IMPARFAIT De L'INDICATIF во французской речи	17
<i>В. В. Звягинцева</i>	
Интердискурсивное пространство современной рок-поэзии	26
<i>М. С. Малышева</i>	
«Юный гений» (Ответ восемнадцатилетнему юноше) Г. Гессе: творческое кредо в эпистолярном жанре	35
<i>Т. В. Летапурс, Т. М. Малыхина</i>	
Языковые особенности пейзажных зарисовок в художественной прозе А.П. Гайдара (на материале рассказов «Р.В.С.», «Голубая чашка» и повести «Тимур и его команда»).....	50
<i>И. В. Кочергина, И. С. Климас, И. А. Михайлов, А. А. Сергеева</i>	
К вопросу об особенностях вербализации бинарной оппозиции «земля – небо» в романе А. Платонова «Чевенгур»	58
<i>Н.Б. Бугакова</i>	
Перевод терминов цветоименования в произведениях религиозного содержания	68
<i>В. В. Россаль</i>	
Сопоставительный анализ ассоциативных полей «культура», «этикет», «нравственность» в русской, итальянской и французской лингвокультурах	82
<i>Д. М. Миронова</i>	
Влияние пандемии как экстралингвистического фактора на восприятие и актуализацию в сознании индивида лексических единиц	93
<i>Е. А. Конева, Ю. Р. Мелихова</i>	
Интерпретация архетипического сюжета о морской деве и рыбаке в сказке М.А. Осоргина «Царица-Жемчужина»	104
<i>Н. С. Степанова, Н. А. Лунева</i>	
Религионимы-субстантивы на -ние в русском языке XVIII века: словообразовательный и историко-этимологический аспекты анализа	116
<i>С. В. Феликсов</i>	
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	134
Альтернативные средства интенсификации процесса профессиональной подготовки сотрудников полиции в образовательных организациях МВД России	134
<i>Ю. Н. Кириченко, А. А. Тарасенко, Е. Н. Ламанов</i>	
Формирование грамматической компетенции студентов-журналистов на основе использования просодических характеристик грамматических структур	144
<i>О. Ю. Черникова, М. В. Громенко</i>	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	154
Особенности влияния эмоционального интеллекта на психическое выгорание волонтеров в условиях профессионально ориентированной добровольческой деятельности	154
<i>Л. Н. Молчанова, С. И. Черникова</i>	
Трудовая мотивация персонала как фактор повышения эффективности процесса управления в образовательной организации	168
<i>Е.А. Никитина, А.А. Кузнецова, Фабрицио Маррелла</i>	

Социально-психологический тренинг как инструмент профилактики психического выгорания волонтеров-медиков в профессионально-ориентированной волонтерской деятельности	178
<i>Л.Н. Молчанова, К.В. Блинова</i>	
Специфика проявлений коммуникативных особенностей студентов как фактор конфликтности в межличностном взаимодействии	196
<i>Т. В. Иванова, О. Л. Ворошилова</i>	
Компетентностная модель профилактики эмоционального выгорания педагогов отдельных образовательных организаций в условиях пандемии COVID-19 (контрольный этап формирующего эксперимента)	206
<i>Л. Н. Молчанова, А. А. Кузнецова, Л. Н. Малихова</i>	
Профилактика конфликтов в студенческой группе	225
<i>Т.Ю. Копылова, Т.О. Цурик, С.М. Цурик, Е.А. Карху</i>	
К сведению авторов	237

CONTENT

LINGUISTICS	10
Manifestation of a Linguistic Phenomenon “Inversion” in English Mass Media Texts of Nigeria	10
<i>J. Bagana, Margarita V. Alaeva</i>	
Unconventional Use of IMPARFAIT DE L’INDICATIF in French	17
<i>Victoria V. Zviagintseva</i>	
The Interdiscursive Space of Modern Rock Poetry	26
<i>Maria S. Malysheva</i>	
“A Young Genius” (Reply to an Eighteen-Year-Old Youth)”. H. Hesse: Creative Credo in the Epistolary Genre	35
<i>Tatyana V. Letapurs, Tatyana M. Malykhina</i>	
Linguistic Features of Landscape Sketches in the Fiction of A.P. Gaidar (Based on the Stories "R.V.S.", "Blue Cup" and the Story "Timur and his team")	50
<i>Irina V. Kochergina, Irina S. Klimas, Igor A. Mikhailov, Anna A. Sergeeva</i>	
To the Question of the Features of the Verbalization of the Binary Opposition "Earth - Sky" in A. Platonov's novel "Chevengur"	58
<i>Nadezhda B. Bugakova</i>	
The Translation of Colour Terms in Fiction with Religion Themes	68
<i>Vasilissa V. Rossal</i>	
Comparative Analysis of the Associative Fields "Culture", "Etiquette", "Morality" in Russian, Italian and French Linguistic Cultures	82
<i>Diana M. Mironova</i>	
The Impact of the Pandemic as an Extralinguistic Factor on Perception and Actualization of Lexical Units in the Individual Language Consciousness	93
<i>Eugenia A. Koneva, Julia R. Melikhova</i>	
Interpretation of the Archetypal Plot about the Sea Maiden and the Fisherman in the Fairy Tale by M. A. Osorgin «Queen-Pearl»	104
<i>Nadezhda S. Stepanova, Natalya A. Lunyova</i>	
Religious-Substances on -nie in the Russian Language of the XVIII Century: Word-Forming and Historical-Etymological Aspects of Analysis	116
<i>Sergei V. Feliksov</i>	
PEDAGOGICAL SCIENCE	134
Alternative Means of Intensifying the Process of Professional Training of Police Officers in Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation	134
<i>Yulia N. Kirichenko, Alexander A. Tarasenko, Evgeny N. Lamanov</i>	
Formation of Students' Grammatical Competence Based on the use of Prosodic Characteristics of Grammatical Structures	144
<i>Olga Y. Chernikova, Maria V. Gromenko</i>	
PSYCHOLOGY	154
Features of the Influence of Emotional Intelligence on the Mental Burnout of Volunteers in the Conditions of Professionally Oriented Volunteer Activity	154
<i>Lyudmila N. Molchanova, Svetlana I. Chernikova</i>	
Labor Motivation of Personnel as a Factor of Increasing the Efficiency of the Management Process in an Educational Organization	168
<i>Elena A. Nikitina, Alesya A. Kuznetsova, Fabrizio Marrella</i>	
Socio-Psychological Training as a Tool for the Prevention of Mental Burnout of Medical Volunteers in Professionally Oriented Volunteer Activities	178
<i>Lyudmila N. Molchanova, Kristina V. Blinova</i>	

The Specificity of Manifestations of Students' Communicative Features as a Factor of Conflict in Interpersonal Interaction	196
<i>Tatiana V. Ivanova, Olga L. Voroshilova</i>	
Competence-Based Model for Prevention of Emotional Burnout of Teachers of Individual Educational Institutions in the Context of the COVID-19 Pandemic (control stage of the formative experiment)	206
<i>Lyudmila N. Molchanova, Alesya A. Kuznetsova, Larisa N. Malikhova</i>	
Prevention of Conflicts in the Student Group	225
<i>Tatyana Yu. Kopylova, Tatyana O. Tsurik, Sofia M. Tsurik, Elizabeth A. Karkhu</i>	
INFORMATION FOR AUTHORS	237

Оригинальная статья / Original article

УДК 811.161.1

Манифестация языкового явления «инверсия» в текстах англоязычных СМИ Нигерии

Ж. Багана¹, М. В. Алаева¹ ✉

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

✉ e-mail: margarita-alaeva@rambler.ru

Резюме

В статье раскрываются особенности манифестации языкового явления, рассматривается инверсия в текстах англоязычных СМИ Нигерии. Новизна подходов заключается в исследовании инверсии через прагматическую призму на примере публицистических текстов СМИ Нигерии. Проведенный анализ был сфокусирован на таком синтаксическом феномене, как инверсия. К настоящему времени инверсия является достаточно изученным явлением. Впервые должное внимание такому явлению, как инверсия начало уделяться только в XX веке. Автор приходит к выводу о том, что инверсия представляет научный интерес с точки зрения прагматического использования и исследования различных единиц коммуникации, включая язык СМИ. Особенность английской инверсии в материалах медиатекстов нигерийского английского языка – это недостаточно изученная область, но крайне важная с точки зрения реализации компонента эмоционального выражения в общении. Анализ инвертированного предложения показывает, что с его помощью выражается эмоциональная составляющая процесса коммуникации. Проблема экспрессивности инверсии волновала многих исследователей, поскольку посредством включения данного лингвистического явления в различные письменные тексты и устные выступления выражается индивидуальное отношение спикера к предмету речи.

В ходе работы систематизируется теоретический материал исследования, при этом особое внимание акцентируется на специфике манифестации языкового явления. Практический материал исследования представляет собой анализ англоязычных текстов СМИ Нигерии.

Ключевые слова: манифестация языкового явления; инверсия; стилистика; СМИ Нигерии.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Багана Ж., Алаева М. В. Манифестация языкового явления «инверсия» в текстах англоязычных СМИ Нигерии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 10-16.

Статья поступила в редакцию 23.06.2022

Статья подписана в печать 17.08.2022

Статья опубликована 21.12.2022

© Багана Ж., Алаева М. В., 2022

Manifestation of a Linguistic Phenomenon “Inversion” in English Mass Media Texts of Nigeria

J. Bagana¹, Margarita V. Alaeva¹ ✉

¹ Belgorod National Research State University
85 Pobedy str., Belgorod 308015, Russian Federation

✉ e-mail: margarita-alaeva@rambler.ru

Abstract

The article reveals the features of the manifestation of a linguistic phenomenon, and analyses inversion in English-language mass media texts in Nigeria. The novelty of the approaches lies in the study of inversion through a pragmatic prism on the example of journalistic texts of the Nigerian media. The analysis carried out was focused on such a syntactic phenomenon as inversion. By now, inversion is a fairly well-studied phenomenon. For the first time, due attention to such a phenomenon as inversion began to be paid only in the 20th century. The author concludes that from the point of view of pragmatic use and study of various units of communication (including the language of the media), inversion is of interest to linguists. The peculiarity of the English inversion in the materials of the mass media texts of the Nigerian English language is insufficiently studied, but extremely important from the point of view of the implementation of the component of emotional expression in communication. Analysis of the inverted sentences shows that it is used to express the emotional component of the communication process. The problem of expressiveness of inversion worried many researchers, since by including this linguistic phenomenon in various written texts and oral presentations, the individual attitude of the speaker to the subject of speech is expressed.

In the course of the work, the theoretical material of the study is systematized, with special attention being paid to the specifics of the manifestation of the linguistic phenomenon. The practical material of the study is an analysis of the English-language texts of the Nigerian media.

Keywords: *manifestation of a linguistic phenomenon; inversion; stylistics; media of Nigeria.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Bagana J., Alaeva M. V. Manifestation of a Linguistic Phenomenon “Inversion” in English Mass Media Texts of Nigeria. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(4): 10–16 (In Russ.).

Received 11.02.2022

Accepted 30.03.2022

Published 30.06.2022

***

Введение

Настоящая статья посвящена рассмотрению такого факта языковой действительности, как манифестация языкового явления, а также рассмотрению примеров инверсии в текстах англоязычных СМИ Нигерии.

Актуальность исследования определяется фактом недостаточной изученности стилистических особенностей текстов, в частности, инверсии в текстах англоязычных СМИ Нигерии, а также важностью такого лингвистического феномена, как манифестация языкового явле-

ния. Прежде всего, необходимо отметить тот факт, что термин «манифестация» имеет многозначную природу. В языкознание данный термин приходит в результате междисциплинарного синтеза из философии, истории, социологии и психологии. Применительно к науке о языке, следует рассматривать манифестацию языкового явления с учетом латинской этимологии данного термина (от лат. – «делать явным, показывать»): под манифестацией понимается процесс, состояние или качество, которые превращают скрытый или затрудненный для понима-

ния факт в очевидный – выявляют его, делают доступным для наблюдателя. «Термином в аналогичном значении пользуются в работах по семиотике, невербальной семиотике, прагматике, дискурсу СМИ, когнитивной лингвистике» [1].

Таким образом, ситуация манифестации в отношении языкового явления – важнейший фрагмент окружающего мира, в пространстве которого активным субъектом с завидной регулярностью представляется каждый из нас. Итак, данный феномен не может не быть осмыслен языковым сознанием. Отталкиваясь из этих соображений следует рассмотреть манифестацию языкового явления под другим углом зрения, расположив в центре внимания именно языковой образ.

Объектом данного исследования является инверсия как стилистический прием и манифестация языкового явления как сложный лингвистический феномен. Соответственно, предметом исследования в данном случае будет выступать инверсия в текстах англоязычных СМИ Нигерии и специфика ее манифестации как языкового явления.

Цель исследования состоит в изучении такого факта языковой действительности, как манифестация языкового явления, а также в рассмотрении функционирования инверсии в текстах англоязычных СМИ Нигерии.

Научная новизна исследования определяется недостаточно системным осмыслением данного феномена в современной науке на материале нигерийских СМИ. Кроме того, данная тема заслуживает внимания ввиду небольшого количества практических исследований в данной области и возрастающего интереса научного сообщества к стилистике национальных вариантов английского языка.

В ходе исследования была сформулирована научная гипотеза о ряде особенностей, которые обнаруживаются в процессе изучения манифестации языкового явления и случаев употребления ав-

тором текстов англоязычных СМИ Нигерии инверсии.

Методы исследования включают описательный метод, метод контент-анализа источников фактического материала и литературы по изучаемой проблеме.

Данная статья посвящена изучению манифестации языкового явления, а также рассмотрению функционирования инверсии в текстах англоязычных СМИ Нигерии. Фактический материал исследования составили медиатексты статей двух ведущих англоязычных газет Нигерии: “Punch Newspaper” и “Vanguard”. В ходе исследования, а также для описания его результатов применялись такие методы, как описательный метод, метод контент-анализа источников фактического материала и научной литературы по теме.

Результаты и обсуждение

Прежде всего, стоит отметить, что главной отличительной чертой, которая объединяет все тексты СМИ, является наличие информативной и воздействующей функций. Для того, чтобы текст выполнял эти две важнейшие функции, автор статьи сочетает информацию и экспрессивные средства.

«Как и во многих других языках, в английском языке существует строго фиксированный порядок слов, поэтому любое его нарушение бросается в глаза. Такая перестановка может встречаться как в начале, так и в середине предложения» [2, с. 101].

В самом общем понимании инверсия – одно из средств выразительности речи, которое заключается в расположении слов в предложении с нарушением их привычного порядка. Данное определение нельзя считать исчерпывающим, поскольку существует множество определений инверсии и точек зрения ученых на этот счет. Например, В. Н. Комиссаров утверждал: «инверсия представляет собой отклонение от обычного порядка расположения членов предложения».

Этот прием, по его мнению, используется как «эффективный способ выражения эмоциональной характеристики высказывания» [3]. И. В. Арнольд истолковывает это понятие как «нарушение обычного порядка следования членов предложения, в результате которого какой-нибудь элемент оказывается выделенным и получает специальные коннотации эмоциональности или экспрессивности» [4]. По утверждению А. И. Гальперина, «в инвертированном порядке слов выделяемым оказывается все новое, сообщаемое как сказуемое, так и дополнение» [5].

«Инверсия может выполнять следующие функции в языке: логическую, эмоциональную, прагматическую, грамматическую и коммуникативную» [6]. Слово, оказавшееся на нетипичном для него месте, приобретает большую выразительность, при прочтении выделяется интонацией и берет на себя смысловый акцент предложения, что можно наблюдать в следующих примерах: *“Here comes the Police State!”* [7, 2021]. *“Had they not sold him, he would not have become the instrument of their salvation from famine”* [7, 2021].

Проанализировав приведенные выше определения, можно сделать вывод о том, что инверсия – расположение слов, словосочетаний и членов предложения в особой последовательности, нарушающей прямой порядок слов, с целью увеличить выразительность речи. Употребление инверсии актуально для английского языка, которому свойственен строгий порядок слов, обычно в виде «подлежащее-сказуемое-дополнение». Основная функция инверсии – эмфатическая, поскольку при нарушении привычного порядка слов адресат непроизвольно концентрирует на этом внимание:

“Not for a moment am I equating myself with Desmond Tutu or Nelson Mandela, but they are older”. [7, 2021].

Обратный порядок слов играет особую роль в разговорной речи, элементы которой включаются в публикации СМИ

в виде цитат. В данном случае употребление инверсии призвано усилить выразительность речи, а также подчеркнуть эмоционально-экспрессивное значение сказанного, в то время как прямой порядок слов характерен для официально-деловой и научной речи. При инверсии может не только путем перестановки слов в предложении нарушаться их прямой порядок, но и создаваться особое расположение членов предложения, отвечающее замыслу автора высказывания:

“I know my body well enough to realize that something not so good was about to happen and I was miles away from dry land” [8, 2019].

В основе любого изменения модели порядка слов в предложении всегда лежит стремление писателя сделать акцент на определенном элементе речи, выделив этот элемент в нетипичное место с целью максимально приковать к нему интерес читателя. Внимание читателя чаще всего фокусируется на начале предложения, именно поэтому при инверсии определенное слово переносится в начальную позицию фразы героя произведения.

В текстах англоязычных СМИ Нигерии можно выделить несколько основных типов инверсии:

1. Эмоциональное высказывание – широко используется в разговорном и книжном языке, отличается особым выделением одного из определительных уточняющих слов путем постановки его в начале предложения. Таким словом может быть отрицательная частица, наречие, союз: *hardly, scarcely, never, seldom, no sooner, only, nothing*. После выделенного слова следует сказуемое, а затем – подлежащее. Тип предложения при этом не изменяется. Например: *“Nigeria has had her fair share of unstable times in the past, but never has she had to endure more problems in unison”* [8, 2020].

2. Для эмоционального высказывания служат обороты *“it is/was...that/who/whom”*. Например: *“It was a bar where highlife bands used to perform”* [8, 2020].

При изменении прямого порядка слов в данном предложении последнее приобретает новую эмоциональную и экспрессивную окраску, а также новое ритмическое звучание. Выбирая данный вид инверсии, автор создает словесно-образную картину, которая помогает точнее понять смысл высказывания.

3. Предложение с оборотом “there is/are” для указания определенного местонахождения также является инвертированным. В инвертированном предложении вместо подлежащего на первом месте употребляется оборот, а потом уже существительное и относящиеся к нему слова. Например: “*There are so many poor Nigerians all over the place with surgical ailments and nobody is looking after them*” [8, 2020]. По своему происхождению слово “there” (там) относится к группе наречий места, но будучи употребленным в обороте “there be” сочетается с наречием “here/there”.

Данная модель нарушения порядка слов помогает говорящему в создании словесно-базовой картины. Из приведенного примера становится очевидно, что наречие приобретает смысл частицы. Интересно также отметить тот факт, что при построении вопросительной формы от предложения с оборотом “there is/are” наблюдается дополнительная инверсия как приложение к уже имеющейся. Например: “*Is there a time that would be a thing of the past?*” [8, 2021].

4. Инверсия наблюдается в словах автора, которые стоят после прямой речи в том случае, если подлежащее выражено существительным. После слов автора следуют глаголы, такие как “said, asked, suggested, offered, etc.” Инверсия в предложениях, связанных с прямой речью, делает высказывание более образным, предназначается для выделения необходимых для постижения авторского замысла слов, несет акцентную и смысловую функцию. Например: “*Asked he said he was engaged to do the job, but was only paid for the logistics of the job*” [8, 2019].

5. Английский вопрос – классический и самый употребляемый в художественной и разговорной речи пример инверсии, при котором первое место в предложении занимает вспомогательный глагол [9, с. 28]. Подлежащее в этом случае оказывается между компонентами сказуемого (вспомогательным глаголом и основной частью). В данном случае отмечается частичная инверсия, при которой также вероятна постанковка на первое место в предложении, где сказуемое является составным, глагола-связки. Рассмотрим следующий пример частичной грамматической инверсии: “*Have you ever been to the movies when a block buster is showing?*” [7, 2018].

6. Инверсия в предложениях, которые начинаются с “here/there”. Целью нарушения порядка слов в данной модели является постанковка акцента на выделении обусловленного элемента в предложении, а также придание предложению эмоционально-экспрессивного характера. При переводе предложения с данным строем слов оно останется инвертированным. Проиллюстрировать данный тип инверсии можно на следующем примере: “*Under the challenges of adjustment there stands another negative pillar called lack of “manner of approach”*” [7, 2017].

7. Нарушение типичного порядка слов можно встретить и при стилистическом выделении элементов предложения для придания высказыванию ироничного подтекста. В данном случае второстепенное слово, которое ранее не обозначалось логическим ударением, приобретает важность и выносится на первое место в предложении. Можно выделить два типа манифестации данного вида инверсии:

а) Приглагольная частица выносится на первое место. Например: “*Out came seventh-generation lines*” [7, 2021].

б) Предикативный член выносится на первое место. Например: “*So good is he that a few years ago, a serving governor referred to him as ‘a comedian after my heart’*” [7, 2021].

При данном стилистическом выделении нарушение порядка слов предопределено экспрессивно-стилистической необходимостью – намерением автора сделать высказывание более эмоциональным.

Выводы

Проанализировав источники теоретического и практического материала по теме исследования можно сделать вывод о том, что инверсия представляет особый научный интерес в силу ее значимости для изучения различных единиц коммуникации, в системе которых СМИ занимают ведущую позицию. Исследования инверсии в английском языке на матери-

але текстов англоязычных СМИ Нигерии представляются релевантными с учетом ценностного потенциала данного языкового явления, изучение которого позволит установить эмоционально-экспрессивный компонент коммуникации и особенности его стилистического оформления. Проявления эмоционально-экспрессивного компонента при помощи инверсии в момент коммуникации проиллюстрированы в данной статье примерами и проанализированы. В то же время стоит отметить недостаточную степень изученности данной сферы, что определяет необходимость дальнейшего рассмотрения актуальных вопросов в этой области.

Список литературы

1. Осетрова Е.В. Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения. Красноярск: СФУ, 2012. 274 с.
2. Комягина О.В., Карпова А.В. Особенности употребления грамматической инверсии в современном английском языке // Филологический аспект. 2018. №.6. С. 100–110.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. Репринтное воспроизведение издания 1990 г. М.: Альянс, 2013. 256 с.
4. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования. М.: Просвещение, 1990. 300 с.
5. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. Опыт систематизации выразительных средств. М.: Либроком, 2016. 376 с.
6. Пятница Я.С. Прагматические особенности инверсии в английском языке // Наука и образование : сохраняя прошлое, создаём будущее. Пермь, 2020. С. 245–247.
7. Vanguard Newspaper. URL: <https://www.vanguardngr.com> (дата обращения: 18.11.2021).
8. The Punch Newspaper. URL: <https://punchng.com> (дата обращения: 18.11.2021).
9. Долженко С.Г., Копенина О.В. Инверсия в современных англоязычных периодических изданиях // Молодой ученый. 2016. № 4-1. С. 28–30.
10. Давыдова Н.А. Инверсия в английском дискурсе // Вестник МГЛУ. 2011. Вып. 27 (633). С. 88–94.

References

1. Osetrova E.V. *Manifestatsiya fakta v russkom vyskazyvanii, ili Sobytie vyrazheniya* [Manifestation of a fact in a Russian utterance, or an Event of expression]. Krasnoyarsk, SFU Publ., 2012. 274 p.
2. Komyagina O.V., Karpova A.V. *Osobennosti upotrebleniya grammaticheskoy inversii v sovremennom angliyskom yazyke* [Features of the use of grammatical inversion in modern English]. *Filologicheskij aspekt = Philological Aspect*, 2018, no. 6, pp. 100–110.

3. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow, Alliance Publ., 2013. 256 p.
4. Arnold I.V. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka: stilistika dekodirovaniya* [Stylistics of the modern English language: stylistics of decoding]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990. 300 p.
5. Galperin I.R. *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka. Opyt sistematizatsii vyrazitel'nykh sredstv* [Essays on the stylistics of the English language. Experience of systematization of expressive means]. Moscow, Librocom Publ., 2016. 376 p.
6. Pyatnitsa Ya.S. Pragmaticheskie osobennosti inversii v angliyskom yazyke [Pragmatic features of inversion in English]. *Nauka i obrazovanie : sohranyaya proshloe, sozdayom budushchee = Science and education : preserving the past, creating the future*, Perm', 2020, pp. 245–247.
7. Vanguard Newspaper. Available at: <https://www.vanguardngr.com> (accessed 11.18.2021).
8. The Punch Newspaper. Available at: <https://punchng.com> (accessed 11.18.2021).
9. Dolzhenko S.G., Kopenina O.V. Inversiya v sovremennykh angloyazychnykh periodicheskikh izdaniyakh [Inversion in modern English-language periodicals]. *Young Scientist = Young scientist*, 2016, no. 4-1, pp. 28–30.
10. Davydova N.A. Inversiya v angliyskom diskurse [Inversion in English discourse], 2011, is. 27 (633), pp. 88–94.

Информация об авторах / Information about the Authors

Багана Жером, доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: baghana@yandex.ru

Jerome Baghana, Dr. of Sci. (Philological), Belgorod National Research State University, Belgorod, Russian Federation, e-mail: baghana@yandex.ru

Маргарита Владимировна Алаева, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: margarita-alaeva@rambler.ru

M. V. Alaeva, National Research University “Belgorod State University”, Belgorod, Russian Federation, e-mail: margarita-alaeva@rambler.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81.23

Особенности нестандартного употребления IMPARFAIT De L'INDICATIF во французской речи

В. В. Звягинцева¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: viktorija.zviagintseva@yandex.ru

Резюме

В статье поднимается вопрос о нестандартном употреблении времени *Imparfait de l'indicatif*, которое начиная с XVIII века и по настоящее время является одним из наиболее встречающихся во французском языке. В рамках исследования используются следующие методы анализа языка: описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный и стилистический. Предлагается краткий обзор научных подходов к пониманию данного явления в речи, его осмыслению в рамках теории предельных и неопределенных глаголов с целью рассмотрения имперфекта не как результата вытеснения *passé simple* в литературной речи, а как новой грамматической формы с беспрецедентным смысловым оттенком.

Предпринимается попытка обосновать стилистическое использование *Imparfait de l'indicatif* в предложении с опорой на лексико-грамматические и синтаксические аспекты исследования, при которых лексические значения слов служат основанием для направления обобщения, возникающего при их грамматизации. А поскольку язык, будучи орудием нашего познания, включает в себя стилистически окрашенные слова (словосочетания и грамматические конструкции в том числе), стилистика становится особым познавательным аспектом языка, охватывающим как область лексики, так и область грамматики. Это дает право на рассмотрение ряда грамматических явлений и форм, в том числе *Imparfait de l'indicatif*, в рамках стилистического анализа. Приводятся доказательства того, что с помощью подобного комбинированного анализа возможно более точно разграничить временные вариации в литературном и разговорном языках.

Исследование носит прикладной характер, но его результаты позволят расширить понимание природы *Imparfait de l'indicatif* в истории французской грамматики, прояснить некоторые особенности употребления грамматических форм данного времени в современном языке, и, возможно, побудят лингвистов к дальнейшему изучению этого явления.

Ключевые слова: *Imparfait de l'indicatif*; стилистический анализ глагола; предельность/непредельность глагола; глаголы совершенного/ несовершенного вида.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Звягинцева В. В. Особенности нестандартного употребления IMPARFAIT De L'INDICATIF во французской речи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 17-25.

Статья поступила в редакцию 09.09.2022

Статья подписана в печать 27.11.2022

Статья опубликована 21.12.2022

© Звягинцева В. В., 2022

Unconventional Use of IMPARFAIT DE L'INDICATIF in French

Victoria V. Zviagintseva¹✉

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: viktoria.zviagintseva@yandex.ru

Abstract

The article deals with the problem of the non-standard use of Imparfait de l'indicatif, that is one of the most common tenses in French language. The study is based on the following methods of language analysis: descriptive, comparative-historical, comparative and stylistic ones. A brief review of scientific approaches within the framework of the theory of ultimate verbs is proposed in order to consider Imparfait de l'indicatif not as a result of the displacement of passé simple in literary speech, but as a new grammatical form characterized by an unprecedented semantic connotation. An attempt has been undertaken to analyze the stylistic use of Imparfait de l'indicatif sentence according to the lexico-grammatical and syntactic aspects of the stud. As the language is an instrument of our cognition stylistics is a special cognitive aspect of the language, covering both the field of vocabulary and the grammar one. Therefore, we can consider a number of grammatical phenomena and forms, including Imparfait de l'indicatif, in view of stylistic analysis. It is possible to differentiate some temporal variations in literary and colloquial languages. The study is of an applied nature, but its results will help us to understand the origin of Imparfait de l'indicatif in the history of French grammar, clarify some features of the use of grammatical forms of this tense in the modern language, and, perhaps, encourage linguists to further research.

Keywords: *Imparfait de l'indicatif; stylistic analysis of the verb; ultimacy / non-ultimacy of the verb; perfective/imperfective aspect.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Zviagintseva V. V. Unconventional Use of IMPARFAIT DE L'INDICATIF in French. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(2): 17–25 (In Russ.).

Received 09.09.2022

Accepted 27.11.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

История развития французского Imparfait de l'indicatif - это подтверждение факту безостановочного развития языка как системы, постоянно шлифующей и совершенствующей свои основные элементы. Французский Imparfait de l'indicatif образовался из имперфекта изъявительного наклонения латинского языка, языка-основы. Формы латинского имперфекта в результате длительного, медленно протекавшего процесса преобразовались в глагольные формы французского прошедшего времени.

Структурные особенности, как и особенности употребления французских

форм, обуславливались их развитием по внутренним законам, свойственным данному языку.

Движение этой временной формы в системе французского глагола происходило неравномерно. Известно, что в старофранцузском языке это прошедшее время было малоупотребительным; значительно чаще употреблялся Parfait, которым пользовались даже в описаниях. Достаточно упомянуть о том, что в «Песне о Роланде» от первого до пятисотого стиха можно обнаружить только три примера Imparfait de l'indicatif. После XII века положение несколько меняется; в дальнейшем это прошедшее время употребля-

ется все чаще и чаще. В современном французском языке *Imparfait de l'indicatif* – одно из самых употребительных прошедших времен, сфера его использования постоянно расширяется. Все лингвисты, изучающие вопросы временных отношений французского языка, констатируют бесспорный факт исключительного распространения *Imparfait de l'indicatif*. Он выступает в различных значениях: временном и модальном; его употребление всегда тесно соприкасается с областью стилистики.

Рассматривая свойства французского *Imparfait de l'indicatif*, мы оказываемся в кругу научных разногласий и полемики, развернувшихся за последние десятилетия как во французском, так и в российском научных сообществах, а также вызвавших также ряд откликов и в других странах. Предметом дискуссии является употребление *Imparfait de l'indicatif* в целом и отдельные случаи его применения.

Так, Фердинанд Брюно и его последователи были склонны рассматривать как *Imparfait de l'indicatif* как некое универсальное «настоящее в прошедшем» (*present dans le passé*). По теории Брюно, *Imparfait* неизменно обозначает одновременность в прошлом, что зачастую противоречит языковой практике [1]. Так, например, следующие глагольные формы ни в коем случае нельзя рассматривать как выражающие одновременные действия:

Qui se couchait, mourrait... Кто ложился, тот умирал...

On s'endormait dix-mille, on se réveillait cent. Засыпало десять тысяч, просыпалась сотня.

Другие французские лингвисты отмечали видовой оттенок, присущий *Imparfait de l'indicatif*, но, сталкиваясь таким образом с проблемой вида, высказывались о ней противоречиво.

Известно, что Мейе полностью отрицал наличие вида во французской глагольной системе [2]. Противоположной точки зрения придерживался Г. Гийом,

последователь Соссюра, утверждавший, будто только французский глагол обладает полноценной видовой системой [3].

Большинство российских ученых согласны с тем, что французский язык не имеет грамматической категории вида. Видовые оттенки, однако, присущи французским глагольным временам [4]. При этом наиболее ярко окрашенным с точки зрения вида является *Imparfait de l'indicatif*. Видовой оттенок прошедшего времени, представляющего действие длительное, в процессе «протекания», проявляется совершенно отчетливо в его обычном употреблении.

Предметом нашего исследования является форма *Imparfait de l'indicatif*, употребленная в случае, когда естественно ожидается *Parfait*. Ряд западноевропейских лингвистов в своих исследованиях также не раз останавливались на этом вопросе, определяя его «тонким» и «коварным», так и не придя к единому и ясному мнению [4].

В данной статье мы не ставим целью осветить и объяснить употребление французского *Imparfait de l'indicatif* в целом, но постараемся исследовать некоторые случаи его особого употребления, стоящие как бы в стороне от обычного применения этой глагольной формы.

Приведем следующий пример:

- Elle naissait à Nantes. A 25 ans elle épousait un lieutenant du 13-me regiment d'infanterie de ligne en garnison dans la même ville. Она родилась в Нанте. 25-ти лет от роду, она вышла замуж за лейтенанта 13-го пехотного линейного полка, стоявшего гарнизоном в том городе [5].

Результаты и обсуждение

Известно, что нестандартное употребление *Imparfait de l'indicatif* - явление в языке безусловно новое. Это не первоначальный оттенок имперфекта, а его позднейшее наложение. *Imparfait de l'indicatif*, входя в систему французского глагола, в систему грамматического строя французского языка в целом, обрастает элемен-

тами нового качества, совершенствуется, обогащается и обретает новые возможности функционирования. То есть, можно с уверенностью говорить о данном явлении как об одной из форм распространения *Imparfait de l'indicatif* в современном языке.

Чтобы убедиться в правильности этого наблюдения, достаточно обратиться к фактам языка, пересмотрев тексты XVII, XVIII и XIX в.в. Сопоставим схожие по содержанию рассказы с перфектами у Вольтера и с имперфектами у Поль де Сен Виктора, в котором перфекты XVIII века заменены имперфектами в XIX в.

Voltaire

Quelques années après la mort du cardinal il arriva un événement, qui n'a point d'exemple. On envoya au château un prisonnier inconnu. Un jour le prisonnier écrivit avec un couteau sur une assiette d'argent et jeta l'assiette par la fenêtre... Un pêcheur, qui se trouva là par hasard ramassa l'assiette et la porta au gouverneur de l'île.

Paul de Saint Victor

... Un jour le prisonnier écrivait avec un couteau sur une assiette d'argent et jetait par la fenêtre... Un pêcheur, qui se trouvait là par hasard ramassait l'assiette qu'il porta au gouverneur de l'île.

Глаголы *écrire, jeter, ramasser* в обоих текстах выражают действия скорее краткие, чем длительные, ни в коем случае не описательного характера, хотя у Поль де Сен Виктора употреблен имперфект. Следует отметить, что глагол *se trouver* в обоих вариантах стоит в *Imparfait de l'indicatif*, что вполне и единственно закономерно.

В чем же заключается специфика употребления *Imparfait de l'indicatif*? Является ли это употребление простой заменой перфекта, фактом, свидетельствующим об уменьшении сферы действия перфекта и современном языке, об его своего рода отступлении, или же имперфект и в данном случае несет собствен-

ную смысловую нагрузку и не может рассматриваться как простой заменитель перфекта? Можно предположить, что необычное употребление имеет свою ясно выраженную специфику, оно осуществляется при действии двух факторов, которые и обуславливают его своеобразие.

Одним из основных факторов, действующих в данном случае, является особый характерный признак *Imparfait de l'indicatif*, который, однако, возможен не с каждым глаголом. К примеру:

- Avec les années cette bonne avait pris pied dans la maison. Elle finissait par gouverner l'intérieur, le père et la fille [6]. С годами эта служанка прочно утвердилась в доме и кончила тем, что стала управлять всем домом, отцом и дочерью.

- Trois mois plus tard les notables commerçants de Caen arrivaient un matin [7]. Три месяца спустя поутру коммерческие заправилы города Каэн прибыли на место.

- Sa mere était à l'agonie, elle mourut le jour même de son arrive, et le lendemain Rose accouchait d'un enfant de sept mois [8]. Ее мать была в агонии, она умерла в самый день ее приезда, на другой день Роза родила семимесячного ребенка.

- Quelques jours plus tard, dissimulée dans un colis adressé par Juliette Fajon, nous recevions une letter de Maurice Thorez et de Jaques Duclos [9]. Несколькими днями позже мы получили письмо Морис Тореза и Жака Дюкло, спрятанное в посылке от Кюльетт Фажон.

- Quinze jours plus tard, Prosper Moquet recevait une carte de sa femme, daté du 4 novembre [9]. Через две недели Проспер Мокэ получил открытку от своей жены, датированную 4 ноября.

- Le 24 décembre, l'amiral Darlan tombait sous les balles du jeune Bonide la Chapelle [9]. 24 декабря адмирал Дарлан пал от пули молодого Бони де ла Шпель.

В приведенных примерах действия в *Imparfait de l'indicatif* были выражены глаголами *finir, recevoir, accoucher, tomber, arriver*. В следующем примере

Imparfait de l'indicatif глаголов *naître* и *tenir* резко отличаются друг от друга: *tenaient* является здесь обычным описательным имперфектом со всеми его характерными особенностями, *naissait* выполняет необычную для него функцию, передавая одномоментное действие в континууме.

- *M-elle de Varandeuil était née en 1782. Elle naissait dans un hôtel de la rue Royale, Mesdames de France la tenaient sur les fonts baptismaux* [6]. *Мадемуазель де Варандей родилась в 1782 г. Она родилась в одном из особняков на улице Ройяль, принцессы крови держали ее над купелью.*

Сравнивая приведенные выше отрывки рассказов о «Железной маске» у Вольтера и Поль де Сен Виктора, следует отметить, что глагол *se trouver* как бы выпадает из общего плана, и в обоих вариантах это был обычный описательный имперфект.

Глаголы *se trouver*, *rire*, *admirer*, *tenir* в имперфекте не воспринимаются как особое, необычное употребление этой глагольной формы.

Сделаем необходимый вывод: «особый» имперфект возможен только с так называемым предельным глаголом. Непредельный глагол выполняет функцию описательного имперфекта, представляющий действие в протекании.

Теория предельных и непредельных глаголов во французском языке, т. е. разграничение глаголов, выражающих действие в его пределе, с ясно ощутимым результатом действия (*mourir*, *naître*, *épouser*, *entrer*, *recevoir*, etc.), и глаголов, не требующих обязательного завершения действия (*admirer*, *regarder*, *tenir*, *aimer*, *rire*, etc), относится к области лексикологии.

Это разграничение не представляет собою грамматическую категорию вида в том варианте, в каком оно присутствует в русском языке, где те же аспекты глагольного действия морфологически четко оформлены. Следует говорить только о

наиболее «полюсных зонах» этого смыслового разграничения, к которым относятся глаголы типа *mourir*, *naître*, *entrer* и противопоставленные им глаголы типа *admirer*, *aimer*, *tenir* и т.д. Эти группы глаголов детерминируются как предельные и непредельные; характерной для них является специфическая видовая окраска, которая связана с их лексическим значением.

Лексическое значение предельности и непредельности глагола может помочь установить некоторые закономерности, позволяет ввести дополнительные объяснения в истолкование отдельных грамматических явлений.

Лексическая окраска глагола (предельного или непредельного) имеет существенное значение в рассматриваемом нами случае применения Imparfait de l'indicatif. Анализ языковых фактов, многочисленных конкретных примеров позволяет установить определенную четкую связь между этим употреблением и лексическим значением глагола. Imparfait de l'indicatif, резко отличающийся по своей значимости от обычного употребления этой глагольной формы, возможен только в той группе глаголов, которые мы относим к разряду предельных.

В приведенных примерах к своеобразному употреблению Imparfait de l'indicatif обращает на себя внимание присутствие временного указателя или обстоятельства времени.

Подобный, в своем роде «стилистический», Imparfait de l'indicatif обычно конструируется с такими временными указателями, как *le lendemain*, *trois jours après*, *trois mois plus tard* или же с обозначением точной даты действия: *Il y a 50 ans, dix jeunes filles entraient...* Или же: *Un instant après (une minute plus tard il entrait...*

Предположительно, указатель времени выступает характерным признаком всей конструкции в целом и является вторым фактором, обуславливающим

употребление стилистического *Imparfait de l'indicatif*.

Синтаксический аспект играет в данном случае немаловажную роль, поскольку стилистически употребление *Imparfait de l'indicatif* связано со структурой всего предложения и должно рассматриваться с опорой на него.

При этом можно встретить и такие примеры, где временной указатель, на первый взгляд, отсутствует. Действительно, надо признать, что в отдельных случаях, в предложении не обнаруживается обстоятельство времени, но встречается тем не менее в непосредственной близости в предшествующей фразе. Более того, что в современном языке присутствует тенденция несколько отодвигать указатель времени от действия, обозначенного *Imparfait de l'indicatif*. К примеру:

- 10 h. *C'était bien tard. Je donnais l'ordre au chauffeur de refaire le tour de Palais. .... Je sortais de ma poche la déclaration.... Je me levais à mon tour pour exiger mes lois... [10]. 10ч. Было очень поздно. Я дал (даю) распоряжение шофёру проехать еще раз вокруг Дворца.... Я вынимаю из кармана декларацию.... Я встаю в свою очередь, чтобы потребовать уважения к законам...*

Временной указатель отсутствует, но тем не менее все описываемые действия строго лимитированы во времени, и у читающего создаётся ощущение постоянного напряжения и нарочной отсрочки решающего момента.

В качестве еще одной иллюстрации возможного отрыва временного указателя от предложения с *Imparfait de l'indicatif* можно привести отрывок газетной статьи, найденной на просторах интернета: «*On demande des candidats au suicide*». - *Требуются кандидаты на самоубийство*. Речь идет об автомобильном пробеге, устроенном в Соединенных Штатах и названном «Вызов дьяволу». Для участия в этом пробеге требовался человек, готовый спровоцировать столкновение между своей и чужой машиной. Чтобы не было

никакого сомнения в серьезности этого предложения, газета прибавляет: «*Un conducteur est déjà trouvé*». *Водитель уже найден*.

Глагол *ajouter (прибавлять)* обозначен *Imparfait de l'indicatif*. В предложении нет временного указателя, но он присутствует в предыдущем абзаце, с которого и начинается заметка:

- *A la veille de la course automobile intitulée «Défi au diable», qui eu lieu le 14 juin sur la piste de Miami (Etats-Unis), l'annonce suivant est parue dans un journal... Накануне автомобильного пробега, озаглавленного «Вызов дьяволу», который состоялся 14 июня на стадионе Майами (Соединенные Штаты), в одной из газет появилось следующее объявление...*

Очевидно, что связь между глаголом в *Imparfait de l'indicatif* и временным указателем, хотя и не примыкающим непосредственно к данному глаголу, очень тесная. Факт возможного отсутствия временного указателя в составе самого предложения с *Imparfait de l'indicatif* является весьма примечательным. Если в XIX веке это грамматическое явление только изредка встречается в письменной речи, характеризую стиль автора, его индивидуальную манеру (например, стиль Гонкуров), то в языке нашего времени его применение расширилось; время *Imparfait de l'indicatif* приобрело своеобразную «автономию», утвердилось и укрепилось как одно из закономерных случаев употребления форм прошедшего времени. Этот факт является результатом грамматического развития, шлифовки и совершенствования глагольной системы или, в данном случае, части этой системы [11]. Вся конструкция столь прочно и крепко утвердилась в языке, что стала понятной и достаточно выразительной даже при ослаблении действия одного из факторов, обусловивших ее развитие.

Как видим, для возникновения осой функции французского *Imparfait de l'indicatif* имели важное значение два фактора, относящихся к области лексико-

грамматических и синтаксических условий. Результатом взаимодействия этих двух факторов стала стилистическая значимость Imparfait de l'indicatif.

Поскольку язык как инструмент познания включает в себя не только слова-понятия, но и слова-образы, а также словосочетания и грамматические конструкции, образно употребленные, чувственно-эмоциональные, т. е. стилистически окрашенные, то стилистика есть особый познавательный аспект языка, который одинаково охватывает как область лексики, так и область грамматики. Именно поэтому целый ряд грамматических явлений следует закономерно рассматривать и в стилистическом аспекте.

К таким явлениям можно причислить употребление настоящего времени, представляющего прошедшее (латинский *praesens historicum*, французский *présent historique*). Это безусловно стилистически окрашенное употребление. Говоря о русском настоящем времени несовершенного вида, акад. В. В. Виноградов отмечает, что эта форма «...при субъективном смещении перспективы времени может быть применима и к плану прошлого... Тогда она служит для изображения прошедших фактов, как бы совершающимися в момент речи перед глазами слушателя или читателя. Такое употребление возможно лишь в широком контексте, когда в изложении уже ясно обозначился план прошлого» [12].

Настоящее в роли прошедшего как бы приближает к нам прошлое, делает его непосредственно близким и уже в силу этого сообщает всему повествованию некую экспрессию, особую выразительность. Рассмотрение этой функции настоящего времени наводит на мысль о близости между *praesens historicum* и отмечаемым нами употреблением Imparfait de l'indicatif.

Подтвердить эту мысль можно, проиллюстрировав ее отрывком из речи известного французского филолога Г. Париса, посвященной Луи Пастеру:

L'idée lui (à Pasteur) vint tout à coup que la température élevée du corps des

oiseaux pouvait être un obstacle à la multiplication des parasites infectieux... Il **prend** une poule, l'**inocule**... et lui **fait** maintenir les pattes dans l'eau froide. Quelques heures après la poule **mourait** infestée de bactéries.

Не случайно Г. Парис, употребляя настоящее для изображения прошлого, варьируя свой стиль, заканчивает абзац формой Imparfait de l'indicatif: *Quelques heures après la poule mourait*. Обе конструкции (*présent historique* и разбираемый случай Imparfait de l'indicatif), если не являются вполне тождественными, то, во всяком случае, чрезвычайно близки по своему конкретному значению. Вот почему Г. Парис так легко и естественно перешел от одной конструкции к другой [11].

Вероятно, по этой же причине в статье, посвященной М-К. Вайян-Кутюрье автор счел возможным построить фразу так:

- *Six semaines plus tard cette même police livrait servilement Marie-Claude à la police qui l'en fermera à la Santé.*

Очевидно, смысловая близость Imparfait de l'indicatif глагола *livrer* к настоящему времени обусловила употребление простого будущего (*enfermera*) вместо требуемого грамматической нормой *Conditionnel* (*enfermerait*) [13].

Imparfait de l'indicatif, употребленный таким образом, максимально приближает событие к настоящему; этим обстоятельством и мотивируется использование данной глагольной формы *livrer*, так как в норме употребленный перфект переводил бы действие в прошлое, не приближая его к настоящему.

Это дает нам основание передавать подобные формы Imparfait de l'indicatif в русском языке при помощи глаголов несовершенного вида в настоящем времени.

Imparfait de l'indicatif в таком употреблении показывает действие более рельефно, отчетливо, «крупным планом». На фоне повествования в прошлом действие в Imparfait de l'indicatif выступает как некий выделенный шрифт, сообщающий о данном событии.

Экспрессия *Imparfait de l'indicatif*, так же, как и настоящего исторического (*praesens historicum*), заключается не только в приближении и показе действия «крупным планом», но и в особой эмоциональной окрашенности. Рассмотрим фразу, иллюстрирующую счастливый конец новеллы Мопассана:

- Un an après... le capitaine Laré *épousait* M-elle Louise Hortense-Geneviève de Ronfi-Quédissac. *Через год... капитан Даре женится на мадемуазель Луизе-Гортензии-Женевьеве де Ронфи-Кедиссак* [14].

В ней ясно обозначено намерение автора показать события эмоционально, изобразить их так, чтобы они как бы ожили перед глазами читателя.

Выводы

Подводя итоги исследования, необходимо подчеркнуть следующее: при объяснении «особых случаев» употребления *Imparfait de l'indicatif* следует, в первую очередь, рассматривать данное грамматическое явление в его стилистической перспективе, поскольку *Imparfait*

de l'indicatif сообщает факты эмоционально окрашенные, создает также специфический для читателя смысловой эффект «оживления» действия, протекавшего в прошлом.

Анализ языкового материала позволяет установить, что нестандартное употребление *Imparfait de l'indicatif* возможно только с предельными глаголами и что своеобразное противоречие, возникающее между лексическим содержанием глагола и традиционным видовым значением формы *Imparfait de l'indicatif*, является необходимым условием для зарождения нового смыслового оттенка, который следовало бы определить, как близость к *praesens historicum* и который лежит в основе специфического значения глагольных форм, возникшего во французском языке в XIX веке.

Стилистический эффект употребления *Imparfait de l'indicatif* наблюдается в конструкции особого типа, зачастую с обстоятельственным временным указателем, что требует от лингвистов дальнейшего детального изучения.

Список литературы

1. Brunot F. *Precis de grammaire de la langue française; avec une introduction sur les origines et le développement de cette langue*. Robarts University of Toronto, 2017, 691p.
2. Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale. Sur les caractères du verbe*. Paris, 2018.
3. Guillaume G. *Temps et verbe, Théorie des Aspects, des Modes et des Temps*. Paris, 2020.
4. Булах О.В., Андреева О.А., Звягинцева В.В. Тематические тексты на французском языке: их лексический анализ и грамматические задания к ним. Курск, 2014. 145 с.
5. *Mercure de France. Journal mensuel*. Paris, 2003. № 6.
6. Goncourt E. et G. *Germine Lacerteux*. Paris, 2011, 206 p.
7. Maupassant G. *Bombard*. Paris, 1905, 180 p.
8. Maupassant G. *Histoire d'une fille de ferme*. Paris, 1912, 210 p.
9. Bonte F. *Le chemin de l'honneur. Essais et documents*. Paris, 1949, 476 p.
10. Nothomb A. *Journal d'Hirondelle. Apply Pictures*, 2006, 272 p.
11. Ковалевская И.И. Принципы выявления системных связей в лексике на уровне парадигматики и синтагматики // *Язык. Текст. Дискурс: сборник*. Ставрополь, 2020. С. 40.
12. Виноградов В.В. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)* / под ред. Г.А. Золотовой. 4 изд. М.: Рус. яз., 2001. 719 с.
13. Ковалевская И.И. Системные отношения в лексике (на примере группы глаголов говорения и действий, опосредованных речью, во французском языке) // *Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XIX международной науч-*

ной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В. И. Кодухова; отв. ред. А.В. Пузырёв. М., 2019. С. 26–28.

14. Maupassant G. Le mariage du lieutenant Laré. Paris, 1948, 175 p.

References

1. Brunot F. *Precis de grammaire de la langue française; avec une introduction sur les origines et le développement de cette langue*. Robarts University of Toronto, 2017, 691p.

2. Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale. Sur les caractères du verbe*. Paris, 2018.

3. Guillaume G. *Temps et verbe, Théorie des Aspects, des Modes et des Temps*, Paris, 2020.

4. Bulah O.V., Andreeva O.A., Zvyaginceva V.V. *Tematicheskie teksty na francuzskom yazyke: ih leksicheskij analiz i grammaticheskie zadaniya k nim* [Thematic texts in French: their lexical analysis and grammatical tasks for them]. Kursk, 2014. 145 p.

5. *Mercure de France. Journal mensuel*. Paris, 2003, no. 6,

6. Goncourt E. et G. Germaine Lacerteux. Paris, 2011. 206 p.

7. Maupassant G. *Bombard*. Paris, 1905, 180 p.

8. Maupassant G. *Histoire d'une fille de ferme*. Paris, 1912. 210 p.

9. Bonte F. *Le chemin de l'honneur. Essais et documents*. Paris, 1949. 476 p.

10. Nothomb A. *Journal d'Hirondelle*. Apply Pictures, 2006. 272 p.

11. Kovalevskaya I.I. *Principy vyyavleniya sistemnyh svyazej v leksike na urovne paradigmatici i sintagmatici* [Principles of identifying systemic connections in vocabulary at the level of paradigmatics and syntagmatics]. *Yazyk. Tekst. Diskurs. Sbornik* [Language. Text. Discourse. Collection]. Stavropol, 2020. P. 40.

12. Vinogradov V.V. *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical teaching about the word)]; ed. by G.A. Zolotovoj. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2001. 719 p.

13. Kovalevskaya I.I. [Systemic relations in vocabulary (by the example of a group of verbs of speaking and actions mediated by speech in French)]. *Yazyk i myshlenie: psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty. Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya V.I. Koduhova* [Language and thinking: psychological and linguistic aspects. Materials of the XIX International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of V.I. Kodukhov]; ed. by A.V. Puzyryov, Moscow, 2019, pp. 26–28 (In Russ.).

14. Maupassant G. Le mariage du lieutenant Laré, Paris, 1948, 175 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Звягинцева Виктория Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: viktoria.zviagintseva@yandex.ru

Victoria V. Zviagintseva, Cand. of Sci. (Philological), Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: viktoria.zviagintseva@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81.13

Интердискурсивное пространство современной рок-поэзии

М. С. Малышева¹ ✉

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры
ул. Королева, д. 7, г. Белгород 308033, Российская Федерация

✉ e-mail: mergen1616@mail.ru

Резюме

В статье рассмотрена специфика формирования интердискурсивного пространства современной рок-поэзии. Целью данной статьи является анализ образцов русской рок-поэзии, рассматриваемых как неотъемлемая часть произведений поэтического дискурса и как результат взаимодействия разного типа дискурсов – исторического и поэтического – в рамках особой интердискурсивной формации. Материалом исследования выступили тексты современной рок-поэтессы Маргариты Анатольевны Пушкиной. Методы исследования: метод дискурсивного анализа, в основе которого лежит выделение лексических и синтаксических доминант в поэтических текстах современной рок-поэтессы М. А. Пушкиной. Проанализирована специфика представления исторического события в текстах различных дискурсивных формаций – институциональной (исторический дискурс) и персональной (поэтический дискурс). Выделены и рассмотрены языковые маркеры исторического и поэтического дискурсов в анализируемых примерах, а также специфика репрезентации реального исторического события в текстах современной рок-поэзии. Выявлено, что современные дискурсологические исследования имеют дело с изучением взаимопроникновения разных типов дискурса и на основе такого взаимодействия создания качественно нового образца поэтического текста. При этом, ведущим методом при исследовании текстов разной жанровой и дискурсивной принадлежности является метод дискурсивного анализа. Указанный метод при анализе поэтических текстов позволяет определить степень проникновения элементов исторического дискурса в образцы современной рок-поэзии, создает благоприятную среду для оказания необходимого влияния на создание объекта исследования. Отмечается способность исторического дискурса внедрять в сознание адресата текста необходимую историческую информацию посредством поэтического текста. По результатам проведенного исследования было доказано, что тексты рок-поэзии являются своеобразным синтетическим образованием, которое возникает на стыке дискурсов разного типа и выступает в качестве нового интердискурсивного продукта вербальной и когнитивной деятельности человека.

Ключевые слова: дискурс; институциональный дискурс; персональный дискурс; поэтический текст; исторический дискурс; интердискурсивность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Малышева М. С. Интердискурсивное пространство современной рок-поэзии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 26-34.

Статья поступила в редакцию 24.05.2022

Статья подписана в печать 13.09.2022

Статья опубликована 21.12.2022

© Малышева М. С., 2022

The Interdiscursive Space of Modern Rock Poetry

Maria S. Malysheva¹ ✉

¹ Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Koroleva str., 308033 Belgorod, Russian Federation

✉ e-mail: mergen1616@mail.ru

Abstract

The article considers the specifics of the formation of the interdiscursive space of modern rock poetry. The purpose of this article is to analyze samples of Russian rock poetry, considered as an integral part of the works of poetic discourse and as a result of the interaction of different types of discourses - historical and poetic – within a special interdiscursive formation. The research material was the texts of the modern rock poetess Margarita Anatolyevna Pushkina. Research methods: the method of discursive analysis, which is based on the selection of lexical and syntactic dominants in the poetic texts of the modern rock poetess M. A. Pushkina. The specificity of the representation of a historical event in the texts of various discursive formations – institutional (historical discourse) and personal (poetic discourse) is analyzed. The linguistic markers of historical and poetic discourses in the analyzed examples are highlighted and considered, as well as the specifics of the representation of a real historical event in the texts of modern rock poetry. It is revealed that modern discursological research deals with the study of the interpenetration of different types of discourse and on the basis of such interaction the creation of a qualitatively new sample of poetic text. At the same time, the leading method in the study of texts of different genre and discursive affiliation is the method of discursive analysis. This method, when analyzing poetic texts, allows us to determine the degree of penetration of elements of historical discourse into samples of modern rock poetry, creates a favorable environment for exerting the necessary influence on the creation of the object of research. The ability of historical discourse to introduce the necessary historical information into the consciousness of the addressee of the text through a poetic text is noted. According to the results of the study, it was proved that the texts of rock poetry are a kind of synthetic formation that arises at the junction of discourses of different types and acts as a new interdiscursive product of verbal and cognitive human activity.

Keywords: discourse; institutional discourse; personal discourse; poetic text; historical discourse; interdiscursivity.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Malysheva M. S. The Interdiscursive Space of Modern Rock Poetry. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022, 12(4): 26–34 (In Russ.).

Received 24.05.2022

Accepted 13.09.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

Современные дискурсологические исследования сконцентрированы, в подавляющей части, на изучении взаимопроникновения разных видов дискурса и формирующегося на этой основе нового качества, именуемого интердискурсивностью. Интердискурсивность предполагает взаимопроникновение дискурсов, включение элементов одного вида дискурса в текст иного. Например, включение элементов юридического дискурса (терми-

нология, ссылки на статьи законов) в дискурс публицистический (статьи, заметки, интервью). Для каждого вида дискурса характерен набор специфических языковых – лексических и синтаксических – маркеров, отличающих одну дискурсивную разновидность от другой [1]. Глобального типологического деления дискурса на институциональный и персональный при проведении детального исследования в современной науке уже недостаточно, поэтому учеными выделя-

ются подтипы – разновидности дискурса: в персональном – художественный, поэтический, драматургический и т.д., в институциональном – политический, исторический, публицистический, научный и т.д.

В научном объективе нашего исследования – пересечение исторического и поэтического дискурсов, взаимопроникновение разновидностей институционального и персонального типов дискурса, изучение интердискурсивной специфики данного дискурсивного образования. Материалом исследования стала рок-поэзия. Следует отметить, что данный вид поэтического текста представляет специфическое языковое и культурологическое явление, поскольку тексты рок-поэзии, прежде всего, это тексты песен, предполагающие, во-первых, определенную мелодику, а, во-вторых, глубинный смысл, подчас отличающиеся философской направленностью.

Многообразие типов поэтических текстов (философская, пейзажная, гражданская поэзия) ставит разноплановые исследовательские задачи, в соответствии с которыми подбираются специфические методы исследования. Например, изучение пейзажной лирики – образца чисто поэтического дискурса, в который практически невозможно проникновение инодискурсивных элементов, будет кардинально отличаться от исследования лирики гражданской, где явно будут преобладать элементы политического и исторического дискурсов в поэзии.

Результаты и обсуждение

Рок-поэзия как синтетический жанр, существование которого возможно в тесной, неразрывной связи с рок-музыкой, предполагает не только прямую соотнесенность музыки и текста, но и включение поэтического текста в определенный историко-культурный контекст. По определению С. В. Свиридова, рок-поэзия – это «жанр особого рода, определяемый характером отношений музыки и слова»

[2, с. 10]. При этом, по утверждению ряда ученых, занимающихся изучением феномена рок-культуры в целом, в рок-произведении, в отличие от авторской песни, преобладает ведущая роль музыки, а текст является вторичным продуктом по отношению к музыкальной линии [3, с. 132]. Это также не может не сказаться на специфике формирования поэтического дискурса, поскольку помимо проникновения элементов исторического, политического, философского дискурсов происходит слияние поэтического текста и музыкальной основы.

Предметом нашего исследования стали тексты М. А. Пушкиной, написанные в период 1985 – 2015 г. г. для группы «Ария», являющиеся, по нашему мнению, выдающимся образцом отечественной рок-поэзии. Само существование понятия «русский рок» с 1980-х годов по сегодняшний день является вопросом открытым. Так, попытку убедительно доказать существование рок-поэзии как особого типа поэтического текста предпринял А. В. Щербенюк, выделивший ряд формальных, типологических признаков, отличающих русскую рок-поэзию от иного рода поэтических текстов. Исследователь отмечает также, что «не музыка или текст сами по себе, а тип отношений между ними обеспечивает специфичность русского рока» [4], что свидетельствует об управляемости текста музыкой, о преобладании музыкальной составляющей в русском рок-творчестве.

Данный подход снижает значимость текстов в русском роке. Если следовать такой точке зрения, то вполне закономерным будет вывод: для русской рок-культуры музыкальная составляющая играет главенствующую роль, в то время как текст, его семантика и поэтика уходят на второй план, становятся вторичной составляющей современной русской рок-культуры. Современный подход к исследованию поэтических рок-текстов опровергает данную концепцию. Сами тексты М. А. Пушкиной убедительно доказыва-

ют, что рок-поэзия существует как самостоятельное творческое направление и может рассматриваться как отдельное художественное произведение, образец поэтического дискурса.

Поэтическое творчество М. А. Пушкиной отличается глубоким психологизмом, историзмом, включением в поэтический дискурс инодискурсивных элементов. Рассмотрим взаимодействие исторического и поэтического дискурсов в поэзии М. А. Пушкиной на материале текстов песен «Баллада о древнерусском воине», «Прощай, Норфолк!». В качестве основных критериев для изучения исторической основы рок-текстов можно выделить следующие:

- историческая основа поэтического текста;
- культурные пресуппозиции;
- злободневность, связь с современностью.

Следует отметить, что отличительной особенностью творчества группы «Ария» является написание текстов на уже готовую музыку. Следовательно, авторы музыки (В. Дубинин и В. Холстинин) в определенной мере определяют идейную и тематическую направленность музыкального произведения, а поэт предлагает соответствующее литературно-художественное решение. С этих позиций нами и будет осуществляться анализ исторической основы указанных поэтических текстов М. А. Пушкиной.

Историческая основа поэтического текста. «Баллада о древнерусском воине» была написана в 1988 году. Композиция вошла в альбом «Герой асфальта» (1988) и стала одним из ярчайших образцов творческого наследия группы «Ария». В основе текста – события, произошедшие 5 апреля 1242 года на Чудском озере и вошедшие в историю под название Ледовое побоище. Однако же, поэтическая интерпретация, данная Маргаритой Пушкиной, отличается от исторической трактовки данного события.

Вот как представлено Ледовое побоище в тексте исторического дискурса: *«Утром 05.04.1242 орденское войско (около 5-7 тысяч человек конницы, из них около 1 тысячи человек собственно рыцарей, а также ополчение эстов) перешло в наступление, выстроившись «клином» (в русских источниках – «свиньей»), во главе и по всему периметру которого располагались конные рыцари, а внутри – пешие воины (кнехты). Рыцарям удалось частично пробить построение русских войск, которые тем не менее приостановили движение ливонцев. В это время русские конные дружины ударили во фланги противника, окружили орденское войско и начали его уничтожение. Вырвавшись из окружения, остатки рыцарей бежали, преследуемые русскими, свыше 7 км к западному берегу озера» [5].*

В представленном отрывке из «Большой российской энциклопедии» дано детальное описание, насыщенное характерными для текста исторического дискурса деталями: указана точная дата сражения (05.04.1242), конкретизировано количество живой силы (около 5-7 тысяч человек конницы, из них около 1 тысячи человек собственно рыцарей), специфика строя (выстроившись «клином» (в русских источниках – «свиньей»), диспозиция тевтонцев (остатки рыцарей бежали <...> свыше 7 км к западному берегу озера).

Для поэтического текста, как показывает практика, не так важна конкретизация исторических деталей. Текст «Баллады о древнерусском воине» (1988), написанный М. А. Пушкиной, по форме представляет собой легенду. Это классическое жанровое воплощение баллады, где есть романтическая, несколько мистическая основа. Так, в запеве абстрактно заявлена тема баллады:

*«Вдаль мчались стаи зимних птиц,
Дым гнал их прочь быстрее лисиц,
Дым плыл над всей землей,
Лютый сброд закатил пир горой.
Где тот воин, что крикнет им:*

“*Стой!*”» [6].

Исходя из представленного текста, понятно, что речь идет о сражении, но какое именно это сражение, – а вариантов может быть много (выступление князя Игоря, Ледовое побоище, Курская битва и др.) – по тексту запева понять нельзя. Однако же, определенные лексические маркеры позволяют сделать вывод о том, что в основе текста М. А. Пушкиной – события сражения, получившего в исторической литературе наименование Ледовое побоище: *стаи зимних птиц* (несмотря на то, что сражение произошло в апреле, на Чудском озере было очень холодно, лед, согласно данным из исторических источников, еще не сошел, и сражение происходило практически на ледовой поверхности), *лютый сброд* (эпитет ‘лютый’, опять же, свидетельствует о том, что противники русского войска были с севера, так как в русской языковой картине мира прочно закрепилось сочетание *лютый холод*), *тот воин, что крикнет им “Стой!”* (в контексте предшествующего текста становится понятно, что речь идет о русском военачальнике – Александре Невском). Заявленная тема разворачивается дальше, по ходу развития сюжета баллады:

*«Запад катился волной на Восток,
На спинах и на сердце крест,
Копья тевтонцев целились в Солнце,
Запах гари нес черную весть»* [6].

Здесь уже конкретизирован противник русского воинства (*Запад катился волной на Восток, на спинах крест, копья тевтонцев*) – это тевтонские рыцари, решающая схватка с которыми произошла в 1242 году на Чудском озере. Человек, знающий историю России, сразу поймет, о каком событии и о каком воине идет речь. Ведь исторически известно, что русское войско в данном сражении возглавил князь Александр Невский.

Культурные пресуппозиции. В русской литературе история битвы на Чудском озере представлена в ряде исторических источников, которые, конечно же,

были известны автору текста «Баллады о древнерусском воине». Это такие произведения, как «Житие Александра Невского» (великий князь причислен Русской Православной церковью к лику святых), исторический роман Б. Л. Васильева «Александр Невский», пьеса В. И. Белова «Князь Александр Невский». История, предлагаемая в тексте рок-баллады М. А. Пушкиной, представляет собой обобщенный вариант существующих в исторических и литературных источниках трактовок событий 1242 года. Причем, поэтесса облекает историческую основу в легендарную канву. В частности, в тексте «Баллады...» появляются фольклорные, мифологические образы:

*«Филин, Волк и Орел потешались
игрой,*

Чужа издали русскую кровь.

*Вся нечистая сила помощь сулила
Магистру и Ордену Псов»* [6].

Причем, традиционные трактовки данных образов: Филин – олицетворение мудрости, Волк – воплощение силы, Орел – символ благородства, – нивелируются поэтессой и в тексте рок-баллады символизируют лишь воплощение силы неприятеля. Здесь же у М. А. Пушкиной появляется нечистая сила, которая, согласно тексту, равна силам тевтонских рыцарей, пришедших искоренить всю русскую государственность, религию и самобытность русского народа. Такая интерпретация традиционных фольклорных образов свидетельствует о глубоком погружении автора поэтического текста в историю, способности соотнести историческую и мифологическую основу с окружающей действительностью, дать собственную трактовку произошедшим много веков назад событиям.

Злободневность. Несмотря на тот факт, что текст «Баллады о древнерусском воине» посвящен историческому событию, которое с точки зрения современности является абсолютным историческим прошлым, связь текста с реалиями сегодняшней жизни очевидна и не-

оспорима. Россия в разные исторические эпохи вела войны или противостояния с внутренними и внешними врагами. В рамках сложившейся в первой половине 2022 года геополитической ситуации строки:

*«Битвы час уже назначен,
Но это будет ад,
Трижды ад,*

Но ни шагу назад!» [6], – приобретают пророческое звучание, становятся назиданием для воинов современности из глубины веков, свидетельствуют о связи поколений, преемственности русской военной традиции.

Таким образом, из представленного анализа видно, что текст «Баллады о древнерусском воине» (1988) является классическим образцом русской рок-поэзии. В нем находят отражение все характерные классическому поэтическому тексту черты: историческая основа поэтического текста, наличие культурных пресуппозиций, злободневность поднимаемой поэтессой темы.

Не менее интересным для анализа образцом поэтического творчества М. А. Пушкиной является текст песни «Прощай, Норфолк!», вошедшей в альбом «Арии» «Кровь за кровь» (1991).

Историческая основа поэтического текста. В тексте «Прощай, Норфолк!» (1991) находит отражение легенда о гибели отряда 1/5 батальона Норфолкского полка британской армии 21 августа 1915 года. Маргарита Пушкина, для которой историческая основа песенного творчества играет главенствующую роль, все же допустила вольную трактовку реального исторического события, имевшего место быть в годы Первой Мировой войны.

Так, в исторических источниках история гибели Норфолкского полка представлена следующим образом: *«Батальон 1/5-й Норфолкского полка был на правом фланге и в какой-то момент почувствовал менее сильное сопротивление (противника), чем то, которое встречала остальная часть бригады. Против*

отступающих сил противника полковник сэр Х. Бичем – храбрый, уверенный в себе офицер – повел упорный натиск, увлекая за собой лучшую часть батальона. Сражение усиливалось, а местность становилась более лесистой и изломанной. К этой стадии боя многие бойцы были ранены или доведены до изнеможения жаждой. Они вернулись в лагерь в течение ночи. Но полковник с шестнадцатью офицерами и 250 бойцами продолжал преследование, оттесняя противника. ... Никого из них больше не видели и не слышали. Они углубились в лес и перестали быть видны и слышны. Никто из них не вернулся» [7, р. 390].

В тексте присутствует характерная для исторического дискурса фактографическая основа: дано указание на наименование воинского соединения (*батальон 1/5-й Норфолкского полка*), представлена диспозиция (*был на правом фланге*), конкретизировано количество живой силы (*полковник с шестнадцатью офицерами и 250 бойцами*), указано на необъяснимое исчезновение военных (*никого из них больше не видели и не слышали*), – репрезентируемая соответствующими языковыми маркерами (военная терминология: *полк, батальон, фланг*).

Поэтический текст, традиционно, уходит от конкретизации. Более того, М. А. Пушкина сознательно изменяет историографическую основу гибели Норфолкского полка:

*«В небе на битву сходились орлы –
Людам для войн не хватало земли.
... лето жгло свой восход .
Немцы убитых тащили во рвы,
В бой англичане бросались как львы.
... шел пятнадцатый год»* [8].

В частности, в тексте песни «Прощай, Норфолк!» (1991) автором сознательно изменены противники англичан в Дарданелльской битве. Маргарита Пушкина указывает: *«Немцы убитых тащили во рвы»*, – в то время, как исторически известно, что противниками Великобритании в битве при Дарданеллах была

Османская империя. С какой целью так изменена история, мы можем лишь предполагать. Вероятно, автор делает это для того, чтобы показать, кто стал главным виновником Первой Мировой войны. При этом, автор дает прямое указание на эпизод взятия высоты 60 (*людям для войн не хватало земли*) и точное указание на дату сражения (*шел пятнадцатый год*).

Культурные presupпозиции. Таинственное исчезновение Норфолкского полка породило множество легенд, которые были отражены в литературных произведениях. В Великобритании каждый школьник знает легенду, согласно которой батальон 1/5 Норфолкского полка при взятии высоты 60 вошел в нависшее над данной высотой облако прямоугольной формы и больше никто не видел живым ни одного солдата, а их обезображенные трупы были обнаружены неподалеку лишь в 1918 году. Эта легенда была изложена в книге Дж. Хэйварда «Мифы и легенды Первой Мировой войны» (2003). Автор изложил ее так: *«На земле <...> находилась ещё одна неподвижная туча. Её размеры были около 800 футов в длину, 200 в высоту и 200 в ширину. Эта туча была совершенно плотной и казалась почти твёрдой структурой. <...> Они [солдаты батальона 1/5] приблизились к месту, где находилась туча, и без колебаний вошли прямо в неё, но ни один из них на высоте 60 не появился и не сражался. Примерно через час после того, как последние группы солдат исчезли в туче, она легко покинула землю»* [9, р. 45-47].

По другой версии, предложенной исследователями истории Первой Мировой войны, Норфолкский полк вступил в сражение с турками, был пленен, а позже солдаты полка были расстреляны без суда и следствия (что само по себе является военным преступлением). Однако же, единой, общепринятой точки зрения на то, что же именно произошло 21 августа 1915 года, не существует по сей день.

М. А. Пушкина представила на суд поклонников творчества группы «Ария» традиционную интерпретацию известной на Западе легенды, адаптировав ее для восприятия русскоязычной аудиторией:

*«Полк из Норфолка затерян в горах,
Стынут молитвы и брань на устах,
... потемнел горизонт.
Странное облако скрыло солдат,
Ни звона стали, ни звуков команд.
... тяжкий бред, страшный сон»* [8].

В поэтическом тексте указано место происходящих событий – высота 60 (*полк из Норфолка затерян в горах*), а также трансформирована легенда о странном облаке непонятого происхождения, поглотившем воинов (*странное облако скрыло солдат*).

Злободневность. Текст рок-песни «Прощай, Норфолк!» поднимает актуальную на сегодняшний день проблему – существование загадок истории, а потому его можно считать актуальным во все времена. Подобного рода поэтические тексты не потеряют злободневности до тех пор, пока в спорных моментах истории не будет поставлена точка, что в легенде о гибели Норфолкского полка практически нереально.

Таким образом, анализ текста песни «Прощай, Норфолк!» (1991) свидетельствует о соответствии классической поэтической традиции произведений, созданных на исторической основе: в сюжетной канве текста – реальное историческое событие, наличие культурных presupпозиций (легенда, воплощенная в литературных источниках), а также злободневность и незавершенность поднятой в тексте проблемы.

Выводы

Рок-поэзия по своей сути представляет специфический синтетический вид искусства. Это не только сплав истории, философии, политики, но и активный синтез поэзии и музыки. На материале творчества поэтессы М. А. Пушкиной, являющейся автором текстов песен груп-

пы «Ария», нами был рассмотрен канон создания текстов рок-поэзии, в основе которых лежит реальное историческое событие. В анализируемых текстах представлен интердискурсивный сплав элементов разных типов дискурса (институ-

ционального – исторического и персонального – поэтического), что свидетельствует о включении изучения рок-поэзии в традиционные дискурсивные исследования первых десятилетий XXI века.

Список литературы

1. Малышева М. С. Языковые маркеры исторического дискурса в поэтическом тексте (на материале произведений И. А. Чернухина): дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2020. 186 с.
2. Свиридов С. В. Рок-искусство и проблема синтетического текста // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2002. № 6. С. 5–32.
3. Прокофьев Д. С. А. К. Толстой в творчестве К. Кинчева (несколько замечаний о роли текста в рок-композиции) // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1999. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-k-tolstoy-v-tvorchestve-k-kincheva-neskolko-zamechaniy-o-roli-teksta-v-rok-kompozitsii> (дата обращения: 08.05.2022).
4. Щербенюк А. В. Слово в русском роке // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1999. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-v-russkom-roke/viewer> (дата обращения: 07.05.2022).
5. Петров А. Е. Ледовой побоище 1242 года // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2137087 (дата обращения: 11.05.2022)
6. Пушкина М. А. Баллада о древнерусском воине // Ария [Официальный сайт группы «Ария»]. 2022. URL: <https://aria.ru/albums/nomernoy-albom/geroy-asfalta/%D0%91%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B0%20%D0%BE%20%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC%20%D0%B2%D0%BE%D0%B8%D0%BD%D0%B5> (дата обращения: 05.05.2022).
7. Travers T., Celik B. «Not one of them ever came back»: What Happened to the 1/5 Norfolk Battalion on 12 August 1915 at Gallipoli? // Journal of Military History. 2002. Т. 66. №. 2. P. 389–406.
8. Пушкина М. А. Прощай, Норфолк! // Ария [Официальный сайт группы «Ария»]. 2022. URL: <https://aria.ru/albums/nomernoy-albom/krov-za-krov/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%89%D0%B0%D0%B9,%20%D0%9D%D0%BE%D1%80%D1%84%D0%BE%D0%BB%D0%BA!> (дата обращения: 05.05.2022).
9. Hayward, J. Myths and Legends of the First World War. Sutton: The History Press, 2003. 205 p.

References

1. Malysheva M. S. *Yazykovye markery istoricheskogo diskursa v poeticheskom tekste (na materiale proizvedenij I. A. Chernuhina)*. Diss. kand. filol. nauk [Linguistic markers of historical discourse in a poetic text (based on the works of I. A. Chernukhin). Cand. philol. sci. diss.]. Belgorod, 2020. 186 p.
2. Sviridov S. V. *Rok-iskusstvo i problema sinteticheskogo teksta [Rock art and the problem of synthetic text]. Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst = Russian Rock Poetry: text and context*, 2002, no. 6, pp. 5–32.

3. Prokofev D. S. A. K. Tolstoj v tvorčestve K. Kinčeva (neskol'ko zamechanij o roli teksta v rok-kompozicii) [Tolstoy in the works of K. Kinchev (a few remarks on the role of text in rock composition)]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst = Russian rock poetry: text and context*, 1999, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-k-tolstoy-v-tvorčestve-k-kinčeva-neskolko-zamechanij-o-rolj-teksta-v-rok-kompozitsii> (accessed 08.05.2022).

4. Shcherbenyuk A. V. Slovo v russkom roke [Russian Russian rock]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst = Russian rock The word in Russian rock poetry: text and context*, 1999, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-v-russkom-roke/viewer> (accessed 07.05.2022).

5. Petrov A. E. Ledovoj poboishche 1242 goda [The Ice Battle of 1242]. *Bol'shaya rossijskaya enciklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Available at: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2137087 (accessed 11.05.2022)

6. Pushkina M. A. Ballada o drevnerusskom voine [The ballad of the Old Russian warrior]. *Ariya: Oficial'nyj sajt gruppy «Ariya»* [Aria] [. 2022. Available at: <https://aria.ru/albums/nomernoy-albom/geroy-asfalta/%D0%91%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B0%20%D0%BE%20%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC%20%D0%B2%D0%BE%D0%B8%D0%BD%D0%B5> (accessed 05.05.2022).

7. Travers T., Celik B. "Not one of them ever came back": What Happened to the 1/5 Norfolk Battalion on 12 August 1915 at Gallipoli? *Journal of Military History*, 2002, vol. 66, no. 2, pp. 389–406.

8. Pushkina M. A. Proshchaj, Norfolk! [Goodbye, Norfolk!]. *Ariya: Oficial'nyj sajt gruppy «Ariya»* [Aria], 2022. Available at: <https://aria.ru/albums/nomernoy-albom/krov-za-krov/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%89%D0%B0%D0%B9,%20%D0%9D%D0%BE%D1%80%D1%84%D0%BE%D0%BB%D0%BA!> (accessed 05.05.2022).

9. Hayward J. *Myths and Legends of the First World War*. Sutton: The History Press, 2003. 205 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Малышева Мария Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры библиотечно-информационной деятельности, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: mergen1616@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2958-8170

Maria S. Malysheva, Cand. of Sci. (Phylological), Senior Lecturer of the Department of Library and Information Activities, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: mergen1616@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2958-8170

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'38

**«Юный гений» (Ответ восемнадцатилетнему юноше)» Г. Гессе:
творческое кредо в эпистолярном жанре****Т. В. Летапурс¹ ✉, Т. М. Малыхина²**

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040 Российская Федерация

²Курский государственный университет
ул. Радищева д. 33, г. Курск 305001, Российская Федерация

✉ e-mail: lietaurs@mail.ru

Резюме

В статье исследуется одно из писем Г. Гессе и выявляется своеобразие представлений писателя о личности и судьбе художника. Прозаическое наследие данного автора изучено достаточно подробно, в меньшей мере внимание ученых было приковано к его эпистолярному наследию. Цель исследования – проанализировать выбор художником жизненного пути, изучить проблему творчества и особой одаренности человека, ведущей к самопожертвованию, в понимании Г. Гессе. В связи с этим авторами проведен комплексный анализ письма «Юный гений» (Ответ восемнадцатилетнему юноше)». В работе применены методы наблюдения, контекстуального и компаративного анализа, систематизации материала.

Письма Г. Гессе вводились в контекст литературоведческих и лингвистических исследований как документы исторического и автобиографического комментирования, фактического подтверждения, соотношения философских постулатов в художественных произведениях с исповедальными размышлениями в письмах к родным, друзьям, иным другим адресатам. Вместе с тем эпистолярный жанр, столь востребованный в XX в. до наступления «электронных» времен, имеет самоценность. Он открывает внутренний мир художника, позволяет услышать именно его голос, объективные проявления его личности: выражение разнообразных идей, эмоций, состояний, вкусов, откровенных оценок своих и чужих поступков. Кроме того, письма великих художников показывают речевой этикет определенной эпохи, содержат этические принципы, эстетические предпочтения, воспоминания, отражают языковые изменения, связанные с возрастом, и многое другое.

Особое внимание исследователями было уделено системе нравственных и художественных ценностей писателя, особенностям его стиля в эпистолярном жанре. Впервые предпринята попытка компаративного анализа писем Г. Гессе и Л.Н. Толстого, обращенных к начинающим авторам, и выявлены точки соприкосновения в их представлениях о творчестве, этических принципах художника. Авторы видят особенность манеры изложения размышлений писателей в форме исповеди-проповеди.

Ключевые слова: эпистолярный жанр; понятие таланта, гениальности; мораль гения; жизненный и творческий выбор; принципы художника; жанрово-стилевые особенности эпистолярного наследия.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Летапурс Т. В., Малыхина Т. М. «Юный гений» (Ответ восемнадцатилетнему юноше)» Г. Гессе: творческое кредо в эпистолярном жанре // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 35-49.

Статья поступила в редакцию 28.09.2022

Статья подписана в печать 14.11.2022

Статья опубликована 21.12.2022

“A Young Genius” (Reply to an Eighteen-Year-Old Youth)”. H. Hesse: Creative Credo in the Epistolary Genre

Tatyana V. Letapurs¹, Tatyana M. Malykhina² ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Kursk State university
Radisheva str. 33, Kursk 305001, Russian Federation

✉ e-mail: lietaurs@mail.ru

Abstract

The article investigates one of Herman Hesse's letters and reveals the peculiarity of writer's views about the personality and destiny of the artist. The prose heritage of this author has been studied in a rather detailed way, but the attention of scientists has been devoted to his epistolary heritage to a lesser extent. The purpose of the study is to analyze the choice of the artist's way of life, to study the problem of creativity and the special giftedness of man, which leads to self-sacrifice, as understood by of H. Hesse. In this regard the authors conducted a comprehensive analysis of the letter “Young Genius” (Response to an eighteen-year-old boy)”. The methods of observation, contextual and comparative analysis and systematization of material are used in the work.

Herman Hesse's letters were introduced into the context of literary and linguistic studies as documents of historical and autobiographical commentary, actual confirmation, correlation of philosophical postulates in works of fiction with confessional reflections in the letters to relatives, friends and other recipients. At the same time the epistolary genre, being so much in demand in the 20th century before the advent of “electronic” times, has its own value. It reveals the inner world of the artist, allows to hear his own voice, objective manifestations of his personality: expression of various ideas, emotions, states, tastes, frank assessments of his own and others' actions. Moreover, the letters of great artists show the speech etiquette of a particular era, contain ethical principles, aesthetic preferences, recollections, reflect linguistic changes associated with age, and much more.

The researchers paid special attention to the system of moral and artistic values of the writer, the peculiarities of his style in the epistolary genre. For the first time an attempt has been made to make a comparative analysis of the letters by H. Hesse and Leo Tolstoy, addressed to novice authors. Also points of contact in their views on creativity, ethical principles of the artist are revealed. The authors see the peculiarity of the manner of the writers' reflections presentation in the form of a confession-sermon.

Keywords: *epistolary genre; notion of talent, genius; morality of genius; life and creative choice; principles of the artist; genre and stylistic features of epistolary heritage.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Letapurs T. V., Malykhina T. M. “A Young Genius” (Reply to an Eighteen-Year-Old Youth)”. H. Hesse: Creative Credo in the Epistolary Genre. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(4): 35–49 (In Russ.).

Received 28.09.2022

Accepted 14.11.2022

Published 21.12.2022

Плиний Тациту привет.

Ты сам себе не рукоплещешь, и я ни о ком не пишу более искренне, чем о тебе. Будет ли потомкам какое-нибудь дело до нас, я не знаю, но мы, конечно, заслуживаем, чтобы было, не за наши таланты (это ведь слишком гордо), но за рвение, труд и уважение к потомству. Будем только продолжать начатый путь, который, правда, немногих привел к блеску и славе, но многих вывел из мрака и молчания. Будь здоров.

Книга 9. Письмо 14 [1]

Введение

Письмо как классический жанр переживает не лучшие времена, все чаще становится культурно-историческим артефактом. Тем не менее ученые и читатели все еще погружаются в чужие письма прошлого: как частные, созданные в бытовой жизни, так и литературные, имеющие творческую основу.

Научные литературоведческие исследования советского периода Розановой С.А. [2], Седельника В.Д. [3] и постсоветского Целлера Б. [4], Паперно И.Б. [5], Николаевой Е.В. [6], Щербининой А.А. [6, 7], посвященные эпистолярному жанру, затрагивают разные его аспекты, формируют определенные базовые знания. Однако материал, не введенный в научную сферу, столь обширен, что потребуются усилия множества ученых, чтобы дать полную картину эпистолярного наследия как отдельных авторов, так и литературных эпох.

В.Д. Седельник, написавший предисловие к книге «Письма по кругу» Г. Гессе, точно сформулировал причины нашей потребности в обращении к переписке великих: «Обычно письма собирают и издают наследники после смерти их автора. Гессе же при жизни сделал их одним из самых действенных и оперативных жанров. Он снимал со своих писем копии, собирал их, группировал, издавал в виде книг и подборок. Количество тех, с кем он беседовал как бы с глазу на глаз,

возрастало, таким образом, в десятки тысяч раз. Без сомнения, это был способ воздействовать на читателя и на действительность, в том числе и на политическую. Голос, обращенный к одиночкам, достигал широкого читателя, о чем говорят многократные переиздания и немалые тиражи писем» [2, с. 8].

В середине XX века, через пять лет после войны, когда люди мира разбирали кирпичи и думали, что построят на сожженной земле, выдающийся немецкий писатель излагал свои ответы на вопросы о жизни и творчестве молодому человеку восемнадцати лет, отрочество которого совпало со страшными европейскими событиями. Было ли дело до художественной литературы тем, кто остался жить после глобальной военной катастрофы? Многие абсолютно были далеки от философии и эстетики, но Г. Гессе с надеждой и определенной радостью ответил соотечественнику, выразив свое видение жизненного пути художника и значимости искусства. Его письмо во многих отношениях показательно: содержит его творческое кредо, принципы отношения к литературному труду, в определенном смысле является художественным завещанием.

Цель данного исследования – комплексный анализ письма «Юный гений» (Ответ восемнадцатилетнему юноше) Г. Гессе и осмысление особенностей представления писателя о творчестве, о выборе художником жизненного пути, об одаренности человека, ведущей к само-

пожертвованию. Данный анализ позволил подчеркнуть своеобразие эпистолярного жанра

Г. Гессе, особенности его стиля. Сопоставление писем Г. Гессе и Л.Н. Толстого, обращенных к начинающим авторам, выявило точки соприкосновения в философских, эстетических и этических принципах художников. Для достижения поставленной задачи использовались различные методы: описательный и компаративный, а также контекстуальный анализ.

Результаты и обсуждение

«Магия книги», включающая письмо «Юный гений» [8, 9], дает возможность познакомиться со многими письмами автора и понять, какие проблемы, о которых он размышляет, по сей день остались актуальными и значимыми.

Судьба гения – вечная тема искусства, поскольку связана с такими важнейшими представлениями о человеке, как

- жизненное назначение, следование призванию;
- преодоление терний мира, гордыни, одиночества, непонимания и непризнания;
- искушение славой, деньгами, властью;
- этический выбор; поиск истины, ответственность за созданное творение;
- испытание любовью, разочарованием.

Вступление в юность и осознание себя избранным, «белой вороной», не таким, как все, – мучительно. Гессе это понимает и делится собственным опытом человека, вставшего на путь избранника, платящего дорогую монету за славу, возможность говорить свое слово, проповедовать и все время учиться.

«Путь одиноких и избранных роком людей всегда был тяжел и опасен, Ваш путь будет точно таким же. Недоверие к «опыту» других и отказ отчитываться перед другими в Вашем возрасте – естественное оружие, которым человек с осо-

бо развитой индивидуальностью защищается от окружающего мира, стремящегося всех подмять под себя, навязать свои нормы и вынудить к преждевременному соглашательству. Так гибнут многие молодые Вашей породы, кто-то потому, что жизнь в напряжении и самообороне становится невыносимой, и в нетерпении он преступает границы, кто-то в результате сдаётся, становится обывателем и жалкие остатки божественного огня с помощью алкоголя или без него претворяет в обывательский романтизм, увенчанный короной непризнанности. Я знавал немало таких» [10, с. 158]. Говоря о выборе, писатель предупреждает о нескольких опасностях, с которыми непременно сталкивается художник. Если он «не такой», то он неизбежно вступает в конфликт с окружающей средой. Этот конфликт может быть открытым, то есть борьбой, но может быть и мучительным внутренним противостоянием, когда приходится чувствовать тягость обывательской среды, не помышляющей о высоких идеалах и довольствующейся земными радостями и сытостью. Кстати сказать, этот конфликт гения и среды в начале века был характерным для европейского искусства, в частности для довоенного и послевоенного творчества самого Г. Гессе. Обозначенная писателем, кроме всего прочего, утрата «божественного огня», действительно, являлась едва ли не самой острой в жизни художника.

Почему же Гессе не отговаривал юного автора от такого сложного пути, где есть соглашательство, где жизнь в напряжении и самообороне невыносима, где можно потерпеть неудачу и крах, переступить мораль, стать обывателем, пьяницей, «непризнанным гением»? По той причине, что творчество, в представлении писателя, – высшая ценность и гармония духа, дарованная человеку его природой и обществом, окружающим миром. «Но есть и другие пути, и более благородные, и встречаются на этих путях награда и помощь особого рода. Есть

путь творца, художника, писателя, мыслителя. Однако творчество мыслителя или художника предполагает акт самоприращения и самоотречения и, узаконивая гения перед миром, требует от него определенной отдачи, борьбы и нелегких жертв, – того, о чем во времена безответственности гений и понятия не имел. За это даруется гению – независимо от того пользуется или нет творчество его успехом, – прикосновенность к царству духа, единокровность с тысячами предшественников и творческих современников, восприимчивость к нерушимым и вечно живым – через все времена и культуры – мудрости и красоте» [10, с. 158-159].

Подчеркнем, что, противопоставляя терниям пути художника путь определенной творческой благодати, Гессе выстраивает триаду, которая имеет близость к религиозной триаде схимника, божьего избранника и служителя: «благородная цель – «акт самоприращения и самоотречения» – «прикосновенность к царству духа», «восприимчивость к нерушимым и вечно живым мудрости и красоте».

Как и большинство немецких авторов, Гессе хорошо знал отечественную литературу и воззрения на искусство И. В. Гейне [11]. В предисловии к 10-ому тому собрания сочинений великого писателя, вышедшему в советский период, в котором собраны работы об искусстве и литературе, А. Аникст отметил, что Гейне не стремился создать эстетическую теорию для всех, что формулировал художественные принципы, отвечавшие его собственным стремлениям и творческим поискам [11, с. 446]. Раздел «О театре и литературе» данного тома завершает небольшая по объему статья «Доброжелательный ответ» (1832 г.). Она представляет определенный интерес как в жанровом отношении, так и с точки зрения размышлений автора о творчестве молодых немецких поэтов. Поскольку Гете получал множество посланий со стихами и просьбами адресантов дать им оценку, он решил создать «письмо для всех». В

начале «Доброжелательного ответа» он и пояснил, почему пишет и что думает о творческой немецкой молодежи. Его обращение к юношеству содержит очень важную мысль: мало вступить в литературу с удачным дебютом, когда «кое-что» бывает выражено и глубоко, и ясно, и уверенно, и даже изящно. Важно не уйти от «юношеского довольства» на тропу «мизантропических отшельников». По мнению Гете, художника будут сопровождать «прекрасные богини» и музы только тогда, когда в «деятельной и бодрящей, но подчас и безрадостной жизни» он сохранит «смущающуюся невинность», все мечты юности, будет готов на самоотречение во имя прекрасных идеалов, которые, в конечном счете, вернут душевное равновесие. Гете прекрасной развернутой метафорой внушает молодым авторам, что вершины искусства покоряются оптимистам, тем, кто готов к смирению страданий, кто «хлопочет о том, чтобы рассеять вокруг себя печаль и поддержать веселье» [11, с. 420]. Таким образом, наследуя великому соотечественнику, Герман Гессе показывает, что на трудном пути художника нет места унынию и окончательному разочарованию, а есть труд, мужество и стремление к красоте, к познанию мира, человека, истин бытия.

О.Б. Золотухина в автореферате диссертации на соискание степени кандидата филологических наук «Эволюция психологизма Германа Гессе», осмысливая истоки мировосприятия художника, отметила важнейшую особенность, которая заключается в том, что писатель – человек становления, его мировоззрение постоянно меняется, естественно, и герои его находятся в поиске истины, осмысления себя как значимой «единицы» мира. «Главная цель Гессе – изображение-выражение «пути души» – остается неизменной, а психологизм эволюционирует от аналитического к синтетическому типу изображения внутренней жизни человека во всей ее сложности, противоречивости и

драматизме» [12, с. 17]. По мнению Г. Гессе, цельность личности, и в частности героя, – не данность или результат, а процесс совершенствования. Именно эта позиция и определяет смысл наставлений молодого корреспондента: чрезвычайно сложно жить в постоянном напряжении поиска, размышлений, переходя от заблуждений к истине, но другого пути не существует.

Композицию письма Г. Гессе отличает стройность, изложение мыслей – последовательность и логичность. Следующее его размышление – ответ на вопрос: «А что же нужно человеку, вставшему на путь творца, если он готов преодолевать препятствия на пути великого благородного служения искусству и людям?» На «замечательном, заслуживающем самоотдачи пути» надо отринуть сомнения и неуверенность, потому что «любовь к истинному и прекрасному, жажда быть принятым в их владения и заполучить частичку их света» стоит жертв, одиночества, а осознание благородного жребия всегда будет путеводной звездой.

Более всего художнику необходим талант. Понимание категории таланта Гессе пронизано его личным опытом. Он не признает «талант вообще», поэтому в качестве убедительного примера приводит тех художников, которые обладают заразительными и прекрасными идеями, но не имеют «голоса», единственного слова, которое дойдет до сердца и разума, врожденной страсти к живописной игре, не имеют силы и темперамента выражения. Гессе в отличие от социологического и коммунистического представления о культуре, прямо заявляет, что «идеалы в искусстве немногого стоят». Но это не отказ от идейности, а понимание, что ценность таланта и созданного творения не в идеалах, а в единстве формы и содержания, в том, как идеи выражены. К тому же Гессе чрезвычайно дорога индивидуальность, как, например, в случае с Сезанном, у которого есть «неповтори-

мый дар, чисто своя, сезанновская, дерзость писать, беспримерная терпеливость и одержимость».

После мысли о таланте художника Гессе вновь возвращается к размышлениям о гениальности человека. И хотя сначала могло показаться, что именно художник-гений – высший избранник человечества, Гессе показывает, что это не так. Гениальная природа человека не всегда может реализоваться в искусстве, она может быть принесена на пользу человечеству в других деяниях. Как тут не вспомнить спор Раскольникова и Порфирия Петровича в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», когда следователь, прекрасно понявший гордыню Родиона Романовича, сказал ему лаконичную фразу: «Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем» [13, с. 352].

По мнению Ф.М. Достоевского, есть только одна возможность возвыситься – употребить свои таланты для благодатной жизни других. Гессе сравнивает гения-художника, мыслителя и гения служения в пользу последнего, потому что талант делает его свободным в истинном смысле слова, он не раб. «Ибо в творцах, не одаренных особо ни для каких искусств и наук, достижение максимума человеческого оправдывает все страдания, все тщеславие и все заблуждения сверходаренных и гениальных. Не исключено, что однажды, столкнувшись с обнаженной действительностью, они будут разбужены чьим-то взглядом и зовом, имя которому их собственное Я, и увидят лик бытия, его прекрасное и устрашающее величие, его преисполненность болью, страданием, безответной любовью, безысходной тоской. И на взгляд этой бездны ответят они единственной жертвой – полновесной, необратимой жертвой собственного Я. Они принесут себя на алтарь голодным, больным и порочным – неважно кому, они позволяют себя притянуть, всосать, поглотить любому зиянию, любой наготы, любому страданию. Они-

то и есть подлинно любящие и святые. К ним тянется все человеческое, жаждущее большего, чем способна дать повседневность и норма, их жертва наполняет смыслом и ценностью все прочие, менее существенные жертвы, они оправдывают и искупают проблемы изгоев, сверходаренных, трудно живущих и зачастую отчаявшихся. Ибо гений – это сила любви и тоска по служению, и искупает себя он лишь в сем абсолютном и высшем самозаклании» [10, с. 160]. Данный текст еще раз подтверждает, что Гессе мыслит судьбу гения в религиозном контексте и выражается в русле религиозной риторики. Письмо содержит архаистические возвышенные обороты, инверсии, повторы, яркие эпитеты, контрастную эмотивную лексику; весь поток размышлений имеет музыкальный ритм, ведущий к кульминации – аккорду последнего утверждения.

При этом возникает вопрос читателя: а возможно ли соединение двух начал гениальности в одном человеке? Гессе ответа не дает. По всей видимости, ему важно донести до юного друга не возможность итога судьбы, а мотивацию человека, стоящего в начале жизненной дороги и делающего выбор направления движения.

Г. Гессе был одним из тех писателей, кого можно отнести к художникам «мировой отзывчивости». Его всегда интересовала русская литература, и о природе его отношения к ней написаны многие исследования. В контексте нашей проблематики следует вспомнить, что он говорит в рассматриваемой книге о Л.Н. Толстом. Из авторов богатой русской литературы, которую хотелось бы поставить в личную библиотеку, писатель назвал Пушкина («но он, увы, не переводим!»), Гоголя, Тургенева, Гончарова, Толстого, Достоевского. По поводу Л.Н. Толстого Гессе замечает: его «великое искусство порою несколько затмевается проблематикой его проповедей и реформаторскими устремлениями, нам по меньшей мере

следует взять романы «Война и мир» (повидимому, лучший русский роман) и «Анна Каренина», не забыв, однако, и его народных рассказов» [14, с. 106].

В другом произведении писатель раскрывает более подробно свое понимание воззрений Толстого и с высоты опыта XX века так показывает суть его мыслей:

– во-первых, в дневниках излагаются «пылающие, страстные мятежные попытки» наглядно преобразовать абстрактное познание, дать мудрую истину;

– во-вторых, эти попытки сменяются «печальным смирением», когда при невозможности понять мир идет утверждение действия во имя любви, «восстающей из праха»;

– в-третьих, «итог всей мудрости – любовь, смысл жизни – любовь» [14].

Отталкиваясь от положений таких ученых, как А.В. Михайлов [15], осмысляющий художественный мир Германа Гессе, О.Б. Золотухина [12], проследившая эволюцию психологизма писателя, Н.В. Рожкова [16], в центре внимания которой были мировоззренческие и философские поиски Германа Гессе, а также исследователей творчества Л.Н. Толстого Н.Н. Гусева [17], рассматривающего особенности жизненного и творческого пути писателя, В.Ф. Асмуса [18], сформулировавшего сущность мировоззрения и эстетики Толстого, Г.Я. Галаган [19], посвятившей свой труд художественно-этическим исканиям писателя, Р. Роллана, увидевшего главную особенность личности Толстого в свободе мышления [20], мы сделали попытку сопоставления философских, этических и эстетических взглядов Г. Гессе и Л. Толстого, для которых осмысление целей творчества и его сущностного наполнения продолжалось на протяжении всей жизни и воплощалось в разных жанрах.

Здесь уместно будет сделать одно отступление и вспомнить биографию Л.Н. Толстого. Весной 1861 года, в апреле, писатель провел полторы недели в Веймаре, где он интересовался народным

образованием, постановкой школьного дела в Германии. В «Дневнике» Толстой отмечал, что посещал городские народные школы, детские сады, где реализовалась система Фрѣбеля, беседовал с местными немецкими педагогами. Среди рукописей Толстого сохранился небольшой отрывок, написанный им в форме письма к неизвестному лицу. Заканчивая свою деловую поездку в Европу, писатель решил подвести некоторые итоги, изложить их в форме письма, адресованного, скорее всего, человеку, занимающемуся народным образованием или заинтересованному в оном. Мы позволили себе для наглядности переформатировать текст, чтобы можно было увидеть не только особенности содержания, но и запоминающуюся форму его изложения: «Только мы русские варвары не знаемъ, колеблемся и ищемъ разрешенія вопросовъ о будущности человека и лучшихъ путяхъ образованія, въ Европе же это вопросы решенные; и что замечательнее всего, разрешенные на 1000 различныхъ ладовъ. Въ Европе знаютъ не только законы будущаго развитія человечества, знаютъ пути, по которымъ оно пойдетъ, знаютъ, въ чемъ можетъ осуществиться счастье отдельной личности и целыхъ народовъ, знаютъ, въ чемъ должно состоять высшее гармоническое развитіе человека и какъ оно достигается.

Знаютъ, какая наука и какое искусство более или менее полезны для известнаго субъекта. Мало того, какъ сложное вещество разложили душу человека на – память, умъ, чувства и т.д., и знаютъ, сколько какого упражненія для какой части нужно.

Знаютъ, какая поэзія лучше всехъ.

Мало того, верятъ и знаютъ, какая вера самая лучшая.

– Все у нихъ предусмотрено, на развитіе человеческой природы во все стороны поставлены готовыя, неизменныя формы [21, с.150]. И это совсемъ не шутка, не парадоксъ, не иронія, а фактъ, въ которомъ нельзя не убедиться человеку

свободному, съ целью поученія наблюдающему школы одну за другою, какъ я это делалъ, хоть бы въ одной Германіи, хоть бы въ одномъ городе Франкфурте на М [айне]» [21, с.150]. Кроме этого все-таки иронического (если даже не саркастического) осуждения закоснелого и снобистского педагогического всезнайства у Толстого есть вполне конкретные претензии к воспитанию личности в немецкой образовательной системе. Его наблюдения, естественно, обращены прежде всего к результатам обучения: возможно, что именно они рассеют сомнения, что столь устойчивая схоластика противоречит «живой жизни». Чуда, однако, не происходит.

Л.Н. Толстой с горечью констатирует, что двести мальчиков на его глазах делают одно и то же: «Мальчикъ не только не можетъ выразить въ школе того, что ему понятно или непонятно, пріятно или не пріятно то или другое, но онъ не можетъ выразить словомъ то, что онъ знаетъ или не знаетъ то или другое, или что ему [21, с.154] хочется. Все разнообразіе его мысли во время класса подведено къ выраженіямъ «могу» – «хочу», которыя онъ передаетъ подыятіемъ руки. (...) Все, что вы видите, это скучающія лица детей, насильно вогнанныхъ въ училище, нетерпеливо ожидающихъ звонка и вместе съ темъ со страхомъ ожидающихъ вопроса учителя, делаемаго для того, чтобы противъ воли принуждать детей следить за преподаваніемъ» [21, с. 156].

Механистическая рациональная система, в которой нет свободы и творчества, не просто удручает Л.Н. Толстого, он отдает себе отчет в ее губительных последствиях для развития молодого поколения немецкой нации. В силу вышеизложенного более очевидными становятся причины радости и Гессе, и Толстого, когда полученные письма молодых европейцев подтвердили, что есть те, кто ищет, кто мыслит, кто остро чувствует, есть те, в ком не убита потребность в морали.

В 1887 г. ученик Высшей нормальной школы в Париже – Ромен Ролан – написал письмо великому Толстому. Его интересовало искусство и было неясно, почему русский писатель ставит превыше ручной труд, а кроме того, он просил, как и более поздний адресант Гессе, разъяснить, что есть истина, благо, самопожертвование. Юный Роллан признавался, что не может примириться с «незнанием нравственной сущности вещей», что для него «это значит – не жить» [22].

Л.Н. Толстой, излагая свои мысли о сущности творчества, поставил вопрос о том, как преодолеть существующее противоречие между ручным трудом (низким в глазах элиты) и тягой к творчеству (высоким): «Вы спрашиваете: почему ручной труд является одним из существенных условий истинного счастья? Нужно ли добровольно лишать себя умственной деятельности, занятий науками и искусствами, которые кажутся вам несовместимыми с ручным трудом?». По мнению писателя, ручной труд напрямую связан с нравственной позицией человека. Презрение к оному, перекалывание его на плечи «нанятого» раба несовместимы со званием христианина и гуманного человека: «Я никогда не поверю искренности христианских, философских и гуманитарных убеждений человека, который заставляет служанку выносить его ночной горшок. Самое простое и самое короткое нравственное правило состоит в том, чтобы как можно меньше заставлять других служить себе и как можно больше самому служить другим. Требовать от других как можно меньше и давать другим как можно больше» [23, с. 144]. Последнее утверждение может восприниматься как афоризм. И в этом Гессе – продолжатель Толстого и его единомышленник. Суть проблемы, рассматриваемой писателями, ведет к особенностям личности человека вообще, художника в частности. Самовоспитание и самопожертвование, по Л.Н. Толстому, помимо разрешения противоречия между якобы

низким и высоким, дают «существованию разумный смысл», а вытекающее из нравственного правила «счастье разрешает также и все затруднения», в том числе и проблему доли труда, науки и творчества в жизни человека.

Только на первый взгляд может показаться удивительным совпадение в оценке судьбы гения Толстого и Гессе. Оно таковым не будет, если вспомнить, что религиозные воззрения определяли и миропонимание, и поведение этих писателей.

Достигают вершин те, кто осознает значимость своего духовного труда. Но это редкость. И такие люди избранные – пророки. Избранность не ведет к исключительному месту под солнцем и не гарантирует особые блага: «Призвание пророка есть высокое и благородное призвание. Но мы знаем, что представляют собой священники, считающие себя пророками единственно потому, что это им выгодно и что они имеют возможность выдавать себя за таковых. Не тот пророк, который получает воспитание пророка, а тот, кто имеет внутреннее убеждение в том, что он есть пророк, должен им быть и не может не быть им. Такое убеждение редко и может быть доказано только теми жертвами, которые человек приносит своему призванию. То же самое относится к истинной науке и к истинному искусству» [23, с. 145].

Именно высокое осознанное призвание делает человека художником, от которого в таком случае всегда будет требоваться «жертва своим спокойствием и своим благосостоянием». Поистине как замечательное послание потомкам звучит мысль писателя: «Тот же, который освобождает себя от общей всем людям нравственной обязанности и, под предлогом своей склонности к наукам и искусствам, устраивает себе жизнь паразита, – тот никогда не произведет ничего, кроме ложной науки и ложного искусства» [23, с. 146]. Как видим, Г. Гессе продолжает развивать тему таланта, избранности и,

вопреки модной идее сверхчеловека, солидарен с русским писателем в том, что гениальность в творчестве художника, писателя, ученого – это прежде всего ответственность, «самозаклание».

Л.Н. Толстой, будучи яростным противником искусства для искусства, размышляет о том, что есть благо художественного творчества и науки. Основные нравственные категории самым тесным образом связаны с категориями эстетическими: «Всё, что объединяет людей, есть добро и красота; всё, что разъединяет их, есть зло и безобразие. Всем известна эта формула. Она начертана в нашем сердце. Добро и красота для человечества есть то, что соединяет людей. Итак, если бы сторонники наук и искусств действительно имели в виду благо человечества, они знали бы, в чем состоит благо человека, и, зная это, они занимались бы только теми науками и теми искусствами, которые ведут к этой цели» (...). Между тем, из всех наук, которые человек может и должен знать, главнейшая есть наука о том, как жить, делая как можно меньше зла и как можно больше добра; и из всех искусств главнейшее есть искусство уметь избегать зла и творить добро с наименьшей, по возможности, затратой усилий» [23, с. 147-148]. К сожалению, по мнению писателя, современное ему искусство и наука не отвечают его главным критериям.

Поскольку перед нами письмо, то, конечно, следует обратить внимание не только на систему воззрений Германа Гессе, изложенных по проблеме, поставленной адресантом, но и на то, как проявляется его личность, его отношение к молодому человеку. Оно в высшей степени уважительное, поучительное, но не менторское, кроме того, это письмо равного равному: «Пожилой человек, к которому Вы, всем различиям вопреки, обратились как к другу, на Вашу исповедь ответил своей, попытавшись продемонстрировать, как выглядят наши общие с

Вами проблемы на каждом из наших уровней жизни» [10, с. 160].

Форма вежливого объяснения, почему ответ на письмо не был сделан сразу, – в некотором смысле образец этикета, но в то же время – образец искренности в высшей степени честного человека. Именно это позволяет увидеть индивидуальное лицо Гессе, его состояние: «Ведь, помимо письменных принадлежностей, мой аппарат состоит всего лишь из глаз, перенапряженных многолетней работой – редко бывает, что они не болят, – да двух рук, вздутых подагрой и пишущих или печатающих каждую букву крайне неловко и неохотно. Глаза бы охотнее занимались цветами, кошками или чтением какой-нибудь книги, чем поступающей ко мне корреспонденцией, да и руки нашли бы себе применение куда приятней. Кроме того, ответ на Ваше письмо затруднен был и тем, что заниматься исправлением Ваших огрехов в дальнейшем я уже не надеюсь, ибо, по-видимому, это письмо первое и последнее, которое я в состоянии написать. Мне, правда, и впредь будет радостно узнавать что-либо о Вас, но я не могу ни предложить Вам продолжать присылать Ваши рукописи, ни пообещать, что Ваши дальнейшие письма, в случае, если Вы захотите продолжать мне писать, я буду читать с проникновением и в полную меру своего понимания» [10, с. 158].

Доброжелательность, «извинительность» тона, заинтересованность, надежда на понимание и суровая честность в описании судьбы гения, соединение строго рационального, философского и эмоционально-доверительного делают это письмо документом времени, образцом эпистолярного жанра, соединяющего личное и общее.

Если вновь сравнить письма великих авторов, то и Л.Н. Толстой, и Г. Гессе относятся к молодым людям с предельной искренностью и вниманием.

Лев Николаевич воспринимает письмо исключительно эмоционально: «Доро-

гой брат! Я получил ваше первое письмо. Оно тронуло мое сердце. Я читал его со слезами на глазах» [23, с. 143]. Заметим, это послание не от родного и близкого человека, а от незнакомца. Почему же обращение «брат» и «слезы на глазах»? Французский юноша в своих духовных поисках оказался столь родственной душой писателю, что, по всей видимости, напомнило ему собственные мучительные искания истины и подвигло стать учителем пытливому уму. Р. Ролан с этого момента проникся величайшим уважением к Толстому, пронес неизбывный интерес к его миропониманию через всю жизнь и написал о нем три книги.

Письмо Г. Гессе, являющегося лауреатом Нобелевской премии, может порадовать поклонников тем, что оно выявляет скромность писателя, качество, в котором нет ничего напускного, ни позы, ни игры. «Вы чувствуете во мне похожего на Вас человека, то есть не достигшего величия и абсолюта ни в искусстве, ни в жизни и не ощущающего себя дома в недостижимом для Вас потустороннем, а, как и Вы, погруженного в тот же мир и те же проблемы...» [10, с. 158].

В тексте есть пассаж, который вызывает восхищение, так как в полной мере демонстрирует художественное мастерство Гессе. Он построен по принципу повторения, «развертывания» мысли, анафоры, усиления и параллели сравнений и вполне годится для цитирования, так как афористичен:

«Вы позволили мне заглянуть в беспокойство, красоту и сомнения Вашей расцветающей жизни, а я, сам некогда испытывавший беспокойство, красоту и сомнения, попытался поведать Вам то, как видятся проблемы и явления эти пожившему человеку.

Будь я святым, то ответ бы мой был лаконичен.

Будь я великим художником, то поток откровенностей, исторгаемых Вашим письмом, мне лишь помешал бы в работе.

Будь я великим живописцем, то Ваше послание я бы даже не дочитал, а продолжил работу, подобно одряхлевшему Ренуару, привязав кисть к руке, сведенной подагрой» [10, с. 160].

Гессе все-таки ответил. Думается, не потому, что посчитал себя вне художников-небожителей Олимпа, а потому, что в его этический кодекс входил принцип служения людям, ответственности за свой художественный труд, ему было свойственно обыкновенное желание порядочного человека поддержать и наставить на путь истинный того, кто в этом нуждался.

Выводы

Г. Гессе считает, что творчество истинно одаренного человека всегда связано с постоянным выбором и преодолением, состоянием поиска, интеллектуального и нравственного напряжения и свершается только на пути самопожертвования.

Социальная роль творца требует от него открытости: в современном мире невозможно находиться в слоновой башне, удаляясь в эмпирические кущи, забывая о насущных нуждах и страданиях большинства людей.

Г. Гессе утверждает, что осознание личной гениальности должно быть связано с пониманием личной ответственности и жертвенности. Для науки и особенно творчества необходимы эти качества. По мнению писателя, люди избранные – пророки, так как им свойственно твердое убеждение в том, что они есть пророки, должны ими быть и другого не дано. Такое особенное положение и роль могут быть доказаны только жертвами во имя призвания. «Самозаклание» не понимается как выбор жизни-страдания, а как осознанный отказ от суетности и праздности, в которой нет цели и стремления к благодетелью для других людей, а кроме того, высшие идеи требуют выбора в пользу активной позиции и отрешения от материальных излишеств. Весь жизненный путь художника, исполненный взлетов и

падений, мучений, заблуждений, компромиссов и кризисов, искупается посвящением в царство духа, единокровной близостью с творцами прошлого и настоящего, великими мыслителями, причастностью к мудрости и красоте, вечно сияющим через все времена и пространства.

Можно было бы сказать, что этический контраст «добро – зло» и эстетический – «прекрасное, возвышенное – безобразное, низменное» формируют «ядро» постулатов Гессе об искусстве и выборе художника, но как, в сущности, отрицание в его суждениях идет рука об руку с утверждением, так и языковое воплощение представляет соединение лексического «плюса» и «минуса», отражающих единое целое бытия. Стремление художника к познанию красоты и водружению ее на пьедестал не отрицает многообразия мира. Призывая молодого творца к правильному выбору пути «через тернии к звездам», Гессе убедительно доказывает, что творчество не гарантирует постоянного вдохновения, душевной гармонии и удовольствия от его плодов. Несовершенство мира было и останется, но Гессе, как и Гете, верит, что свет духовной радости, исходящей от художника, способен дать и ему самому, и читателям ориентир в том лучшем, что создала природа, общество, культура и литература.

Сопоставление писем Г. Гессе и Л.Н. Толстого, обращенных к начинающим авторам, выявляет следующие общие позиции:

- основой этических принципов художника является признание первенства морали и в жизни, и в творчестве;

- нравственные категории самым тесным образом связаны с категориями эстетическими: художник, считающий, что свободен от «нравственной обязанности», производит только «ложную науку и ложное искусство»;

- талант – это ответственность и щедрость;

- судьба гения мыслится в религиозном контексте, в служении добру, красоте и любви к людям;

- служение людям выше таланта художника;

- искусство не должно разъединять людей.

Письма Толстого и Гессе – письма умудренных жизнью людей, поэтому возраст и особенности характера – открытость, любознательность, интеллектуальная щедрость – делают письма исповедальными, наставническими и представляют своеобразную проповедь. Личность авторов проявляется в выражении доброжелательности, «извинительности» тона, заинтересованности, искренности, надежды на понимание, проявлении таких эмоций, как радость, сочувствие, восхищение, ирония, горечь и т.д.

В стиле писем Г. Гессе и Л. Толстого используются разнообразные риторические приемы, употребляются все законы греческой хрии, где примеры и аргументы важны в доказательстве выдвигаемых постулатов; где выводы акцентированы и афористичны. В описании судьбы гения дается соединение рационального, рефлектирующего и эмоционально-доверительного начал. Религиозная риторика, характеризующаяся архаичными возвышенными оборотами, инверсиями, повторами, музыкальным ритмом, также присутствует, особенно когда авторы делают окончательные выводы о нравственных ценностях и смысле бытия человека, духовном совершенствовании, смирении перед испытаниями и утверждении служения страждущим.

Обращение к письмам великих писателей представляется весьма продуктивным, так как они содержат мысли, выстраданные на долгом пути духовных поисков, обобщают опыт времени и остаются тем ориентиром, от которого не следует отказываться современным молодым литераторам, публицистам, всем художникам.

Список литературы

1. Письма Плиния Младшего. 2-е изд., перераб. М.: Наука, 1982. 405 с.
2. Розанова С.А. Эпистолярное наследие Льва Толстого // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 20. М.: Худож. лит., 1984. С. 766–786.
3. Седелник В.Д. Я верю в законы человеческого рода...// Письма по кругу / Г. Гессе; пер. с нем.; сост., авт. предисл. и коммент. В.Д. Седелник. М.: Прогресс, 1987. 400 с.
4. Целлер Б. Герман Гессе сам свидетельствующий о себе и о своей жизни / пер. с нем Е. Нечепорука. Челябинск: Урал LTD, 1998. 321 с.
5. Паперно И. Б. «Кто, что я?»: Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 232 с.
6. Николаева Е.В., Щербинина А.А. Жанровые формы эпистолярных диалогов Л.Н. Толстого с литераторами 1850 – 1870-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 21–27.
7. Щербинина А.А. Эпистолярный Л.Н. Толстого: истоки и становление жанровых форм. М., 2020. URL: <http://mpgu.su/wp-content/uploads/2020/07> – <http://mpgu.su/dissertations/jepistoljarij-l-n-tolstogo-istoki-i-stanovlenie-zhanrovyh-form/>
8. Гессе Г. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Прогресс – Литера, 1995. Т. 6.
9. Гессе Г. Библиотека всемирной литературы // Магия книги: Эссе, очерки, фельетоны, рассказы и письма о чтении, книгах, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле: сборник / пер. с нем., предисловие, послесловие и комментарии А. Науменко. М.: Книга, 1990. Серия «Полка библиофила». 238 с.
10. Гессе Г. Юный гений // Магия книги: Эссе, очерки, фельетоны, рассказы и письма о чтении, книгах, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле: сборник / пер. с нем., предисловие, послесловие и комментарии А. Науменко. М.: Книга, 1990. Серия «Полка библиофила». 238 с.
11. Гейне И. В. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 10. Об искусстве и литературе / пер. с нем. под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта; коммент. А. Аникста. М.: Худож. лит., 1980. 510 с.
12. Золотухина О.Б. Эволюция психологизма Германа Гессе: дис. ... канд. филол. наук. Гродно, ГрГУ, 2005. 22 с.
13. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: в 30-ти т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. 423 с.
14. Гессе Г. Дневник // Магия книги: Эссе, очерки, фельетоны, рассказы и письма о чтении, книгах, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле: сборник / пер. с нем., предисловие, послесловие и комментарии А. Науменко. М.: Книга, 1990. Серия «Полка библиофила». 238 с.
15. Михайлов А.В. Мир Германа Гессе // Литературное обозрение. 1986. № 5. С. 56–64.
16. Рожкова Н.В. Мировоззренческие странствия Герма Гессе: путь писателя в поисках истинного бытия. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 150 с.
17. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1870 по 1881 год / АН СССР, ИМЛИ им. А. М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 695 с.
18. Асмус В.Ф. Мировоззрение и эстетика Л.Н. Толстого // Вопросы теории и истории эстетики. М.: Искусство, 1968. С. 434–531.
19. Галаган Г.Я. Л.Н. Толстой. Художественно-этические искания. Л.: Наука, 1981. 176 с.

20. Роллан Р. Толстой – свободный мыслитель – («Tolstoï, l'esprit libre») «Les tablettes», 1917.

21. Толстой Л.Н. Письмо к неизвестному о немецких школах. URL: <http://tolstoj.ru/1998.html><http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/chernoviki/pismo-k-neizvestnomu-o-nemeckih-shkolah>. Отрывок хранится в АТБ (*Панка XVIII*). Часть отрывка была уже опубликована Н. Н. Гусевым в его книге: «Толстой в молодости», Труды Толстовского Музея. М. 1927, с. 380.

22. Роллан Р. Письмо к Л.Н. Толстому от 16 апреля н. с. 1887 г. Письмо опубликовано в отрывках по-русски в «Литературном наследстве», 31-32, М., 1937. С. 1007-1008.

23. Толстой Л.Н. Ромену Роллану (перевод с французского) от 3-4 октября. Ясная Поляна, 1887 год // Собрание сочинений: В 22-х т. Т. 19-20. Письма. 1882–1910. / сост. и коммент. О.А. Голиненко, З.Н. Ивановой, С.А. Розановой, Б.М. Шумовой. М.: Худож. лит., 1984. С. 143–151.

References

1. *Pis'ma Pliniya Mladshego* [The Letters of Plinius Junior]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 405 p.

2. Rozanova S.A. [Rozanova S.A. Epistolary heritage of Leo Tolstoy]. *L.N. Tolstoj. Sobranie sochinenij* [Tolstoy. Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984, Vol. 20. pp. 766–786 (In Russ.).

3. Sedel'nik V.D. [I Believe in the Laws of the Human Race...]. *Pis'ma po krugu* [Letters in Circle]. Moscow, Progress Publ., 1987. 400 p. (In Russ.).

4. Celler B. *German Gesse sam svidetel'stvuyushchij o sebe i o svoej zhizni* [Hermann Hesse testifying about himself and his life]; ed. by E. Necheporuka. Chelyabinsk, Ural LTD Publ., 1998. 321 p.

5. Paperno I. B. *"Kto, chto ya?": Tolstoj v svoih dnevnikaх, pis'mah, vospominaniyah, traktataх* [Paperno I. B. "Who, what am I? Tolstoy in his diaries, letters, memoirs, treatises]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 232 p.

6. Nikolaeva E.V., Shcherbinina A.A. Zhanrovye formy epistoljarnyh dialogov L.N. Tolstogo s literatorami 1850 – 1870-h godov [Genre forms of epistolary dialogues of L.N. Tolstoy with literary persons of 1850–1870s]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 2019, vol. 12, is 12, pp. 21–27.

7. Shcherbinina A.A. *Epistoljarij L.N. Tolstogo: istoki i stanovlenie zhanrovyh form* [Tolstoy's Epistolary: Origins and Formation of Genre Forms]. Moscow, 2020. Available at: <http://mpgu.su/wp-content/uploads/2020/07><http://mpgu.su/dissertations/jepistoljarij-l-n-tolstogo-istoki-i-standovlenie-zhanrovyh-form/>

8. Gesse G. *Sobranie sochinenij* [Herman Hesse Collected Works]. Moscow, Progress – Litera Publ., 1995.

9. Gesse G. [Library of world literature]. *Magiya knigi: Esse, ocherki, fel'etony, rasskazy i pis'ma o chtenii, knigah, pisatel'skom trude, bibliofil'stve, knigoizdanii i knigotorgovle. Sbornik*. [The magic of the book: Essays, sketches, feuilletons, stories and letters about reading, books, writer's work, bibliophilia, book publishing and bookselling. Collection]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 238 p.

10. Gesse G. [Young genius]. *Magiya knigi: Esse, ocherki, fel'etony, rasskazy i pis'ma o chtenii, knigah, pisatel'skom trude, bibliofil'stve, knigoizdanii i knigotorgovle. Sbornik* [The magic of the book: Essays, sketches, feuilletons, stories and letters on reading, books, writer's work, bibliophilia, book publishing and bookselling]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 238 p. (In Russ.).

11. Gejne I. V. *Sobranie sochinenij v 10-ti tomah*. T. 10. *Ob iskusstve i literature* [Collected Works in 10 volumes. Vol. 10 About Art and Literature]; ed. by A. Anikst and N. Vil'mont. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, Publ., 1980. 510 p.

12. Zolotuhina O.B. *Evoluciya psihologizma Germana Gesse*. Diss. kand. filol. nauk [The Evolution of Herman Hesse's Psychologism. Cand. philol. sci. diss.]. Grodno, Grodno State University, Publ., 2005. 22 p.

13. Dostoevskij F.M. *Crime and Punishment*. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works in 30 vols.]. Leningrad: Nauka Publ., 1973. Vol. 6. 423 p. (In Russ.).

14. Gesse G. [Diary]. *Magiya knigi: Esse, ocherki, fel'etony, rasskazy i pis'ma o chtenii, knigah, pisatel'skom trude, bibliofil'stve, knigoizdanii i knigotorgovle*. *Sbornik* [The magic of the book: Essays, sketches, feuilletons, stories and letters about reading, books, writer's work, bibliophilia, book publishing and bookselling. Collection]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 238 p. (In Russ.).

15. Mihajlov A.V. *Mir Germana Gesse* [The world of Herman Hesse]. *Literaturnoe obozrenie = Literary review*, 1986, no. 5, pp. 56–64.

16. Rozhkova N.V. *Mirovozzrencheskie stranstviya Germa Gesse: put' pisatelya v poiskah istinnogo bytiya* [Worldview wanderings of Herm Hesse: the way of the writer in search of the true being]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2014. 150 p.

17. Gusev N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoj: Materialy k biografii s 1870 po 1881 god* [Leo Nikolayevich Tolstoy. Materials for the biography from 1870 to 1881]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. 695 p.

18. Asmus V.F. [Tolstoy's Philosophies and Aesthetics]. *Voprosy teorii i istorii estetiki* [Questions of theory and history of aesthetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968. pp. 434–531 (In Russ.).

19. Galagan G. Ya. *LN. Tolstoj. Hudozhestvenno-eticheskie iskaniya* [Leo Tolstoy. Art and Ethical Quest]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 176 p.

20. Rollan R. *Tolstoj – svobodnyj myslitel'* – ("Tolstoï, l'esprit libre") "Les tablettes", [Tolstoy - A free thinker - ("Tolstoï, l'esprit libre") "Les tablettes"], 1917.

21. Tolstoj L.N. [Letter to the unknown about German schools]. Available at: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/chernoviki/pismo-k-neizvestnomu-o-nemeckih-shkolah>.

22. Rollan P. *Pis'mo k L.N. Tolstomu ot 16 aprelya n. s. 1887 g.* [Tolstoy dated by April 16, 1887] *Literaturnoe nasledstvo*, 31-32. [Literary Heritage]. Moscow, 1937, pp. 1007-1008.

23. Tolstoj L.N. *Romenu Rollanu (perevod s francuzskogo) ot 3-4 oktyabrya*. *Yasnaya Polyana, 1887 god. Sobranie sochinenij* [Romain Rolland (translated from French) from October 3-4. Yasnaya Polyana, 1887. Collected works]. Vol. 19-20. *Pis'ma. 1882–1910*. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1984, pp. 143–151.

Информация об авторах / Information about the Authors

Летапурс Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: lietaurs@mail.ru

Tatiana V. Letapurs, Cand. of Sci. (Phylological), Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: lietaurs@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5879-1779

Малыхина Татьяна Моисеевна, кандидат филологических наук, доцент, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: etnolingv@mail.ru

Tatiana M. Malykhina, Cand. of Sci. (Phylological), Kursk State University, Kursk, Russia Federation,
e-mail: etnolingv@mail.ru
ORCID: 0000-000-0002-2802-5686

Оригинальная статья / Original article

УДК 81

Языковые особенности пейзажных зарисовок в художественной прозе А.П. Гайдара (на материале рассказов «Р.В.С.», «Голубая чашка» и повести «Тимур и его команда»)**И. В. Кочергина¹ ✉, И. С. Климас², И. А. Михайлов¹, А. А. Сергеева¹**

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

²Курский государственный университет
ул. Радищева д. 33, г. Курск 305001, Российская Федерация

✉ e-mail: irinkamarkova28011993@yandex.ru

Резюме

Статья посвящена обзорному анализу пейзажных зарисовок в художественной прозе А. П. Гайдара (на примере повести «Тимур и его команда», рассказов «Голубая чашка» и «Р.В.С.»). В целом, язык художественной прозы писателя изучен недостаточно. В данный момент ведется активное изучение актуализированного лексикона произведений Гайдара, отдельных аспектов его языка. Но полностью идиолект автора не изучен. Актуальность исследования обуславливается тем, что в данный момент нет анализа пейзажных зарисовок в произведениях Гайдара. Целью работы является обзорный анализ языковых средств выразительности, с помощью которых создаются описания природы в нескольких произведениях. Это позволяет обозначить задел для дальнейшего лингвистического анализа данного аспекта. В ходе исследования применялись методы наблюдения, сплошной выборки, контекстуального анализа, систематизации языкового анализа. Проведенный анализ дает представление о пейзажных зарисовках в прозе Гайдара, их составе. Они создаются при помощи эпитетов, метафор, олицетворений и синтаксического параллелизма. Выявлено, что описание природы позволяет писателю сопоставлять ее состояние с ходом повествования. В рассказе «Р.В.С.» спокойствие природы противопоставлено бурной, беспокойной жизни в русле Гражданской войны. В повести «Тимур и его команда» описания природы используются реже, они олицетворяют спокойную жизнь дачного поселка в котором происходит действие. В «Голубой чашке» автор использует развернутые описания природных пейзажей. Проведенный анализ пейзажных зарисовок позволяет сделать вывод о том, что изображение природы неразрывно связано с основным действием и помогает писателю решить художественную задачу.

Ключевые слова: авторский лексикон; детская речь; военная лексика; пейзажная зарисовка; эпитет; метафора; олицетворение; синтаксический параллелизм.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кочергина И. В., Климас И. С., Михайлов И. А., Сергеева А. А. Языковые особенности пейзажных зарисовок в художественной прозе А.П. Гайдара (на материале рассказов «Р.В.С.», «Голубая чашка» и повести «Тимур и его команда») // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 50-57.

Статья поступила в редакцию 04.10.2022

Статья подписана в печать 30.11.2022

Статья опубликована 21.12.2022

© Кочергина И. В., Климас И. С., Михайлов И. А., Сергеева А. А., 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика / Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2022; 12(4): 50-57

Linguistic Features of Landscape Sketches in the Fiction of A.P. Gaidar (Based on the Stories "R.V.S.", "Blue Cup" and the Story "Timur and his team")

Irina V. Kochergina¹ ✉, Irina S. Klimas², Igor A. Mikhailov¹, Anna A. Sergeeva¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Kursk State University
33 Radisheva str., Kursk 305001, Russian Federation

✉ e-mail: irinkamarkova28011993@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the overview analysis of landscape sketches in the fiction of A. P. Gaidar (on the example of the novels "Timur and his team", "Blue Cup" and the story "R.V.S."). In general, the language of the writer's fiction has not been studied enough. At the moment, an active study of the updated lexicon of Gaidar's works, certain aspects of his language is underway. But the author's idiolect has not been fully studied. The relevance of the study is due to the fact that at the moment there is no analysis of landscape sketches in Gaidar's works. The purpose of the work is an overview analysis of linguistic means of expression, with the help of which descriptions of nature are created in several works. This allows us to identify the groundwork for further linguistic analysis of this aspect. In the course of the study, methods of observation, continuous sampling, contextual analysis, and systematization of language analysis were used. The analysis gives an idea of the landscape sketches in Gaidar's prose, their composition. They are created using epithets, metaphors, personifications and syntactic parallelism. It is revealed that the description of nature allows the writer to compare its state with the course of the narrative. In the story "R.V.S.", the tranquility of nature is contrasted with the turbulent, turbulent life in the wake of the Civil War. In the story "Timur and his team" descriptions of nature are used less often, they embody the quiet life of the country village in which the action takes place. In the "Blue Cup" the author uses detailed descriptions of natural landscapes. The analysis of landscape sketches allows us to conclude that the image of nature is inextricably linked with the main action and helps the writer to solve an artistic problem.

Keywords: author's vocabulary; children's speech; military vocabulary; landscape sketch; epithet; metaphor; personification; syntactic parallelism.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kochergina I. V., Klimas I. S., Mikhailov I. A., Sergeeva A. A. Linguistic Features of Landscape Sketches in the Fiction of A.P. Gaidar (Based on the Stories "R.V.S.", "Blue Cup" and the Story "Timur and his team"). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022, 12(4): 50–57 (In Russ.).

Received 04.10.2022

Accepted 30.11.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

Художественные произведения А.П. Гайдара представляют объект для подробного лингвистического анализа. В рамках проекта «Курское слово», созданного учеными-лингвистами Курского государственного университета, ведется активное исследование актуализированного лексикона писателя, имя которого связано с Курским краем.

Большинству читателей Гайдар известен как детский писатель: его произведения призваны научить подрастающее поколение многим важным вещам, без которых невозможно воспитать достойную личность. Спецификой адресата объясняется то, что особое место в авторском лексиконе занимает детская речь. А.П. Гайдар, как талантливый мастер, учитывает в своих произведениях ее осо-

бенности и талантливо использует наиболее типичные для детей модели словотворчества. Во многих произведениях А.П. Гайдара главными героями являются дети, глазами которых и показано окружающее.

Еще одной отличительной чертой гайдаровских произведений является то, что война играет сюжетобразующую роль и диктует ход повествования («Школа», «Р.В.С.», «Тимур и его команда»). Сам Гайдар говорил о себе так: «...Я скорее солдатский писатель. От всех моих книг порохом пахнет» [1, 2]. Именно поэтому военная лексика занимает особое место в языке художественной прозы А.П. Гайдара. Составленный нами словарь военной лексики в авторском идиолекте показывает разнообразие именований. Они разделены на несколько кластеров: «Оружие и сопутствующие ему предметы», «Воинские формирования и части», «Локализация военных действий», «Военные действия», слова, обозначающие военную и боевую технику. Каждый кластер представлен единицами, имеющими разную частоту употребления [3, с. 62 – 69].

Методы исследования

Дети и война являются основой почти всех гайдаровских произведений. Война – это, как правило, фон повествования, а дети – главные действующие лица. Воплотить авторскую мысль, связав эти два начала, сделать стиль особенным, а сюжет глубоким, нередко помогают пейзажные зарисовки, играющие особую роль в художественной прозе А.П. Гайдара.

Для обзорного анализа пейзажных зарисовок в повести «Тимур и его команда» и рассказах «Р.В.С.» и «Голубая чашка» мы использовали описательный метод и метод сплошной выборки.

Результаты и обсуждение

В Лингвистическом энциклопедическом словаре находим следующее толкование: «пейзаж – это жанр изобразительного искусства, в котором основным предметом изображения является первозданная, либо в той или иной степени преобразенная человеком природа» [4, с. 512].

Пейзаж как один из элементов создания системы художественного текста прошел долгий путь развития. Мастера слова уделяют большое внимание описаниям природы, с течением времени пейзажные зарисовки становятся неотъемлемой частью произведений [5]. Г.Н. Толова отмечает, что «пейзажная единица практически всегда занимает в творчестве отдельного писателя сильную текстовую позицию» [6].

Многие писатели через природные описания выражают свои чувства, мысли и переживания. По мнению М.Н. Эпштейна, «пейзаж стал рассматриваться не только как средство выражения определенного содержания, связанного с описанием природы, но и как способ построения текста, формирования его темы и идеи, как текстовая единица, реализующая структурно-содержательную целостность художественного текста» [2].

Единой классификации пейзажей в художественном произведении не существует, «поскольку лингвистическое исследование пейзажных описаний предполагает возможность разнообразных подходов к изучаемому явлению» [5]. Но все исследователи сходятся во мнении, что любой пейзаж помогает ярче описать обстановку, в которой развивается действие, раскрыть характеры героев, их психологическое состояние [5].

Смысл описания природы в художественном произведении зависит от авторской позиции. Взаимосвязь пейзажа с

другими компонентами, его «включение в систему текста» [2] помогают автору делать переходы от темы к теме, украшать повествование [5], обуславливают выбор языковых средств.

Обратимся к пейзажным зарисовкам в произведениях А.П. Гайдара. Рассказ «Р.В.С.» – это история двух мальчиков, Димки и Жигана, глазами которых читатель видит события Гражданской войны. Военные действия являются главным рычагом сюжета произведения. Именно поэтому в тексте избобилуют наименования данной тематики: *разведчик, пост, конница, батарея, фронт, револьвер, винтовка* и проч. События в рассказе разворачиваются стремительно, динамично, Гайдар изображает и белых, и красных, и зеленых. Внезапность и быстротечность действия замедляется пейзажными зарисовками, писатель будто останавливает время повествования, чтобы отвлечь читателей от войны и дать возможность вспомнить и о мирной жизни человека. Недавно задававшийся вопросом о смысле войны и всего происходящего, Димка остается наедине с ночной природой, которая спокойна и тиха: «Сквозь распахнутую дверь виднеются густо пересыпанное звездами небо и краешек светлого месяца» («Р.В.С.», т. 2, с. 40).

В описании пейзажа А.П. Гайдар часто использует эпитеты: *синее небо, желтые хлеба, лазурно-покойный летний день, порозовевший пруд*. Писатель намеренно употребляет прием антитезы, сравнивая спокойную природу и «неспокойных людей».

«В синем небе края облаков серебрятся от солнца... Неспокойны только люди...» («Р.В.С.», т. 2, с. 40)

«Везде беспокойно бурлила жизнь...» («Р.В.С.», т. 2, с. 47)

Сюжет рассказа писатель строит таким образом, что за каким-либо дина-

мичным событием сразу же наступает затишье, и именно описания природы помогают усилить этот эффект. Обиженный и заплаканный Димка идет к речке, изображая которую, Гайдар употребляет эпитеты (*темная, спокойная вода, розоватый блеск*) и олицетворение (*вода тихонько играла и перекатывалась через мелкое, каменистое дно*).

Когда Димка и Жиган собираются совершить побег и переживают, получится ли у них это сделать, писатель вновь рисует спокойный пейзаж, с помощью эпитетов (*красноватый круг солнца, широкий покой отдыхающей земли*) и олицетворений (*солнце заходило, «не торопясь, точно любясь широким покоем земли»*). Несколько раз А.П. Гайдар использует эпитет *красноватый*. Когда Жиган спешит на помощь незнакомцу-красноармейцу, его путь освещают «*красноватые лучи заходящего солнца*». Да и в целом образ солнца присутствует почти в каждой пейзажной зарисовке: чаще всего Гайдар изображает закат (заходящее солнце) либо описывает солнечные лучи как символ победы справедливости, добра (полумрак сарая, в котором находился командир Сергеев, прорезают солнечные лучи: «*Солнечные лучи, пробиваясь сквозь многочисленные щели, прорезали полутьму пустого сарая*» («Р.В.С.», т. 2, с. 58).

Одной из самых символических и важных в рассказе «Р.В.С.» является финальная картина успокоившейся жизни деревни после освобождения от врага. А.П. Гайдар употребляет наречие *тихо*, олицетворяя природу и описывая ее с помощью эпитетов (*ночь спускалась, ветер шевелил волосы, поле проглянуло, залитый лунным светом, переливчатые по свисты, прохладная роца*). Пейзаж помогает писателю выразить основную мысль произведения о том, что Красная Армия

восстанавливает мир и справедливость, а природа – это отражение происходящих событий.

В повести «Тимур и его команда» действие происходит в дачном поселке, жизнь которого протекает в мирном русле. Война в этом произведении выведена за пределы повествования. О ней мы узнаем, знакомясь с героинями Женей и Ольгой Александровыми, отец которых служит полковником в бронедивизионе. Война также стала определяющим фактором деятельности команды Тимура: мальчики организовали помощь семьям бойцов Красной Армии.

Что касается пейзажных зарисовок, то они в повести являются фоном повествования и передают атмосферу жизни в дачном поселке.

Колорит повести очень теплый и по-настоящему летний: опять обращает на себя внимание эпитет *солнечный* (*солнечная дорога*). Достоверность и легкость описания достигается за счет подобных зарисовок:

«На стволах обклеванных воробьями вишен блестела горячая смола. Крепко пахло смородиной, ромашкой и полынью...» («Тимур и его команда», т. 3, с. 86)

Изображая летний дачный поселок, Гайдар использует эпитеты: *пышная, омытая дождем зелень, тенистый сад, песчаная аллея, пышный букет полевых цветов, шумливая тенистая роща, озаренное луною крыльцо, зеленые улицы*.

Отметим, что в повести «Тимур и его команда» художественный замысел связан с тем, чтобы показать динамичность повествования, противостояние двух команд. Пейзажные описания используются нечасто, они не отличаются разнообразием изобразительно-выразительных средств.

Особое место в творчестве А.П. Гайдара занимает рассказ «Голубая чашка». Пожалуй, это произведение является самым «теплым» и непринужденным по атмосфере, язык повествования очень простой и легкий. Война здесь за рамками сюжета, никак не влияет на его развитие.

Исследователь О.К. Малышева отмечает, что в рассказе есть одно свойство, придающее произведению неповторимость, – лиризм [7, с. 202–204]. Б.В. Шкловский писал о рассказе так: «Начиная с «Голубой чашки», у Гайдара появился новый голос и новое литературное умение. Он как-то более лирически понял жизнь» [8, с. 359–361]. В связи с этим стоит заметить, что «авторская картина мира» писателя начинает расширяться, к ней добавляются романтические мотивы, «рожденные трагической эпохой революции, гражданской войны в стране, судьбу которых разделил Гайдар в юности» [9, с. 14]. Именно поэтому незримое присутствие войны ощущается в спорах и играх детей, в доносящихся с военных учений звуках выстрелов. Пейзажные зарисовки в рассказе «Голубая чашка» помогают писателю передать лиричность и романтизм повествования, они добавляют колоритность сюжету, делая его «теплым, домашним».

Девочка по имени Светлана и ее папа, от чьего имени ведется рассказ, – главные герои «Голубой чашки», которые совершают побег из дома и отправляются в путешествие. Решая художественную задачу описать приключения главных героев, Гайдар не может обойтись без пейзажных зарисовок.

Отличительным признаком описания природы и окружающей действительности является синтаксический параллелизм:

«И солнце к нам в окна заглядывает. И воробы по песчаным дорожкам ска-

чут. И цыплята сквозь деревянный плетень со двора на улицу и с улицы на двор шмыгают...» («Голубая чашка», [10, т. 1, с. 265]

Изображая природу, Гайдар рисует развернутые картины с использованием олицетворения:

«Сбежались отовсюду облака. Окружили они, поймали и закрыли солнце. Но оно упрямо вырывалось то в одну, то в другую дыру. Наконец вырвалось и засверкало над огромной землей еще горячей и ярче» («Голубая чашка», [10, т. 2, с. 278]

В пейзажных зарисовках Гайдар сочетает олицетворение с развернутыми метафорами:

«Встала острием к небу молодая серебристая река. И тысячами, ярче, чем флаги в Первое мая – синие, красные, голубые, лиловые, – окружали елку душистые цветы и стояли не шелохнувшись» («Голубая чашка», [10, т. 2, с. 278].

Особое внимание в рассказе «Голубая чашка» стоит обратить и на эпитеты как на средство создания картин природы: *желтая поляна, пышные головки, прохладная голубая река, зеленые острова, ржавая болотная вода, жирные болотные цветы, сверкающие пенистые водопады, серебристая бабочка, оранжевые лучи, золотая луна.*

Исследователи высоко оценили этот рассказ, Основина отмечала, что «светлая, эмоциональная, хрустальной, как

родник, чистоты поэтика произведения глубоко впечатляла современников писателя» [11]. Именно с этой непосредственной чистотой и связаны пейзажные зарисовки рассказа.

Значимое место в картинах природы произведений Гайдара занимает описание солнца: оно всегда светит по-особенному, и почти во всех картинах писатель подчеркивает его красный или оранжевый цвет. Это основная колористическая доминанта произведения, перекликающаяся, на наш взгляд, с рассказами о сильной Красной Армии.

Выводы

Итак, подводя итог, можно с уверенностью сказать, что пейзажные зарисовки играют важную роль в художественных произведениях А. П. Гайдара. Самыми распространенными средствами создания природных описаний являются эпитеты, метафоры, олицетворения. Они не только являются украшением сюжета, но и ярко символизируют многие события и явления. Описывая состояние природы, Гайдар сопоставляет ее с основным действием, а в рассказе «Р.В.С.» и противопоставляет. Перспективой дальнейшего лингвистического исследования является анализ языковых приемов изображения пейзажа в других произведениях писателя, не связанных с темой войны и образами детей.

Список литературы

1. Котов М.И. Гайдар на войне. М.: Молодая гвардия, 1984. 319 с.
2. Эпштейн М.Н. Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш.шк. 1990. 304 с.
3. Кочергина И.В., Климас И.С. Особенности употребления военной лексики в художественной прозе А.П. Гайдара // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2019. Т. 39. № 4. С. 62 –69.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
5. Головина Е.В. Функции пейзажных описаний в художественном произведении // Молодой ученый. 2017. № 3. С. 649–651.
6. Толова Г.Н. Пейзаж в литературе и искусстве. Пермь: Изд-во ПГПИ, 1993. 52 с.
7. Малышева О.К. Семантика эмоциональности в художественном пространстве рассказа А.П. Гайдара «Голубая чашка» // Молодой ученый. 2015. № 22.1 (101. 1). С. 202–204.
8. Гайдар Т.А. Гайдар Аркадий. Собрание сочинений: в 3 т. / сост. и общ. ред. Т.А. Гайдар. М.: Правда, 1986. Т. II. С. 359–361.
9. Кассиль Л. Гайдар // Гайдар Аркадий. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Детская литература, 1964. Т. 1. С. 5–35.
10. Гайдар А.П. Полное собрание сочинений: в 4-х т. М.: Детгиз, 1959. Т. 1–4.
11. «Обращение к Гайдару как глоток из чистого родника (о рассказе А.П. Гайдара «Голубая чашка») // Творчество Аркадия Гайдара / И.Г. Минералова, Г.А. Основина, Н.И. Рыбаков [и др.]. М.: Литера, 2006. С. 77–86.

References

1. Kotov M.I. *Gajdar na vojne* [Gaidar at war]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1984. 319 p.
2. Epstein M.N. *Sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj poezii* [The system of landscape images in Russian poetry]. Moscow, 1990. 304 p.
3. Kochergina I.V., Klimas I.S. [Osobennosti upotrebleniya voennoj leksiki v hudozhestvennoj proze A.P. Gajdara]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya Features of the use of military vocabulary in the fiction of A.P. Gaidar = Questions of Journalism, Pedagogy, Linguistics*, 2020, vol. 39, no. 4, pp. 62–629.
4. *Linguistic Encyclopedic dictionary* [Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar']; ed. by V.N. Yartseva. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1990. 685 p.
5. Golovina E.V. Funkcii pejzazhnyh opisaniy v hudozhestvennom proizvedenii [Functions of landscape descriptions in a work of art]. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2017, no. 3, pp. 649–651.
6. Tolova G.N. *Pejzazh v literature i iskusstve* [Landscape in literature and art]. Perm, 1993. 52 p.
7. Malysheva O.K. Semantika emocional'nosti v hudozhestvennom prostranstve rasskaza A.P. Gajdara "Golubaya chashka" [Semantics of emotionality in the artistic space of A.P. Gaidar's story "The Blue Cup"]. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2015, no. 22.1 (101. 1), pp. 202–204.
8. Gaidar T.A. *Gajdar Arkadij. Sobranie sochinenij* [Gaidar Arkady. Collected works]; ed. by ed. T.A. Gaidar. Moscow, Pravda Publ., 1986, vol. II, pp. 359–361.
9. Kassil L. [Gaidar]. *Gajdar Arkadij. Sobranie sochinenij* [Gaidar Arkady. Collected works]. Moscow, Children's literature Publ., 1964, vol. 1, pp. 5–35 (In Russ.).
10. Gaidar A.P. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. Moscow, Detgiz Publ., 1959. Vol. 1–4.

11. Mineralova G., Osnovina G.A., Rybakov N.I. et al. [Appeal to Gaidar as a sip from a pure spring (about A.P. Gaidar's story "The Blue Cup")]. *Tvorchestvo Arkadiya Gajdara* [The work of Arkady Gaidar]. Moscow, Litera Publ., 2006, pp. 77–86 (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the Authors

Кочергина Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: irinkamarkova28011993@yandex.ru

Irina V. Kochergina, Senior Lecturer of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: irinkamarkova28011993@yandex.ru

Климас Ирина Сергеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: iklimas@mail.ru

Irina S. Klimas, Dr. of Sci. (Philological), Professor of the Russian Language Department of Kursk State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: iklimas@mail.ru

Михайлов Игорь Александрович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: igor_mikhajlov@mail.ru

Igor A. Mikhailov, Cand. of Sci. (Pedagogical), Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: igor_mikhajlov@mail.ru

Сергеева Анна Александровна, студент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: annasergeeva33460@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-1854-4818

Anna A. Sergeeva, Student of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: annasergeeva33460@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-1854-4818

Оригинальная статья / Original article

УДК 821.161.1

К вопросу об особенностях вербализации бинарной оппозиции «земля – небо» в романе А. Платонова «Чевенгур»Н.Б. Бугакова¹ ✉¹Воронежский государственный технический университет

ул. 20-летия Октября 84, г. Воронеж 394006, Российская Федерация

✉ e-mail: ya_witch@mail.ru

Резюме

Актуальность предлагаемого исследования заключается в том, что исследование бинарных оппозиций, их функционирования и особенностей вербализации в языковой и мифопоэтической картинах мира конкретного автора призвано помочь реконструировать модель мира, сформировавшуюся в его сознании. Известные на данный момент работы, анализирующие творчество А. Платонова в этом аспекте (напр., работы М.А. Дмитриевской «Язык и мирозерцание А. Платонова» (1999), К.А. Баршита «Поэтика прозы Андрея Платонова» (2005), Ю.А. Сухомлиновой «Бинарные оппозиции в творчестве Андрея Платонова» (2005), В.В. Мароши «Роль мифологических оппозиций в мотивной структуре прозы А. Платонова» (1991), И.В. Сосновской «Открытие смысла художественного произведения через систему бинарных оппозиций (по повести А. Платонова «Сокровенный человек»)» (2017) и др.), на наш взгляд, недостаточно полно освещают проблему, которой посвящено настоящее исследование.

Целью нашей работы является рассмотрение функционирования бинарной оппозиции «земля – небо» в романе А. Платонова «Чевенгур» и выявление индивидуально-авторского своеобразия мифопоэтической картины мира писателя.

Задачи. Рассмотреть семантический потенциал бинарной оппозиции «земля – небо» в романе А. Платонова «Чевенгур» с точки зрения выявления авторских особенностей вербализации.

Методология. Методом сплошной выборки из рассматриваемого романа были отобраны случаи употребления автором лексем, вербализующих оппозицию «земля – небо», проведен сопоставительный анализ с данными национальной языковой картины мира, отраженными в словарях.

Результаты. Анализ функционирования бинарной оппозиции «земля – небо» и способов ее лексической объективации в романе А. Платонова «Чевенгур» позволяет сделать вывод, что в языковой картине мира писателя находит отражение мифопоэтическая картина мира, в соответствии с которой земля, при правильном с ней обращении, выступает в роли матери, кормилицы и защитницы, может укрывать, предоставлять убежище. Небо в рассматриваемом романе – это структура, способная выполнять функции земли, поскольку по отношению к земле небо вторично. Небо может изменяться в зависимости от того, что происходит на земле.

Вывод. Для лексической объективации оппозиции «земля – небо» автором используются лексемы земля, небо, которые вводятся в художественный текст романа «Чевенгур» с приращением смысла.

Ключевые слова: земля; небо; бинарные оппозиции; мифопоэтическая картина мира; языковая картина мира; вербализация

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бугакова Н.Б. К вопросу об особенностях вербализации бинарной оппозиции «земля – небо» в романе А. Платонова «Чевенгур» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 58-67.

Статья поступила в редакцию 01.08.2022

Статья подписана в печать 27.10.2022

Статья опубликована 21.12.2022

To the Question of the Features of the Verbalization of the Binary Opposition "Earth - Sky" in A. Platonov's novel "Chevengur"

Nadezhda B. Bugakova¹ ✉

¹Voronezh State Technical University

str. 20th anniversary of October, 84, Voronezh 394006, Russian Federation

✉ e-mail: ya_witch@mail.ru

Abstract

Relevance. The relevance of the proposed study lies in the fact that the study of binary oppositions, their functioning and features of verbalization in the linguistic and mythopoetic worldviews of a particular author is intended to help reconstruct the model of the world that has formed in his mind. Currently, there are no works devoted to such an analysis of A. Platonov's work.

The purpose of our work is to consider the functioning of the binary opposition "earth - sky" in A. Platonov's novel "Chevengur" and to identify the individual author's features of the writer's mythopoetic worldview in relation to the national worldview.

Objectives. Consider the cases of the functioning of the binary opposition "earth - sky" in A. Platonov's novel "Chevengur" from the point of view of identifying the author's features of verbalization.

Methodology. Using the method of continuous sampling, cases of the author's use of lexemes that verbalize the opposition "earth - sky" were selected from the novel under consideration, a comparative analysis was carried out with the data of the national linguistic picture of the world, reflected in dictionaries.

Results. An analysis of the functioning of the binary opposition "earth - sky" and the methods of its lexical objectification in A. Platonov's novel "Chevengur" allows us to conclude that the writer's linguistic picture of the world reflects the mythopoetic picture of the world, according to which the earth, with proper handling, acts as a mother, nurse and protector, can shelter, provide shelter. The sky in the novel under consideration is a structure capable of performing the functions of the earth, since the sky is secondary in relation to the earth. The sky can change depending on what is happening on earth.

Conclusion. For lexical objectification of the opposition "earth - sky", the author uses the lexemes earth, sky. These lexemes function in the novel "Chevengur" in the meanings recorded in explanatory dictionaries.

Keywords: earth; sky; binary oppositions; mythopoetic picture of the world; language picture of the world; verbalization.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bugakova N. B. To the Question of the Features of the Verbalization of the Binary Opposition "Earth - Sky" in A. Platonov's novel "Chevengur". *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(4): 58–67 (In Russ.).

Received 01.08.2022

Accepted 27.10.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

Бинарные оппозиции, осуществляющие функцию связи разноуровневых компонентов художественного текста и формирующие его целостность, отражают особенности индивидуально-авторского мировидения. Несмотря на достаточное количество работ (В.В. Мароши

[1], М.А. Дмитривской [2], К.А. Баршта [3], Ю.А. Сухомлиновой [4], И.В. Сосновской [5] и др.), посвященных анализу способов вербализации бинарных оппозиций в текстах А. Платонова, полагаем, что наша работа, рассматривающая восприятие таких миромоделирующих понятий, как *земля* и *небо* в романе «Чевенгур», способствует расширению знаний

об индивидуально-авторской картине мира писателя.

Материалы и методы. Методом сплошной выборки из рассматриваемого романа были выделены случаи употребления автором лексем, вербализующих оппозицию «земля – небо», проведен сопоставительный анализ с данными национальной языковой картины мира, отраженными в словарях.

Результаты и обсуждение

В толковых словарях зафиксированы следующие значения лексемы *земля*, отражающие национальную картину мира русского человека: «планета, один из миров или несамосветлых шаров, коловращающихся вокруг солнца / Наш мир, шар, на котором мы живем, земной шар / В значении стихийном (огонь, воздух, вода, земля): всякое твердое, нежидкое тело, четвертая стихия, и в этом знач. самое тело человека именуется землею. Земля еси, в землю отъидеши» [6, с. 564]. Лексема *небо* имеет следующие значения: «бесконечное, выпретенное пространство, окружающее землю нашу; вся ширь и глубь вселенной, иногда со включением мироколицы нашей / Мнимая твердь над нами, видимый полый шар, внутренняя плоскость его, к коей мы относим и все зримое в пространстве, небесный свод» [7, с. 784].

Рассматривая функционирование оппозиции «земля – небо» в романе А. Платонова «Чевенгур», не можем не обратить внимание на то, что *земля* и *небо* – это главная космогоническая оппозиция. По словам В.Н. Топорова, функционирование оппозиции «земля – небо» обусловлено тем, что «противопоставление небо-земля (подземное царство) воплощено в приурочении божества к небу, человека к земле» [8, с. 161].

Еще одним аспектом оппозиции «земля – небо» является понимание *земли* как Матери, от которой рождается мир. Поэтому землю свойственно воспринимать как защитницу. В традициях славян

земля, на которой родился человек, имела огромную сакральную значимость: человек, собираясь в чужие края (или, например, на войну), брал с собой горстку родной земли, поскольку считалось, что она будет помогать преодолевать трудности. Свидетельством этого верования можно считать, например, одну из русских народных сказок «Иван – крестьянский сын и Чудо-юдо» [9]. Главный герой сказки сражается у реки Смородины с шестиглавым, девятиглавым и двенадцатиглавым змеем, которые вбивают его по колени, по пояс и по плечи в землю. Мы видим, что силы Ивана не убывают, а прибавляются. Родная земля дает ему необходимую моральную поддержку и физическую силу, и он выходит из схватки победителем.

Однако *земля* также является структурой, которая принимает в себя человека, – яма, могила и т.п., что мифом толкуется как окно в иной мир, как место стыка жизни и смерти; *небо* в таком случае выполняет функцию купола, закрывающего землю от вторжений извне (здесь уместно, думается, провести параллель с Покровом Богородицы, который она распростерла, чтобы укрыть) [10, с. 452]. Существует точка зрения, определяющая дуальность неба-земли как систему «эмоционально-образных оппозиций» [11, с. 87].

В соответствии с классификацией языческих божеств, введенной Е.Ф. Карским, на первое место в иерархии солнечных божеств помещается бог неба Сварог, а на второе – «жена Сварога», Мать-Сыра Земля, почитание которой как божества было распространено у восточных славян (целовать землю, есть землю при клятвах, припадать к земле) [12, с. 225].

Небо, которое мы видим, мы представляем, как уже было отмечено, как купол (отсюда и существующее в языке словосочетание небесный свод). Подобное восприятие неба позволило провести параллель с пониманием небесного свода как горы (очи горе – значит, вверх, к небу).

Обращаясь к художественным текстам А. Платонова, отметим, что для писателя *небо* – опасное, чужое, *земля* – свое, настоящее. Однако возможны ситуации, когда героям текстов А. Платонова земная жизнь кажется неустроенной, хрупкой, ненадежной, поэтому они всеми способами стремятся вырваться из-под власти сил земли, устремляясь к небу («Лунная бомба», «Маркун»). На это также обращает внимание Н.М. Малыгина, которая считает, что «мысль о непригодности мира для жизни человека реализуется в творчестве Платонова в образах-символах адава дна, ада, ямы, оврага, могилы» [13, с. 97]. Подтверждение этой теории обнаруживается в «Чевенгуре» практически с первых страниц: «Саша решил скоро прийти из города, как только наберет полную сумку хлебных корок; тогда он выроет себе землянку рядом с могилой отца и будет там жить, раз у него нету дома» [14, с. 189]. Маленький Саша Дванов, оставшись сиротой, понимает, что он лишен дома и родных, и единственное место, которое он ощущает домом, т.е. чувствует себя в безопасности, – это могила отца. Ситуации, когда Саша таким образом пытается приблизиться к отцу, повторяются в романе неоднократно. Так, например, когда его посылают побираться приемные родители, он пытается избежать этой участи и пытается спрятаться опять же около могилы отца, роя землянку (т.е. устремляясь вглубь земли, т.к. землянка – это «крытое углубление в земле, вырытое для жилья, укрытия» [15, с. 396]: «– Я землянку вырою и жить тут буду, – сказал Саша. <...> прокрался к могиле отца и залег в недокрытой пещерке. <...> близ отца уснул <...> спокойно» [14, с. 193]. Очевидно, что маленький Саша воспринимает *землю* как защитницу. В то же время писатель реализует восприятие ямы в земле (землянки) как окна в иной мир, как места стыка жизни и смерти. Роя землянку, Саша пытается пробраться к отцу, чтобы получить у него так необходимую ребен-

ку поддержку родного человека. Маленького Сашу пугает большой и просторный мир, в котором он остался совсем один: «Саша испуганно глядел в пустоту степи; <...> все казалось чужим и страшным» [14, с. 193]. Поэтому он стремится найти убежище там, где меньше простора: «<...> Саше дорого было <...> вернуться в низину села на кладбище – там отец, там тесно и все – маленькое, грустное и укрытое землею и деревьями от ветра» [14, с. 193]. Как уже было сказано, герой романа воспринимает *землю* как защитницу. Но нельзя не отметить, рассматривая данные примеры, проводимую автором параллель с похоронами, когда он описывает стремление Саши углубиться в землю. Земля для Саши Дванова выполняет функцию матери, которую он давно потерял, поскольку похороны в народном сознании – это возвращение человека в материнское лоно земли. А. Платонов пишет: «Земля пахнет родителями» [16, с. 365]. И здесь обращает внимание на себя возникающее в романе противоречие традиционному восприятию смерти и похорон. Известно, что у русских людей существует обычай одеваться в чистое в случае смертельной опасности, а также одевать в новое покойника. Этот обычай связан со стремлением не осквернять землю. Помимо этого, от человека, который скоро умрет, начинает идти специфический запах. В таких случаях говорят: «пахнет землей». На наш взгляд, это обстоятельство подтверждает связь смерти и земли. В «Чевенгуре» все наоборот: «Мальчик прилег к телу отца, к старой его рубашке, от которой пахло родным живым потом, потому что рубашку надели для гроба – отец утонул в другой» [14, с. 194]. Такое отношение к ритуалу похорон обусловлено особенным отношением А. Платонова к смерти. Писатель размывает границы живого и мертвого миров, делая их взаимопроникающими, взаимозаменяемыми. Утонувший рыбак, отец Саши Дванова, «видел смерть как другую гу-

бернию, которая расположена под небом, будто на дне прохладной воды, – и она его влекла» [14, с. 192]. Очевидно, что героев А. Платонова смерть нисколько не страшит, они испытывают интерес к смерти и к тому, что будет после нее. Это обстоятельство еще раз подчеркивает мысль о том, что в картине мира писателя не существует четкой границы между миром живых и миром мертвых. Полагаем, в подобном отношении писателя к жизни и смерти нашли отражение философские идеи Н. Федорова, которым следовал А. Платонов. Эти идеи в общем заключались в том, что живые обязательно должны встретиться со своими мертвыми родственниками [17, с. 56].

Эмблематичным является то обстоятельство, что в романе отчетливо прослеживается способность земли менять свое качество. В каких-то ситуациях она мягкая, податливая (например, в начале произведения, когда маленький Саша роет землянку на кладбище, не используя никаких инструментов). А. Платонов описывает также эпизод, когда «Дванов лег и покопал пальцами почву под собой: земля оказалась вполне тучной» [14, с. 285], т.е. земля относилась к Дванову по-матерински на протяжении почти всего романа. В некоторых ситуациях употребление лексемы земля автор сопровождает введением цветовой характеристики: « – Отчего тут не пахнут? Ведь земля здесь черная! Лошадей, что ль, нету?» [14, с. 285]. Употребление прилагательного *черная* призвано сообщить читателю о том, что земля, о которой говорит герой романа «Чевенгур», плодородная, черная – это чернозем, тип почвы, распространенный на территории Воронежской области. Видим, что у героя вызывает недоумение тот факт, что земля не используется по прямому назначению – воспроизводить. *Земля* – это всеобщая кормилица, она является источником сил и здоровья. Но для того, чтобы земля была доброй по отношению к человеку, необходимо соблюдение определенных условий. За зем-

лей надо ухаживать: «Кто не почитает земли-кормилицы, тому она <...> не даст хлеба» [18, с. 95]. Очевидно, что у героев «Чевенгура» не сложились правильные отношения с землей, поэтому там не пахнут, несмотря на высокое качество земли.

Отношения Саши Дванова с *землей* противопоставлены тем, которые возникнут между ними в конце. Если в начале земля помогает Саше, защищает, выполняет функции матери, то в конце «земля была недостижима и уходила» [14, с. 301], была она «крепкая, прочная, <...> которая ждала его жизни, а через миг останется без него сиротою» [14, с. 301]. Мы видим, что Дванов и *земля* как бы поменялись местами, и теперь уже *земля* останется сиротой. Нельзя не отметить, что земля в данном эпизоде – крепкая, прочная, т.е., полагаем, автор демонстрирует читателю сложность или даже невозможность в этом случае воспользоваться землей как укрытием, потому что, очевидно, в прочном грунте вырыть землянку намного сложнее.

Постоянное стремление героев Платонова углубиться в *землю* (напр., «Котлован») обусловлено, полагаем, философскими изысканиями писателя, который считал сложившееся отношение человека к земле небрежным. «Человек с землей живут без обручения», – пишет А. Платонов в романе «Котлован» [14, с. 378]. В более поздних произведениях отношения человека с *землей* принципиально изменятся, и герои текстов Платонова уже не будут воспринимать *землю* как мать, заступницу; скорее наоборот, возникает противостояние *земли* и человека, враждебное отношение: «Нельзя представить, чтобы земля была еще тверже и беспощадней» («Счастливая Москва»).

Рассматривая индивидуально-авторские особенности функционирования образа *неба* в мифопоэтической картине мира А. Платонова, отметим следующее: в романе «Чевенгур» возможны ситуации, когда *небо* и *земля* не выступают

оппозицией, а, напротив, демонстрируют возможность единения: «<...> могучее небо сходится с деревенскими неподвижными угольями» [14, с. 23]. В этой ситуации *земля*, обозначаемая как деревенские уголья, уже не выступает тем живым существом, которое привыкли видеть в текстах А. Платонова. Она неподвижна; *небо* берет на себя главенствующую функцию и сходится с *землей*, выступая как структура, «оформляющая земные порождения» [19, с. 23]. В тексте романа видим подтверждение этой гипотезы: «Колонны главного дома ... важно держали перекладину, на которую опиралось одно небо» [14, 369]. Кроме того, *небо* выступает неким куполом, закрывающим *землю*, соединяясь с ней, и уже не *земля* берет на себя функции укрытия, а *небо*: «Ему стало легче ... под нависшим могущественным небом» [14, с. 374].

Земля и небо олицетворяются А. Платоновым, получают способность чувствовать: «И земля и небо были до утомления несчастны» [14, с. 397]. Испытывая одно и то же чувство, *земля и небо* как бы уравниваются в правах. О взаимопроникновении *земли и неба*, возможности меняться местами сообщают и наблюдения, полученные А. Платоновым в Средней Азии. Обращает на себя внимание запись в одной из записных книжек писателя: «Нигде так близко небо не прилегает к земле, как в пустыне, – она просто смешивается с ним и почти не различается одно от другого, особенно в сумерки, в зной, и ночью, в неопределенное время, когда видишь, что – время это часы – механизм, а не действие природы: времени нет, и пространство веществ воздуха и земли отграничены неясно, как и быть должно» [17, с. 356].

В соответствии с мифическими представлениями *небо* снабжает *землю* влагой (например, в виде дождя), таким образом делая ее плодородной. В картине мира Платонова возможны обратные ситуации: *небо* забирает у *земли* вместо того, чтобы давать: «Ночное звездное небо

отсасывало с земли последнюю дневную теплоту» [14, с. 420]. В данном случае *небо* не выполняет защитные функции *земли*, а наоборот, лишает ее жизни, делая холоднее. *Земля и небо* способны меняться местами, взаимозаменять друг друга: «он окончательно увидел социализм. Это голубое, немного влажное небо, питающееся дыханием кормовых трав» [14, с. 457]. В рассматриваемом произведении А. Платонова функционал *неба* – питать – принимает на себя *земля*, и уже она кормит небо, а не наоборот, как это должно быть с точки зрения мифов, существующих в национальной картине мира. Мысль о том, что *земля и небо* меняются местами, очевидна также в ситуации, когда Платонов описывает рассуждения о смерти отца Саши Дванова: «Он видел смерть как другую губернию, которая расположена под небом, будто на дне прохладной воды» [14, с. 189]. Очевидно, что автор видит небо внизу, на дне водоема, и ниже *неба* располагается смерть (об этом свидетельствует предлог *под*). Неоднократно автор обращает внимание на то, что за небом что-то есть, оно не представляет собой купол, закрывающий и изолирующий землю: «Небо от них чуть светлело по ту сторону мира» [14, с. 298]. Здесь необходимо отметить своеобразие модели мира А. Платонова: устройство его художественного мира вертикально, что совпадает с общепринятой точкой зрения, но внизу не *земля*, а *небо*. Полагаем, такое нетрадиционное понимание мироустройства обусловлено важностью в картине мира писателя именно *земли*, которая занимает первое место во всех его мыслях. По мнению А. Платонова, человек не может существовать без земли, «человек вышел из червя» – пишет он в 1920 году в письме в редакцию газеты «Трудовая армия» [13, с. 109]. Эти же слова повторяет ключевой персонаж романа «Чевенгур» Захар Павлович в своих размышлениях: «человек произо-

шел из червя» [14, с. 190]. Небо же для писателя вторично. Эта позиция, безусловно, находит подтверждение в тексте рассматриваемого романа: «Прошка залезал на крышу, морщился озабоченным лицом и сторожил небо» [14, с. 201]. Автор думает о *небе* как о структуре, которая нуждается в управлении человеком, в контроле им. Например, в приведенном примере мальчик Прошка «сторожит» небо, ожидая дождь, который жизненно необходим, ведь без дождя наступит засуха, и людям будет грозить голод. Подобная точка зрения отражена в национальной мифопоэтической картине мира, например, в молитвах о дожде, заговорах или каких-либо фольклорных текстах. Люди искренне считали, что способны повлиять на погоду, и не единожды в произведениях русской литературы встречаются описания молебнов о дожде и иных способах его призвать (напр., «Поднятая целина» М.А. Шолохова).

Герои «Чевенгура» постоянно размышляют о *небе*: «Захар Павлович подумал, на что похоже небо?» [14, с. 423], «небо светило над советской землей с такой привычкой и однообразием, как будто Советы существовали исстари, и небо совершенно соответствовало им. В Дванове уже сложилось беспорочное убеждение, что до революции и небо, и все пространства были иными – не такими милыми» [14, с. 423]. Очевидно, героев романа интересует и само небо, и его история. Рассуждая о *небе*, герои предполагают, что оно может меняться в соответствии с тем, как меняется *земля*, т.е. происходящее на ней способно влиять на состояние *неба*, и это обстоятельство еще раз подчеркивает мнение о том, что *небо* и *земля* в картине мира писателя находятся в тесной взаимосвязи, а не противостоят друг другу. Однако не любая деятельность на земле обуславливает изменения неба, возможны ситуации, когда с небом ничего не происходит: «<...> раз-

верстое небо над ним ничуть не изменилось от его долголетней деятельности» [14, с. 456].

Небо в начале романа и *небо* в конце – противоположны. Если в начале небо – враг, то по мере развертывания сюжета восприятие неба героями меняется, оно начинает восприниматься как дарящее тепло: «Алексей Алексеевич стоял <...> чувствуя теплоту неба, словно детство и кожу матери, <...> из солнечной середины неба сочилось питание всем людям, как кровь из материнской пуповины» [14, с. 489]. Видим, что автор сообщает небу характеристики земли. Если в национальной мифопоэтической картине мира с матерью сравнивается земля, она матушка, кормилица, то в картине мира А.Платонова эти функции получает небо.

Необычным нам показалось следующее употребление лексемы *небо*: «Газдыханий уже образовал под потолком зала как бы мутное местное небо» [14, с. 384]. Автор романа «Чевенгур» мыслит небо не только как структуру, способную изменяться в соответствии с событиями на земле, но и еще как структуру, способную изменяться в зависимости от территории. Об этом свидетельствует прилагательное *местное*, употребленное в качестве определения к существительному *небо*.

Выводы

Анализируя способы вербализации образа земли и образа неба в романе «Чевенгур», необходимо отметить, что автором в этих целях используются собственно лексемы *земля* и *небо*, которые вводятся в художественный текст романа «Чевенгур» с приращением смысла. Анализ с точки зрения особенностей мифопоэтической картины мира показывает, что функционирование образа земли и образа неба в романе А. Платонова «Чевенгур» обусловлено индивидуально-авторскими особенностями мифопоэти-

ческой картины мира писателя. Его трепетное отношение к земле, выдвижение ее на первый план обусловлено особым отношением писателя к земле, обусловленным его работой мелиоратором. В картине мира писателя находит отражение мифопоэтическая картина мира, в соответствии с которой земля, при правильном с ней обращении, выступает в роли матери, кормилицы и защитницы, укрывая и предоставляя убежище. Небо в

рассматриваемом романе – это структура, способная выполнять функции земли, поскольку по отношению к земле небо вторично. Небо подстраивается под изменения, происходящие с землей или на земле. Это обстоятельство еще раз подчеркивает мнение о том, что небо и земля в картине мира писателя находятся в тесной взаимосвязи, а не противостоят друг другу.

Список литературы

1. Мароши В.В. Роль мифологических оппозиций в мотивной структуре прозы А. Платонова. Эстетический дискурс. Новосибирск, 1991. С. 144–152.
2. Дмитровская М.А. Язык и мирозерцание А. Платонова: дис. ... д-ра филол. наук. М.: РУДН, 1999. 292 с.
3. Баршт К.А. Поэтика прозы Андрея Платонова. 2-е изд., дополн. СПб.: филологический факультет СПбГУ, 2005. 480 с.
4. Сухомлинова Ю.А. Бинарные оппозиции в творчестве Андрея Платонова: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 161 с.
5. Сосновская И.В. Открытие смысла художественного произведения через систему бинарных оппозиций (по повести А. Платонова «Сокровенный человек») // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. Вып. 3. С. 140–145.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А-З. М.: РИПОЛ классик. 2006. С. 564.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И-О. М.: РИПОЛ классик. 2006. С. 784.
8. Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 161–166.
9. Иван – крестьянский сын и Чудо-юдо. URL: <https://frigato.ru/skazki/russkie-narodnye/79-ivan-krestyanskiy-syn-i-chudo-yudo.html> (дата обращения 24.04.2022).
10. Мовлева Н.С. Малый православный толковый словарь. М.: Русский язык – Медиа, 2005. С. 452.
11. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Директ-Медиа, 2014. Т. 1. С. 87.
12. Карскі, Я. Беларусы; уклад. і камент. С. Гараніна і Л. Ляўшун; навук. рэд. А. Мальдзіс; прадм. Я. Янушкевіча і К. Цвіркі. Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. 640 с.
13. Малыгина Н.М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения». М., Науч. изд. 2005. 334 с.
14. Платонов А. Чевенгур // Ювенильное море: повести, роман. М.: Современник, 1988. С. 188–552.
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 369, 371, 459, 586.
16. Платонов А.П. «...я прожил жизнь». Письма. 1920–1950 гг. М.: АСТ, 2019. 720 с.

17. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000. 424 с.
18. Кузнецов И.Н. Предания русского народа. М.: Вече, 2008. 352 с.
19. Шубович С.А. Мифопоэтический феномен архитектурной среды. Харьков: ХНАГХ, 2012. 177 с.

References

1. Maroshi V.V. *Rol' mifologicheskikh oppozitsij v motivnoj strukture prozy A. Platonova. Esteticheskij diskurs* [The role of mythological oppositions in the motivic structure of A. Platonov's prose. Aesthetic discourse]. Novosibirsk, 1991, pp. 144–152.
2. Dmitrovskaya M.A. *Yazyk i mirosozercanie A. Platonova*. Diss. doktora filol. nauk [A. Platonov 's language and worldview. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, RUDN Publ., 1999. 292 p.
3. Barsht K.A. *Poetika prozy Andreya Platonova* [The Poetics of Andrey Platonov 's Prose]. St. Petersburg, filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2005. 480 p.
4. Suhomlinova Yu.A. *Binarnye oppozitsii v tvorchestve Andrey Platonova*. Diss. kand. filol. nauk [Binary oppositions in the works of Andrey Platonov. Cand. philol. sci. diss.]. Samara, 2005. 161 p.
5. Sosnovskaya I.V. Otkrytie smysla hudozhestvennogo proizvedeniya cherez sistemu binarnykh oppozitsij (po povesti A. Platonova "Sokrovennyj chelovek") [The discovery of the meaning of a work of art through a system of binary oppositions (based on the story of A. Platonov "The Hidden Man")]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*, 2017, is. 3, pp. 140–145.
6. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 1. A-Z. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2006. P. 564.
7. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 2: I-O. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2006. P. 784.
8. Toporov V.N. Model' mira [Model of the world]. *Mify narodov mira. Enciklopediya [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]*. Moscow, 1980, vol. 2, pp. 161–166.
9. Ivan – krest'yanskij syn i Chudo-yudo [Ivan is a peasant's son and a Miracle yudo]. Available at: <https://frigato.ru/skazki/russkie-narodnye/79-ivan-krestyanskiy-syn-i-chudo-yudo.html> (accessed 24.04.2022).
10. Movleva N.S. *Malyj pravoslavnyj tolkovyj slovar'* [Small Orthodox Explanatory Dictionary]. Moscow, Russkij yazyk – Media Publ., 2005. P. 452.
11. Afanas'ev A.N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic views of the Slavs on nature]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. Vol. 1. P. 87.
12. Karski Ya. Belarusy; uklad. i kament. S. Garanina i L. Lyaŭshun; navuk. red. A. Mal'dzis; pradm. YA. Yanushkevicha i K. Cvirki [Belarus; way of life. and the stone. S. Garanina and L. Lyashun; navuk. rad. A. Maldzis; sell. Y. Yanushkevich and K. Tsvirki]. Minsk, Belaruskii knigazbor Publ., 2001. 640 p.
13. Malygina N.M. *Andrej Platonov: poetika "vozvrashcheniya"* [Andrey Platonov: the poetics of "return"]. Moscow, Nauch. izd. Publ., 2005. 334 p.
14. Platonov A. Chevengur [Chevengur]. *Yuvenil'noe more: povesti, roman* [Juvenile Sea: novellas, novel]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988, pp. 188–552.
15. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. P. 369, 371, 459, 586.

16. Platonov A.P. "*...ya prozhil zhizn*". *Pis'ma. 1920–1950 gg.* ["... I have lived a life." Letters. 1920-1950]. Moscow, AST Publ., 2019. 720 p.
17. Platonov A.P. *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. Materials for the biography]. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 424 p.
18. Kuznecov I.N. *Predaniya russkogo naroda* [Traditions of the Russian people]. Moscow, Veche Publ., 2008. 352 p.
19. Shubovich S.A. *Mifopoeticheskij fenomen arhitekturnoj sredy* [Mythopoetic phenomenon of the architectural environment]. Har'kov, 2012. 177 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Бугакова Надежда Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: ya_witch@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2683-0665

Nadezhda B. Bugakova, Cand. of Sci. (Phylological), Associate Professor, the Chair of Russian language and cross-cultural communication, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: ya_witch@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2683-0665

Оригинальная статья / Original article

УДК 81`25

Перевод терминов цветоименования в произведениях религиозного содержания**В. В. Россаль¹**✉

¹ Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, д. 38 стр. 1, г. Москва 119034, Российская Федерация

✉ e-mail: vasrossal@gmail.com

Резюме

Автор исследует проблему перевода цветоименований в языковой паре итальянский – русский. Актуальность исследования определяется символической функцией цветоименований в современной итальянской художественной литературе и ее важностью для представления авторского содержания.

Проблема перевода терминов цветоименований рассматривается на материале художественного романа У. Эко «Имя розы» («Il nome della rosa») на итальянском языке и его перевода на русский язык, выполненным Е. А. Костюкович. Действие выбранного для анализа произведения разворачивается в монастыре, а потому при интерпретации текста вообще и цветоименований как его компонентов для более глубокого понимания авторского замысла важно опираться на религиозные догматы и прецедентные религиозные тексты, а при переводе необходим предпереводческий анализ, который позволит определить символическое содержание каждого актуализированного смыслового компонента текста и осуществить адекватный перевод.

Значительное место уделено репрезентации религиозной символики через цветоименования, поскольку для анализа выбран текст с высоким индексом насыщенности цветовыми терминами. Такой материал позволяет выявить наиболее частотные цветоименования, определить их художественную функцию, символическое содержание, смысловое взаимодействие и обосновать некоторые переводческие решения. В ходе интерпретации терминов цветоименования использовались дефиниционный, компонентный и этимологический анализ, с помощью которого установлено содержание терминов цветоименования в оригинальном тексте, обоснована авторская мотивация выбора способа их перевода на русский язык, предложены схемы предпереводческого анализа.

Полученные в ходе проведенного исследования данные могут быть применены при переводе текстов сходной тематики с итальянского языка на русский язык, особенно произведений с высоким уровнем символизации терминов цветоименования.

Ключевые слова: термины цветоименования; переводческий анализ; художественный перевод; символическое содержание; религиозное содержание.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Россаль В. В. Перевод терминов цветоименования в произведениях религиозного содержания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 68-81.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022

Статья подписана в печать 23.11.2022

Статья опубликована 21.12.2022

The Translation of Colour Terms in Fiction with Religion Themes

Vasilissa V. Rossal¹ ✉

¹ Moscow State Linguistics University
38, Ostozhenka str., Moscow 119034, Russian Federation

✉ e-mail: vasrossal@gmail.com

Abstract

The author looks into the problem of translation of colour terms from Italian into Russian. The relevance of the research is defined by the symbolic function of the colour names in the contemporary Italian fiction and its importance for conveying the author's ideas of the original text.

The problem of the translation of colour terms is researched on the material of the Italian novel "The Name of the Rose" ("Il Nome della rosa") by Umberto Eco and its translation into Russian by E. A. Kostyukovich. The action of the chosen novel takes place in a monastery, consequently the interoperation of the text as a whole and colour terms as its components for a deeper understanding of the author's conception heavily relies on the religious dogmas and precedent religious texts, and the translating process demands a pre-translational analysis which allows to identify the symbolic content of each foreground semantic components of the text and to choose an adequate translation.

The significant part of the article is dedicated to the representation of the religious symbolism of colour terms since an abstract with a very high margin of the colour terms index is chosen for the analysis. The abstract is exponential for identifying of the most frequent colour names and their literary function, symbolic content, semantic interaction as well as to motivate certain translation strategies. In the course of the colour terms interpretation were used following methods: definitional, componential and etymological analyses, which helped to identify the content of the colour terms in the original, to motivate the translation strategies used and to modulate the possible algorithms of pre-translation analysis.

The data received as the result of the conducted research can be applied in the course of translation of similar texts from Italian into Russian, especially in the context of fiction with high level of colour terms symbolism.

Keywords: colour terms; translation analysis; literary translation; symbolic content; religious content.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Rossal V. The Translation of Colour Terms in Fiction with Religion Themes. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(4): 68–81 (In Russ.).

Received 28.10.2022

Accepted 23.11.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

Цвет – неотъемлемая часть нашей жизни, которая специфически фиксируется в разнообразных продуктах культуры, в том числе в текстах, религиозных и художественных. Существует множество исследований, посвященных терминам цветоименования в Ветхом завете [1, 2, 3], и сделанные учеными выводы подтверждают, что термины цветоименования всегда обладают коннотациями. Так, один из самых частотных в Ветхом завете терминов цветоименования *белый* используется при описании внешне-

сти и может приобретать два противоположных значения: 1) указание на болезнь: «А если на коже тела его пятно белое, но оно не окажется углубленным в кожу, и волосы на нем не изменились в белые, то священник имеющего язву должен заключить на семь дней...» (Лев. 13:4); 2) указание на чистоту тела: «...и увидит священник, что проказа покрыла все тело его, то он объявит больного чистым, потому что все превратилось в белое: он чист» (Лев. 13:13). Для понимания этой противоположности необходимо помнить, что термин «לבן» переводится с ев-

рейского не только как *белый*, но и *серый*, *серовато-белый*, и именно второй оттенок представлен в первом примере; во втором же случае имеется в виду обычный белый цвет. Это становится ясным после анализа других случаев употребления, в которых именно *белый* – без всяких оттенков – цвет является символом очищения от греха и приближения к святости [2].

В текстах, где значимую роль играет представление религиозных догматов, представлений, обрядов, термины цветоименования могут не просто репрезентировать личностные смыслы, но и отсылать к тем религиозным контекстам, где они первоначально используются. Одним из таких произведений является роман У. Эко «Имя розы». Тексты оригинала и перевода романа являются материалом нашего исследования.

Цель исследования – представить возможные пути передачи символического содержания лексем цветоименования, употребляющихся в религиозном контексте. Для достижения этой цели нужно решить следующие задачи: (1) проанализировать фрагмент романа У. Эко «Имя розы» с точки зрения художественно значимого использования цветовой наполненности, обратив внимание на символическое содержание цвета в католической религии; (2) выявить наиболее частотные цветоименования; (3) определить их функцию в тексте; (4) обобщить опыт передачи этих компонентов текста при переводе с итальянского на русский язык и аргументировать переводческие приемы, наиболее адекватные художественно-эстетическим задачам романа.

Результаты и обсуждение

Символика цвета в католической религии

Религиозные тексты отличаются обилием терминов цветоименования, обладающих устойчивыми коннотациями,

трудности восприятия которых возникают вследствие многозначности и семантической градуальности многих терминов цветоименований, которые включают не только базовые цвета, но и оттенки.

В любой религии многие цвета обладают оригинальным сакральным смыслом, и часто они не совпадают. Так, в православии и буддизме черный цвет означает бедствие, зло, смерть, а в исламе этот цвет толкуется двояко: как священный цвет (цвет камня Священного Кааба) и как цвет тьмы и печали [4].

Отметим, что в христианстве цвет непосредственно не отождествляется с самим Богом. В Священном писании противопоставляются две категории – «свет» и «тьма». «Свет» символизирует жизнь, мир людей, а «тьма» – пустоту, отсутствие жизни [5]. Именно по этой причине яркий свет и белый цвет встречается, например, при описании убранства храма, так как свет связан непосредственно с близостью Бога: *Era pieno mezzogiorno e la luce entrava a fiotti dalle finestre del coro, e di più ancora da quelle delle facciate, formando bianche cascate che, come mistici torrenti di divina sostanza, andavano a incrociarsi in vari punti della chiesa, inondando lo stesso altare* [6, с. 113]. / Был в разгаре полдень и солнце втекало в храм ручьями сквозь витражи хора и – еще ослепительнее – через окна фасада: оттуда шли *белые* потоки обжигающего света, подобные мистическим струям незримой божественности, и перекрещивались по всей церкви, целиком заливая [7, с. 110]. Тьма же, в противопоставлении к свету, ассоциируется, конечно же, с черным цветом, который символизирует грех: *Sai, in un luogo ignoto della biblioteca si conservano anche opere di negromanzia, di magia nera, ricette di filtri diabolici* [6, с. 205]. / Знаешь, в каком-то тайнике библиотеки хранятся труды по некромантии, *черной* магии, рецепты дьявольских зе-

лий... [7, с. 185] В некоторых иконописных сюжетах черный – это цвет тайны [5], что находит отражение и в сюжете романа «Имя розы», так как у всех убитых есть что-то черное, например, язык или пальцы: *Aprì la bocca e, chinato dietro Guglielmo che si era chinato su di lui, vidi agitarsi nella chiostra dei denti una lingua ormai nerastra* [6, с. 316]. / Он широко открывал рот. Наклонившись позади Вильгельма, прикинувшего к умирающему, я из-за его плеча разглядел, как в оцеплении зубов колотится совершенно *черный* язык [7, с. 290]; *Perché tutti coloro che muoiono con le dita nere conoscono il greco* [6, с. 319]. / Затем, что все, кто умирает с *черными* руками, знают греческий. Именно непонимание, отчего язык или пальцы черные, мешают главным героям найти убийцу [7, с. 293].

Католическая религия, начиная с Раннего Средневековья, тяготела к обилию цветов, представленных в религиозных предметах искусства. В анализируемом романе описываются витражные стекла, которые использовались в храмах: *Ma dopo il responsorio, l'inno e il versetto, quando stava iniziando il cantico del vangelo, scorsi dietro alle finestre del coro, proprio sopra all'altare, un chiarore pallido che già faceva rilucere le vetrate dei loro diversi colori, sino ad allora mortificati dalla tenebra* [6, с. 84]. / Но вот кончились и ре-спонсорий, и гимн, и стихира, и зазвучала евангельская песнь. Тогда я заметил за окнами хора, в точности над алтарем, беловатое сияние. От него затрепетали *краски* витражей, прежде безжизненные в полночной тени [7, с. 76]. Евангельская песнь является заключительной частью Полунощницы – службы накануне рассвета. В романе её исполнение совпадает с рассветом, а потому темный храм освещают первые лучи солнца. Тьма, отсутствие жизни, сменяется светом, присутствием Бога. Окончание службы, наступление нового дня и появления Бога –

всё это не просто освещает церковь, но и возвращает миру краски витражей, «прежде безжизненные».

“*E con gran fatica,*” aggiunse, “*perché non si riesce più a trovare i colori di un tempo, specie il blu che potete ancora ammirare nel coro, di una qualità così limpida, che a sole alto riversa nella navata una luce di paradiso* [6, с. 72]. / «Но сил уходит немало, – продолжал он, – потому что нам не даются секреты старого стекла. Невозможно подобрать цвет. Особенно тот *синий*, который до сих пор очаровывает взор в церковном хоре. Это *синий* такой чистоты, что отвесный луч солнца, проходя через стекло, окрашивается в краски рая [7, с. 66].

Этот пример связывает синий цвет с Раем, что характерно для католичества (и для христианской религии вообще), он символизирует «Божественную синеву», «Небеса» [8, с. 2635]. Именно в синих или голубых одеждах изображают Мадонну (как и Богородицу в православной традиции), так как синий цвет символизирует чистоту, целомудрие и жертвенность. Предполагаем, что речь также идет не о слишком темном или насыщенном синем, а ярком и чистом, чтобы хорошо пропускать свет (ранее для изготовления витражей подобного цвета использовали кобальт, из-за финансовых и технических трудностей в более поздние годы использовали медь и марганец, который давали несколько иные оттенки).

Характеристика синего цвета как «краски рая» тоже представляет интерес для анализа. В оригинале читаем: *una luce di paradiso*, то есть «свет рая», «райский свет». В данном фрагменте представляется адекватным замена слова «свет» на «цвет», так как свет и цвет связаны в католической религии, ведь, как видно из примера выше, без света нет и красок витражей. Цвета ярких и простых оттенков символизирует красоту [9], и синий как раз относится к таким цветам.

Эстетическая роль терминов цвето-наименования в романе У. Эко «Имя розы»

Более подробно об особенностях романа У. Эко «Имя розы», а также о взглядах автора на переводческую деятельность мы писали в статье, посвящённой цветоименованию *белый* в этом произведении. У. Эко считал, что перевод всегда подразумевает анализ исходного произведения и попытку понять, какие смыслы акцентирует автор, а затем передать их уже на языке перевода. Анализ термина *bianco* / белый и его перевода на русский язык показал, что переводчик Е. А. Костюкович прибегает к разным способам перевода этого термина цветоименования в зависимости от намерений автора. Подробнее с выводами можно ознакомиться в статье [10].

В настоящей работе проанализируем фрагмент романа (главу «Шестого дня час третий, где Адсон, слушая «*Dies irae*»¹, видит сон, или, скорее, видение». Как ясно из названия, главный герой, послушник Адсон, засыпает во время поминальной службы и видит сон, причудливым образом объединивший реальные события, участником которых он стал, и его собственные фантазии.

Всего в анализируемом фрагменте (3921 слово) используется 53 цветоименования, что позволяет считать текст «насыщенным цветовыми терминами» (по формуле, предложенной А. П. Василевичем в [11]: индекс насыщенности этого фрагмента равен 3. Эта цифра является очень высоким показателем, особенно учитывая, что общий индекс насыщенности текста романа (284 термина цветоименования на 187 тыс. слов) равен 0,3. Такая концентрация терминов цветоименования выделяет данный фрагмент как символически значимый.

¹ *Dies irae* (лат.) – «день гнева», заубойное песнопение.

Отметим, что во всём произведении присутствует только два фрагмента, в которых употребляется большое количество терминов цветоименования: уже упомянутый и тот, в котором Адсон вдохнул пары галлюциногенного препарата и, потеряв сознание, увидел видение, в котором было много элементов из только что увиденной им иллюстрации. Подчеркнем также и частое употребление терминов цветоименования при описании изображений, которые герои видят в иллюстрированных книгах, в том числе «запрещенных», хранящихся в библиотеке и усиленно оберегаемых. Всё это возможно объяснить следующим. Во-первых, при описании цветных иллюстраций количество терминов цветоименования естественно увеличивается в силу необходимости наглядного и более точного представления изображенного. Христианские книги, найденные в загадочной библиотеке монастыря, поражают воображение героя своими яркими иллюстрациями: *Fui colpito, in una pagina in cui iniziava il santo evangelo dell'apostolo Marco, dalla immagine di un leone. [...] Il leone che vidi aveva una bocca irta di denti, e una testa finemente loricata come quella dei serpenti, il corpo immane che si reggeva su quattro zampe dalle unghie puntute e feroci, assomigliava nel suo vello a uno di quei tappeti che più tardi vidi portare dall'oriente, a scaglie rosse e smaragdine, su cui disegnavano, gialle come la peste, orribili e robuste trabeazioni d'ossa. Gialla era pure la coda, che si attorceva dalle terga su su sino al capo, terminando con un'ultima voluta in ciuffi bianchi e neri* [6, с. 188]. / И сразу же был потрясен, увидев на первой странице, вначале, перед текстом Евангелия от апостола Марка, изображение льва. [...] У льва вся пасть была усеяна острейшими клыками, а голова одета в броню, как головы змей. Огромное туловище опиралось на четыре свирепые когтистые лапы, и кудлатое руно походило на

иные драгоценные ковры, которые я видел позднее, привезенные с Востока, в *изумрудных* и *алых* чешуях, и сквозь чешуи проглядывали *рыжие*, как чумной бубон, мощные, ужасные сопряжения костей. *Рыжим* был и хвост, вившийся по всему телу вплоть до головы, возле которой последняя извилина венчалась *бело-черным* пуком шерсти [7, с. 169].

Скрытые от глаз монахов книги считаются «опасными», так как могут быть неверно истолкованы или использованы во вред, и яркость использованных для рисунков красок предупреждает об этом.

Во-вторых, в романе противопоставлены мир реальный и нереальный. В тех эпизодах, когда Адсон погружается в мир видений, в тексте присутствует очень много терминов цветоименования. Они разнообразны и в основном обозначают яркие цвета: *Mi appressai e scorsi sulla pagina quattro strisce di diverso colore, giallo, cinabro, turchese e terra bruciata* [6, с. 138]. / Я глянул на страницу. По ней тянулись четыре яркие ленты – *желтая, цвета киновари, бирюзового и жженой кости* [7, с. 122].

Отметим, что состав терминов цветоименования в анализируемом фрагменте также очень разнообразен. В отрывке используются базовые термины цветоименования (подробнее о базовых терминах, а также об их эволюции см. [12, 13]) (*azzurro* / голубой, *giallo* / жёлтый и др.); термины, которые обозначают оттенки цвета (*smeraldo* / изумрудный, *scarlatto* / червлёный, *rossastro* / красноватый и др.); а также термины, которые являются авторскими новообразованиями (*colordifuocozolfo* / цвет огня и пламени, *muricino* / ракушечный). Отметим, что, наряду с богатством красок, представляющих потусторонний мир, он ассоциативно связан с *nero* / чёрный (след от смертельного яда *чёрный*, кот для колдовского обряда *чёрный*, красочные видения оканчиваются тем, что герой

проваливается в *чёрную* бездну, см. выше примеры *чёрных* пятен на телах погибших).

Широкий набор терминов цветоименования при описании рисунков в рукописях объясняется подчеркиванием важности иллюстраций для дискуссий монахов. Эти картинки не только удивляют, но и часто вызывают смех, и если молодые послушники с удовольствием разглядывают их и даже создают сами, то некоторые монахи преклонного возраста считают это недопустимым для религиозных текстов, которые должны вселять страх и благоговение. Именно по этой причине множество книг хранятся в недоступной для всех монахов, кроме особо назначенных, библиотеке, в которую и проникают герои романа, чтобы найти разгадку загадочных убийств в монастыре.

Видения, предстающие перед глазами главного героя, непосредственно связаны с происходящими с ним событиями, а также с увиденными яркими иллюстрациями. В его снах реальность и выдумка переплетаются, и яркие цвета объясняются не только его живым воображением, но и образами, которые он ранее видел на бумаге.

Таким образом, можно разделить значительную часть терминов цветоименования, употребляемых в романе, на две группы: первые используются для описания иллюстраций в книгах и для описания мира видений. Вторую группу составляют термины цветоименования, представляющие символические значения.

Термины цветоименования как индикатор виртуального мира

Главный герой с юного возраста изучал религиозные тексты и воспитывался в монастыре, и потому его видения наполнены религиозными символами и смыслами, а термины цветоименования помогают выразить различные конвенциональные культурные и личностные смыслы.

Первый термин цветоименования в главе – *livido* / синюшный: *La chiesa era ora illuminata da un chiarore tenue e livido, dominata dalla salma dello sventurato, abitata dal sussurro uniforme dei monaci che recitavano l'ufficio dei morti* [6, с. 326]. / Теперь церковь была освещена неяркими синюшными огнями. На катафалке возвышалось тело несчастного монаха. Вся церковь заполнял мерный шепот братии, читавшей заупокойную службу [7, с. 299]. Скорее всего, цвет синий из-за витражей, но в оригинале употребляется слово *livido*, имеющего следующие значения: 1) *si dice del colore blu-verdastro che assume la pelle umana, specialmente dopo una contusione [...] mortalmente pallido; cadaverico*, 2) *grigio, plumbeo* [14]; 1. *Dicolorazione cutanea blu a strada dovuta a contusione al freddo [...] Esangue, mortalmente pallido, alterato nel colorito*, 2. *Dicolorazione cereo* [15]. Как видно из определений, речь идет о *синеватом*, *сине-зеленоватом* цвете, о *трупном* цвете, во втором значении – *серый* цвет, цвет *пепла*. Учитывая место действия, здесь, предполагаем, актуализируется именно первое значение, так как цвет витражей синий. Однако его оттенок связан со смертью, нездоровьем, так как идет заупокойная служба, и слово «синюшный» как раз содержит этот смысл: «Синеватый, синий в результате расстройства кровообращения (о коже, губах)» [16].

Затем послушник погружается в сон. Накануне он осматривал крипту и хранящиеся там сокровища, поэтому в его сне он тоже рассматривает различные реликвии и мощи святых. Часто в этих описаниях фигурирует пурпур: *Era una scatola d'oro, dal coperchio di cristallo, dove su di un cuscinetto di porpora stava adagiato un pezzo di ferro di forma triangolare, già rosato dalla ruggine ma ora riportato a vivo splendore da un lungo lavoro di olii e di cere* [6, с. 323]. / Перед нами была золотая укладка с прозрачной

хрустальной крышкой, и в ней на *пурпурной* подушечке мягко почивал треугольный кусок железа, уже затронутый ржавчиной, но начищенный и доведенный до сияющего блеска – видимо, благодаря щедрому употреблению масел и мазей [7, с. 297]; *Vidi, meraviglia delle meraviglie, sormontata da una campana di vetro e su un cuscino rosso trapunto di perle, un pezzo della mangiatoia di Bethlehem, e una spanna della tunica porporina di san Giovanni Evangelista, due delle catene che serrarono le caviglie dell'apostolo Pietro a Roma...* [6, с. 323] / Увидел я там и наичудеснейшее чудо: прикрытую стеклянным колоколом и уложенную на *алую*, расшитую *жемчугами* ткань щепку от Вифлеемских яслей; малую пядь *пурпурной* туники Св. Иоанна Евангелиста, две цепи, оковывавшие лодыжки Св. Апостола Петра в Риме... [7, с. 297]

Бенедиктинцы – один из старейших католических орденов, их история восходит к VI в. На протяжении долгого времени их влияние возрастало, и потому они могли позволить себе устанавливать особые правила, а также пользоваться покровительством богатых дворян. Это повышало уровень культуры среди монахов, многие из которых и сами принадлежали к знатным родам, и привело к тому, что монастыри бенедиктинцев стали центрами культуры – и сокровищницами для важных реликвий [17, с. 427–429]. Пурпурный цвет туники святого подчеркивает богатство ордена: данный цвет характерен для одежд богатых людей, а в Средневековье такие красители стоили дорого и позволить их себе могли немногие. Интересен также и контраст красного, алого цвета и белого, актуализируемого лексемой «жемчуг». В этом сочетании отражена одна из сюжетных линий книги, убийства в монастыре (прочие примеры сочетания белого и красного цветов см. в статье [10]), а также содержится намек на жертву, которую прине-

сет Христос для искупления грехов людей. Термин цветоименования *rosso* в этом фрагменте переводчик передает словом «алый», подчеркивая насыщенность цвета, которое в оригинале передается фразой *meraviglia delle meraviglie* / наичудеснейшее чудо, «чудо из чудес». Переводчик подхватывает эту смысловую доминанту и актуализирует её, выбирая вместо красного цвета более насыщенный алый.

Затем в видении Адсона возникают многочисленные персонажи, и каждый из них ассоциируется с определенным цветом: каждый новый персонаж его сна берет себе одежду разного цвета. Среди них есть базовые термины цветоименования и их оттенки, например, в части, где Адсон, вспомнив о понравившейся ему служанке, видит целую процессию «великолепных жен»: ...*la seconda aveva un manto di damasco giallo, su una veste rosa pallido costellata di foglie verdi e con due grandi riquadri filati in forma di labirinto bruno...* [6, с. 327–328] / ...у второй был плащ из *желтого* дамаска на платье *бледно-розовом*, усеянном *зелеными* цветами, и с двумя нашитыми большими квадратами в виде *коричневых* лабиринтов... [7, с. 300–301] Здесь есть базовые цветоименования, *giallo* / желтый, *verde* / зеленый, *bruno* / коричневый, и один оттенок – *rosapallido* / бледно-розовый. В этом описании отражено две особенности мира видений: во-первых, это мир *alla rovescia*, «наоборот», он лишь связан с реальностью, но не является ею, так как на *бледно-розовом* фоне, который символизирует зелень, распускаются *зеленые* цветы, тогда как в реальном мире все наоборот. Во-вторых, этот мир видений напрямую зависит от реальности, так как почти все время пребывания в монастыре Адсон тратит на разгадку тайны лабиринта, и эта мысль, преследующая его даже во сне, находит отра-

жения в различных деталях, например, в орнаментах платья женщины.

Примечательно описание и самой девушки, которая в мире реальном понравилась Адсону: *Salvo che portava sul capo una corona di perle bianche, su due file, e altre due cascate di perle discendevano da ciascuna parte del volto, confondendosi con altre due file di perle che le pendevano sul petto, e a ogni perla era appeso un diamante grosso come una prugna. Inoltre da ambo le orecchie scendeva una fila di perle azzurre che si ricongiungevano a gorgiera alla base del collo, bianco ed eretto come una torre del Libano. Il manto era color murice, e in mano aveva una coppa d'oro tempestata di diamanti nella quale seppi, non so come, che si conteneva l'unguento mortale rubato un giorno a Severino* [6, с. 327]. / Только вот на голове у нее была диадема из перлов *белых*, о двух обручах, и еще два каскада перлов струились по обе стороны ее лица, соединяясь с двумя другими водопадами перлов, укрывавшими грудь, и к каждому из перлов был привешен диамант величиной со сливу [7, с. 300]. Кроме того, в обоих ушах у девицы были нити *голубых* жемчугов, которые сходились, как ожерелье, у основания шеи, *белой* и высокой, будто башня Ливана. Плащ ее был *цвета багрянки*, и в руках имела она золотую чашу, испещренную диамантами, в которой, как я понял – не знаю уж, каким чудом, – содержалась смертоносная жидкость, украденная у Северина.

В этом примере мы видим два базовых термина цветоименования: *bianco* / белый и *azzurro* / голубой. Их выбор представляется очевидным: как мы уже писали выше, белый цвет является цветом святости, как и голубой (вместе с синим) – символ чистоты и целомудрия; это цветоименование актуализирует уподобление девушки Мадонне. Термин цветоименования *bianco* / белый усилива-

ется также и другими лексемами с семей «белый»: *perla* / жемчуг (в переводе – перлы) и *diamante* / бриллиант (в переводе – диамант).

Интерес представляет термин цвето-наименования *color murice* / цвета багрянки. В словаре у слова *murice* есть следующие определения: *mollusco gasteropodo marino con conchiglia spinosa a forma di spirale, da cui gli antichi estraevano la porpora* [14]; *Mollusco marino dei Gasteropodi (Murex) caratterizzato da una conchiglia allungata spinosa o rugosa avvolta a spira, da alcune specie del quale gli antichi traevano la porpora* [15]. Как видно из определений, речь идёт о моллюске, из которого добывается пурпурный краситель, что позволяет нам сделать вывод, что речь идёт о пурпурном или красном цвете. В переводе использован термин цветоименования «цвета багрянки». В славянском языке существовали термины цветоименования *багровый* и *багряный*. *Багряный* – ярко-красный, пурпурного цвета [18], является аналогом слова *багровый*, которое, в свою очередь, произошло от слова *баг(о)р* ‘пурпур, пурпурная раковина’ [19, с. 655]. Слово *багровый* в основном отрицательно маркировано (указание на опасность или болезнь), а *багряный* – положительно и используется для описания природных явлений, растений и различных артефактов, в том числе в высоком стиле. Часто это слово используется для описания исторических реалий – *риза*, *стяг*. Такие коннотации позволяют заключить, что именно это слово передает в переводе все необходимые смыслы. Однако если говорить о дериватах, то от слова *багряный* происходят слова *багряница* ‘мантя багряного цвета, надевавшаяся в торжественных случаях как символ верховной власти; порфира’ и *багрянец* – субстантив, использующийся для описания зари.

Слово *багрянка* имеет следующее определение: ‘род переднежаберных явнотелых моллюсков или улиток (*Prosobranchia*), [...] наиболее обыкновенный вид – Б. красильная (*P. lapillus*), водящаяся во всех европейских морях. [...] На внутренней стороне епанчи, правее жабры, у Б. находятся так наз. пурпуровая железа, выделение которой есть красная жидкость, окрашивающая ткани в пурпур’ [20]. Интересно заметить, что эти улитки не являлись источником пурпурного красителя в древности, но именно они дали название пурпурному цвету. В «Словаре русского языка XVIII века» встречается слово *багрянка* со следующими определениями: ‘1. Зоол. Раковина, из которой древние извлекали багрянную краску’. 2. Одежда багряного цвета, хламида’ [21]. В словаре В. И. Даля 1863 г. издания также присутствует слово *багрянка* о следующих определениями: ‘также багр (*стар.*) кошениль, канцелярское семя (насекомое); самое насекомое кошениль и раковина *Murex*, из коей древние добывали эту краску’ [22]. Однако в современных словарях это слово отсутствует. Поиск по Национальному корпусу русского языка [23] показал, что в основном контекст употребления этого слова – научные и научно-популярные тексты, а также работы по истории (в связи с финикийцами). В корпусе русского литературного языка [24] примеров употребления данного слова, помимо анализируемого произведения, нет.

Ранее в тексте использовалось слово *багрянка*, но для перевода другого слова, *vermiglione*: ...fatto di succo di more e vermiglione... [6, с. 149] / ...изготавливаемым из тутового сока и *багрянки* [7, с. 132]. Слово *vermiglio* ‘si dice di colore rosso carico, e di ciò che ha questo colore’ [14] происходит от латинского слова *vermicūlu(m)* ‘che nel lat. tardo indicava

anche la cocciniglia e il colore che se ne estrae' [14]. Слово *vermiglio* более распространено в этом контексте, а в этимологическом словаре Пьяниджани *vermiglio* также связано и с термином цветоименования 'яркий, пылающий красный' [25]. Необычно использование термина цветоименования *color murice*, так как слово *murice* является менее распространенным.

Эквивалентным переводом в данном случае могло бы являться и слово «кошениль», которое обозначало кошенильного червеца, из которого на Руси добывался краситель красного цвета кармин. Однако такая замена не будет адекватной в этом контексте, так как, во-первых, краситель в реалиях, о которых идет речь в романе, добывался именно из раковин моллюсков, а не из червей, во-вторых, это пурпурный краситель, а не красный. Нам представляется крайне точным перевод *colormurice* и (*color*) *vermiglione* словосочетанием «цвет багрянки». Слово «багрянка» в сознании носителя русского языка, возможно, не связано с названием раковин, из которых добывается пурпурный краситель, но является интуитивно понятным.

Затем в видении Адсона каждый святой выбирает себе одежду определенного цвета, и каждый цвет является символическим. Например, святая Раав¹ берет одежду *scarlatta* / червленую. Этот цвет непосредственно ассоциируется со святой Раав, так как, согласно книге Иисуса Навина, привязывает к своему дому *червленую* веревку, служившую знаком войскам не разрушать её дом (Иис. Нав. 2:18, 21). Термин цветоимено-

вания *scarlatta* обозначает ярко-алый цвет, но этом случае выбор лексемы при переводе диктует параллельный текст: традиционно цвет веревки переводится в тексте книги Иисуса Навина как *червленая*, а потому его следует сохранить и в тексте романа.

Рассмотрим еще один пример, где употребляется авторский термин цветоименования, образованный от названия предмета: *Giuda a danari d'argento* [6, с. 329] / Иуда – *серебряную, цвета денег* [ризу] [7, с. 301–302]. Переводчик выбирает для перевода цвет «серебряный», а также уточняет его, «цвета денег», желая косвенно актуализировать общеизвестную ассоциацию с 30 сребрениками.

Выводы

Таким образом, в проанализированном фрагменте употребляется достаточное количество терминов цветоименования, позволяющее считать его символически значимым, так как индекс насыщенности этого фрагмента равен 3 при норме 1. Термины цветоименования используются для разграничения реального и нереального миров, но в то же время для подчеркивания того, как события и знания героя влияют на характер его видений. Термины цветоименования разнородны: используются базовые термины цветоименования, номинации оттенков цвета и метафорические цветоименования. При переводе терминов цветоименования на русский язык Е. А. Костюкович актуализирует цветовые эквиваленты и оттенки значений; авторские цветоименования переводятся с учетом предпереводческого контекстуального анализа текста.

¹ Раав или Рахав – одна из иерихонских жительниц, обыкновенно называемая Раав-блудница. Проживала в Иерихоне, укрыла у себя двух соглядатаев, посланных Иисусом Навином; при взятии Иерихона её саму и её родных пощадили.

Список литературы

1. Brenner-Idan A. Colour terms in the Old Testament. Sheffield: Bloomsbury Publishing, 1983. 296 p.
2. Carretero C. S. Un estudio sobre el color: los usos de צָבַע en la Biblia hebrea // Sefarad. 2017. Vol. 77, no 1. P. 39–64. DOI: <https://doi.org/10.3989/sefarad.017.002>.
3. Almalech M. Colors as a semiotic tool for Bible analysis // In J. C. Van Boom & T.-A. Pöder (eds.) Sign, Method and the Sacred: New Directions in Semiotic Methodologies for the Study of Religion. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021. P. 243–266.
4. Евтых С. Ш. Символика цвета в мировых религиях (сравнительный анализ) // Богослужебные практики и культовые искусства в современном мире: сборник материалов III Международной научной конференции, Майкоп, 17–21 сентября 2018 года / ред.-сост. С. И. Хватова. Майкоп: Изд-во «Магарин Олег Григорьевич», 2018. С. 585–600.
5. Блинова Д. В. К проблеме «теологии цвета»: восприятие черного цвета в христианской религии и теологии // Визуальные образы современной культуры: светские и религиозные стратегии построения жизненного мира: Сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 09–10 июня 2017 года / редкол.: П. Л. Зайцев (отв. ред.) [и др.]. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2017. С. 100–102.
6. Eco U. Il Nome della Rosa. Milano: Bompiani, 1989. 539 p.
7. Эко У. Имя розы. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019. 672 с.
8. Исаева А. О. Синий цвет в витражах средневековой Европы // Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых: сборник материалов научно-практических конференций, Владимир, 12 марта 2018 года. Владимир: Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2018. С. 2632–2637.
9. Зиборов Ю. Н. Эко У. Прочтение «Рая». Eco U. Lettura del Paradiso // Paragone: letteratura. Firenze, 1999. Ag.-Dic. P. 215–219 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2002. № 1. С. 97–99.
10. Россаль В. В. Цветонаименование *белый* в творчестве Умберто Эко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 129–135. DOI: [10.52070/2542-2197_2022_6_861_129](https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_6_861_129).
11. Василевич А. П. Цветонаименования как характеристика языка писателя (к методике исследования) // Лингвистика текста и стилистика / под ред. П. Аристэ, Х. Лийн. Тарту: Тартуский государственный университет, 1981. С. 135–143.
12. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Stanford: CSLI, 2009. 200 p.
13. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А. П. Василевича. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
14. Dizionario Garzanti Linguistica. URL: <https://www.garzantilinguistica.it/>. (дата обращения: 4.10.2022, 10.10.2022).
15. Gabrielli A. Grande dizionario italiano. Milano: Hoepli, 2020. URL: https://www.grandidizionari.it/dizionario_italiano.aspx. (дата обращения: 4.10.2022, 10.10.2022).
16. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1999. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. (дата обращения: 4.10.2022, 11.10.2022).

17. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.) / сост. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. III: Банки–Бергер. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1891. 492 с.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стереотип. Т. I: А–Д. М.: Прогресс, 1986. 573 с.
19. Кульпина В. Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / отв. ред. А. П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. С. 126–184.
20. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.) / сост. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. IIa: Ауто–Банки, СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1891. 489 с.
21. Словарь русского языка XVIII века: в 22 вып. / автор: гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Вып. 1: А–Безпристрастие. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 224 с.
22. Даль В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка: в 4 ч. Часть первая: А–З. М.: Типография А. Семена, 1863. 627 с.
23. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>. (дата обращения: 20.10.2022).
24. Корпус русского литературного языка. URL: <https://narusco.ru/resources.htm>. (дата обращения: 20.10.2022).
25. Pianigiani O. *Vocabolario etimologico della lingua italiana*. Faenza: Polaris, 1993. URL: <https://www.etimo.it>. (дата обращения: 20.10.2022).

References

1. Brenner-Idan A. *Colour terms in the Old Testament*. Sheffield: Bloomsbury Publishing, 1983. 296 p.
2. Carretero C. S. Un estudio sobre el color: los usos de צָבַע en la Biblia hebrea. *Sefarad*. 2017, vol. 77, no 1, pp. 39–64. DOI: <https://doi.org/10.3989/sefarad.017.002>.
3. Almalech M. Colors as a semiotic tool for Bible analysis // In J. C. Van Boom & T.-A. Pöder (eds.) *Sign, Method and the Sacred: New Directions in Semiotic Methodologies for the Study of Religion*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021. P. 243–266.
4. Evtykh S. Sh. [Colour symbolism in global religions (comparative analysis)]. *Bogoslužebnye praktiki i kul'tovye iskusstva v sovremennom mire. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Church service practices and cultural arts in the modern world: The proceedings of the III international scientific conference]; ed. by S. I. Khvatova. Maikop, 2018, pp. 585–600 (In Russ.).
5. Blinova D. V. [To the problem of “color theology”: the perception of black in the Christian religion and theology]. *Vizual'nye obrazy sovremennoi kul'tury: svetskije i religioznye strategii postroeniya zhiznennogo mira. Sbornik nauchnykh statei po materialam VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Visual images of contemporary culture: secular and religious strategies for building a vital world. Collected articles on materials of VI All-Russian scientific-practical conference with international participation]; ed. by P. L. Zaitsev eds. Omsk, Omskii gosudarstvennyi universitet im. F. M. Dostoevskogo Publ., 2017, pp. 100–102 (In Russ.).
6. Eco U. *Il Nome della Rosa*. Milano: Bompiani, 1989. 539 p.
7. Eko U. *Imya rozy* [The Name of the Rose]. Moscow, Izdatel'stvo AST: CORPUS Publ., 2019. 672 p.

8. Isaeva A. O. [Blue colour of stained glasses in Medieval Europe]. *Dni nauki studentov Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh. Sbornik materialov nauchno-prakticheskikh konferentsii* [Science days of the students of the Vladimir State University. Proceedings of the scientific and practical conderence]. Vladimir, 2018, pp. 2632–2637 (In Russ.).

9. Ziborov Yu. N. Eko U. Prochtenie "Raya". Eco U. Lettura del Paradiso. Paragone: letteratura. Firenze, 1999. Ag.-Dic. P. 215–219. [The Interpretion of “The Paradise”. Eco U. Lettura del Paradiso. Paragone: letteratura. Firenze, 1999. Ag.-Dic. P. 215–219.] *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedenie. = Social studies and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Studies*, 2002, no. 1, pp. 97–99.

10. Rossal' V. V. Tsvetonaimenovanie belyi v tvorchestve Umberto Eko [The colour term white in the works of Umberto Eco]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2022, vol. 6 (861), pp. 129–135. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_129.

11. Vasilevich A. P. Tsvetonaimenovaniya kak kharakteristika yazyka pisatelya (k metodike issledovaniya) [Colour terms as a characteristic of the writer's language. (On the research method)]. *Lingvistika teksta i stilistika* [Text Linguistics and Stylistics]; ed. by P. Ariste, Kh. Liin. Tartu: Tartuskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1981, pp. 135–143.

12. Berlin B., Kay P. *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Stanford: CSLI, 2009. 200 p.

13. Vasilevich A. P., Kuznetsova S. N., Mishchenko S. S. *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Colour and colour names in Russian]; ed. by A. P. Vasilevicha. Moscow, KomKniga Publ., 2005. 216 p.

14. *Dizionari Garzanti Linguistica*. Available at: <https://www.garzantilinguistica.it/> (accessed 4.10.2022, 10.10.2022).

15. Gabrielli A. *Grande dizionario italiano*. Milano: Hoepli, 2020. Available at: https://www.grandidizionari.it/dizionario_italiano.aspx. (accessed 04.10.2022, 10.10.2022).

16. Evgen'eva A. P. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Russian language dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1999. Available at: <http://www.feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. (accessed 4.10.2022, 11.10.2022).

17. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.)* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]; ed. by F. A. Brokgauz, I. A. Efron. T. III: Banki–Berger. St. Petersburg, Semenovskaya Tipolitografiya (I. A. Efrona Publ.), 1891. 492 p. (In Russ.).

18. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Ethemological dictionary of the Russian language]. Vol. I: A–D. Moscow, Progress Publ., 1986. 573 p.

19. Kul'pina V. G. Sistema tsvetooboznachenii russkogo yazyka v istoricheskom osveshchenii [The systems of colour terms in the Russian language from the historical perspective]. *Naimenovaniya tsveta v indoevropeskikh yazykakh: Sistemnyi i istoricheskii analiz* [Colour names in Indo-European languages. Systimatic and historical analysis]; ed. by A. P. Vasilevich. Moscow, KomKniga Publ., 2007, pp. 126–184.

20. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]; ed. by F. A. Brokgauz, I. A. Efron. Vol. IIA: Auto–Banki, St. Petersburg, Semenovskaya Tipolitografiya (I. A. Efrona) Publ., 1891. 489 p.

21. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [The dictionary of the Russian language of the XVIII century]; ed. by Yu. S. Sorokin, is. 1: A–Bezpristrastie. Leningrad: Nauka. Leningr. otdnie Publ., 1984. 224 p.

22. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivago velikoruskago yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Chast' pervaya: A–Z. Moscow, Tipografiya A. Semena Publ., 1863. 627 p.

23. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [The Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/>. (accessed 20.10.2022).

24. *Korpus russkogo literaturnogo yazyka* [The Russian Literary Corpus]. Available at: <https://narusco.ru/resources.htm>. (accessed 20.10.2022).

25. Pianigiani O. *Vocabolario etimologico della lingua italiana*. Faenza: Polaris Publ., 1993. Available at: <https://www.etimo.it>. (accessed 20.10.2022).

Информация об авторе / Information about the Author

Россаль Василисса Владимировна, аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vasrossal@gmail.com

Vasilissa V. Rossal, Post-Graduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University,
e-mail: vasrossal@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'23

Сопоставительный анализ ассоциативных полей «культура», «этикет», «нравственность» в русской, итальянской и французской лингвокультурахД. М. Миронова¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: mir-lina@yandex.ru

Резюме

В статье проводится сопоставление ассоциативных полей концептов «культура» / «cultura» / «culture», «этикет» / «etichetta» / «étiquette», «нравственность» / «morale» / «moral» в русской, итальянской и французской лингвокультурах. Цель исследования – проанализировать ассоциативные поля трёх разных лингвокультур, и, на основе сопоставления результатов, составить выводы о сходствах и различиях данных лингвокультур. Мы обратились к толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, большому толковому словарю русского языка Кузнецова и толковому словарю Ефремовой с целью определения точных значений стимулов. Эксперимент был проведён среди случайных людей в возрасте от 18 до 24 лет. Методом ассоциативного эксперимента было получено ассоциативное поле из 150 реакций на стимулы культура, этикет и нравственность. В результате анализа полученных в ходе трёх ассоциативных экспериментов данных, были составлены выводы о сходствах и различии исследуемых лингвокультур. Помимо ассоциативных экспериментов, было произведено сравнение общих реакций стимулов (общие реакции стимулов культура и нравственность; культура и этикет; этикет и нравственность; культура, этикет и нравственность), сравнение результатов экспериментов (частотность общих реакций) среди русских и итальянских респондентов лингвокультур, а также среди русских и французских респондентов лингвокультур. Была установлена высокая частотность общих реакций между русской, итальянской и французской лингвокультурами, что говорит об их тесной связи. На основе полученных данных, был сделан вывод, что представители русской, итальянской и французской лингвокультур демонстрируют как общие, так и различные черты в структуре и содержании «концептов» представления стимулов культура/cultura/culture, этикет/etichetta/étiquette, нравственность/morale/moral, о чём нам говорят результаты проведённых ассоциативных экспериментов.

Ключевые слова: культура; этикет; нравственность; лингвокультура; стимул; реакция.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00160 А.

Для цитирования: Миронова Д. М. Сопоставительный анализ ассоциативных полей «культура», «этикет», «нравственность» в русской, итальянской и французской лингвокультурах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 82-92.

Статья поступила в редакцию 06.10.2022

Статья подписана в печать 10.11.2022

Статья опубликована 21.12.2022

© Миронова Д. М., 2022

Comparative Analysis of the Associative Fields "Culture", "Etiquette", "Morality" in Russian, Italian and French Linguistic Cultures

Diana M. Mironova¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: mir-lina@yandex.ru

Abstract

The article is dedicated to comparison of the associative fields "культура" / "cultura" / "culture", "этикет" / "etichetta" / "etiquette", "нравственность" / "morale" / "moral" in Russian, Italian and French linguistic cultures. The aim of the study is to analyze the associative fields of three different linguistic cultures, and, based on the comparison of the results, draw conclusions about the similarities and differences of these linguistic cultures. We turned to the explanatory dictionary of the Russian language by S. I. Ozhegov, the large explanatory dictionary of the Russian language by Kuznetsov and the explanatory dictionary by Efremova in order to determine the exact meanings of stimuli. The experiment was conducted among random people aged 18 to 24 years. By the method of associative experiment, an associative field of 150 reactions to stimuli culture, etiquette and morality was obtained. As a result of the analysis of the data obtained during three associative experiments, conclusions were drawn about the similarities and differences of the studied linguistic cultures. In addition to associative experiments, a comparison was made of the general reactions of stimuli (general reactions of stimuli culture and morality; culture and etiquette; etiquette and morality; Russian culture, etiquette and morality), comparison of experimental results (frequency of general reactions) among Russian and Italian respondents of linguistic cultures, as well as among Russian and French respondents of linguistic culture. A high frequency of common reactions between the Russian, Italian and French linguistic cultures was established, which indicates their close connection. Based on the data obtained, it was concluded that representatives of the Russian, Italian and French linguistic cultures demonstrate both common and different features in the structure and content of the "concepts" of the presentation of stimuli culture/cultura/culture, etiquette/etichetta/étiquette, morality/morale/moral, as we are told the results of the conducted associative experiments.

Keywords: culture; etiquette; morality; linguoculture; cue; target.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding. The study was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 20-012-00160 A.

For citation Mironova D. M. Comparative Analysis of the Associative Fields "Culture", "Etiquette", "Morality" in Russian, Italian and French Linguistic Cultures. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(4): 82–92 (In Russ.).

Received 06.10.2022

Accepted 10.11.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

Данное исследование обладает как теоретической, так и практической значимостью, поскольку культура играет одну из ключевых ролей в жизни каждого человека. Цель исследования – проанализировать ассоциативные поля трёх раз-

ных лингвокультур, и, на основе сопоставления результатов, составить выводы о сходствах и различиях данных лингвокультур.

Ассоциативные исследования имеют давнюю традицию в целом ряде наук. В настоящее время в отечественной психолингвистике проводится большое коли-

чество исследований с применением метода ассоциативного эксперимента, предполагающих моделирование ассоциативных полей (см., например, [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и мн. др.]

Считается, что ассоциативный эксперимент является одним из наиболее эффективных способов исследования психологически актуального значения слова. Ассоциативный эксперимент позволяет установить специфику ассоциативно-вербальной сети (АВС), которая формируется на основе коммуникативного опыта индивида.

Ассоциативные связи, зафиксированные в АВС, могут быть актуализированы в соотношении стимул – реакция при ассоциировании, т.е. при процессе соотнесения объекта (стимула) с первым пришедшим в голову словом (реакцией). Для психолингвиста важно учитывать личностные смыслы, которые отражены в способах действия со словом.

Результаты и обсуждение

Объектом настоящего исследования послужили слова *культура*, *этикет* и *нравственность*. Обратимся к словарям, (толковый словарь русского языка Ожегова, большой толковый словарь русского языка Кузнецова, толковый словарь Ефремовой) чтобы дать точные определения стимулов.

В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова:

Культура, -ы, ж. 1. Совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей. История культуры. К. древних греков. 2. То же, что культурность. Человек высокой культуры. 3. Разведение, выращивание какого-н. растения или животного (спец.). К. льна. К. шелкопряда. 4. Разводимое растение, а также (спец.) клетки микроорганизмов, выращенные в питательной среде в лабораторных или промышленных условиях. Технические культуры. К. органической ткани. 5. Высокий уровень чего-н., высокое развитие, умение. К.

производства. К. голоса (у певцов). Физическая к. (физкультура). л, речи, II прил. культурный, -ая, -ое.

Этикет, -а, м. Установленный, принятый порядок поведения, формообхождения. Дипломатический э. Речевой э. II прил. этикетный, ая, -ое.

Нравственность, -и, ж. Внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами. Человек безупречной нравственности. II прил. нравственный, -ая, -ое. Н. кодекс человека. [8]

В большом толковом словаре русского языка Кузнецова:

Культура, -ы; ж. [лат. cultura] 1. Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни. Материальная к. Духовная к. Достижения культуры. История культуры. К. античного мира. К. Древней Руси. Средневековая к. 2. Археол. Общность археологических памятников определённой эпохи в развитии первобытного общества. Трипольская к. 3. Сфера человеческой деятельности, связанная с областью искусства, просветительской деятельностью и т.п. Мастера культуры. Работники культуры. Выдающиеся деятели русской культуры. Дворец, дом культуры. 4. Высокий уровень развития какой-л. сферы человеческой деятельности или условий его жизни. К. земледелия, хозяйствования, производства. К. человеческих отношений. К. быта. К. труда. Физическая к. К. речи. 5. Просвещённость, образованность, начитанность. Повышать свою культуру. Человек высокой культуры. 6. Спец. Разведение, выращивание какого-л. растения; культивирование. К. картофеля. К. риса. // Обработка, возделывание. К. почвы. 7. обычно мн.: культуры, -тур. Виды, разновидности разводимых, культивируемых растений. Зерновые культуры. Субтропические культуры. 8. Биол. Микроорганизмы, выращенные в лабораторных

условиях в какой-л. питательной среде. К. стрептококка. К. холерного вибриона.

Этикет, -а; м. [франц. *étiquette*] Установленный порядок поведения, форм обхождения в какой-л. среде, в определённых условиях. Дипломатический э. Придворный э. Соблюдать э. <Этикетный, -ая, -ое. Э. поклон. Э. обмен любезностями.

Нравственность, -и; ж. 1. Внутренние качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т.п., которые проявляются в отношении к людям и природе. Человек высокой, безупречной нравственности. Развитие нравственности. Требования нравственности. Слабые, жалкие представления о нравственности. Упадок нравственности. 2. Совокупность норм, правил поведения человека в обществе и природе, определяемые этими качествами. Законы, кодекс, нормы нравственности. [9]

В толковом словаре Ефремовой:

Культура I ж. 1. Совокупность достижений человечества в области общественно-интеллектуальных и производственных отношений. || Совокупность таких достижений в определённую эпоху, у определённого народа. 2. Уровень развития каждой из областей жизни. || Конкретные результаты такого развития. 3. Совокупность памятников литературы, искусства, архитектуры и т.п., относящихся к одному времени, определённой территории. 4. Сфера человеческой деятельности, связанная с областью литературы, искусства, архитектуры и т.п. II ж. Искусственно созданный человеком мир, жизнь в котором определяется его — человека — идеалами; поведение человека. III ж. Растение, выращиваемое или выращенное в процессе культивирования; культивируемое растение. IV ж. Клетки микроорганизмов, выращенные в питательной среде в лабораторных или промышленных условиях.

Этикет м. Установленные нормы поведения, принятые правила и формы обхождения в какой-либо среде или в определённых условиях;

Нравственность I ж. 1. Внутренние — духовные и душевные — качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т.п., которые проявляются в отношении к людям и к природе. 2. Нормы и правила поведения человека, основывающиеся на таких качествах. [10]

Для того чтобы проанализировать ассоциативные поля русской, итальянской и французской лингвокультур, мы провели три разных ассоциативных эксперимента среди респондентов данных культур.

Ход эксперимента №1 (русский ассоциативный эксперимент)

Эксперимент был проведён среди случайных людей в возрасте от 18 до 24 лет. Методом ассоциативного эксперимента было получено ассоциативное поле из 150 реакций стимула *культура: музей 35; общество 19; искусство, история 12; духовность 9; Санкт-Петербург, страна 7; народ, наследие 5; театр 3; картина, столица, цивилизация, Эрмитаж, канал, быт, традиции 2; свершения, кактус, религия, парк, музыка, нация, скульптура, выставка, живопись, социум, ценности, образование, развитие, эстетика, архитектура, этика, честность, телевизор, поведение, вежливость, Китай, Япония 1.*

150+39+22+0, где первое число указывает на общее количество реакций, второе — на количество разных реакций, третье — показатель единичных реакций, а четвертое — индикатор отказов.

На стимул *этикет* были получены следующие реакции: *воспитание 21; вежливость 17; помощь 12; мораль, поведение, культура 11; кухня, леди 7; стол 6; девушка, правила 5; манеры 4; окру-*

жение, общение, приличие, общество 3; уверенность, изящность, эстетика 2; сервировка, музыка, официальность, официант, приветствие, вилка, салфетка, субординация, классика, стул, норма, этика, ресторан, королева, такт 1.

150+33+13+0, где первое число указывает на общее количество реакций, второе – на количество разных реакций, третье – показатель единичных реакций, а четвертое – индикатор отказов.

На стимул *нравственность* были получены ассоциации: *добро 24; помощь*

20; мораль 17; мир 11; воспитание 9; совесть 6; человечность, любовь 5; искренность, порядочность, поступок 4; война, доверие, добродушие, религия 3; чистота, этикет, культура, неравенство 2; осуждение, стол, характер, достоинство, народ, нация, пара, нрав, преступность 1.

150+32+9+0, где первое число указывает на общее количество реакций, второе – на количество разных реакций, третье – показатель единичных реакций, а четвертое – индикатор отказов.

Таблица 1. Общие реакции на стимулы

Table 1. General responses to cues

Условие	Общие реакции стимулов <i>культура</i> и <i>этикет</i>	Общие реакции стимулов <i>культура</i> и <i>нравственность</i>	Общие реакции стимулов <i>этикет</i> и <i>нравственность</i>	Общие реакции всех стимулов
Общие реакции	Вежливость, поведение, общество, эстетика, музыка, этика	Вежливость, народ, нация	Воспитание, вежливость, помощь, мораль, культура, стол	Вежливость

Таким образом, на основе полученных данных, можно сделать вывод, что психологически актуальное значение слов «культура», «этикет» и «нравственность» имеет как общие, так и дифференциальные черты.

Общими для стимулов «культура» и «этикет» являются 6 реакций от всего количества (66), что составляет 9%. Частота схожих реакций составляет 19,6%.

Одинаковыми для таких стимулов как «культура» и «нравственность» являются 3 реакции из общего количества в 68 (4,4%), частота невелика, всего лишь 3,6%.

Количество общих реакций для стимулов «этикет» и «нравственность» 6 из 59 (10,2%), в тот момент, как частота данных реакций составляет 43%.

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод, что около половины респондентов русской лингвокультуры имеют одинаковое представление на стимулы «этикет» и «нравственность», в тот момент, как только 3,6% опрошенных имеют общее представление стимулов «культура» и «нравственность». Немало примечательно, что стимул «нравственность» имел не только положительные, но и негативные реакции, связанные с войной и отрицательными человеческими качествами.

Ход эксперимента №2 (ассоциативный эксперимент с итальянскими респондентами)

Методом ассоциативного эксперимента было получено ассоциативное поле из 150 реакций стимула *культура: museo*

(музей) 18; *società* (общество) 17; *mostra* (выставка) 9; *modo*(мода), *creatività* (творчество), *cortesìa* (вежливость) 7; *teatro* (театр), *musica* (музыка) 6; *intelligenza* (интеллигентность), *Roma* (Рим), *casa* (дом), *persone* (люди), *storia* (история), *poesia* (поэзия) 4; *dottrina* (учение), *coltivazione* (выращивание), *istruzione* (образованность), *libro* (книга), *immagine* (картина) 3; *culto* (культ), *letteratura* (литература), *nazione* (нация), *patrimonio* (наследие), *morale* (мораль), *paese* (страна), *scultura* (скульптура), *pittura* (живопись), *artista* (художник), *Colosseo* (Коллизей) 2; *allevamento* (разведение), *piato* (квартира), *Mozart* (Моцарт), *etno* (этнос), *discorso* (речь), *vita* (жизнь), *valori* (ценности), *televisione* (телевизор), *tesoro* (клад), *sport* (спорт), *monumento* (памятник), *romodoro* (помидор), *verdura* (овощи) 1.

150+42+13+0, где первое число указывает на общее количество реакций, второе – на количество разных реакций, третье – показатель единичных реакций, а четвертое – индикатор отказов.

В отличие от респондентов русской лингвокультуры, участники итальянского эксперимента назвали помимо понятий, связанными с духовными ценностями, термины, имеющими отношения к выращиванию овощей (овощная культура). Как и в русском ассоциативном эксперименте, лидерами по реакциям являются стимулы *музей* и *общество*.

На стимул *этикет* были получены следующие реакции: *regole* (правила) 22; *comportamento* (поведение) 17; *cultura* (культура) 14; *cortesìa* (вежливость) 12; *morale* (мораль) 11; *signora* (леди) 10; *uoto* (мужчина), *rispetto* (уважение) 8; *tavola* (стол) 5; *saluto* (приветствие) 4; *forchetta* (вилка), *femminilità* (женственность), *bellezza* (красота), *tovagliolo* (салфетка) 3; *cucina* (кухня), *bene* (хоро-

шо), *ristorante* (ресторан), *gentiluomo* (джентльмен), *ospiti* (гости), *segno* (знак), *mente* (ум) 2; *cucchiaio* (ложка), *cuoco* (готовить), *decoro* (приличие), *discorso* (речь), *manse* (советы), *coltello* (нож), *scuse* (извинения), *cerimonia* (церемония), *specchio* (зеркало), *guanto* (перчатка), *conoscenza* (знание), *interesse* (интерес) 1.

150+33+12+0, где первое число указывает на общее количество реакций, второе – на количество разных реакций, третье – показатель единичных реакций, а четвертое – индикатор отказов.

Ассоциативное поле *этикет* так же, как и в русском эксперименте, характеризуется не только схожими положительными реакциями, но и большим количеством терминов, связанных с кухней.

На стимул *нравственность* были получены ассоциации: *aiuto* (помощь) 31; *morale* (мораль) 22; *genitorialità* (воспитание) 10; *bene* (хорошо), *cortesìa* (вежливость), *coscienza* (совесть), *cultura* (культура) 7; *regole* (правила) 6; *mondo* (мир), *felicità* (счастье) 5; *bellezza* (красота), *persone* (люди), *società* (общество), *bambini* (дети), *importanza* (важность), *sincerità* (искренность), *carattere* (характер) 3; *valori* (ценности), *vita* (жизнь), *nazione* (нация), *pulizia* (чистота), *decenza* (порядочность), *atto* (поступок), *onestà* (честность), *fede* (вера) 2; *casa* (дом), *uoto* (мужчина), *gentilezza* (добродушие), *castità* (целомудрие), *carattere* (нрав), *principio* (принцип) 1.

150+31+6+0, где первое число указывает на общее количество реакций, второе – на количество разных реакций, третье – показатель единичных реакций, а четвертое – индикатор отказов.

В отличие от участников эксперимента №1, итальянские респонденты не использовали ни одной реакции, связанной с чем-либо отрицательным.

Таблица 2. Общие реакции на стимулы

Table 2. General responses to cues

Условие	Общие реакции стимулов <i>культура</i> и <i>этикет</i>	Общие реакции стимулов <i>культура</i> и <i>нравственность</i>	Общие реакции стимулов <i>этикет</i> и <i>нравственность</i>	Общие реакции всех стимулов
Общие реакции	Cortesia (Вежливость), morale (мораль), discorso (речь)	Società (Общество), cortesia (вежливость), casa (дом), persone (люди), nazione (нация), morale (мораль), valori (ценности), vita (жизнь)	Regole (правила), cortesia (вежливость), morale (мораль), cultura (культура), uomo (мужчина), bellezza (красота)	Cortesia (Вежливость), morale (мораль)

На основе имеющихся данных, можно сделать некоторые выводы:

Общими для стимулов «культура» и «этикет» являются 3 реакции от всего количества (74), что составляет 4%. Частота данных реакций составляет 11,3%. Этот результат ниже, чем тот, который был получен в результате русского эксперимента.

Схожими для стимулов «культура» и «нравственность» наблюдаются 8 реакций из 65 (12,3%), а частота схожих реакций равняется 27,3%, что в несколько раз выше полученного результата в ходе первого эксперимента. Исходя из этого, напрашивается вывод, что четверть представителей итальянской лингвокультуры видят общие черты в стимулах «культура» и «нравственность».

6 реакций из 58 (10,3%) являются одинаковыми для стимулов «этикет» и «нравственность», частота реакций составляет 38,6%. Этот результат немного ниже полученного в русском эксперименте.

Можно сказать, что несмотря на небольшое количество одинаковых реакций (6 из 58), около трети респондентов итальянской лингвокультуры имеют схожее представление стимулов «этикет» и «нравственность», что практически иден-

тично результатам, полученным в ходе русского ассоциативного эксперимента.

Ход эксперимента №3 (ассоциативный эксперимент с французскими респондентами)

Методом ассоциативного эксперимента было получено ассоциативное поле из 150 реакций стимула *культура*: *arts* (искусство) 20; *musée* (музей) 16; *théâtre* (театр) 12; *image* (картина) 10; *littérature* (литература), *histoire* (история) 8; *musique* (музыка), *mode* (мода) 7; *civilisation* (цивилизация), *cinéma* (кино) 5; *baiser* (поцелуй), *vêtements* (одежда), *morale* (мораль) 4; *monument* (памятник), *héritage* (наследие), *porno* (порно), *Dieu* (Бог), *bon* (добро) 3; *Paris* (Париж), *défilé* (парад), *nation* (нация), *afficher* (показ), *personnalisé* (обычай), *valeurs* (ценности) 2; *développement* (развитие), *homme* (человек), *directeur* (режиссёр), *tour* (башня), *Bordeaux* (Бордо), *manicure* (маникюр), *coiffure* (причёска), *baroque* (барокко), *discours* (речь), *mémoire* (память), *Napoléon* (Наполеон), *orientation* (ориентация) 1.

$150+36+12+0$, где первое число указывает на общее количество реакций, второе – на количество разных реакций,

третье – показатель единичных реакций, а четвертое – индикатор отказов.

Реакции на данный стимул во многом схожи с полученными в ходе двух других экспериментов. Имеется 13 общих реакций с итальянским (*музей, мода, театр, музыка, история, картина, литература, нация, наследие, мораль, речь, ценности, памятник*) и 11 с русским (*музей, искусство, история, наследие, театр, картина, цивилизация, музыка, нация, ценности, развитие*) ассоциативными экспериментами.

На стимул *этикет* были получены следующие реакции: *bonnes manières* (воспитанность) 12; *éducation* (воспитание), *communication* (общение) 11; *culture* (культура) 10; *comportement* (поведение) 9; *manières* (манеры), *arts* (искусство), *règles* (правила) 7; *féminité* (женственность), *décente* (приличие) 5; *servir* (сервировка), *vêtements* (одежда), *personnes* (человек), *élite* (элита), *préparation* (подготовка), *politique* (политика) 4; *fourchette* (вилка), *serviette* (салфетка), *plats* (посуда), *aide* (помощь), *personnalité* (личность), *cuillère* (ложка), *coupe* (чашка), *chapeau* (шапка), *dame* (леди), *reine* (королева), *lèvres* (губы), *couronne* (корона), *président* (президент), *Dieu* (Бог) 2; *plat* (блюдо), *poignée de main* (рукопожатие), *répondre*

(*ответ*), *valse* (вальс), *exactitude* (правильность), *règlements* (регламент) 1.

150+37+6+0, где первое число указывает на общее количество реакций, второе – на количество разных реакций, третье – показатель единичных реакций, а четвертое – индикатор отказов. На стимул *нравственность* получены ассоциации *aide* (помощь) 19; *bon* (добро), *morale* (мораль) 15; *éducation* (воспитание) 9; *enfants* (дети), *sentiments* (чувства) 8; *acte* (поступок), *décente* (порядочность), *âme* (душа) 6; *qualité* (качество), *conscience* (совесть), *monde* (мир), *valeurs* (ценности), *docteur* (врач) 4; *développement* (развитие), *foi* (вера), *homme* (человек), *politesse* (вежливость), *règles* (правила) 3; *bénévole* (волонтер), *compréhension* (понимание), *parents* (родители), *éthique* (этика), *coeur* (сердце), *caractère* (характер), *religion* (религия), *Dieu* (Бог) 2; *mal* (зло), *virginité* (девственность), *chasteté* (целомудрие), *président* (президент), *pays* (страна), *liberté* (свобода), *Paris* (Париж) 1.

150+34+7+0, где первое число указывает на общее количество реакций, второе – на количество разных реакций, третье – показатель единичных реакций, а четвертое – индикатор отказов.

Таблица 3. Общие реакции на стимулы

Table 3. General responses to cues

Условие	Общие реакции стимулов культура и этикет	Общие реакции стимулов культура и нравственность	Общие реакции стимулов этикет и нравственность	Общие реакции всех стимулов
Общие реакции	<i>Arts</i> (Искусство), <i>vêtements</i> (одежда), <i>Dieu</i> (Бог)	<i>Développement</i> (Развитие), <i>homme</i> (человек), <i>bon</i> (добро), <i>morale</i> (мораль), <i>Dieu</i> (Бог), <i>valeurs</i> (ценности)	<i>Règles</i> (Правила), <i>éducation</i> (воспитание), <i>homme</i> (человек), <i>aide</i> (помощь), <i>Dieu</i> (Бог)	<i>Dieu</i> (Бог)

Общими для стимулов «культура» и «этикет» являются 3 разных реакции от всего количества (70), что составляет 4,3%. Частота схожих реакций составляет 13,3%.

Для стимулов «культура» и «нравственность» 6 реакций являются общими из общего количества в 64 (9,4%), частота реакций равняется 17,3%.

5 из 66 (7,5%) реакций являются одинаковыми для стимулов «этикет» и «нравственность», в тот момент, как количество частота равна 13,7%.

Также было проведено исследование результатов полученных реакций между собой для выявления схожих реакций. Получается, что:

- Стимул *культура* в русском и итальянском ассоциативных полях имеет частоту общих реакций 52,7% (общие реакции: *музей, общество, выставка, театр, музыка, история, картина, нация, наследие, скульптура, живопись, ценности*) в французском и русском – 54% (*музей, искусство, история, наследие, театр, картина, цивилизация, музыка, нация, ценности, развитие*)

- Ассоциативные поля стимула *этикет* тоже имеет высокую частоту реакций, а именно: в русском и итальянском ассоциативных полях – 63% (*правила, поведение, культура, вежливость, мораль, леди, стол, приветствие, вилка, салфетка, кухня, ресторан, приличие*), в русском и французском – 52% (*Манеры, воспитание, сервировка, леди, правила, поведение, вилка, салфетка, помощь, общение, приличие, культура*)

- Стимул *нравственность* в русском и итальянском ассоциативных полях имеет частоту схожих реакций 61% (общие

реакции: *помощь, мир, мораль, воспитание, культура, чистота, искренность, порядочность, добродушие, совесть, характер, поступок, вера*), в русском и французском – 62,3% (*помощь, добро, воспитание, порядочность, мораль, совесть, вера, мир, вежливость, характер, религия, поступок*).

Выводы

На основе полученных данных, можно сделать вывод, что представители русской, итальянской и французской лингвокультур демонстрируют как общие, так и различные черты в структуре и содержании «концептов» представления стимулов *культура/cultura/culture, этикет/etichetta/étiquette, нравственность/morale/moral*, о чём нам говорят результаты проведённых ассоциативных экспериментов. Частотность общих реакций варьируется от 52 до 63 процентов, что доказывает факт близости лингвокультур. Стоит ещё раз отметить, что только в русском ассоциативном поле *нравственность* есть крайне негативные реакции, такие как *война, неравенство, осуждение, преступность*. Ни в одном другом ассоциативном поле такого не наблюдается.

Общими для всех трёх ассоциативных полей эксперимента с участием представителей итальянской лингвокультуры являются реакции *cortesia* (вежливость) и *morale* (мораль), с участием представителей французской лингвокультуры – *Dieu* (Бог), отечественной – *вежливость*, что говорит о тесной связи данных понятий с анализируемыми стимулами.

Список литературы

1. Бутакова Л.О. Языковая способность, речевая компетенция, речевая деятельность представителей поколения // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 4. С. 61–74.

2. Макки А. Специфика содержания ценности "famiglia" / "семья" в итальянской картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2 (844). С. 95–104.
3. Степыкин Н.И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия // Научный диалог. 2021. № 8. С. 112–127.
4. Степыкин Н. И. Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости») // Научный диалог. 2021. № 3. С. 106–120.
5. Степыкин Н. И., Миронова Д. М. Проект мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости: лексикографическое издание. Курск, 2020. 205 с.
6. Хлопова А.И. Динамика содержания базовой ценности "Gesundheit" / "здоровье" в немецкой лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2 (844). С. 118–129.
7. Архипова С.И. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 11. С. 6–8.
8. Толковый словарь русского языка Ожегова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>
9. Большой толковый словарь русского языка Кузнецова. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>.
10. Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://gufo.me/dict/efremova>.

References

1. Butakova L.O. Yazykovaya sposobnost', rechevaya kompetenciya, rechevaya deyatel'nost' predstavitelej pokoleniya [Language ability, speech competence, speech activity of representatives of the generation]. *Russkij yazyk v shkole = Russian language at school*, 2021, vol. 82, no. 4, pp. 61–74.
2. Makki A. Specifika sodержaniya cennosti "famiglia" / "sem'ya" v ital'yanskoj kartine mira [The specifics of the content of the value of "famiglia" / "family" in the Italian picture of the world]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2021, no. 2 (844), pp. 95–104.
3. Stepykin N.I. Potencial primeneniya formalizovannyh parametrov dlya modelirovaniya rechevogo dejstviya [The potential of using formalized parameters for modeling speech action]. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*, 2021, no. 8, pp. 112–127.
4. Stepykin N. I. Opyt modelirovaniya associativnyh polej (po materialam proekta "Mul'tilingval'nyj associativnyj tezaurus vezhlivosti") [The experience of modeling associative fields (based on the materials of the project "Multilingual associative thesaurus of politeness")]. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*, 2021, no. 3, pp. 106–120.
5. Stepykin N. I., Mironova D. M. *Proekt mul'tilingval'nogo associativnogo tezaurusa vezhlivosti: leksikograficheskoe izdanie* [The project of a multilingual associative thesaurus of politeness: lexicographic edition]. Kursk, 2020. 205 p.
6. Hloпова А.И. Dinamika sodержaniya bazovoj cennosti "Gesundheit" / "zдорov'e" v nemeckoj lingvokul'ture [Dynamics of the content of the basic value "Gesundheit" / "health" in German linguoculture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*.

Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 2021, no. 2 (844), pp. 118–129.

7. Arhipova S.I. Associativnyj eksperiment v psiholingvistike [Associative experiment in psycholinguistics]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*, 2011, pp. 6–8.

8. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka Ozhegova* [Ozhegov's Explanatory Dictionary of the Russian language]. Available at: <https://gufo.me/dict/ozhegov>

9. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka Kuznetsova* [Kuznetsov's Large explanatory dictionary of the Russian language]. Available at: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>.

10. *Tolkovyj slovar' Efremovoj* [Efremova's Explanatory Dictionary]. Available at: <https://gufo.me/dict/efremova>.

Информация об авторе / Information about the Author

Миронова Диана Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: mir-lina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1450-515X

Diana M. Mironova, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: mir-lina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1450-515X

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'25

**Влияние пандемии как экстралингвистического фактора
на восприятие и актуализацию в сознании индивида лексических
единиц**

Е. А. Конева¹✉, Ю. Р. Мелихова¹

¹ Курский государственный университет
ул. Радищева, д. 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: e.a.koneva@bk.ru

Резюме

Пандемия коронавируса явилась экстралингвистическим фактором, который оказал в той или иной мере влияние на значение ряда слов. В сознании индивида актуализируется значение, отражающее ситуацию «здесь и сейчас».

Предпринятое исследование психолингвистического значения стимула «щиток» посредством свободного ассоциативного эксперимента осуществлялось в два этапа, отличие которых заключалось в форме подачи стимула: первый эксперимент проводился со словом-стимулом «щиток», стимулом для второго эксперимента послужила картинка с изображением щитка как индивидуального средства защиты. Основу или ядро полученных ассоциаций в первом эксперименте составили реакции, демонстрирующие одно из лексикографических значений лексемы «щиток», а именно устройство, оснащенное измерительной и сигнальной аппаратурой, т.е. в индивидуальном сознании актуализировалось значение щитка-распределителя или электрического щитка. Во втором эксперименте на картинку с изображением средства защиты в качестве стимула были получены реакции преимущественно так или иначе связанные с коронавирусной инфекцией. Картинка дала возможность испытуемым «сузить» поиск значения (смысловую актуализацию в сознании).

Полученные результаты в очередной раз подчеркнули существующее в психолингвистике утверждение о том, что психолингвистическое значение шире, чем лексикографическое. Важным при организации и проведении психолингвистического эксперимента является способ восприятия испытуемыми предъявляемого стимула. Особое внимание заслуживает появление дополнительного значения рассматриваемой лексемы, не зафиксированного в лексикографических источниках, под влиянием пандемии коронавирусной инфекции как экстралингвистического фактора.

Ключевые слова: *экстралингвистический фактор; коронавирусная лексика; языковое сознание; индивидуальная картина мира; свободный ассоциативный эксперимент.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Конева Е. А., Мелихова Ю. Р. Влияние пандемии как экстралингвистического фактора на восприятие и актуализацию в сознании индивида лексических единиц // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 93-103.

Статья поступила в редакцию 26.09.2022

Статья подписана в печать 14.10.2022

Статья опубликована 21.12.2022

The Impact of the Pandemic as an Extralinguistic Factor on Perception and Actualization of Lexical Units in the Individual Language Consciousness

Eugenia A. Koneva¹ ✉, Julia R. Melikhova¹

¹Kursk State University
33, Radishchev Str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: e.a.koneva@bk.ru

Abstract

The coronavirus pandemic was an extralinguistic factor that influenced the lexical meaning of a number of words. In the individual's mind the word meaning is actualized reflecting the situation "here and now". The study of the psycholinguistic meaning of the stimulus "shield" by means of a free associative experiment was carried out in two stages, the difference was in the form of the stimulus presentation: the first experiment was carried out with the stimulus word "shield". The stimulus for the second experiment was a picture illustrating a face shield as personal protective equipment. The great number of the associations obtained in the first experiment were reactions demonstrating one of the lexicographic meanings of the lexeme "shield", namely, a device equipped with measuring and signaling equipment, i.e. in the individual consciousness, the meaning of the distribution panel or electrical panel was actualized. In the second experiment, reactions to a picture depicting protective equipment as a stimulus were mostly related to coronavirus infection. The picture gave the recipients the opportunity to "narrow down" the search for the meaning (semantic actualization in consciousness).

The obtained results once again emphasized the fact that psycholinguistic meaning is wider than lexicographic one. The way the recipients perceive the presented stimulus is very important in organizing and conducting a psycholinguistic experiment. Particular attention should be paid to the additional meaning of the considered lexeme that is not recorded in lexicographic sources and appeared under the influence of the coronavirus pandemic as an extralinguistic factor.

Keywords: extralinguistic factor; coronavirus vocabulary; linguistic consciousness; individual picture of the world; free associative experiment.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Koneva Y. A., Melikhova J. R. The Impact of the Pandemic as an Extralinguistic Factor on Perception and Actualization of Lexical Units in the Individual Language Consciousness. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022, 12(4): 93–103 (In Russ.).

Received 26.09.2022

Accepted 14.10.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

Экстралингвистический фактор (различные изменения и инновации в культуре, технологиях, обществе) существенно влияет на язык. Подверженной внешним факторам или, как метко отмечает М.А. Кронгауз, «наиболее чувствительной» к ним оказывается лексика [1, с. 737]. Несмотря на сравнительно небольшое время, которое продолжался карантин, связанный с пандемией коронавирусной

инфекции, а также период ограничительных мер, связанный с предотвращением распространения инфекции, «по влиянию на жизнь, язык и коммуникацию это фактически отдельная эпоха» [1, с. 736]. Наличие в языке новых слов, появление у ряда слов новых значений или актуализация уже существующих – это результат, отражение сложившейся ситуации. Закрепится ли этот результат, окажется ли он продолжительным (войдет ли новая

или «обновленная» лексика в повседневный обиход надолго, будет ли это зафиксировано в лексикографических источниках), – на этот вопрос нельзя получить точный и однозначный ответ. Бесспорно, это будет зависеть от актуализации данной лексики в сознании индивидов.

Большое количество слов, которыми обогатил язык период пандемии, – это слова, производные от лексем «карантин», «ковид» (и его англоязычные варианты), «корона» [2; 3]. Однако по частоте употребления слова «маска», «щиток», «перчатки» в обозначенный период, очевидно, несколько не уступали вышеобозначенным лексемам.

Цель исследования – описать особенности воздействия экстралингвистического фактора на восприятие и актуализацию в сознании индивидов коронавирусной лексики.

Материалы и методы

В рамках предпринятого исследования ранее были проанализированы и описаны результаты свободного ассоциативного эксперимента на слова-стимулы «маска», «корона» [4; 5]. Материалом настоящей статьи послужили данные свободного ассоциативного эксперимента на слово-стимул «щиток», который проводился в два этапа. В качестве основного метода исследования ассоциативный эксперимент был выбран не случайно, поскольку он предоставляет доступ к информационной базе человека [6] и выступает одним из «наиболее надежных и эффективных методов, обеспечивающих доступ к изучению структур знания и сознания» [7, с. 25]. Последующая когнитивная интерпретация полученных экспериментальных данных проводилась в сопоставительном аспекте с данными толковых словарей.

Результаты и обсуждение

Испытуемыми (далее ии.) в рамках свободного ассоциативного эксперимента выступили студенты Курского государ-

ственного университета в возрасте от 18 до 22 лет численностью 100 человек. Гендерный фактор во внимание не принимался. Эксперимент проводился в два этапа с учетом способа предъявления ии. стимула в сентябре 2021 года.

Стимулами ассоциативного эксперимента стали слово «щиток» и чернобелая картинка, изображающая данный предмет. Респондентам предлагалось записать первые пришедшие в голову ассоциации на предложенные стимулы. Отказов не было.

В результате ассоциативного эксперимента на слово-стимул «щиток» (далее Э₁) было получено 235 реакций, из которых повторяющихся – 181 (77%), единичных – 54 (23%). К ядру отнесены реакции, набравшие четыре и более повторов, к периферии – набравшие по три и два повтора. Цифра означает количество одинаковых реакций, в случае единичной фиксации цифра не ставится.

Ядро ассоциативного поля (далее АП) Э₁ представлено следующими реакциями: *электричество* (41), *защита* (20), *электрический щиток* (11), *пандемия* (10), *свет* (9), *коронавирус* (8), *щит* (7), *провода* (6), *счетчик* (4), *электроэнергия* (4), *маска* (4). Всего 124 реакции (53%).

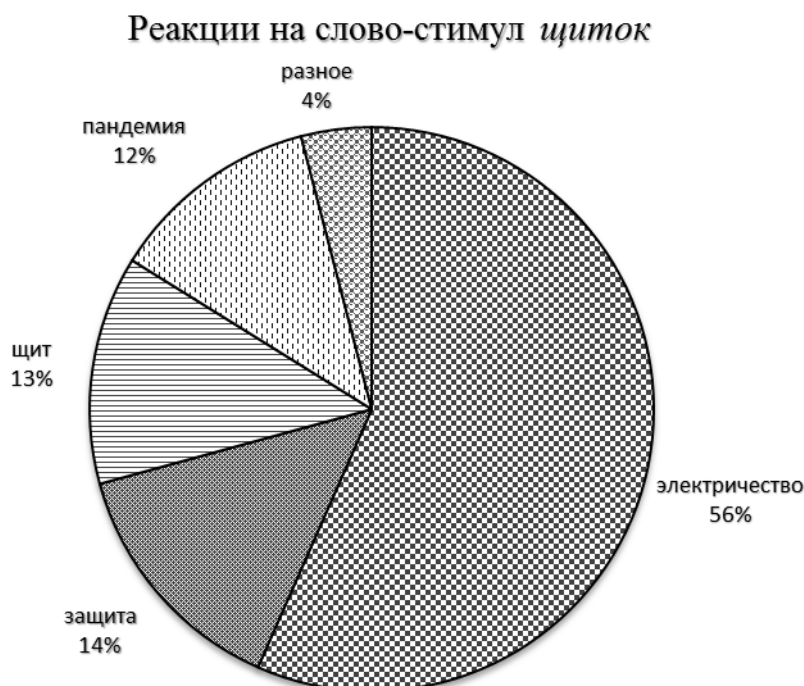
Периферия АП (24%) включает реакции: *здоровье* (3), *электрический ток* (3), *проводка* (3), *удар* (3), *опасность* (3), *меч* (3), *маленький щит* (3), *броня* (3), *подъезд* (3), *дом* (3), *цифры* (3), *неизвестность* (3), *электрик* (3), *лампа* (2), *искры* (2), *молния* (2), *физика* (2), *железо* (2), *футбольные щитки* (2), *щит у рыцаря* (2), *боль* (2), *красный* (2). Всего 57 реакций.

Единичные реакции: *счет за электричество*, *выбивает*, *электрика*, *трансформаторная будка*, *напряжение*, *разряд*, *связь*, *темнота*, *предохранитель*, *включатель*, *выключатель*, *огонь*, *тепло*, *запрещено*, *пожар*, *деталь*, *имеющая защитную функцию от чего-то*, *наколенник*, *голень*, *футбол*, *гетры*, *рыцарь*, *кавалерийский щит*, *небольшой деревянный щит в железной оправе*, *оборонитель-*

ный, защита лица в средневековом шлеме, маленький щиток для защиты от стрел, сила, металлический, война, военный, боевой, экипировка, площадка, плата, квартплата, квартира, квитанции, показания, ЖКХ, деньги, болезненный, смертельный, тревожность за будущее, мир изменится навсегда, никуда больше поехать нельзя, неясность, серый, синий, зеленый, вентиляция, коробка, прибор, знак, отвертка. Всего 54 реакции (23%).

В связи с тем, что исследователи до сих пор не пришли к единому мнению

относительно характера интерпретации вербальных данных, т.е. их объём и содержание могут существенно отличаться [8], в рамках своего исследования мы придерживались наиболее традиционного способа анализа содержания ассоциативных полей: отдельные реакции были объединены в группы реакций, близких по смыслу (рис.1). Представленное разделение довольно субъективно и может подвергаться изменениям.

Рис. 1. Распределение реакций Э₁ по тематическим группам (в %)

Fig. 1. Distribution of AE₁ reactions by thematic groups (%)

Одной из самых объемных оказалась группа ЭЛЕКТРИЧЕСТВО (132), образованная реакциями: электричество (41), электрический щиток (11), свет (9), провода (6), счетчик (4), электроэнергия (4), электрический ток (3), проводка (3), электрик (3), напряжение, выключатель, выключатель, предохранитель, металлический ящик, железо (2), трансформаторная будка и другие. Сюда относятся реакции, указывающие на расположение электри-

ческого щита: дом (3), подъезд (3), площадка, квартира. Данная группа составляет более половины (56%) всех реакций АП рассматриваемого стимула. Это объясняется тем, что электрический щиток находится в каждом доме, и данное устройство хорошо знакомо всем и практически с детства. В рамках этой группы также можно выделить компонент ЖКХ, связанный с оплатой за электричество: цифры (3), плата, квартплата,

квитанции, показания, деньги. Такие реакции, как опасность (3), искры (2), молния (2), выбивает, темнота, огонь, пожар, запрещено указывают на субъективное переживание ии. определенных нежелательных обстоятельств.

В АП рассматриваемого стимула также была выделена тематическая группа ЗАЩИТА (14,4%), представленная следующими реакциями: защита (20), маска (4), здоровье (3), деталь, имеющая защитную функцию от чего-то, футбольные щитки (2), наколенник, голень, футбол, гетры. (Всего 34 реакции).

Группа реакций, обозначающих ЩИТ (13%) включает ассоциации: щит (7), меч (3), маленький щит (3), броня (3), щит у рыцаря (2), рыцарь, кавалерийский щит, небольшой деревянный щит в железной оправе, оборонительный, защита лица в средневековом шлеме, маленький щиток для защиты от стрел, сила, металлический, война, военный, боевой, экипировка (всего 30 реакций).

Следующая выделенная группа ПАНДЕМИЯ (29) составляет 12%. Сюда входят: пандемия (10), коронавирус (8), боль (2), неизвестность (3), болезненный, смертельный, тревожность за будущее, мир изменится навсегда, никуда больше поехать нельзя, неясность. Все реакции данной группы за исключением первых двух отражают эмоционально-оценочное отношение ии. к окружающей действительности, потому что «любая единица языка, выводя на какой-то фрагмент индивидуальной картины мира (которая одновременно обязательно является социально и культурно опосредованной), неизбежно задействует комплекс переживаний разной степени сложности и осознаваемости» [9, с. 120].

Следующий этап нашего исследования заключался в сопоставлении полученного психолингвистического значения с зафиксированными лексикографическими значениями. Анализ словарных статей в толковых словарях [10, с. 724; 11, с. 777] позволяет выделить две основные составляющие значения слова щиток:

1) защитное устройство, закрывающее лицо, глаза;

2) приспособление, надеваемое игроками в футбол, хоккей на голень для предохранения от ушибов.

Кроме того, в указанных словарях отмечается, что слово щиток является уменьшительно ласкательной формой к слову щит и означает:

1) старинное ручное вооружение в виде круглой или прямоугольной деревянной или металлической доски для защиты от ударов;

2) ограждение, устройство в виде металлических плит, пластин, ряда сколоченных досок;

3) доска, на которой помещается, укрепляется что-либо для показа;

4) устройство, на котором смонтированы измерительная и сигнальная аппаратура [10; 11].

Результаты Э₁ показывают, что среди наиболее частых реакций в составе АП слова-стимула щиток по количественному соотношению выделяются следующие: электричество (41), защита (20), электрический щиток (11), пандемия (10), свет (9), коронавирус (8). Все указанные значения кроме пандемии и коронавируса полностью или частично отражены в толковых словарях. Два новых значения в указанных источниках не зафиксированы. Появление у слова новых значений обусловлено тем, что любые изменения, происходящие в современном обществе, влияют на отношение человека к окружающим явлениям и обязательно отражаются в языковом сознании носителей языка [12, с. 92]. Реакции пандемия (10) и коронавирус (8) являются ярким отражением объективной действительности. Психолингвистическое значение отражает языковое сознание адекватно определенному моменту, периоду. Поскольку эти реакции составляют незначительный процент (7,6%) от их общего числа (235 реакций), мы решили посмотреть, изменится ли частота подобных реакций и набор ассоциатов в целом, если в качестве стимула будет представлено не сло-

во, а картинка, репрезентирующая исследуемое понятие. Поэтому был проведен Э₂, в котором ии. предъявлялось черно-белое изображение указанного предмета (рис. 2). Э₂ проводился в конце марта

2022 г., когда в России на фоне улучшения эпидемической ситуации и снижения заболеваемостью COVID-19 обязательное ношение средств индивидуальной защиты было отменено.

Рис. 2. Визуальный стимул

Fig. 2. Visual stimulus

В Э₂ было получено 294 реакции. В ядро АП вошли ассоциации: защита (44), коронавирус (27), маска (22), вирус (13), ковид (10), болезнь (10), больница (9), сварка (9), врач (9), сварщик (8), безопасность (7), экран (5), искры (5), пандемия (4), карантин (4), работа (4), краска (4), стройка (4). Всего 198 (67%).

Периферию составили 44 реакции (15%): стоматолог (3), эпидемия (3), инфекция (3), маникюр (3), слесарь (3), опасность (3), страх (3), пластик (3), Covid-19 (2), дистанционка (2), изоляция (2), боль (2), пыль (2), чистота (2), здоровье (2), болгарка (2), магазин (2), каска (2).

К единичным реакциям относятся: красная зона, антивирусный, локдаун, смерть, ограничения, дефолт, трудно дышать, духота, неудобство, упирается в лицо и шею, бесполезная штука, насилие, несправедливость, защита для глаз, стерильность, надёжность, профилактика, меры безопасности, бациллы, козырек от солнца, спецодежда, грязь, касса, лаборатория, сфера услуг, обработка дерева, завод, парикмахерская, спецназ, ОМОН, Росгвардия, ремонт, химия, эксперимент, техника, пожар, станок, работник больницы, силовики, дантист, доктор, рабочий, инженер, токарь, физик, кассир, резчик металла, мастер ноготочков, лицо,

стекло, инструмент, легкость. Всего 52 реакции (18%).

Распределение всех полученных ответов по группам представлено на рис. 3. Несмотря на то, что эксперимент проводился в период, когда в стране наблюдался спад заболеваемости COVID-19 и была снята часть запретов, в АП Э₂ самой многочисленной оказалась группа КОРОНАВИРУС (101), составляющая 34%. Широкий спектр реакций обусловлен сложившейся ситуацией пандемии коронавируса. Частота таких ассоциатов как коронавирус (27), ковид (10) свидетельствует о том, что появившиеся неологизмы стали частью языкового сознания и прочно закрепились в структуре языка [13, с. 60]. В АП картинки-стимула щиток: зафиксированы ключевые понятия эпохи [14]: вирус (13), пандемия (4), карантин (4), эпидемия (3), инфекция (3), Covid-19 (2), дистанционка (2), изоляция (2), красная зона, антивирусный, локдаун. «Ключевыми следует считать слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [15, с. 90]. В языковом сознании респондентов данные реакции в пандемийный период соединились в единый понятийный комплекс.

Рис. 3. Распределение реакций Э₂ по тематическим группам (в %)

Fig. 3. Distribution of AE₂ reactions by thematic groups (%)

В рамках данной группы в Э₂ широко представлены лично окрашенные реакции, характеризующие эмоциональное состояние ии. и их отношение к данному явлению: *страх (3), опасность (3), боль (2), смерть, ограничения, дефолт, трудно дышать, духота, неудобство, упирается в лицо и шею, бесполезная штука, насилие, несправедливость.*

Изображенный на картинке предмет ассоциируется у ии., прежде всего, с средством *защиты* от коронавирусной инфекции, поскольку обеспечивает *безопасность (7), стерильность, надёжность, профилактику, чистоту (2) и здоровье (2)*. Приведенные реакции относятся к тематической группе ЗАЩИТА, которая в Э₂ составляет 32% (93 реакции) и указывает на то, что для ии. пластиковый щиток также является эффективным средством защиты.

Следующая выделенная нами группа – СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ тоже является очень многочисленной. Суммарная частота 31% свидетельствует о широком

применении изображенного на картинке предмета в деятельности человека. В этой группе можно выделить несколько подгрупп. Прежде всего, это ПРОФЕССИИ ЛЮДЕЙ, которые пользуются данным защитным средством: *врач (9), сварщик (8), стоматолог (3), слесарь (3), работник больницы, силовики, дантист, доктор, рабочий, инженер, токарь, физик, кассир, резчик металла, мастер ноготочков.* Вторая подгруппа – это СФЕРА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ данного предмета: *больница (9), сварка (9), искры (5), работа (4), маникюр (3), краска (4), стройка (4), болгарка (2), магазин (2), касса, лаборатория, сфера услуг, обработка дерева, завод, парикмахерская, спецназ, ОМОН, Росгвардия, ремонт, химия, эксперимент, пожар, станок.*

Сопоставление данных Э₁ и Э₂ демонстрирует существенные различия как в наборе ассоциатов, так и в частоте однотипных ассоциаций (табл. 1).

Таблица 1. Распределение частоты реакций по результатам Э₁ и Э₂**Table 1.** Reaction frequency distribution according to the results of AE₁ and AE₂

Э ₁	Э ₂
<i>электричество (41), защита (20), электрический щиток (11), пандемия (10), свет (9), коронавирус (8), щит (7), провода (6), счетчик (4), электроэнергия (4), маска (4)</i>	<i>защита (44), коронавирус (27), маска (22), вирус (13), ковид (10), болезнь (10), больница (9), сварка (9), врач (9), сварщик (8), безопасность (7), экран (5), искры (5), пандемия (4), карантин (4), работа (4), краска (4), стройка (4)</i>

Реакция первого ранга в Э₁ *электричество (41)* в АП Э₂ вообще отсутствует. Самая частотная реакция Э₂ *защита (44)* в Э₁ занимает второе место. В Э₂ на втором месте стоит *коронавирус (27)*, который в Э₁ находится на шестом месте. Отметим, что в ядерной зоне Э₁ и Э₂ совпадают четыре реакции: *защита, коронавирус, маска, пандемия*. Частота однотипных реакций и состав главных ассоциатов обоих экспериментов не совпадают. Эти существенные различия обусловлены, прежде всего, разной формой предъявления ии. исследуемого стимула. Непосредственно представленный предмет может вызывать другие ассоциации, нежели слово, обозначающее данное понятие. Тем не менее, результаты обоих экспериментов дополняют друг друга и позволяют выявить не отраженные в словарных дефинициях денотативные, коннотативные (оценочные / эмоциональные) и некоторые функциональные семантические признаки и новые значения исследуемого понятия *щиток*. Они позволяют оптимизировать семантическое описание лексики и приблизить его к реалиям современного языкового сознания.

Выводы

Анализ полученных данных позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, проведенное психолингвистическое исследование в очередной раз подчеркивает справедливость утверждения о разнице в полноте психолингвистического и лексикографического зна-

чений. В этой связи справедливо замечание М.С. Саломатиной, что «ученый при составлении традиционного толкового словаря ориентируется на собственный языковой опыт», а лингвист, осуществляющий работу с языковым материалом, который был получен в ходе психолингвистического эксперимента, «имеет дело с результатами языковой рефлексии значительного количества носителей языка» [16, с. 69]. Основу психолингвистического значения слова «щиток» составляет имеющееся лексикографическое значение, но психолингвистическое значение уточняет, конкретизирует лексикографическое значение с учетом конкретной ситуации «здесь и сейчас».

Во-вторых, способ подачи стимула влияет на конечный результат. И в первом, и во втором эксперименте были отмечены реакции, связанные с пандемией коронавируса, но во втором эксперименте они составили ядро. Это объясняется стимулом-картинкой с изображением средства защиты, которое стало социально значимым в обозначенный период – период пандемии. Форма подачи стимула способствовала более точной, конкретной актуализации значения в индивидуальном сознании. Слово-стимул «щиток» ассоциируется у носителей языка, прежде всего, с электрическим щитком (набором автоматов, которые защищают проводку квартиры, электрооборудование от коротких замыканий). Щиток как средство защиты появился в быту позже, чем электрический щиток, что и обуславливает подобное распределение реакций на

предъявленное слово-стимул. Таким образом, канал восприятия оказывает значение на последующую актуализацию значения слова в сознании индивида.

В-третьих, пандемия коронавирусной инфекции как экстралингвистический фактор способствовала расширению и уточнению существующего в лексико-

графических источниках значения лексемы «щиток». С учетом сложившейся ситуации *щиток* – это не просто *защитное устройство, закрывающее лицо и глаза*, но это, прежде всего, *индивидуальное средство защиты человека от вирусной инфекции*.

Список литературы

1. Кронгауз М.А. SCREENLIFE в эпоху карантина // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 735–744. [https://doi.org/10.24147/24136182.2020.7\(4\)](https://doi.org/10.24147/24136182.2020.7(4)).
2. Громенко Е.С., Павлова А.С., Приемышева М.Н. О «ковидно-коронавирусных» процессах в русском языке 2020 года // Studia Slavica. 2020. Vol. 65. Issue 1. Pp. 51-70. <https://doi.org/10.1556/060.2020.00005>
3. Северская О.И. Ковидиоты на карантинках: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 887-906. <https://doi.org/10.24147/2413-6182>
4. Конева Е.А., Мелихова Ю.Р. Ассоциативное поле лексемы «маска» в языковом сознании носителей русского языка в период пандемии коронавирусной инфекции // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 3 (42). С. 98-109.
5. Конева Е.А., Мелихова Ю.Р. Специфика способа восприятия испытуемыми стимулов в ходе проведения ассоциативного эксперимента // Русский лингвистический бюллетень. 2022. №2 (30). <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.30.13>.
6. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
7. Курганова Н.И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. №3 (41). С. 24–37. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-41-3-24-37>.
8. Степыкин Н.И. Ассоциативное поле: продукт ассоциативного эксперимента и инструмент анализа значения слова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. № 3 (20). С. 110–114.
9. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная сфера человека и язык: подход к исследованию // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 40. С. 118–124.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. 736 с.
11. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2017. 800 с.
12. Уфимцева Н.В. Значение слова как отображение социокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3. С. 83–92.
13. Громенко Е.С. «Коронный» потенциал русского языка начала 2020-х годов // Новые слова и словари новых слов 2020: сборник научных статей / отв. ред. Н.В. Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 45–62. <https://doi.org/10.30842/9785604483862>.
14. Русский язык коронавирусной эпохи / Т.Н. Буцева, Х. Вальтер, И.Т. Вепрева [и др.]. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 610 с. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/book.pdf>. (дата обращения: 07.09.2022)

15. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90–141.

16. Саломатина М.С. Психолингвистическое значение слова: опыт описания // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 2. С. 69–100.

References

1. Krongauz M.A. Screenlife v e'poxu karantina [Screenlife in the era of quarantine]. *Kommunikativny'e issledovaniya = Communicative Research*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 735–744. [https://doi.org/10.24147/24136182.2020.7\(4\)](https://doi.org/10.24147/24136182.2020.7(4)).

2. Gromenko E.S., Pavlova A.S., Priemy'sheva M.N. O “kovidno-koronavirusny'x” procesсах v russkom yazy'ke 2020 goda [About the “covidcoronavirus” processes in the Russian language of 2020]. *Studia Slavica = Studia Slavica*, 2020, vol. 65, is. 1, pp. 51–70. <https://doi.org/10.1556/060.2020.00005>.

3. Severskaya O.I. Kovidioty' na karantikulax: koronavirusny'j slovar' kak diagnosticheskoe pole aktual'ny'x diskursivny'x praktik [Covidioty on coronation: coronaviral lexicon as a diagnostic field for actual discursive practices]. *Kommunikativny'e issledovaniya = Communicative Research*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 887–906. <https://doi.org/10.24147/2413-6182>.

4. Koneva Y.A., Melikhova Y.R. Associativnoe pole leksemy' “maska” v yazykovom soznanii nositelej russkogo yazy'ka v period pandemii koronavirusnoj infekcii [Associative field of the lexeme “mask” in Russian native speakers' language consciousness during the pandemic of coronavirus infection]. *Teoriya yazy'ka i mezhkul'turnaya kommunikaciya = Theory of Language and Intercultural Communication*, 2021, no. 3 (42), pp. 98–109.

5. Koneva Y.A., Melikhova Y.R. Spetsifika sposoba vospriyatiya ispytuyemyimi stimulov v khode provedeniya assotsiativnogo eksperimenta [The specifics of the way recipients perceive the stimuli during an associative experiment]. *Russkij lingvisticheskij byulleten' = Russian Linguistic Bulletin*, 2022, no. 2 (30). <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.30.13>.

6. Zalevskaya A.A. *Psiholingvisticheskie issledovaniya: Slovo. Tekst: Izbrannye Trudy* [Psycholinguistic research: The Word. Text: Selected works]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 543 p.

7. Kurganova N.I. Assotsiativnyy eksperiment kak metod issledovaniya znacheniya zhivogo slova [Associative Experiment as a Method of Studying the Living Word Meaning]. *Voprosy psiholingvistiki = Journal of Psycholinguistics*, 2019, no. 3 (41), pp. 24–37. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-41-3-24-37>.

8. Stepykin N.I. Associativnoe pole: produkt associativnogo eksperimenta i instrument analiza znacheniya slova [Associative field: the product of associative experiment and a tool for analyzing the word meaning]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2016, no. 3 (20), pp. 110–114.

9. Myagkova E.Y. Emotsional'naya sfera cheloveka i yazyk: podkhodyk issledovaniyu [Emotional sphere of a person and language: approaches to research]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya. Sb. Statey* [Language, consciousness, communication. Sat. articles]; ed. by N.V. Ufimtseva, V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. Moscow, MAKS Press Publ., 2010, is. 40, pp. 118–124.

10. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Mir i Obrazovaniye Publ., 2018. 736 p.

11. Ushakov D.N. *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of modern Russian language]. Moscow, Adelant Publ., 2017. 800 p.

12. Ufimtseva N.V. Znachenije slova kak otobrazheniye sotsiokul'turnoy real'nosti [Word meaning as the display of social and cultural reality]. *Voprosy psikholingvistiki = Journal of Psycholinguistics*, 2015, no. 3. pp. 83-92.

13. Gromenko E.S. «Koronnyy» potentsial russkogo yazyka nachala 2020-kh godov [The “corona” potential of the Russian language of the early 2020s]. *Novyye slova i slovari novykh slov 2020* [New words and dictionaries of new words 2020]. St. Petersburg, 2020. pp. 45-62. <https://doi.org/10.30842/9785604483862>.

14. Buceva T.N., Val'ter X., Vepreva I.T. et al. Russkij yazyk koronavirusnoj e'poxi [Russian language of the coronavirus era]. St.-Petersburg, Institut lingvisticheskix issledovanij RAN Publ., 2021, 610 p. Available at: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/book.pdf>. (accessed 07.09.2022).

15. Zemskaya Y.A. Aktivnyye protsessy sovremennogo slovoпроизводства [Active processes of modern word production]. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the end of the XX century (1985–1995)]. Moscow, 1996, pp. 90–141.

16. Salomatina M.S. Psikholingvisticheskoye znachenije slova: opyt opisaniya [Psycholinguistic meaning of the word: the experience of description]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika = Bulletin of VSU. Series: Philology. Journalism*, 2014, no. 2. pp. 69–71.

Информация об авторах / Information about the Authors

Конева Евгения Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: e.a.koneva@bk.ru

Evgenia A. Koneva, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor at the Department of Romano-Germanic Philology, Kursk State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: e.a.koneva@bk.ru

Мелихова Юлия Рустамовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: melikhova.78@list.ru

Yulia R. Melikhova, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor at the Department of Translation and Intercultural Communication, Kursk State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: melikhova.78@list.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 82.09

**Интерпретация архетипического сюжета о морской девае и рыбаке
в сказке М.А. Осоргина «Царица-Жемчужина»****Н. С. Степанова¹ ✉, Н. А. Лунева¹**¹ Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ns-kursk@yandex.ru

Резюме

Статья посвящена изучению особенностей переосмысления М.А. Осоргиным архетипического сюжета о морской девае и рыбаке. Актуальность исследования определена необходимостью осознания трансформации традиционного сюжета и претворения его характерных черт в литературной сказке одного из выдающихся представителей литературы первой волны русской эмиграции, привлечения внимания исследователей к несправедливо ушедшим в забвение страницам литературного творчества писателя, осмысления национальных традиций детского чтения и создания более полной истории русской художественной литературы. Исследование базируется на комплексном подходе, включающем применение сравнительно-исторического, историко-литературного, описательно-аналитического методов.

Проанализированы художественные образы сказки М.А. Осоргина; определено их индивидуально-авторское содержание, отражающее синтез сказочного и реалистического планов повествования. Показано, что, в соответствии с пониманием литературного архетипа как «вечного образа» с его типологической устойчивостью и высокой степенью обобщения, как универсального принципа мышления вне зависимости от национальной и культурной принадлежности, писатель решает средствами художественной литературы морально-этические проблемы и утверждает общечеловеческие нравственные ценности. Доказано, что образы Царицы-Жемчужины и рыбака актуализируют аксиологический аспект интерпретации рассматриваемой литературной сказки и позволяют понять иерархию ценностей писателя. Установлено, что, несмотря на видимое совпадение образов главных героев, сюжетных линий, мотивов, хронотопа с мифологическими, фольклорными, литературными канонами, М.А. Осоргин разработал сюжет и создал художественные образы, которые обладают неповторимо индивидуальными качествами и характеристиками.

Ключевые слова: М.А. Осоргин; «Царица-Жемчужина»; литературная сказка; архетипический сюжет; морская дева; первая волна русской эмиграции.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Степанова Н. С., Лунева Н. А. Интерпретация архетипического сюжета о морской девае и рыбаке в сказке М.А. Осоргина «Царица-Жемчужина» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 104-115.

Статья поступила в редакцию 12.10.2022

Статья подписана в печать 02.11.2022

Статья опубликована 21.12.2022

Interpretation of the Archetypal Plot about the Sea Maiden and the Fisherman in the Fairy Tale by M. A. Osorgin «Queen-Pearl»

Nadezhda S. Stepanova¹ ✉, Natalya A. Lunyova¹

¹ Southwest State University,
50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: ns-kursk@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the features of M.A. Osorgin's rethinking of the archetypal story about the sea maiden and the fisherman. The relevance of the study is determined by the need to realize the transformation of the traditional plot and implement its characteristic features in the literary fairy tale of one of the outstanding representatives of the literature of the first wave of Russian emigration, to attract the attention of researchers to the pages of the writer's literary work that have unfairly gone into oblivion, to comprehend the national traditions of children's reading and create a more complete history of Russian fiction. The study is based on an integrated approach, including the use of comparative-historical, historical-literary, descriptive-analytical methods.

The artistic images of M.A. Osorgin's fairy tale are analyzed; their individual author's content is determined, reflecting the synthesis of fairy-tale and realistic plans of narration. It is shown that, in accordance with the understanding of the literary archetype as an «eternal image» with its typological stability and a high degree of generalization, as a universal principle of thinking, regardless of national and cultural affiliation, the writer solves moral and ethical problems by means of fiction and affirms universal moral values. It is proved that the images of the Queen of the Pearl and the fisherman actualize the axiological aspect of the interpretation of the considered literary fairy tale and allow us to understand the hierarchy of the writer's values. It has been established that, despite the apparent coincidence of the images of the main characters, storylines, motifs, chronotope with mythological, folklore, literary canons, M.A. Osorgin developed the plot and created artistic images that have unique individual qualities and characteristics.

Keywords: M.A. Osorgin; «Queen-Pearl»; literary fairy tale; archetypal plot; sea maiden; first wave of Russian emigration.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Stepanova N. S., Lunyova N. A. Interpretation of the Archetypal Plot about the Sea Maiden and the Fisherman in the Fairy Tale by M. A. Osorgin «Queen-Pearl». *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022, 12(4): 104–115 (In Russ.).

Received 12.10.2022

Accepted 02.11.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

Сказка «Царица-Жемчужина» входит в состав сборника М.А. Осоргина «Сказки и несказки», изданного в 1918 году в Москве и включающего одиннадцать художественных текстов, сопровождаемых рисунками А. Сидорова. Этот сборник можно отнести к числу «забытых» и не переиздававшихся в XX веке книг, лаконичные упоминания о которых встречаются в предисловиях к изданию сочинений

писателя (например, О.Ю. Авдеева пишет: «В московском писательском кооперативном издательстве “Задруга” вышло несколько книг Осоргина, в том числе две беллетристических – “Призраки” (1917) и “Сказки и несказки” (1918) <...> Позже Осоргин не хотел даже вспоминать об этих книгах» [1, с. 12]). Последнее утверждение не подтверждено документально и не может препятствовать исследовательскому интересу к научному

изучению отдельных страниц творческого наследия писателя.

Образ главной героини сказки «Царица-Жемчужина» восходит к архетипу морской девы, который «имеет своеобразные воплощения в различных мифологических системах благодаря универсальному для человеческого мышления принципу персонификации природных сил» [2, с. 7]. Рассмотрению воплощения и бытования этого архетипического образа посвящены докторская диссертация (в частности, глава II «Морская дева как архетипический образ») и многочисленные статьи Н.И. Вербы [2, 3]; диссертация У.В. Матасовой [4]; исследования о морских девах/русалках В.И. Дынина [5], Р.Т. Киреева [6], Г.В. Мамадова [7] и др., однако сказка М.А. Осоргина еще не становилась предметом специального исследования в названном аспекте.

В персидской космографии говорится о *царице жемчужин*, которая обладает удивительным свойством притягивать к себе «другие жемчужины так же, как магнит притягивает железо» [8, с. 109], но, несмотря на видимое совпадение наименований, в сказке М.А. Осоргина речь идет о художественном объекте с совершенно иными качествами и характеристиками.

Цель и актуальность нашей работы мы видим в изучении освоения и трансформации блестящим художником слова одного из архетипических сюжетов; в возвращении современному читателю художественных произведений М.А. Осоргина для детей и о детях, в привлечении внимания исследователей к несправедливо ушедшим в забвение страницам литературного творчества писателя; в необходимости осмысления национальных традиций детского чтения и создания более полной истории русской художественной литературы.

Материалы и методы

Материал исследования – сказка М.А. Осоргина «Царица-Жемчужина», в

которой переплетены традиционные сказочные сюжеты, мотивы, художественные образы, переосмысленные творческим гением писателя, жившего и творившего в интертекстуальном поле русской и европейской культуры «во времена культурных переломов, разлома культурных парадигм и переустройства канона», когда «бытование традиций становится проблематичным» [9, с. 9]. М.А. Осоргин, как и его современники, испытал на рубеже XIX–XX веков влияние факторов, которые «обусловили углубленную саморефлексию»: «ощущение глубины изменений, характерное для мировосприятия “конца эпохи”; интенции к “обновлению искусства слова”, погруженность в глубины гуманитарных знаний, “культурное наследие веков”, причем с особым пиететом к философскому, мирозначимому, рефлексивному аспектам культурного опыта» [10, с. 15–16], что и определило особенности его художественного творчества этого периода.

Методы исследования – сравнительно-исторический, историко-литературный, описательно-аналитический. Сравнительно-исторический метод позволяет выявить сходство и различия явлений словесно-художественного творчества, относящихся к разным национальным литературам. Историко-литературный метод обуславливает изучение произведений писателя в контексте конкретной исторической и культурной эпохи с учетом характерных для нее общих литературных тенденций. Описательно-аналитический метод дает возможность последовательно описывать материал исследования, систематизируя его в соответствии с поставленными исследовательскими задачами.

Результаты и обсуждение

Название сборника «Сказки и не-сказки» можно рассматривать как указание на жанровое определение представленных в нем произведений, а также на

традицию, которую исследователи называют синтезом «сказочного и реалистического планов повествования», предоставляющего возможность «причудливого сочетания повседневности и волшебства с целью переосмысления архетипических образов и мотивов сказки» [11, с. 272].

Зачин сказки «Царица–Жемчужина» в соответствии с традицией знакомит читателя с местом, где происходят описываемые события, – неконкретизированным пространством на границе моря и берега (земли). Главные персонажи: Царица–Жемчужина, которая попала в сети рыбака, и бедный рыбак, безнадежно влюбленный в красивую девушку, дочь богатого торговца, *скупого старика*, – указывают на присутствие узнаваемого сказочного сюжета о морской деве и рыбаке, который выловил в море волшебное существо или предмет, способный исполнить желания.

К текстам-прототипам, прямо или косвенно вдохновлявшим писателя, можно отнести мифы, сказания, баллады о речных нимфах, феях воды (Ундине, Лорелее, Мелузине, Русалке), фольклорные сказки России и народов Европы, такие, например, как «По щучьему велению» (русская), «Находчивая девушка» (итальянская), «Морская дева и слепой свирельщик Коннор» (ирландская), «Пастух и три русалки» (македонская), «Русалка и неверный Эндрю», «Джон Рид и русалка» (шотландские), а также стихотворения и баллады К. Брентано, И.В. Гёте, Г. Гейне, А. Мицкевича и др., литературные сказки «Сказка о рыбаке и его жене» из собрания братьев Гримм, «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, «Рыбак и его Душа» О. Уайльда и др.

Фабула сказки соответствует традиции: «непременное родство со стихией воды, выход в наш, человеческий мир <...> предательство со стороны человека <...> и возвращение в родную стихию, месть, либо, напротив, прощение человека» [3, с. 124]. В этих сказках почти всегда перед рыбаком встает вопрос: отпу-

стить *рыбку/русалку/морскую деву*, не прося у нее ничего взамен (как это делает старик в сказке А.С. Пушкина: «Бог с тобою, золотая рыбка! Твоего мне откупа не надо»), или использовать этот шанс для улучшения своей жизни и исполнения своих заветных желаний. И хотя каждый народ и каждый писатель составляет акценты и нравственные приоритеты по-своему, в этих сказках все же отмечаются совпадения на уровне сюжетных линий, повторяемости поступков или действий героев, а главное – в соответствии с представлением о литературном архетипе как о «сквозной», «порождающей модели», которая, несмотря на то, что она обладает способностью к внешним изменениям, таит в себе неизменное ценностно-смысловое ядро [12, с. 171], – утверждаются общечеловеческие нравственные ценности: добро, справедливость, важность правильного выбора, воздаяние по заслугам.

Главная героиня сказки М.А. Осоргина (на что прямо указывает название) – царица Жемчужина, персонифицированный объект морской стихии. Писатель создает образ царицы Жемчужины в соответствии с архетипическим образом владычицы подводного мира – «свободной царицы над всеми жемчужинами моря», – которая является одним из самых известных волшебных существ. М.А. Осоргин сохраняет и переосмысливает традиционное описание морской девы, которая соответствует сказочным канонам, но является герою и читателю в созданном автором неповторимом образе. Рыбак видел ее только один раз (*во сне или наяву* – сказка не дает ответа): «перед ним на большой раскрытой перламутровой раковине стояла женщина невиданной красоты» в «платье из лунного света»; «неразгаданным светом светился голубой плащ, которым она была покрыта» [13, с. 22–23].

В соответствии с традицией, у нее «чудный голос» – «звучащий потенциал, обусловленный такой неотъемлемой семой архетипа главной героини, как заво-

раживающее, чудесное пение» [3, с. 125]. Знак ее явлений рыбаку в будущем – *предутренняя звезда* (отсылка к Венере, Афродите), от которой «к самому сердцу рыбака протянулась струна, и дрожала, и пела, и рыдала...» [13, с. 29].

Именование героини отражает ее двойственную суть, принадлежность двум мирам: там, в глубине морской пучины, – она царица, морская дева; здесь, в мире людей, – жемчужина; в этом можно видеть отражение бинарных оппозиций, характерных для мифа и фольклора, таких как волшебное и реальное, материальное и духовное, суша и вода, любовь и смерть, добро и зло.

Как прекрасный объект, известный человеку с незапамятных времен, жемчуг обладает богатством коннотаций; с жемчугом связаны представления как о радости, так и о горе, что определяется его схожестью со слезами («и видел рыбак, как из глаз царицы закапали в море капли крупного чистого жемчуга», «сказывают умные люди, что жемчуг всегда несчастью приносит» [13, с. 27, 28]). Жемчуг – минералоид, который ценится и используется как совершенно особенный драгоценный камень. Как чудо из глубин вод, он «всегда был тем, чем бриллианты, изумруды и рубины никогда не могли быть: он был и остался живым»; жемчужина спрятана в раковине, «подобно Истине, которая таится среди обмана и коварства, и это тоже придает ей особую ценность» [14].

Крупная жемчужина (стоившая целое состояние), которую удалось добыть рыбаку, – это большая редкость: «Таких больших жемчужин не видывали на своем веку и старые рыбаки, и все в один голос говорили, что молодой жених себе невесту со дна моря достал» [13, с. 21]. Эти люди, жители рыбацкой слободы, говорили об удаче рыбака в переносном смысле, имея в виду, что он добыл столь необходимое ему богатство, чтобы его сватовство было принято благосклонно. Когда они говорили «невеста», имели в

виду земную девушку, которая «цвела красотой и здоровьем», была «ласковой», на которой рыбак хотел жениться: «Достал он одну жемчужину – пускай и другую получит!» [13, с. 22]. Однако, сами того не подозревая, они напророчили его судьбу: «невестой» в сюжете сказки оказалась морская дева, которая вернулась в свое подводное царство, а вместе с ней сгинул в бушующем море и рыбак.

Морская дева, Царица-Жемчужина, – главная героиня сказки, но морально-этические проблемы (истинные и мнимые ценности; выбор поступка – выбор судьбы; предательство, раскаяние и искупление) и их решение заключены в действиях человека (рыбака). Хотя сюжет и персонажи сказки «являются в большей или меньшей степени вымышленными, они неизбежно имеют аналоги в реальном мире, по той очевидной причине, что писатели создают художественные миры с опорой на имеющиеся у них знания, которые они черпают из характерных для культуры моделей поведения, взаимодействия с внешним миром и его оценивания» [15, с. 124].

В тексте сказки у рыбака нет имени, и в этом нет ничего необычного: в предшествующей традиции главные герои сказок иногда поименованы (*свирельщик Коннор, неверный Эндрю, Джон Рид*), а иногда – нет (*рыбак, пастух*). О возрасте героя мы можем догадаться по косвенным признакам: он молод и не женат, это время определения им своей судьбы. Писатель лишил рыбака «места» в названии сказки, нарушив прием парности (ср. «Сказка о рыбаке и рыбке», «Морская дева и слепой свирельщик Коннор», «Пастух и три русалки»), и этот факт можно расценивать как выражение авторской позиции, авторской оценки действий рыбака.

Рыбак «оказывается перед лицом испытания, которое не проходит, делая выбор в пользу материального» [3, с. 128]. Он знает, что есть только один способ спасти душу Царицы-Жемчужины: бро-

свить ее назад в море – без откупа. Решение этой проблемы оказывается непосильным для рыбака, живущего по законам мира, где материальная выгода – превыше всего: «И бросил бы я тебя в море, да как же мне тогда быть? С тобой я богат и желанный жених, а без тебя опять стану нищим: засмеют меня люди, и отец моей милой из дому меня выгонит» [13, с. 27].

С этого момента в сказке начинает звучать мотив, который, по Осоргину, принципиально важен и безальтернативен, поскольку выражает убеждение, отстаиваемое им всю сознательную жизнь: мотив свободы, которая *в тысячу раз ценнее жизни* и дороже которой ничего нет: «Свободный человеческий дух не мирится ни с постоянными, ни с временными узами, ни с вредным, ни с “полезным” насилием <...> В идее святости, т. е. независимости, достоинства, неприкосновенности человеческой личности, никаких оговорок быть не должно» [16, с. 419, 420]. Царица-Жемчужина объясняет рыбаку, что она была *свободной* царицей над всеми жемчужинами моря, а теперь – его *пленница*; что драгоценный металл, в который ее закуют, – это *кандалы*; рефреном звучит ее фраза «Душа моя умрет, рыбак!». Однако отпустить Царицу-Жемчужину и отказаться от своего земного человеческого счастья – непосильная задача для рыбака.

М.А. Осоргин уделяет большое внимание психологическому состоянию рыбака, интерпретируя «сказочные архетипы и символы, наполняя их глубоким психологическим смыслом» [11, с. 274]. Расплатой за неверное решение становятся тоска, одиночество, несчастье любимой невесты/молодой жены. Продав жемчужину, рыбак поступил с выгодой для себя, потому что он несвободен в выборе, – и его мир поколеблен: «богатство шло к нему так, что дивились люди, а сам рыбак был грустен, задумчив и забыл, как смеются», «молчаливый и скучный возвращался он домой, делал не то, что нуж-

но, отвечал невпопад и смотрел, ничего не видя» [13, с. 28–29].

Поиск читателем ответа на вопрос, почему же несчастлив рыбак, актуализирует аксиологический аспект интерпретации этой литературной сказки: «рассмотрение вопроса о подлинных и мнимых ценностях дает возможность более глубокого понимания художественного мира писателя» [17, с. 82], позволяет понять его иерархию ценностей.

Царица-Жемчужина говорит рыбаку: «Тех сокровищ, которыми я обладала, хватит, чтобы купить все ваши столицы, города и села с людьми в придачу. Но то, что кажется людям драгоценностями, мы считаем только красивыми и ничтожными игрушками» [13, с. 25], – однако ослепленный *привалившим счастьем* бедный рыбак не может поверить в то, что исполнение земных желаний и материальное благополучие могут быть названы *красивыми и ничтожными игрушками*. Простая фраза «*бедному рыбаку привалило счастье*», с которой начинается повествование, в сознании и подсознании русского читателя актуализирует спектр коннотаций: бедный – *малоимущий или неимущий, у которого не хватает денег или других средств, скудный, несчастный, жалкий*, – и заставляет беспокоиться.

Зачин сказки настраивает на тревожный лад, возможно, потому, что непонятно, сможет ли *маленький человек* справиться с искушением большого (*привалило*) богатства. Читатель узнает, какое решение принял рыбак, как он распорядился полученным сокровищем, что для него оказалось на чашах весов: душа, сердце, истинная духовность, радость и бесценность человеческой жизни vs богатство, материальное благополучие, – и как он расставил жизненные приоритеты. Однако ответ на главный вопрос об истинных и мнимых ценностях придет не сразу.

Специалисты в области когнитивной лингвистики утверждают, что концептуальные метафоры (а одной из них, несомненно, является «сокровище»), «опира-

ясь на концептуальную модель, содержащую все знания и весь ценностный опыт, накопленный русской и мировой традицией, способны предлагать выход из сложных ситуаций, настраивать на определенный тип поведения, влиять на процесс принятия решений» [17, с. 88]. М.А. Осоргин не оставил внимательного читателя в неведении относительно своей точки зрения и своего выбора: *сокровищем* для него являются понятия исключительной ценности: свобода, которая «в триллион раз ценнее жизни» [18, с. 587], верность (как недопустимость предательства), бесценность истинной красоты.

В сказке рыбак сделал свой выбор: он не отпустил Царицу-Жемчужину обратно в море, не смог даровать свободу морской владычице, но предпочел получить мнимое богатство, обрекая себя на вечные мучения невозможности забыть «о загубленной им душе прекрасной Жемчужины» [13, с. 27]. Сказка повествует о том, что только полгода таких душевных мук смог выдержать рыбак: «через полгода после свадьбы ушел рыбак из слободы, не простившись с женой и никому не сказавшись. Куда ушел, – про то никто не знал» [13, с. 29]. Этот сюжетный поворот понятен читателю: рыбак *ушел искать свою жемчужину*, чтобы искупить свою вину.

Развитие сюжета сказки «Царица-Жемчужина» соответствует хронологическому течению событий; единственным ретардирующим элементом является рассказ Царицы-Жемчужины о ее жизни *в перламутровом дворце на самой глубине*. Текст разделен автором на шесть частей: 1 – бедный рыбак выловил жемчужину и получил согласие отца любимой девушки, 2 – сон рыбака: рассказ Царицы-Жемчужины, 3 – сон рыбака: принятие решения, 4 – свадьба и полгода жизни после свадьбы, 5 – скитания и поиски рыбака, обнаружение им корабля, который увозил его жемчужину в далекие страны, 6 – корабль и белый парус рыбацкой лодки в бушующем море, финал.

В частях 5 и 6, которые описывают поиски рыбака, исчезают социально-бытовые реалии; появляются описания мучений и терзаний души рыбака, изменяется стилистика повествования, которое теперь наполнено метафорами, аллегориями, символами. Перед читателем уже не веселый молодой рыбак, а *безумец в изорванной одежде*, одержимый идеей, известной только ему одному, который идет, «не разбирая дороги, не справляясь у встречных, не отдыхая в пути», «без дороги, раздвигая руками колючий кустарник» [13, с. 29]. Тревогой наполнены последние часы его жизни: «смеялась ночная птица», «от предутренней звезды к самому сердцу рыбака протянулась струна, и дрожала, и пела, и рыдала», «где-то в глубине леса невидимый кузнец мерно ударял молотом по наковальне» (это стучит сердце несчастного рыбака и тяжелый молот, который кует для жемчужины *кандалы из чистого золота*) [13, с. 30]. Рефрен, который в финале повторяется семь раз: *уже тяжелый молот кует мне кандалы, уже стоит корабль, уже светлело небо, уже взошла звезда, уже заалел восток, уже взошло солнце, уже не видно было корабля* – нагнетает ощущение безысходности *опоздания* и неизбежности *страшного пути*.

В соответствии с канонами жанра волшебной сказки у нее должен быть счастливый финал. Композиция же сказки М.А. Осоргина представляет собой «обратную проекцию постоянной мифологической структуры волшебной сказки»: «если в фольклорном жанре действие начинается с потери и завершается ее ликвидацией», то в сказке «Царица-Жемчужина» (так же, как, например, в «Сказке о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина) для человека, главного героя, всё начинается с обретения, а заканчивается потерей; «чудесные дары в конечном итоге обращаются в ничто» [19, с. 131].

Можно ли считать финал сказки «Царица-Жемчужина» счастливый? Если главный герой сказки – Царица-Жемчу-

жина (о чем свидетельствует название), то можно; если – рыбак, то по земным, человеческим меркам – нельзя (сначала его настигает безумие, а потом он погибает). Прямой вины Царицы-Жемчужины в гибели рыбака нет, что подтверждает и финальная фраза сказки: «Море вернуло Жемчужине её подводное царство» [15, с. 32].

Выводы

В соответствии с устоявшимися традициями Царица-Жемчужина М.А. Осоргина похожа на собирательный образ морской девы: ей присущи *невиданная красота, чарующий голос*; сила, которую дает ей *власть над морской пучиной*, и слабость, которая заставляет ее просить и плакать (*затуманились очи царицы жемчужин, из глаз её закапали в море капли крупного чистого жемчуга*). Можно полагать, что она поименована (*Царица-Жемчужина* с прописных букв), хотя именем в строгом смысле слова это считать нельзя; остальные герои названы просто *рыбак, невеста, богатый торговец* (или *старик*). Описано место ее обитания – подводное царство, в котором она была счастлива. По сюжету понятно, что она не связана никакими предшествующими драматическими событиями с земной жизнью.

Царица-Жемчужина М.А. Осоргина не пытается вступить в связь с рыбаком, соблазнить его (как это делают морские девы/русалки, мотивированные жаждой обретения бессмертной души), поэтому в сказке нет мотива *любви* или *неверного возлюбленного*. Она волшебное существо, и не стремится стать земной, живой девушкой; она всего лишь *хотела увидеть людей*. Царица-Жемчужина дружелюбна по отношению к рыбаку, но, как и другие морские девы, при невыполнении просьбы (несоблюдении договора) представляет и серьезную угрозу, опасность для рыбака.

В сказке присутствует мотив социального неравенства главных героев, но морская царица М.А. Осоргина по статусу

су выше земного человека, который ее продает. Мотив вероломства, предательства со стороны рыбака только намечен: он ничего ей не обещал, хотя понял суть ее просьбы; он сразу сказал, что продаст ее, потому что не в силах отказаться от своего земного счастья.

По Осоргину, *владеть* живой душой нельзя, и поэтому рыбак наказан за сделанный выбор безумием (которое проявляется в его внешнем виде и поведении с точки зрения людей; в том, что ему постоянно чудится *стон жемчужной души*, он слышит голос ночной птицы, которая смеется над ним), раскаянием и одержимостью стремлением искупления совершенного им деяния. По сюжету, сама Царица-Жемчужина не предпринимает никаких действий для наказания рыбака: и не мстит, и не прощает. Лишь в финале изменяется содержание ее зова: «Спешите, рыбак! Я здесь, я жду тебя! Скоро, скоро мы будем в моем подводном царстве, в моих коралловых лесах, в моем дворце из перламутра. Спешите ко мне, мой рыбак!» [курсив наш – Н.С., Н.Л.].

У М.А. Осоргина «были отчетливые этические представления, этическая система, довольно полно выраженная» [20, с. 144] в его творчестве, при этом отсутствие навязчивого нравоучения – характерная черта сказок и несказок писателя, который утверждал важность духовного и брэнность материального, противопоставляя *богатство сказки* со всеми возможностями ее толкования *дешевке научной истины* [18, с. 634]. И несмотря на то, что позиция автора понятна: нет ничего дороже свободы; важность правильного выбора безусловна, поскольку есть такие ошибки, которые можно исправить, только заплатив за это жизнью; ценность живой души несопоставима ни с какими *драгоценностями*, – М.А. Осоргин оставляет читателю возможность многозначного толкования сказки, переосмыслив сюжет о морской дева и рыбаке в соответствии со своими творческими задача-

ми. Писатель разработал сюжет и создал художественные образы, которые обладают неповторимо индивидуальными качествами и характеристиками, что привело к изменению взаимоотношений между

главными героями, модификации всей художественно-образной системы сказки, а в целом – к обновлению архетипического сюжета о морской девице и рыбаке.

Список литературы

1. Авдеева О.Ю. «Лучшие на свете книги написаны большими сердцами...» // Осоргин М.А. Собрание сочинений. Т.1. Сивцев Вражек: Роман. Повесть о сестре. Рассказы / Составление, предисловие, комментарии О.Ю. Авдеевой. М.: Моск. рабочий; НПК «Интелвак», 1999. С. 7–30.
2. Верба Н.И. Архетипический образ морской девицы в музыкальной культуре: дис. ... д-ра искусствоведения. СПб., 2021. 562 с.
3. Верба Н.И. К проблеме пересечения архетипов сюжетов о морских девах с мировоззренческими константами эпохи романтизма // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 2(23). С. 124–128.
4. Матасова У.В. Мотив «водной девицы» в творчестве немецких и русских писателей эпохи романтизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2011. 24 с.
5. Дынин В.И. Образ русалки в южнорусской мифологии // БЕРЕГИНЯ. 777. СОВА: Общество. Политика. Экономика. 2012. № 3 (14). С. 112–116.
6. Киреев Р.Т. Русалка // Киреев Р.Т. Богини Парнаса: о тех, кого любили русские поэты. М.: Глобулус: ЭНАС, 2005. С. 103–110.
7. Маматов Г.В. Образ морской девицы в поэзии К.Д. Бальмонта // Филология и человек. 2022. № 1. С. 140–148. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)1-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)1-11).
8. Юрченко А.Г. Книга камней. СПб.: Евразия, 2007. 223 с.
9. Степанова Н.С., Коковина Н.З., Самофалова Е.А. Антропологический дискурс категории памяти в автобиографических текстах конца XIX – первой половины XX века. Курск: ООО «Учитель», 2012. 246 с.
10. Митус И.В. Анализ структурно-семиотических компонентов развития литературы // Вестник филологических наук. 2022. Т. 2. № 2. С. 13–19.
11. Жуковская А.А. Сказочная традиция в волшебном рассказе А. Байетт «драконий дух» // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы V Международной научно-практической конференции, Минск, 18–19 марта 2021 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 272–275.
12. Большакова А. Ю. Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. № 6. С. 169–177.
13. Осоргин М. Сказки и несказки. М.: Тип. Т-ва «Задруга», 1918. 161 с.
14. Жемчуг // SYMBOLARIUM: Краткая энциклопедия символов. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Жемчуг>.
15. Косиченко Е.Ф. Структурообразующий потенциал культурных моделей в художественном нарративе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12. № 1. С. 122–130.

16. Осоргин М. Письма к старому другу в Москве // Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Междунар. отношения, 1990. С. 419–430.
17. Степанова Н.С. Концепт «золото» в художественном мире И.С. Шмелева (на материале автобиографических книг «Лето Господне», «Богомолье») // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. № 4 (29). С. 82–89.
18. Осоргин М.А. Времена // Осоргин М.А. Свидетель истории: Романы, повести, рассказы. М.: Эксмо, 2010. С. 577–733.
19. Дыханова Б.С. Еще раз о «намеках» и «уроках» пушкинской фольклорной стилизации («Сказка о рыбаке и рыбке») // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2014. № 4(265). С. 131–133.
20. Степанова Н.С. Аксиология детства в автобиографической прозе первой волны русского зарубежья. Курск: ООО «Учитель», 2011. 215 с.

References

1. Avdeyeva O. Yu. "Luchshiyе na svete knigi napisany bol'shimi serdtsami..." ["The best books in the world are written by big hearts..."]. *Osorgin M.A. Sobraniye sochineniy. T.1. Sivtsev Vrazhek: Roman. Povest' o sestre. Rasskazy* [Osorgin M.A. Collected works. Vol. 1. Sivtsev Vrazhek: A novel. A story about a sister. Stories]. Moscow, Mosk. worker; NPK "Intelvak" Publ., 1999, pp. 7–30.
2. Verba N.I. *Arkhetipicheskiy obraz morskoy devy v muzykalnoy kulture*. Diss. d-ra iskusstvovedeniya [Archetypal image of the sea maiden in musical culture. Dr. art criticism sci. diss.]. St. Petersburg, 2021. 562 p.
3. Verba N.I. K probleme peresecheniya arkhetipov syuzhetov o morskikh devakh s mirovozzrencheskimi konstantami epokhi romantizma [On the problem of intersection of archetypes of plots about sea maidens with worldview constants of the era of romanticism]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye = Society. Wednesday. Development*, 2012, no. 2(23), pp. 124–128.
4. Matasova U.V. *Motiv "vodnoy devy" v tvorchestve nemetskikh i russkikh pisateley epokhi romantizma*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The motif of the "water maiden" in the work of German and Russian writers of the era of romanticism. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Nizhniy Novgorod, 2011. 24 p.
5. Dynin V.I. *Obraz rusalki v yuzhnorusskoy mifologii* [The image of a mermaid in South Russian mythology]. *BEREGINYA. 777. SOVA: Obshchestvo. Politika. Ekonomika = BEREGINYA. 777. OWL: Society. Politics. Economy*, 2012, no. 3 (14), pp. 112–116.
6. Kireyev R.T. *Rusalka [Mermaid]*. *Kireyev R.T. Bogini Parnasa: o tekh, kogo lyubili russkiye poety* [Goddesses of Parnassus: about those who were loved by Russian poets]. Moscow, Globulus: ENAS Publ., 2005, pp. 103–110.
7. Mamatov G.V. *Obraz morskoy devy v poezii K.D. Balmonta* [The image of a sea maiden in the poetry of K.D. Balmont]. *Filologiya i chelovek = Philology & Human*, 2022, no. 1, pp. 140–148. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)1-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)1-11).
8. Yurchenko A.G. *Kniga kamney* [Book of Stones]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2007. 223 p.
9. Stepanova N.S., Kokovina N.Z., Samofalova E.A. *Antropologicheskii diskurs kategorii pamyati v avtobiograficheskikh tekstakh kontsa XIX – pervoi poloviny XX veka* [Anthropological

discourse of the category of memory in autobiographical texts of the late XIX – first half of the XX century]. Kursk, 2012. 246 p.

10. Mitus I.V. Analiz strukturno-semioticheskikh komponentov razvitiya literatury [Analysis of structural and semiotic components of literature development]. *Vestnik filologicheskikh nauk = Philological Sciences Bulletin*, 2022, vol. 2, no. 2, pp. 13–19.

11. Zhukovskaya A.A. Fairy-tale canon in A. Byatt's fairy story "Dragon's breath" [The fairy-tale tradition in A. Bayett's magical story "The Dragon Spirit"]. *Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul'turologiya: aktual'nyye voprosy i perspektivy razvitiya: materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Linguistics, linguodidactics, linguoculturology: current issues and development prospects. Materials of the V International Scientific and Practical Conference]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2021, pp. 272–275.

12. Bolshakova A. Yu. Literaturnyy arkhetyp [Literary archetype]. *Literaturnaya ucheba = Literary studies*, 2001, no. 6, pp. 169–177.

13. Osorgin M. *Skazki i neskazki* [Fairy Tales and Non-Fairy Tales]. Moscow, Tip. T-va "Zadruga", 1918. 161 p.

14. Zhemchug. *SYMBOLARIUM: Kratkaya entsiklopediya simbolov* [SYMBOLARIUM: A Concise Encyclopedia of Symbols]. Available at: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Zhemchug>.

15. Kosichenko E.F. Strukturnoobrazuyushchiy potentsial kul'turnykh modeley v khudozhestvennom narrative [Structural Potential of Cultural Models in Narratives]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2022, no. 12 (1), pp. 122–130.

16. Osorgin M. Pis'ma k staromu drugu v Moskve [Letters to an old friend in Moscow]. *Kostikov V.V. He budem proklinat' izgnan'ye... (Puti i sud'by russkoy emigratsii)* [We will not curse exile... (Ways and fates of the Russian emigration)]. Moscow, Intern. Relations Publ., 1990, pp. 419–430.

17. Stepanova N.S. Kontsept "zoloto" v khudozhestvennom mire I.S. Shmeleva (na materiale avtobiograficheskikh knig "Leto Gospodne", "Bogomol'ye") [The concept "gold" in the artistic world of I.S. Shmelev (on the material of autobiographic books "The Summer of the Lord", "Pilgrimage")]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2018, no. 4 (29), pp. 82–89.

18. Osorgin M.A. Vremena [Times]. *Osorgin M.A. Svidetel' istorii: Romany, povesti, rasskazy* [Witness of History: Novels, Novellas, Stories] Moscow, Ehksmo Publ., 2010, pp. 577–733.

19. Dihanova B.S. Yeshche raz o "namekakh" i "urokakh" pushkinskoy fol'klornoy stilizatsii ("Skazka o rybake i rybke") [Again about the "hints" and "lessons" of Pushkin's folk stylization ("The tale of the fisherman and the fish")]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University*, 2014, no. 4(265), pp. 131–133.

20. Stepanova N.S. *Aksiologiya detstva v avtobiograficheskoy proze pervoy volny russkogo zarubezh'ya* [Axiology of childhood in the autobiographical prose of the first wave of Russian emigration]. Kursk, 2011. 215 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Степанова Надежда Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: ns-kursk@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6834-5361, SPIN-код: 4924-9710, AuthorID: 443149

Nadezhda S. Stepanova, Dr. of Sci. (Philological), Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and General Educational Disciplines for Foreign Citizens, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: ns-kursk@yandex.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6834-5361>, SPIN-код: 4924-9710, AuthorID: 443149

Лунова Наталья Алексеевна, аспирант кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: natavvvv@mail.ru, SPIN-код: 6304-7350, AuthorID: 1170838

Natalya A. Lunyova, Post-Graduate Student of the Department of Russian Language and General Educational Disciplines for Foreign Citizens, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: natavvvv@mail.ru, SPIN-код: 6304-7350, AuthorID: 1170838

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'374:2

Религионимы-субстантивы на -ние в русском языке XVIII века: словообразовательный и историко-этимологический аспекты анализа**С. В. Феликсов**^{1, 2} ✉

¹ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Новокузнецкая, д. 23 стр. 5а, г. Москва 115184, Российская Федерация

² Перервинская Духовная семинария
ул. Шоссейная, д. 82, г. Москва 109383, Российская Федерация

✉ e-mail: svfeliksov@gmail.com

Резюме

Исследование находится в русле проблем истории формирования религиозного стиля русского языка. В статье в словообразовательном и историко-этимологическом аспектах рассматриваются имена существительные религиозной семантики на -ние, зафиксированные в отечественных лексикографических произведениях гражданской печати XVIII века. Актуальность работы обусловлена функциональной значимостью данного класса слов для формирования религиозного стиля русского языка XVIII века и вместе с тем отсутствием к настоящему времени специальных лингвистических исследований, связанных с изучением религионимов-субстантивов на -ние. В работе были использованы методы стилистического, морфемного, словообразовательного, историко-этимологического и дефиниционного анализа, а также метод семантического поля. В ходе исследования проанализированы особенности словообразовательной структуры религионимов-субстантивов на -ние и их словообразовательные параллели, определены и охарактеризованы лексемы данного класса дериватов, являющиеся новообразованиями русского языка XVIII века. Исследование словообразовательного типа на -ние выявило структурное различие основ, с которыми к концу XVIII в. мог соединяться этот суффикс при образовании имен существительных религиозной семантики. При этом отмечено, что наиболее продуктивной производящей базой является простая основа инфинитива славянского происхождения I или V классов. Показано, что в результате конкуренции рассматриваемых словообразовательных форм, в которую были активно вовлечены новообразования религиозной семантики на -ние, происходит дифференциация их значений. Религионимы-субстантивы на -ние начинают вытеснять из языкового употребления XVIII века параллельные им образования со значением отвлеченного действия, оставляя за собой функцию его репрезентации в русском языке в качестве основной. Отмечено, что, несмотря на оцутимую конкуренцию, обусловленную наличием синонимичных словообразовательных форм, имена существительные религиозной семантики на -ние прочно заняли свою нишу в лексической системе религиозного стиля русского языка, образуя в нем к концу XVIII века особый пласт абстрактной конфессиональной лексики.

Ключевые слова: религиозный стиль; религионимы-субстантивы, имена существительные; суффикс-ние; суффикс-ение; словообразовательные параллели; русская лексикография; православие; XVIII век.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Феликсов С. В. Религионимы-субстантивы на -ние в русском языке XVIII века: словообразовательный и историко-этимологический аспекты анализа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 116-133.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022

Статья подписана в печать 26.10.2022

Статья опубликована 21.12.2022

Religious-Substances on *-nie* in the Russian Language of the XVIII Century: Word-Forming and Historical-Etymological Aspects of Analysis

Sergei V. Feliksov ^{1,2} ✉

¹Saint Tikhon's Orthodox University
23-5A, Novokuznetskaya str., Moscow 115184, Russian Federation

Perervinsky Theological Seminary
82, Shosseynaya str., Moscow 109383, Russian Federation

✉ e-mail: svfeliksov@gmail.com

Abstract

The article deals with the history of religious style formation in the Russian language. In the article in the word-forming and historical-etymological aspects, the names of nouns of religious semantics on -nie are considered, recorded in the XVIII century Russian lexicographic works of civil press. The relevance of the study is due to the absence to date of special linguistic studies related to the study of the names of nouns of religious semantics on -nie, as well as functional significance of this class of words for the formation of religious style of the Russian language of the XVIII century. The work used methods of stylistic, morphemic, word-forming, etymological and definition analysis, as well as the method of the semantic field. In the course of the study, the peculiarities of the word-forming structure of religious entities into their and their word-forming parallels were analyzed, lexemes of this class of derivatives, which are neoplasms of the Russian language of the 18th century, were determined and characterized. A study of the word-forming type on -nie revealed a structural difference in the foundations with which this suffix could be combined by the end of the 18th century, when forming the names of nouns of religious semantics, it was noted that the most productive producing base is the simple basis of the infinitive of Slavic origin of I or V classes. It has been shown that as a result of the competition of the considered word-forming forms, in which neoplasms of religious semantics were actively involved in -nie, their meanings are differentiated. Substance religionists -nie begin to oust from the linguistic use of the 18th century the formations parallel to them with the meaning of distracted action, leaving behind the function of its representation in Russian as the main language. It is noted that, despite the tangible competition due to the presence of synonymous word-forming forms, the nouns of religious semantics on -nie firmly occupied their niche in the dictionary system of the religious style of the Russian language, forming in it by the end of the 18th century a special layer of abstract konfessional vocabulary.

Keywords: religious style; religious-substance, nouns; suffix *-nie*; suffix *-enie*, word-forming parallels, Russian lexicography; Orthodoxy; XVIII century.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Feliksov S. V. Religious-Substances on *-nie* in the Russian Language of the XVIII Century: Word-Forming and Historical-Etymological Aspects of Analysis. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(4): 116–133 (In Russ.).

Received 18.08.2022

Accepted 26.10.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

Имена существительные на *-ние*, составляя «один из самых обширных разря-

дов имен в составе лексики русского языка» [1, с. 113], активно участвовали в процессе формирования стилей русского

литературного языка» [2, с. 3], в том числе такого стиля речи, который в современном языкознании называется религиозным [3, 4].

«Вопрос о дефинировании языкового воплощения религиозной сферы сознания сложен и неоднозначен» [5, с. 213]. Принимая точку зрения Т.В. Ицкович, полагаем, что «более уместно рассмотрение его в парадигме функциональной стилистики» [5, с. 213]. Используя в названии статьи термин «религиозный стиль», вслед за А.К. Гадомским мы понимаем под ним «стиль, складывающийся на основе литературного национального языка и языка конкретной религии», который обслуживает религиозную сферу общественной деятельности [6, с. 30].

Отметим также, что в качестве классифицирующих наименований в данной статье для лексических единиц, служащих для обозначения религиозных понятий, как полные синонимы используются термины «конфессиональная лексика», «слова религиозной семантики», «религионимы». Последний из указанных терминов, насколько нам известно, был введен в научный оборот Р.И. Горюшиной [7] и Ю.Н. Михайловой [8]. Помимо этого, в указанном значении он был неоднократно использован нами при описании результатов проводимых исследований (см., например: [9]).

Несмотря на теоретико-практическую значимость существующих научных трудов (Р.П. Никитинской [10], И.М. Мальцевой, А.И. Молоткова, З.М. Петровой [1], В.В. Веселитского [11], В.П. Казакова [12], Т.Н. Поповой [13], Т.О. Ахильговой [14], В.И. Дягтерева [15] и др.), связанных с изучением словообразовательного типа субстантивов на *-ние*, необходимо констатировать, что имена существи-

тельные религиозной семантики с данным формантом, употребляющиеся в русском языке XVIII века, не стали в них предметом специального анализа в словообразовательном и историко-этимологическом аспектах.

Учитывая данное положение дел, а также тот факт, что рассматриваемые религионимы-субстантивы – пласт конфессиональной лексики русского языка XVIII в.¹, значительный по своему составу и важный в коммуникативном отношении для религиозного стиля речи, в предлагаемой статье делается попытка заполнить в определенной мере существующую в науке лауну.

Материалы и методы

Источниками для исследования стали словарные труды гражданской печати, явившиеся первыми масштабными опытами лексикографического описания религиозной лексики русского языка не только в XVIII в., но и в целом в истории отечественной письменности: 1) «Церковный словарь» протоиерея П.А. Алексеева (а) первое издание: «Церковный словарь» (1773г.) [16], «Дополнение къ Церковному словарю» (1776г.) [17], «Продолжение Церковнаго словаря» (1779 г.) [18]; б) второе издание: «Церковный словарь» (1794 г.) [19]) (далее – ЦС)²; 2) «Краткой словарь славянской» игумена Евгения (Романова) (1784 г.) (далее – КСС) [21], 2) «Словарь Академіи Россійской» (1789–1794 гг.) (далее – САР) [22].

¹ «Продуктивность имен на *-ние* поддерживалась и стимулировалась влиянием церковнославянского языка», в т.ч. и в то время, когда «их образование уже происходило на собственно русской основе» [1, с. 113].

² Указанные издания «Церковного словаря» вышли при жизни его автора. Подробнее о «Церковном словаре» П.А. Алексеева см.: [20].

Материалом для исследования послужили более 220 лексических единиц – религионимов-субстантивов на *-ние* (*-ениј/е/*, *-ниј/е/*, *-нј/е/*)¹, зафиксированных в названных лексикографических источниках.

Выбор лексикографических произведений для языкового анализа, а также дифференциация содержащегося в них лексического материала в соответствии с его принадлежностью к религиозному стилю речи и семантическому полю «религия» при проведении исследования осуществлялись на основе методов стилистического анализа и семантического поля, последний, как известно, предполагает «разбиение» лексической системы языка на лексические макросистемы, обслуживающие те или иные понятийные сферы [26, с. 59]. Под термином «семантическое поле “религия”» мы, основываясь на работах С.П. Васильевой, А.Г. Ильиной [27], Е.С. Корнаковой [28], понимаем семантическое объединение лексических единиц, архилексемой или семантическим ядром которого является слово

---

¹ Вслед за Ж.Ж. Варбот, Н.Т. Шелиховой, Ю.М. Шалимовой и другими учеными в данной работе *-ениј/е/* и *-ниј/е/* рассматриваются в качестве вариантов одного суффикса, «различающегося звуковым составом в зависимости от фонетического строения конца производящей основы» [23, с. 94–95; 24, с. 48; 25]. Фоноварианты *-ениј/е/* и *-ниј/е/* «связаны» между собой «функциональным тождеством» [23, с. 95]. Являясь праславянскими по своему происхождению, «наибольшую активность и продуктивность» они получили в книжных стилях [25, с. 226; 9, с. 8–9]. Суффикс *-нј/е/* (вслед за Т.Н. Поповой [13]) рассматривается в работе как фоновариант суффикса *-ниј/е/*, характерный в большей мере для разговорного стиля и просторечия. При этом важно отметить, что при лексикографировании религионимов-субстантивов с суффиксом *-нј/е/* (в отличие от общеупотребительной лексики) составители анализируемых словарей не указывают на их стилистически сниженный характер.

(понятие) «религия». В свете сказанного в задачи настоящего исследования входило выявление в составе словарей обследуемых лексикографических произведений лексических единиц (имен существительных на *-ние*, «покрывающих» [26, с. 59] понятийную сферу «религия»).

При выявлении особенностей словообразовательной структуры рассматриваемых дериватов на *-ние*, а также анализе их словообразовательных параллелей, существовавших в русском языке к концу XVIII в., были применены методы морфемного и словообразовательного анализа. Помимо этого, важнейшим методом при анализе религионимов-субстантивов на *-ние* в аспекте времени их появления в русском языке стал метод историко-этимологического анализа. В связи с этим необходимо отметить, что приведенные в работе выводы, касающиеся выявленных лексических новообразований XVIII в. среди имен существительных религиозной семантики на *-ние*, были сделаны с опорой на историко-лингвистические данные, представленные в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» [29], «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского [30], «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [31], «Словаре русского языка XVIII века» [32], а также в «Хронологическом словнике», помещенном в коллективной монографии «Лексические новообразования в русском языке XVIII в.» [1, с. 305–343].

Результаты и обсуждение

Особенности словообразовательной структуры религионимов-субстантивов на *-ениј/е/*, *-ниј/е/*, *-нј/е/*

1. *Образования с суффиксом -ениј/е/*. Образования на *-ениј/е/* составляют самую обширную группу среди рассматри-

ваемых религионимов-субстантивов – более 120 лексем.

Большая часть данных дериватов (около 70 лексем), зафиксированная в изучаемых словарях, представляет собой полимотивированные образования¹, словообразовательные связи которых могут быть соотнесены как с инфинитивными основами несовершенного вида I продуктивного класса на *-ать (-ять)*, так и инфинитивными основами совершенного вида V продуктивного класса на *-ить* славянского происхождения (*преобразать / преобразить* → *преображение*, *смирять / смирить* → *смирение* и т.п.). Производящей базой для данных дериватов являются а) простые глагольные основы со славянскими префиксами *воз(с)-ис-*, *о-*, *от-*, *пре-*, *по-*, *со-* (*возложение*, *искупление*, *озлобление*, *осуждение*, *освящение*, *отлучение*, *прельщение*, *преломление (хлеб)*, *погрешение*, *сокрушение* и др.), б) простые бесприставочные глагольные основы (*вознесение*, *воплощение*, *изкушение*, *обручение*, *облачение*, *причащение*, *преступление*, *посвящение*, *прощение*, *развращение*, *соблазнение* и др.)².

Реже в обследуемых словарях лексикографами фиксируются религионимы-субстантивы на *-ениј/е/*, мотивирующиеся одной производящей базой славянского происхождения, в качестве которой выступает простая или сложная основа инфинитива несовершенного вида (реже – совершенного вида или основа двувидового глагола) V продуктивного класса на

-ить (около 20 лексем) (*благодарение*, *благоворение*, *«боготворение»³*, *дароношение*, *«злословление»*, *злоухление*, *грешение*, *крещение*, *каждение*, *моление*, *мщение*, *«перекрещение»* и др.).

Другую значительную группу дериватов, зарегистрированную в рассматриваемых словарях, составляют сложные имена существительные религиозной семантики на *-ениј/е/*, образованные путем сложения (около 30 лексем) в соответствии со следующими деривационными моделями: а) «основа имени существительного + соединительная гласная *о* + самостоятельное слово (отглагольное существительное, образованное от инфинитива на *-ить / -ать (-ять)*), включающее в свой состав суффикс *-ениј-* и флексию» (*«богослужение»*, *богоявление*, *«благодать»*, *«зломать»*, *иконопоклонение*, *крестоводружение*, *муроварение*, *хлеболомление* и др.) и б) «основа имени прилагательного + соединительная гласная *о* + самостоятельное слово (отглагольное существительное, образованное от инфинитива на *-ать (-ять) / -ить*), включающее в свой состав суффикс *-ениј-* и флексию» (*лукавоухищение*, *священномучение*).

Единичными примерами в словарях представлены дериваты данной группы, образованные от простых основ глаголов несовершенного вида I продуктивного класса на *-ать* (*извержение*) и простых глагольных основ, относящихся к непродуктивным классам (*видение*, *терпение*, *бдение (всенощное)*).

2. *Образования с суффиксом -ниј/е/.* Вторую по численности группу среди анализируемых религионимов-субстанти-

¹ Подробнее о полимотивированности отглагольных существительных см., например: [33, с. 112].

² В которых, однако, в большинстве случаев с этимологической точки зрения также могут быть выделены славянские приставки. Здесь и далее в работе анализ морфемной структуры слов осуществлен на основе данных «Морфемно-орфографического словаря русского языка» А. Н. Тихонова [34].

³ Здесь и далее в статье новообразования XVIII века среди религионимов-субстантивов, входящих в рассматриваемые словообразовательные параллели, отмечены условным знаком – «<».

вов составляют образования на *-ниј/е/* (около 90 лексем).

Большую часть дериватов данной группы, зафиксированных в рассматриваемых словарных источниках, составляют имена существительные религиозной семантики на *-ниј/е/*, произведенные от бесприставочных и приставочных простых глагольных основ несовершенного и совершенного вида (в единичных случаях – двувидовых глаголов) I продуктивного класса на *-ать* (более 30 лексем) (*величаніе, венчаніе, обрезаіе, исповѣданіе, литургисаніе, назиданіе, ѿбожаніе, постриганіе, преданіе, призираніе, призываніе, состраданіе* и др.), в т.ч. имеющих в своем составе суффикс *-ыва/-ива* (*исповѣдываніе, предсказываніе, ѿперекрециваніе, помазываніе, призываніе*) и *-ва* (*воздаваніе, убиваніе*).

Помимо этого, в обследуемых словарях зафиксирована обширная группа дериватов, образованных от бесприставочных и приставочных простых и сложных глагольных основ совершенного и несовершенного вида (реже – основ двувидовых глаголов) III продуктивного класса (более 25 лексем), имеющих в своей структуре а) суффикс *-ова-* (*крестованіе, милованіе, обетованіе, прознаменованіе, послѣдованіе, ревнованіе, соборованіе* и др.); б) суффиксы *-ств-* и *-ова-* (*лунствованіе, назорействованіе, раболѣпствованіе, священнодѣствованіе, усердствованіе* и др.); в) суффиксы *-в-* и *-ова-* (*благовѣствованіе*).

Гораздо меньшим числом дериватов представлены имена существительные религиозной семантики на *-ниј/е/* данной группы, образованные от глаголов II продуктивного класса на *-еть* (около 10 лексем) (*вождедѣлѣніе, нетлѣніе, окаменѣніе, радѣніе* и др.).

Особую группу составляют дериваты, образованные путем сложения (около 20 лексем) в соответствии со следующими словообразовательными моделями: а)

«основа имени существительного + соединительная гласная *о* + самостоятельное слово (отглагольное существительное, образованное от инфинитива на *-ать* (*-ять*), включающее в свой состав суффикс *-ниј-* и флексию» (*ѿвропроповѣданіе, ѿвроиманіе, ликостояніе, муропомазаніе, мздоиманіе, иконописаніе* и др.) и б) «основа имени прилагательного + соединительная гласная *о* + самостоятельное слово (отглагольное существительное, образованное от инфинитива на *-ать* (*-ять*), включающее в свой состав суффикс *-ниј-* и флексию» (*священнознаніе, священнописаніе, священнопомазаніе* и др.).

3. *Образования с суффиксом -нј/е/*. В рассматриваемых лексиконах отмечается незначительное число религионимов-субстантивов с суффиксом *-нј/е/* (7 лексем), абсолютное большинство которых образовано от глаголов I продуктивного класса (в т.ч. имеющих в своем составе суффикс *-нича-* (*ѿбезбожничанье, ѿжадничанье, поминанье, ѿпостничанье, ѿябедничанье* и др.).

Новообразования среди религионимов-субстантивов на –ние в русском языке XVIII века и их функциональные особенности

Основная часть имен существительных религиозной семантики на *-ние*, зарегистрированная в анализируемых словарях, в историко-лингвистическом отношении представляет собой пласт лексики, сложившийся в русском языке до XVIII века. В то же время на страницах данных словарей зафиксированы и дериваты, являющиеся новообразованиями XVIII в. (15 лексем): а) словообразовательными (*ѿвропроповѣданіе, безбожничанье, богослуженіе, благонамѣреніе, злонамѣреніе, злословленіе, жадничанье, обожаніе, перекрещеніе, перекрещиваніе, постничанье, розговѣнье, скромничанье, ябедничанье*) и б) семантическими (*боготвореніе*) (табл. 1).

Таблица 1. Новообразования среди религионимов-субстантивов на -ние, зафиксированные в лексикографических произведениях XVIII в.

Лексико-грамматические группы религионимов-субстантивов на -ние		Структурные типы религионимов-субстантивов		
		а) с суффиксом -ениј/е/	б) с суффиксом -ниј/е/	в) с суффиксом -нј/е/
Абстрактные	Отвлеченного действия	Богослужение <...> 1) Почитание истинного Бога. 2) Отправление молитвы (САР). Перекрещение <...> Исполненное дѣяніе перекрещивавшаго (САР). Злословление <...> Ругание (САР). Боготворение, • боголюбное чего почитание, обожение <...> (ЦС) • обожение, воздавание Божеской чести (КСС).	Перекрещивание <...> Дѣйствие перекрещивающаго (САР). Вѣроповѣданіе <...> Звание, состоящее въ обращеніи невѣрныхъ въ Христіанскій законъ; дѣло собственное проповѣднику слова Божія (САР). Обожание <...> Воздавание Божеской чести, уподобление Богу (САР).	Постничанье <...> Воздержание отъ скромной пищи (САР). Скромничанье <...> Дѣйствие того, кто скромничаетъ (САР) Ябедничанье <...> Дѣйствие того, кто ябедничаетъ (САР). Безбожничанье <...> Жизнь порочная, ненаблюдение правилъ и предписаній закона (САР).
	Состояния и чувства	Злонамѣреніе <...> Зло, вредное, предосудительное намѣреніе (САР) Благонамѣреніе <...> Доброе, полезное намѣреніе, предпріятіе (САР).		Жадничанье <...> непомѣрное чего желаніе (САР).
Конкретные			Розговѣнье <...> Первый день мясоеда (САР).	

Из приведенных примеров видно, что абсолютное большинство новообразований среди религионимов-субстантивов на -ние относится к лексико-грамматическому разряду абстрактных имен существительных¹, именуя отвлеченное действие, связанное с аскетическими трудами, христианскими подвигами человека (богослужение, постничанье и др.), и действие отрицательного (греховного) характера (безбожничанье, злословление и др.). Единичными примерами

являются: розговѣнье (первый день мясоеда), жадничанье (непомѣрное чего желаніе), злонамѣреніе (зло, вредное, предосудительное намѣреніе), благонамѣреніе (доброе, полезное намѣреніе, предпріятіе).

¹ При анализе в статье использована классификация лексико-семантических значений абстрактных имен существительных, представленная

в работе Л.В. Калининой [35]. Подробнее о лексико-семантических значениях религионимов-субстантивов на -ние см [36].

среди имен существительных религиозной семантики на *-ние* представлены новообразования, называющие положительные (*благонамъреніе*) и отрицательные духовные состояния и чувства человека (*злонамъреніе*), а также новообразования, относящиеся к лексико-грамматическому разряду конкретных имен существительных и называющие дни церковного календаря (*розговънье*).

При образовании религионимов-субстантивов на *-ние* наиболее продуктивной для XVIII в. словообразовательной моделью является транспозиционная: а) основа инфинитива славянского происхождения I или V продуктивного класса + суффикс *-ниј-* / *-ениј-* / *-нј-* → имя существительное на *-ние* и б) основа инфинитива славянского происхождения I продуктивного класса с суффиксом *-нича-* + суффикс *-нј-* → имя существительное на *-ние*

Отметим также, что, несмотря на стремление составителей словарей фиксировать новые явления, происходящие в области лексики, ряд религионимов-субстантивов на *-ние*, вошедших в русский язык в XVIII в., не был ими зарегистрирован. См., например: *доброжеланіе*, *милостынепрошеніе*, *плотоугожденіе*, *пожертвованіе* и др.

Религионимы-субстантивы на -ние и их словообразовательные параллели

В связи с активным формированием моделей русской словообразовательной системы в области русского языка XVIII в. в отечественных лексикографических произведениях гражданской печати того времени широко представлены словообразовательные параллели у имен существительных религиозной семантики на *-ние*. Данные словообразовательные ряды возникают в результате, с одной стороны, вовлечения в словопроизводство при номинации религиозного понятия разных однокоренных производящих основ, а с другой стороны – вследствие использования синонимичных по отношению к форманту *-ние* суффиксов славянского

происхождения (*-ств-*, *-ость*, *-иј-*, а также нулевого суффикса – Ø), присоединяемых к одним и тем же или разным однокоренным основам в процессе деривации.

1. Словообразовательные параллели на -ние- (*-ниј-*, *-ениј-*, *-нј-*) — *-ств/o/*.

В анализируемых словарях зафиксировано более 20 однокоренных словообразовательных пар религионимов-субстантивов на *-ние-* (*-ниј-*, *-ениј-*, *-нј-*) — *-ств/o/*, образованных от одинаковых (◁ *безбожничанье* – ◁ *безбожничество*, *блуженіе* – *блудство*, *благодареніе* – *благодарство*, ◁ *жадничанье* – ◁ *жадничество*, *идолопоклоненіе* – *идолопоклонство*, *кровомъшеніе* – *кровомъшество*, ◁ *постничанье* – *постничество*, *смиреніе* – *смиренство*, *священіе* – *священство*, ◁ *ябедничанье* – *ябедничество* и др.) и разных производящих основ (◁ *безбожничанье* – *безбожество*, *благоговънїе* – *благоговънїство*, *благодѣянїе* – *благодательство*, *иконописанїе* – *иконописание*, *кощунанїе* – *кощунство*, *лихоиманїе* – *лихоимство*, *моленїе* – *молебство*, *любодѣянїе* – *любодѣйство*, *покорствованїе* – *покорство*, *раболѣпствованїе* – ◁ *раболѣпство*, *священнослуженїе* – *священство* и др.). Появление данных конкурентных форм обусловлено наличием общего значения, связанного с выражением отвлеченного процессуального признака, свойственного как для имен на *-ние-*, так и дериватов на *-ств/o/* [37, с. 94–96].

Выявленные словообразовательные параллели указанного типа фиксируются в словарях чаще всего как полностью равнозначные по своему значению формы (*Кровомъшество*, *тоже, что кровомъшенїе* <...> *тѣлесное совокупленїе в близком сродствѣ* <...> (ЦС)). Однако в отдельных случаях они семантически дифференцируются: за дериватами на *-ство* закрепляется только значение отвлеченного признака, а за формами на *-ние-*, помимо данного значения, – значение отвлеченного действия и значение отвлеченного понятия (которое суще-

ствуется только в человеческом сознании и которое нельзя представить наглядно) (*Смирение* <...> 1) *Унижение, уничижение себя; приведение в покорность* <...> 3) *Кроткость, униженность; добродетель христианская, производящая в нас внутреннее чувство в разсуждении нашей слабости* <...>; *Смиренство* <...> *скромность, кроткость нрава* (САР)).

2. Словообразовательные параллели на -ние- (-ниј-, -ениј-, -нј-) — -ость. В обследуемых лексикографических источниках выявлено 15 однокорневых словообразовательных пар имен существительных религиозной семантики на -ние — -ость. Большая часть из них включает в себя новообразования XVIII в.: *блаженение (блазнение) — блазненность, дерзновение — <дерзновенность, <жадничанье — <жадность, молчание — <молчаливость, послушание — <послушливость (послушность), покорствование — <покорливость (покорность), раболъпствование — раболъпность, развращение — <развращенность, рачение — <рачительность, соблазнение — <соблазнительность, сострадание — <сострадательность, смирение — <смиренность, <скромничанье — скромность, стыжение — <стыдливость, терпение — терпеливость (<терпимость)).* Дериваты, составляющие приведенные словообразовательные пары, образованы от разных производящих основ.

В семантическом плане данные лексемы сближаются преимущественно «за счет “адъективации” имен на -ние, усиления в них значения качества» [1, с. 15] (ср., например: *Смирение* <...> *Кроткость, униженность* <...>; *Смиренность* <...> *Скромность, кротость нрава* <...> (САР)). В то же время большая часть этих дериватов достаточно последовательно дифференцируется лексикографами в семантическом отношении: за образованиями на -ние закрепляется значение отвлеченного действия или значение отвлеченного понятия (которое существует

только в человеческом сознании и которое нельзя представить наглядно), а за образованиями на -ость — значение отвлеченного признака (Ср., например: *Сострадание* <...> *Участие в печали, в прискорбии, страдании чьемъ* <...>; *Сострадательность* <...> *Жалость, чувствительность къ несчастіямъ другаго* <...> (САР); *Терпение* <...> *Есть духовная добродетель, коею равнодушно сносимъ все чувства и плоти наша противное несправедно намъ нанесенное* <...> (ЦС) *Терпеливость* <...> *свойство терпеливого человека* <...> (САР)).

3. Словообразовательные параллели на -ние (-ниј-, -ениј-, -нј-) — -иј/е/. В исследуемых словарях выявлено 7 однокорневых словообразовательных пар религиозных-субстантивов на -ние (-ниј-, -ениј-, -нј-) — -иј/е/, дериваты которых образованы от разных производящих основ (<безбожничанье — безбожие, благоговествование — благоговестие, <злословие — злословие, отмщение — отместие, причащение — причастие, раболъпствование — раболъпие, чрезсобирание — чрезсоборие). Приведенные имена существительные религиозной семантики подаются лексикографами как семантически тождественные или близкие по значению, объединяясь на основе значения отвлеченного действия (*Благоговествование* <...> *Учение слову Божию; проповѣданіе въры, закона* <...> *Благоговестіе* <...> *Учение слову божію; проповѣданіе закона, въры* (САР)) и/или отвлеченного понятия, которое существует только в человеческом сознании и которое нельзя представить наглядно (*Благоговѣствованіе* <...> *благая вѣсть съ Греч. Евангеліе; Благовѣстіе* <...> *ученіе спасительное не отъ человека, но отъ неба вземлемое* (ЦС)). Последовательная семантическая дифференциация данных словообразовательных форм в анализируемых словарях не наблюдается (*Чрезсоборіе или Чрезсобираніе, неповиновеніе Соборному уставу* <...> (ЦС)).

4. Словообразовательные параллели на -ние (-ниј-, -ениј-, -нј-) — Ø. Не-

смотря на продуктивность в истории русского языка синонимической параллели «между приглагольными именами нулевой суффиксации и образованиями на -ние» [38, с. 86], в исследуемых словарях выявлено всего 11 однокорневых словообразовательных пар религионимов-субстантивов данного типа (*боженіе* – *божба*, *блазненіе* – *блазнь*, *грѣшеніе* – *грѣхъ*, *изкупленіе* – *изкупъ*, *искушеніе* – *искусь*, *исповеданіе* – *исповедь*, *мищеніе* – *месть*, *обѣтованіе* – *обѣтъ*, *постничанье* (*пощеніе*) – *постъ*, *проповѣданіе* – *проповѣдь*, *соблазненіе* – *соблазнь*).

Как правило, отмеченные религионимы-субстантивы подаются лексикографами как семантически эквивалентные (в т.ч. в рамках одной словарной статьи), объединяясь на основе значения отвлеченного действия и/или отвлеченного понятия, которое существует только в человеческом сознании и которое нельзя представить наглядно (См., например: *Исповеданіе*, *тоже что исповѣдь*, *изусное признаніе Божіяго совершенства* <...> *Индѣ беретя за Христіанскую въру* <...> *Есть тайна подѣ симъ имѣнемъ исповѣдь*, т.е. *покаяніе*. *Кое слово и смотри* (ЦС)). При этом отметим, что в анализируемых словарях дериваты, входящие в рассматриваемые словообразовательные параллели, не дифференцируются в стилистическом отношении, несмотря на историческую принадлежность образований на *ниј/е/* (*-ениј/е/*) к книжному стилю, а форм с нулевым суффиксом – к нейтральному [39, с. 76]. В то же время важно констатировать, что за дериватами на *ниј/е/* (*-ениј/е/*) в обследуемых словарях чаще всего закрепляется только значение отвлеченного действия (См., например: *Пощеніе* <...> *Храненіе поста*, *воздержаніе отъ скромной пици* <...> (САР); *Постничанье* <...> *Воздержаніе отъ скоромной пици* (САР); *Соблазненіе* <...> *Дѣланіе соблазна*, *дѣйствиє соблазняющаго*, или *соблазнившаго* (ЦС)).

5. Словообразовательные параллели существительных религиозной се-

мантики, которые образованы от разных однокорневых производящих основ, но при помощи одного суффикса – ние (-ниј/е/, -ениј/е/).

5.1. Словообразовательные параллели на -(а) н иј/ е/, - е н иј/ е/ — -(ыва) н иј/ е/, -(ива)ниј/е/. Несмотря на многочисленность парных языковых образований на *-(а) н иј/ е/, - е н иј/ е/* — *-(ыва) н иј/ е/, -(ива)ниј/е/* в русском языке XVIII в. [1, с. 137], в обследованных лексиконах выявлено всего 6 пар однокорневых религионимов-субстантивов данного типа, все они образованы от разных производящих основ (*обрѣзаніе* – *обрѣзываніе*, *предсказаніе* – *предсказываніе*, *помазаніе* – *помазываніе*, *разнузданіе* – *разнуздываніе*, *исповѣданіе* – *исповѣдываніе*, *перекрещеніе* – *перекрещиваніе*). Подобное положение дел применительно к религиозному стилю, на наш взгляд, может быть объяснено оценкой носителями языка образований с суффиксами *-ива/-ыва* как «маркированно не книжных» [40, с. 69].

Объединение в синонимические ряды отмеченных дериватов происходило главным образом на основе значения отвлеченного действия: за лексемами, осложненными суффиксами *-ива/-ыва*, в словарях фиксируется значение незавершенного, длительного действия, а за лексемами без данных формантов – значение законченного действия (Ср., например: *Перекрещиваніе* <...> *Дѣйствиє перекрещивающаго*. *Перекрещеніе* <...> *Исполненное дѣяніє перекрещивавшаго* (САР)).

В то же время нужно отметить, что в некоторых случаях в рассматриваемых словарях у лексем на *-ние*, не включающих в свою структуру суффиксы *-ива/-ыва*, помимо значения отвлеченного действия, регистрируется значение отвлеченного понятия, которое существует только в человеческом сознании и которое нельзя представить наглядно (Ср., например: *Обрѣзываніе* <...> *Дѣйствиє обрѣзывающаго*. *Обрѣзаніе* <...> 1)

Исполненное дѣйствіе обрѣзывавшаго. 2) Обрядъ ветхозаконныя церкви, самимъ Богомъ установленный, наблюдаемый и понынѣ Иудеями и Магометанами, состоящій въ отделиніи нѣкоторыя части крайнія плоти у младенцевъ мужскаго пола <...> (САР)). Данный факт свидетельствует о верно подмеченной составителями анализируемых словарей семантической особенности религионимов-субстантивов на *-ние*, неосложненных суффиксами *-ива-/-ыва-*, связанной с возможностью «опредмечивания» у них значения по причине «парализации» грамматических свойств глагола [40, с. 105].

При этом важно констатировать, что семантика религионимов-субстантивов, составляющих словообразовательные параллели на *-ание/ение – -ывание/ивание*, не была последовательно дифференцирована разработчиками анализируемых лексиконов, о чем свидетельствуют случаи размещения данных парных языковых образований под одной вокабулой как тождественных с точки зрения своего значения (см., например, словарную статью *Исповедение и Исповѣдывание* (САР)).

5.2. Словообразовательные параллели с чередованием согласных в корне на ние (-ниј/е/, -ениј/е/). В исследуемых словарях выявлено 6 однокорневых словообразовательных пар религионимов-субстантивов на *-ниј/е/*, дериваты которых различаются между собой конечным согласным корня вследствие исторических чередований, вызванных меной звуков *с//ш, г//ж, з//ж* (*возкресение – возкрешение, вознесение – возношение, постригание – постриженіе, рукополагание – рукоположеніе, воздвизаніе – воздвизеніе, блазненіе – блаженіе*).

Анализ словарных статей свидетельствует о том, что бóльшая часть приведенных лексем фиксируется лексикографами в качестве заголовочных единиц в рамках одной словарной статьи, а сами толкуемые слова имеют тождественное значение, связанное с обозначением отвлеченного действия (См., например: *Воскрешение, тоже что Воскресение*

<...> (ЦС); Рукополагание и Рукоположеніе <...> Посвященіе отъ архіереа въ чинъ духовный (САР)). В то же время в единичных случаях между дериватами фиксируются и смысловые различия. Так, например, лексемы *возкресение – возкрешение*, зафиксированные в САР, могут быть квалифицированы как паронимы с учетом приведенных лексикографами толкований (Ср.: *Возкрешение <...> возвращение жизни умершему <...> Возкресение <...> Собственно возстаніе изъ мертвых <...> (САР)).*

6. Многочленные словообразовательные параллели. Благодаря существительным на *-ство* происходило объединение в один синонимический ряд дериватов, выражающих качественность и глагольность [1, с. 67]. Это явление на примере ряда имен существительных религиозной семантики на *-ние* нашло отражение и в исследуемых лексикографических источниках, обусловив появление многочисленных словообразовательных рядов, включающих в качестве конкурирующих производных в т.ч. и новообразования XVIII века, см., например: а) *-ниј/е/ (-ниј-, -ениј-, -нј-)* — *ств/о/* — *-ость* (◁ *жадничанье – жадничество – жадность, покорствованіе – покорство – покорливость (покорность), смиреніе – смиренство – смиренность, состраданиіе – сострадательство – сострадательность*); б) *-ниј/е/ (-ниј-, -ениј-, -нј-)* — *ств/о/* — *иј/е/* (◁ *безбожничанье – безбожничество (безбожство) – безбожіе*); в) *-ниј/е/ (-ниј-, -ениј-, -нј-)* — *ств/о/* — $\emptyset$ (◁ *постничанье (пощеніе) – постничество – постъ*); г) *-ниј/е/ (-ниј-, -ениј-, -нј-)* — *ств/о/* — *-ость* — *иј/е/* (*раболѣпствованіе – раболѣпство – раболѣпность – раболѣпіе*).

Выводы

1. Анализ словообразовательного типа на *-ние* выявил структурное различие основ, с которыми к концу XVIII в. мог соединяться этот суффикс при образовании имен существительных религиозной

семантики. Данные дериваты могли образовываться от основ глаголов I, II, III и V продуктивных классов. Этот вывод в целом согласуется с мыслью В.В. Виноградова, утверждавшего, что «теоретически от каждого глагола <...>» можно с помощью суффикса *-ние* «образовать отглагольное существительное» [41, с. 104]. При этом продуктивность суффикса *-ние* с выявленными типами основ неодинакова. Наиболее продуктивной словообразовательной моделью, в соответствии с которой образовывалась бóльшая часть религионимов-субстантивов на *-ние*, является модель, где производящей базой выступает простая основа инфинитива славянского происхождения I или V классов. В связи с этим отметим, что такое положение дел в целом соответствует общей словообразовательной тенденции, характерной для развития имен существительных на *-ние* в русском языке в рассматриваемый исторический период [1, с. 124].

2. В анализируемых словарных источниках было выявлено в общей сложности 15 религионимов-субстантивов на *-ние*, являющихся новообразованиями XVIII в. Бóльшая их часть имеет значение отвлеченного действия, связанного с аскетическими трудами и христианскими подвигами человека. Данный вывод с историко-лингвистической точки зрения вполне закономерен, т.к. имена существительные на *-ние* «искони специализировались на выражении процесса, действия» [42, с. 65].

3. Материалы анализируемых словарей свидетельствуют о наличии у имен существительных религиозной семантики на *-ние* к концу XVIII века широкого круга словообразовательных параллелей. При этом важно отметить, что в процесс словообразовательной конкуренции были активно вовлечены как новообразования

на *-ние*, так и соотносимые с ними в семантическом плане дериваты, появившиеся в XVIII веке. Подобное положение дел объясняется отсутствием сложившегося узуса в русском языке в рассматриваемый период, а также процессом активного формирования словообразовательных моделей конфессиональной лексики.

4. Объединение в синонимические ряды религионимов-субстантивов на *-ние* с формами на *-ств-*, *-ость*, *-иц-*, $\emptyset$ стало возможным благодаря наличию у них широкого спектра абстрактных лексико-семантических значений. Наиболее ярко выраженной в религиозном стиле русского языка XVIII в. стала конкуренция акциональных субстантивов на *-ние* и *-ств/o/*. Во всех остальных случаях дериваты на *-ние* начинают вытеснять из языкового употребления параллельные им образования со значением отвлеченного действия, оставляя за собой функцию его репрезентации в качестве основной. Помимо этого, благодаря ослаблению семантических связей образований на *-ние* с производящими глагольными основами данные формы все чаще начинают иметь в религиозном стиле русского языка XVIII века лексико-семантическое значение абстрактной предметности, переходя в разряд конфессиональной терминологической лексики.

5. Вопреки тому, что конкуренция, обусловленная наличием параллельных словообразовательных форм, была значительной, религионимы субстантивы на *-ние*, как показывает анализ обследуемых лексикографических источников, прочно заняли свою нишу в словарной системе религиозного стиля русского языка, образуя в нем к концу XVIII века особый пласт абстрактной конфессиональной лексики.

Список литературы

1. Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. СПб.: Наука. Ленинградское отделение, 1975. 371 с.

2. Романова Н.Г. Функционирование отглагольных существительных на -ние в научной прозе М.В. Ломоносова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 19 с.
3. Гадомский А.К. Религиозный язык или стиль: попытка систематизации терминологии теолингвистики // Уч. зап. Тавр. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер.: Филология. 2006. Т. 19 (58), № 2. С. 186–192.
4. Ицкович Т.В. Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 387 с.
5. Ицкович Т.В. О языке религиозной сферы общественного сознания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2013. № 15. С. 209–214.
6. Гадомский А.К. Стилистический подход к изучению религиозного языка // Стил. 2008. № 7. С. 21–35.
7. Горюшина Р.И. Лексика христианства в русском языке (системное отношение прямых конфессиональных и производных светских значений слов): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 179 с.
8. Михайлова Ю.Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 171 с.
9. Феликсов С.В. П.А. Алексеев как лексикограф: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 240 с.
10. Никитинская Р.П. Отвлеченные существительные с суффиксами -ние, -ение, -тие в литературном языке Петровской эпохи // Ученые записки Кемеровского государственного педагогического института. 1962. Вып. 6. С. 46–89.
11. Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М.: Наука, 1972. 319 с.
12. Казаков В.П. Синтаксис имен действия. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994. 148 с.
13. Попова Т.Н. К вопросу о суффиксальном словообразовании в русских говорах (имена на -ние, -ение) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2006. № 5. С. 46–51.
14. Ахильгова Т.О. Отглагольные существительные с суф. -ни(е) / -ени(е) / -ани(е) / -ти(е) / -и(е) как объект лингвистического исследования // Lingua-universum. 2007. № 2. С. 68–80.
15. Дягтерев В.И. Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование). Ростов-на-Дону: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2014. 344 с.
16. Алексѣевъ П.А. Церковный словарь. М.: При Императ. Моск. ун-те, 1773. 396 с.
17. Алексѣевъ П.А. Дополнение къ Церковному словарю. М.: При Императ. Моск. ун-те, 1776. 324 с.
18. Алексѣевъ П.А. Продолжение Церковнаго словаря. М.: Тип. Императ. Моск. ун-та, 1779. 299 с.
19. Алексѣевъ П.А. Церковный словарь: в 3 т. СПб.: При Императ. Акад. наук, 1794. Т. 1. 359 с. ; Т. 2. 412 с. ; Т. 3. 304 с.
20. Феликсов С.В. «Церковный словарь» протоиерея Петра Алексеева // Русская речь. 2009. № 3. С. 80–87.
21. Романовъ Е. Краткой словарь славянской. СПб.: В тип. Императ. сухопут. шляхет. кадет. корпуса, 1784. 171 с.

22. Словарь Академіи Россійской: в 6 ч. СПб.: При Имп. Акад. Наукъ, 1789–1794. Ч. I. 1789. 1140 стлб.; Ч. II. 1790. 1200 стлб.; Ч. III. 1792. 1388 стлб.; Ч. IV. 1793. 1272 стлб.; Ч. V. 1794. 1084 стлб.; Ч. VI. 1794. 1065 стлб.

23. Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. М.: Наука, 1969. 230 с.

24. Шелихова Н.Т. Словообразование существительных со значением отвлеченного действия // Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV–XVII вв. / отв. ред. В.И. Борковский. М.: Наука, 1974. 224 с.

25. Шалимова Ю.М. Функционирование отглагольных существительных на -ние в научном стиле современного русского литературного языка (На материале заголовков научных работ по теме «Словообразование»): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 203 с.

26. Рябкова А.В. Лексико-семантическая таксономия фреймов радость – печаль: на материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2002. 187 с.

27. Васильева С.П., Ильина А.Г. Семантическое поле «религия», по данным ассоциативного эксперимента // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. № 3 (25). С. 162–166.

28. Корнакова Е.С. Системное изучение лексики методом семантического поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 4. С. 170–175.

29. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1–11. М.: Рус. яз.; Азбуковник, 1988. 2016.

30. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: в 3 т. Репр. изд. 1893–1912 гг. М.: Знак, 2003.

31. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М.: Наука, 1975–2015.

32. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. СПб.: Наука, 1984–1991; Вып. 7–19. СПб.: Наука, 1992–2011.

33. Лузина Г.Л. Исследования отглагольных имен существительных в русском языке // Социально-гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2001. № 1. С. 111–123.

34. Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка: ок. 100 000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2007. 700 с.

35. Калинина Л.В. К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексикограмматических разрядов имен существительных // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 55–70.

36. Феликсов С.В. Имена существительные религиозной семантики на -ние в русском языке XVIII века: лексико-грамматический и семантический аспекты анализа // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 1. С. 111–119.

37. Сандуца А.А. Русские отглагольные существительные XVIII века (словообразовательный и функциональный аспекты) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2, № 3. С. 93–106.

38. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 184 с.

39. Ерофеева И.В., Шептухина Е.М. Словообразовательная синонимия производных имен нулевой суффиксации и образований на -(е)ние в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет») // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 75–81.

40. Шевелева М.Н. К истории восточнославянского суффикса имперфективации *-ыва-/-ива-* // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 3. С. 61–85.
41. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
42. Пильгун М.А. Развитие имен со значением действия в истории русского языка // Лесной вестник. 2003. № 4. С. 63–71.

References

1. Mal'tseva I.M., Molotkov A.I., Petrova Z.M. *Leksicheskie novoobrazovaniya v russkom yazyke XVIII v.* [Neologisms in the 18th-Century Russian Language]. Leningrad, 1975. 371 p.
2. Romanova N.G. *Funkcionirovanie otglagol'nyh sushhestvitel'nyh na -nie v nauchnoj proze M.V. Lomonosova.* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Functioning of verbal nouns in scientific prose by M.V. Lomonosov. Cand. philol. sci. abstract. diss.]. Volgograd, 2002. 19 p.
3. Gadomskiy A.K. *Religioznyy yazyk ili stil': popytka sistematizatsii terminologii teolingvistiki* [Religious Language or Style: An Attempt to Systematize Theolinguistic Terminology]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: Filologiya = Uch. zap. Brand. nats. V.I. Vernadsky University. Ser.: Philology*, 2006, vol. 19, no. 2, pp. 186–192.
4. Itskovich T.V. *Zhanrovaya sistematizatsiya religioznogo stilya na kommunikativno-pragmaticheskom i kategorial'no-tekstovom osnovaniyakh.* Diss. d-ra filol. nauk [Genre Systematization of Religious Style on Communicative-Pragmatic and Categorical-Textual Grounds: Dr. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2016. 387 p.
5. Itskovich T.V. *O yazyke religioznoy sfery obshchestvennogo soznaniya* [On the Language of the Religious Sphere of Public Consciousness]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki = Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*, 2013, no. 15, pp. 209–214.
6. Gadomskiy A.K. *Stilisticheskiy podkhod k izucheniyu religioznogo yazyka* [The Stylistic Approach to Religious Language Analysis]. *Stil = Steele*, 2008, no. 7, pp. 21–35.
7. Goryushina R.I. *Leksika khristianstva v russkom yazyke (sistemnye otnosheniya pryamykh konfessional'nykh i proizvodnykh svetskikh znacheniy slov).* Diss. kand. filol. nauk. [Christian Vocabulary in the Russian Language (Systemic Relations of Direct Confessional and Derived Secular Meanings of Words). Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2002. 179 p.
8. Mikhaylova Yu.N. *Religioznaya pravoslavnaya leksika i ee sud'ba (po dannym tolkovykh slovarey russkogo yazyka).* Diss. kand. filol. nauk. [Religious Orthodox Vocabulary and Its Fate (According to Explanatory Dictionaries of the Russian Language). Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2004. 171 p.
9. Feliksov S.V. *P.A. Alekseev kak leksikograf.* Diss. kand. filol. nauk [P.A. Alekseyev as a Lexicographer. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2010. 240 p.
10. Nikitinskaya R.P. *Otvlechennye sushhestvitel'nye s suffiksami -nie, -enie, -tie v literaturnom yazyke Petrovskoy jepohi* [Abstract nouns with suffixes -nie, -enie, -tie in the literary language of the Petrovsky era]. *Uchenye zapiski Kemerovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta = Scientific Notes of the Kemerovo State Pedagogical Institute*, 1962, no. 6, pp. 46–89.
11. Veselitskiy V.V. *Otvlechennaya leksika v russkom literaturnom yazyke XVIII – nachala XIX v.* [Abstract Vocabulary in the Russian Literary Language of the 18th – Early 19th Centuries]. Moscow, 1972. 319 p.

12. Kazakov V.P. *Sintaksis imen dejstvija* [Syntax of action nouns]. Saint Petersburg, 1994. 148 p.
13. Popova T.N. K voprosu o suffiksial'nom slovoobrazovanii v russkikh govorah (ime-na na -nie, -enie) [To the question of suffix word formation in Russian dialects (names in -nie, -enie)]. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics = Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 2006, no. 5, pp. 46–51.
14. Akhilgova T.O. Otlagol'nye sushhestvitel'nye s suf. -ni(e) / -eni(e) / -ani(e) /-ti(e) /-i(e) kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya [Verbal nouns with suffixes -ni(e) /-eni(e) /-ani(e) /-ti(e) /-i(e) as a linguistic research object]. *Lingua-universum*, 2007, no. 2, pp. 68–80.
15. Degtyarev V.I. *Kategoriya chisla v slavyanskikh yazykakh (istoriko-semanticheskoe issledovanie* [Category of Number in Slavic Languages (Historical and Semantic Research)]. Rostov-on-Don, Izd-vo Yuzhnogo federalnogo universiteta Publ., 2014. 344 p.
16. Alekseev P.A. *Tserkovnyy slovar'* [The Church Dictionary]. Moscow, 1773. 396 p.
17. Alekseev P.A. *Dopolnenie k Tserkovnomu slovaryu* [Supplement to the Church Dictionary]. Moscow, 1776. 324 p.
18. Alekseev P.A. *Prodolzhenie Tserkovnago slovarya* [Extension of the Church Dictionary]. Moscow, 1779. 299 p.
19. Alekseev P.A. *Tserkovnyy slovar'* [The Church Dictionary]. St. Petersburg, 1794, vol. 1. 359 p.; vol. 2. 412 p.; vol. 3. 304 p.
20. Feliksov S.V. "Tserkovnyy slovar" protoiereya Petra Alekseeva [Church Dictionary of Archpriest Petr Alekseev]. *Russkaya rech*, 2009, no. 3, pp. 80–87.
21. Romanov E. *Kratkoy slovar' slavyanskoy* [A Concise Slavic Dictionary]. St. Petersburg, 1784. 42 p.
22. *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [A Dictionary of the Russian Academy]. St. Petersburg, 1789–1794. Pt. I. 1789. Col. 1140; Pt. II. 1790. Col. 1200; Pt. III. 1792. Col. 1388; Pt. IV. 1793. Col. 1272; Pt. V. 1794. Col. 1084; Pt. VI. 1794. Col. 1065.
23. Barbot Zh.Zh. *Drevnerusskoe imennoe slovoobrazovanie. Retrospektivnaja formal'naja harakteristika* [Old Russian nominal word formation. Retrospective formal characterization]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 230 p.
24. Shelikhova N.T. Slovoobrazovanie sushhestvitel'nyh so znacheniem otvlechenogo dejstvija [Word formation of nouns with the meaning of distracted action. In: Borkovsky V.I. (Ed.) Suffixal word formation of nouns in East Slavic languages of the XV–XVII centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 224 p.
25. Shalimova Ju.M. *Funkcionirovanie otglagol'nyh sushhestvitel'nyh na -nie v nauchnom stile sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka (Na materiale zagolovkov nauchnyh rabot po teme "Slovoobrazovanie")*. Diss. kand. filol. nauk [Functioning of verbal nouns in the scientific style of the modern Russian literary language. (Based on the zago-tricks of scientific works on the topic "Word formation"). Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2004. 203 p.
26. Ryabkova A.V. *Leksiko-semanticheskaya taksonomiya freymov radost' – pechal': Na materiale russkogo i nemetskogo yazykov* [Lexical-Semantic Taxonomy of the Frames “Joy – Sadness”: Based on the Material of the Russian and German Languages: Diss.]. Tyumen, 2002. 187 p.
27. Vasil'eva S.P., Il'ina A.G. Semanticheskoe pole “religiya”, po dannym assotsiativnogo eksperimenta [Semantic Field “Religion” According to the Data of Associative Experiment]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev*, 2013, no. 3, pp. 162–166.

28. Kornakova E.S. Sistemnoe izuchenie leksiki metodom semanticheskogo polya [Systematic Study of Lexicon on the Basis of Semantic Field Method]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 2015, no. 4, pp. 170–175.

29. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian Language (11th – 14th Centuries)]. Moscow, 1988–2016. Vols. I–XI.

30. Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]. Moscow, 2003.

31. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, 1975–2015. Iss. 1–30.

32. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the 18th-Century Russian Language]. Leningrad, 1984–1991. Iss. 1–6; St. Petersburg, 1992–2019. Iss. 7–22.

33. Luzina G.L. Issledovaniya otglagol'nyh imen sushchestvitel'nyh v russkom jazyke [Studies of verbal nouns in Russian]. *Social'nogumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 6: Jazykoznanie. Referativnyj zhurnal = Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics. Abstract Journal*, 2001, no 1, pp. 111–123.

34. Tihonov A.N. *Morfemno-orfograficheskij slovar' russkogo jazyka: ok. 100 000 slov* [Morpheme-spelling dictionary of the Russian language: about 100 000 words]. Moscow, Astrel': AST Publ., 2007. 700 p.

35. Kalinina L.V. K voprosu o kriteriyakh vydeleniya i otlichitel'nykh primetakh leksiko-grammaticheskikh razryadov imen sushchestvitel'nykh [On the Criteria of Determining Lexico-Grammatical Classes of Nouns and Their Distinguishing Marks]. *Voprosy yazykoznanija = Questions of Linguistics*, 2007, no. 3, pp. 55–70.

36. Feliksov S.V. Imena sushchestvitel'nye religioznoj semantiki na -nie v russkom jazyke XVIII veka: leksiko-grammaticheskij i semanticheskij aspekty analiza [Nouns of religious semantics on -nie in the Russian language of the XVIII century: lexico-grammatical and semantic aspects of analysis]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija = Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, 2022, vol. 28, no. 1, pp. 111–119.

37. Sandutsa A.A. Russkie otglagol'nye sushchestvitel'nye XVIII veka (slovoobrazovatel'nyy i funktsional'nyy aspekty) [Russian Verbal Nouns of the 18th Century: Derivational and Functional Aspects]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates = Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitatis*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 93–106.

38. Nikolaev G.A. *Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie: teoreticheskie problemy* [Russian Historical Word Formation: Theoretical Issues]. Moscow, 2010. 184 p.

39. Erofeeva I.V., Sheptuhina E.M. Slovoobrazovatel'naja sinonimija proizvodnyh imen nulevoj suffiksacii i obrazovanij na -(e)nie v drevnerusskom jazyke (na materiale "Povesti vremennyh let") [Word-forming synonymy of derived names of zero suffix-sation and formations in -(e) in the Old Russian language (based on the material "Tale of Bygone Years")]. *Filologija i kul'tura = Philology and Culture*, 2016, no. 2 (44), pp. 75–81.

40. Sheveleva M.N. K istorii vostochnoslavjanskogo suffiksa imperfektivacii -yva-/-iva- [To the history of the East Slavic suffix of imperfection -yva-/-iva-]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija = Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology*, 2013, no. 3, pp. 61–85.

41. Vinogradov V.V. *Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. [Russian language (Grammatical doctrine of the word)]. Moscow, Rus. jaz. Publ., 2010. 720 p.

42. Pil'gun M.A. Razvitie imen so znacheniem dejstvija v istorii russkogo jazyka [Development of names with an action value in the history of the Russian language]. *Lesnoj vestnik = Forest Bulletin*, 2003, no. 4, pp. 63–71.

Информация об авторе / Information about the Author

Феликсов Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики историко-филологического факультета, Православный Свято-Тихоно-вский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация; заведующий кафедрой филологии, Перервинская Духовная семинария, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: svfeliksov@gmail.com, ORCID: orcid.org/0000-0002-5928-3311, Researcher ID: V-9616-2019

Sergei V. Feliksov, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Faculty of History and Philology, St. Tikhon's Orthodox University for Humanities, Moscow, Russian Federation; Head of Department of Philology, Pererva Theological Seminary, Moscow, Russian Federation, e-mail: svfeliksov@gmail.com, ORCID: orcid.org/0000-0002-5928-3311, Researcher ID: V-9616-2019

УДК 37

Альтернативные средства интенсификации процесса профессиональной подготовки сотрудников полиции в образовательных организациях МВД России

Ю. Н. Кириченко¹, А. А. Тарасенко¹, Е. Н. Ламанов²✉

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
ул. Горького, д. 71, г. Белгород 308024, Российская Федерация

² Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: lamanov_evgeny@mail.ru

Резюме

В статье представлены результаты проведенного исследования по повышению эффективности процесса профессиональной подготовки сотрудников полиции к силовому пресечению противоправных проявлений и нейтрализации активного сопротивления со стороны нарушителя за счет альтернативных педагогических технологий, направленных на формирование тактико-технических умений обращения с аэрозольным распылителем.

В работе приводятся результаты анализа технических характеристик газовых баллончиков, эффективности поражающих факторов в зависимости от погодных условий, химического состава ирританта, что позволяет понять тактические и физиологические особенности воздействия рабочего вещества на человека при применении данного вида специальных средств в различных тактических условиях.

Значительную часть исследования занимают результаты анкетирования сотрудников патрульно-постовой службы полиции как субъектов, наиболее часто применяющих аэрозольные распылители для пресечения преступлений и административных правонарушений. Данные результаты послужили фундаментом для построения научной гипотезы и дальнейшей ее проверки экспериментальным путем.

Актуальность исследования обусловлена существующим противоречием между насущной необходимостью в повышении эффективности действий сотрудников полиции по пресечению преступлений и административных правонарушений с применением аэрозольного распылителя и отсутствием педагогической технологии формирования умения по применению аэрозольного распылителя в различных тактических условиях.

Цель исследования: определить необходимость разработки педагогической технологии, направленной на формирование тактических умений эффективного применения аэрозольного распылителя сотрудниками полиции при силовом пресечении преступлений и административных правонарушений, а также экспериментальная проверка эффективности разработанной педагогической технологии.

Методология: анализ литературы по проблеме исследования, обобщение, сравнение, анализ (теоретические); интервьюирование, тестирование (диагностические); педагогический эксперимент, метод экспертных оценок (эмпирические).

На основании полученных результатов научного исследования авторы предлагают педагогические средства и методы, позволяющие повысить профессиональную готовность полиции к эффективному применению данного аэрозольного распылителя в различных тактических ситуациях оперативно-служебной деятельности.

Ключевые слова: педагогические средства; навык; педагогическая технология; профессиональная подготовка; специальные газовые средства; аэрозольный распылитель; охрана общественного порядка; сотрудник полиции.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кириченко Ю. Н., Тарасенко А. А., Ламанов Е. Н. Альтернативные средства интенсификации процесса профессиональной подготовки сотрудников полиции в образовательных организациях МВД России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 134-143.

Статья поступила в редакцию 02.10.2022

Статья подписана в печать 14.11.2022

Статья опубликована 21.12.2022

Alternative Means of Intensifying the Process of Professional Training of Police Officers in Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

Yulia N. Kirichenko¹, Alexander A. Tarasenko¹, Evgeny N. Lamanov² ✉

¹ Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin
71 Gorky str., Belgorod 308024, Russian Federation

² Southwest State University
50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: lamanov_evgeny@mail.ru

Abstract

The article presents the results of a study on improving the efficiency of the process of professional training of police officers, for the forceful suppression of illegal manifestations and the neutralization of active resistance from the offender through alternative pedagogical technologies aimed at developing tactical and technical skills with an aerosol spray.

The paper presents the results of an analysis of the technical characteristics of gas cartridges, the effectiveness of damaging factors depending on weather conditions, the chemical composition of the irritant, which makes it possible to understand the tactical and physiological characteristics of the impact of the working substance on a person when using this type of special means in various tactical conditions.

A significant part of the study is occupied by the results of a survey of police patrol officers, as the subjects most often using aerosol sprays to suppress crimes and administrative offenses. These results served as the foundation for the construction of a scientific hypothesis and its further experimental verification.

The relevance of the study is due to the existing contradiction between the urgent need to improve the effectiveness of the actions of police officers to suppress crimes and administrative offenses using an aerosol dispenser and the lack of pedagogical technology for developing the ability to use an aerosol dispenser in various tactical conditions.

The purpose of the study: to determine the need for the development of pedagogical technology aimed at developing tactical skills for the effective use of an aerosol dispenser by police officers in the forceful suppression of crimes and administrative offenses. Experimental verification of the effectiveness of the developed pedagogical technology.

Methodology: literature analysis on the research problem, generalization, comparison, analysis (theoretical); interviewing, testing (diagnostic); pedagogical experiment, method of expert assessments (empirical).

Based on the results of the scientific research, the authors propose pedagogical tools and methods to improve the professional readiness of the police for the effective use of this aerosol dispenser in various tactical situations of operational activities.

Keywords: pedagogical means; skill; pedagogical technology; professional training; special gas means; aerosol sprayer; public order protection; police officer.

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kirichenko Y. N., Tarasenko A. A., Lamanov E. N. Alternative Means of Intensifying the Process of Professional Training of Police Officers in Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022, 12(4): 134–143 (In Russ.).

Received 02.10.2022

Accepted 14.11.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

При осуществлении функций по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности сотрудники полиции должны быть готовы к действиям по силовому пресечению преступлений и административных правонарушений, в том числе с применением имеющегося арсенала специальных средств. Но, эффективность действий сотрудников полиции в рассматриваемых условиях будет во многом зависеть от уровня профессиональной подготовленности, в том числе и от степени сформированности навыков в применении тех или иных специальных средств в различных тактических ситуациях [1, 2, 3].

В данной работе мы хотели бы раскрыть результаты исследования по повышению эффективности действий сотрудников полиции при силовом пресечении противоправных проявлений за счет целенаправленного формирования профессиональной компетенции в применении аэрозольного распылителя.

Человечество в своей практике уже не одну тысячу лет использует дурно пахнущие вещества для решения тех или иных тактических задач. Наиболее схожим прототипом современных газовых средств можно считать изобретение Леонардо да Винчи в виде закупоренной бутылки со зловоньями. Применял он свое изобретение для выдворения непрошенных гостей путем «случайного» разбивания бутылки, содержащей жидкость с непереносимым запахом. Вырвавшиеся газы вызывали определенные физиологические реакции в форме рвотного рефлекса

и невозможность нахождения в месте распыления. В начале двадцатого века пары хлорацетофенона были применены войсками Франции, при подавлении гражданских беспорядков в колониях. Порошковые формы хлорацетофенона также использовались в годы Второй мировой войны.

В начале 80-х годов, по заказу КГБ СССР, был разработан комплекс «Жасмин» с аэрозолем «Фиалка», который предназначался для временной дистанционной нейтрализации человека за счет выброса отравляющего вещества из малогабаритного баллончика.

Цель исследования: определить необходимость разработки педагогической технологии, направленной на формирование тактических умений эффективного применения аэрозольного распылителя сотрудниками полиции при силовом пресечении преступлений и административных правонарушений, экспериментальная проверка эффективности разработанной педагогической технологии.

Гипотеза: предположение, что научно обоснованная педагогическая технология, основанная на общепедагогических принципах и методах формирования двигательного действия позволит повысить эффективность тактических действий сотрудников полиции при применении аэрозольного распылителя.

Объект исследования – процесс профессиональной подготовки сотрудников МВД России.

Предмет – повышение эффективности действий сотрудников полиции к силовому пресечению преступлений и ад-

министративных правонарушений с применением аэрозольного распылителя.

Новизна работы заключается в разработке и экспериментальной проверке педагогической технологии, направленной на повышение эффективности тактических действий сотрудников полиции при применении аэрозольного распылителя.

Теоретическая значимость состоит в том, что, основываясь на собранном исследовательской группой эмпирическом материале, в дальнейшем возможна разработка полноценной методики, направленной на повышение уровня профессиональной готовности сотрудников полиции к силовому пресечению преступлений и административных правонарушений с применением специальных средств.

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов исследования для повышения эффективности процесса профессиональной подготовки сотрудников МВД России

Методы исследования:

- теоретические: анализ литературы по проблеме исследования, обобщение, сравнение, анализ;
- диагностические: интервьюирование, тестирование;
- эмпирические: педагогический эксперимент, метод экспертных оценок.

Результаты и обсуждение

Законодательные органы Российской Федерации предоставили сотрудникам полиции право на применение специальных газовых средств. На основании п.2 ст. 21 Федерального закона от 7 февраля 2022 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹, сотрудники полиции в своей служебной деятельности имеют право применять разнообразные специальные газовые средства: аэрозольные распылители, распылители высокого давления, ручные гранаты раз-

дражающего действия, патроны и выстрелы раздражающего действия, газовые пистолеты, пиротехнические газовые генераторы на основаниях и в порядке, предусмотренных данным законом.

Газовый баллончик, или как его определяют законодатель и ведомственные нормативные акты МВД России - аэрозольный распылитель (далее – АР), является штатным специальным средством и входит в обязательную экипировку сотрудников патрульно-постовой службы полиции (далее - ППСП, ППС), заступающих на охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, а также активно используется сотрудниками других подразделений при решении оперативно-служебных задач [2, 3, 4].

Отличие специального газового средства (аэрозольный распылитель) от гражданского газового оружия (газовый баллончик) состоит в том, что аэрозольный распылитель предназначен для использования сотрудниками правоохранительных органов и обладает усиленными характеристиками, применяется в соответствии с п.1 ст. 21 Федерального закона «О полиции». Гражданский газовый баллончик предназначен для использования гражданами Российской Федерации в целях самообороны, может применяться только в соответствии с п. 1 ст. 3 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»^{2, 3}.

Рабочее раздражающее вещество в баллоне – ирританты. Это химические соединения, способные воздействовать на нервные окончания: кожных покровов, верхних дыхательных путей, слизистой оболочки глаза. Ирританты относятся к

² Об оружии: федер. закон от 13 декабря 1996г. № 150-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России: Приказ МВД России от 28 июня 2021г. № 495 (с изм. от 15.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

¹ О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011г. № 3-ФЗ (в ред. от 21.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

быстродействующим веществам, молекулы которого легко проникают к чувствительным нервным окончаниям, вызывая болевые ощущения в площади поражения. Раздражающий эффект наступает в первые секунды после контакта с кожей или слизистой человека, что приводит к временной неспособности совершать активные физические действия [4, 5, 6].

Данные составы, не нанося серьезного вреда здоровью, способны нейтрализовать агрессивное поведение нарушителя на довольно продолжительный период.

Согласно данным, полученным авторами в результате проведенного анкетирования сотрудников батальона ППС УМВД России по городу Белгород и городу Курск, установлено, что наиболее часто применяемым специальным газовым средством является аэрозольный распылитель. Всего в опросе приняло участие более 50 сотрудников ППС (n=52), со стажем службы в правоохранительных органах: до 5 лет – 46%; 5-10 лет – 31 %; свыше 10 лет – 23%.

Исходя из представленных анкетных данных можно утверждать, что большинство респондентов имеют значительный профессиональный опыт в сфере профессиональной деятельности по поддержанию правопорядка в общественных местах (54 % опрошенных более 5 лет).

Полученные данные свидетельствуют о том, что большая часть опрошенных сотрудников (73% опрошенных) при осуществлении функций по охране общественного порядка хотя бы однажды применяли аэрозольный распылитель в качестве специального средства для пресечения противоправных действий со стороны нарушителя.

Помимо этого, результаты проведенного исследования показывают, что значительная часть сотрудников ППС (58% из числа применявших АР) в своей служебной деятельности неоднократно (два и более раза) применяли аэрозольный распылитель в отношении лиц, совершивших противоправное деяние, а

также с целью нейтрализации лиц, оказывающих активное сопротивление.

Опрошенные сотрудники ППС в своих ответах обозначили следующие преимущества применения аэрозольного распылителя:

– возможность оказывать воздействие на нарушителя без непосредственного физического контакта;

– высокая эффективность действия ирританта на нарушителя (при качественном использовании) для пресечения агрессивных действий;

– продолжительность действия раздражающего вещества, не дающего возможности нарушителю скрыться или оказывать сопротивление;

– отсутствие серьезного вреда здоровью правонарушителю.

К особенностям аэрозольного распылителя как специального средства для силового пресечения преступлений и административных правонарушений респонденты отнесли необходимость при применении учитывать погодные условия. Такие как:

• Температура воздуха. В теплое время года эффективность действия ирритантов выше, чем в зимнее время. Следовательно, аэрозольный распылитель зимой, при переноске, целесообразнее располагать под верхним слоем одежды.

• Сила и направление ветра. При устойчиво дующем ветре в одном направлении или его отсутствии, использование аэрозольного распылителя наиболее благоприятно. При сильном, часто меняющемся направлении ветре, применение аэрозольного распылителя не целесообразно, так как сотрудник сам может попасть в зону поражения.

• Наличие осадков в виде: дождя, снега, града, тумана. Перечисленные погодные явления снижают эффективность действия ирритантов.

Помимо необходимости при применении учитывать погодные условия, к недостаткам аэрозольного распылителя опрошенные сотрудники отнесли и опас-

ность его применения в ограниченном пространстве или помещении, так как в этом случае под действие раздражающего вещества, помимо нарушителя, могут попасть как находящиеся рядом посторонние граждане, так и сам сотрудник полиции.

Но, несмотря на перечисленные особенности и недостатки, более 90% респондентов определили аэрозольный распылитель как эффективное средство пресечения противоправных деяний и нейтрализации физической агрессии со стороны нарушителя.

При попадании ирританта на кожу и слизистую оболочку цели возникает болевой шок, обильное слезоотделение с эффектом блефороспазма (непроизвольное спазматическое смыкание век), приступы спазматического кашля, дезориентация в пространстве. Все это лишает способности нарушителя осуществлять какие-либо активные действия на период от 5 до 20 и более минут.

Однако в связи со сложностью извлечения баллончика из стандартного поясного чехла, 76% опрошенных считают нецелесообразным пытаться применить аэрозольный распылитель в ходе уже начавшейся атаки противника. Так как в этом случае рука сотрудника полиции с баллончиком легко блокируется нападающим, а образовавшееся аэрозольное облако раздражающего вещества может накрыть и нарушителя и полицейского.

В рамках проведенного исследования установлено, что большая часть опрошенных респондентов (96 %) считают, что для быстрого и уверенного применения специального газового средства в экстремальных условиях оперативно-служебной деятельности, связанных с силовым пресечением правонарушений, необходимо проведение практических тренировок, направленных на формирование навыка умелого обращения с аэрозольным распылителем в различных тактических условиях.

Исходя из общих педагогических закономерностей освоения двигательного действия [7, 8, 9], авторами было выдвинуто предположение, что для формирования надежного навыка применения АР сотрудниками полиции при выполнении задач по охране общественного порядка необходимо проведение целенаправленных практических занятий по формированию умений эффективного применения АР с особым акцентом на использование в процессе практических занятий метода ситуационного моделирования.

Для проверки данной гипотезы профессорско-преподавательским составом кафедры тактико-специальной подготовки Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина был организован и проведен эксперимент, направленный на проверку разработанной педагогической технологии по повышению уровня подготовленности сотрудников полиции, проходящих обучение на факультете профессиональной подготовки к действиям по применению аэрозольного распылителя в различных тактических ситуациях служебной деятельности.

Экспериментальная программа состояла из трех занятий (два двухчасовых и одно четырехчасовое, в академических часах).

На первом практическом занятии обучающиеся рассматривали юридические аспекты применения аэрозольного распылителя, изучали устройство газового баллончика и физиологическое воздействие ирританта на человека, меры безопасности при применении аэрозольного распылителя и порядок оказания доврачебной помощи при поражении раздражающим веществом. В конце занятия обучающиеся прошли тестирование по изучаемым вопросам. На данном этапе в основном применялись методы устной передачи информации (рассказ, объяснение, описание), а также наглядные методы обучения.

Следующее двухчасовое практическое занятие было направлено на формирование первоначального умения по извлечению аэрозольного распылителя из стандартного поясного чехла и из карманов одежды и последующему его эффективному применению по макету нарушителя. Основным являлся метод регламентированного упражнения без ограничения и с ограничением времени выполнения упражнений.

На заключительном этапе (четырёхчасовое практическое занятие) слушатели совершенствовали ранее изученные технические действия в изменяющихся условиях и в различных ситуациях, моделирующих предстоящую оперативно-служебную деятельность. Осуществлялось совершенствование техники извлечения и применение аэрозольного распылителя в движении после физической и координационной нагрузки в условиях активного сопротивления со стороны партнера, имитирующего действия нарушителя. Отрабатывались действия по применению аэрозольного распылителя с учетом направления ветра, изучались варианты выполнения выхода из образовавшегося облака раздражающего вещества и т.д. Наряду с повторным и интервальным методами, активно применялся метод ситуационного моделирования [3].

При проведении занятий применялись учебные газовые баллончики, баллончики с краской для определения точности попадания рабочего вещества на мишень и парфюмерные аэрозольные распылители.

В начале и в конце обучения слушатели экспериментальной группы были протестированы по трем упражнениям:

– извлечение и применение аэрозольного распылителя на месте по стационарной мишени;

– извлечение и применение аэрозольного распылителя после физической нагрузки (отжимания, подъем туловища из положения лежа на спине, поднос ног

к животу из положения упор лежа, приседания с выпрыгиванием);

– извлечение и применение аэрозольного распылителя в движении, при отходе назад (дистанция отхода 5 м).

По итогам проделанной работы были получены следующие результаты и сформулированы выводы.

Проведение занятий по экспериментальной программе позволило:

а) сократить среднее время извлечения и применения аэрозольного распылителя:

– на 1,13 секунды в первом упражнении;

– на 0,97 секунды во втором упражнении;

– на 1,37 секунды в третьем упражнении;

б) практически исключить случаи неправильного хвата баллончика, выражающиеся в перекрытии сопла распылителя или направлении сопла в сторону от цели (на первоначальном этапе эксперимента зафиксировано 8 случаев неправильного захвата (16,7%)). При n=48 чел.;

в) применение метода ситуационного моделирования позволило максимально полно использовать принцип практической направленности обучения (учить тому, что необходимо в предстоящей профессиональной деятельности);

г) по отзывам обучающихся они стали себя чувствовать более уверенно в ситуациях, сопряженных с возможным применением физической силы и специальных средств.

Таким образом, на основании результатов проведенного эксперимента можно утверждать, что для формирования навыка применения аэрозольного распылителя характерны те же педагогические этапы освоения, что и для любого разучиваемого двигательного действия [2, 8, 10, 11]. Проведение практических занятий (тренировок), направленных на освоение действий с аэрозольным распылителем, будет способствовать повышению эффективности действий сотрудни-

ков полиции, связанных с его применением данного специального средства при силовом пресечении правонарушений.

Выводы

Результаты проведенного исследования по повышению эффективности процесса профессиональной подготовки сотрудников полиции к силовому пресечению противоправных проявлений и нейтрализации активного сопротивления со стороны нарушителя за счет альтернативных педагогических технологий, направленных на формирование тактико-технических умений с аэрозольным распылителем позволяют нам сделать следующие выводы:

– согласно данным анкетирования, 96% опрошенных считают, что аэрозольный распылитель является эффективным средством пресечения агрессивных действий правонарушителя, позволяющим в ходе силового пресечения противоправных действий минимизировать причиняемый вред в отношении самого нарушителя и обеспечить достаточный уровень личной безопасности для сотрудника полиции;

– аэрозольный распылитель практически всегда применяется при осложнении оперативной обстановки (в условиях

силового противостояния) под влиянием сбивающих объективных и субъективных факторов, характерных для экстремальных ситуаций;

– в связи с воздействием негативных (сбивающих) факторов повышенные требования предъявляются к практическим умениям по применению аэрозольного распылителя в различных тактических ситуациях;

– целенаправленное педагогическое воздействие, направленное на формирование умений и навыков применения аэрозольного распылителя, позволяет интенсифицировать процесс профессиональной подготовки сотрудников полиции и повысить степень их готовности к силовому пресечению правонарушений с применением специальных газовых средств;

– разработка научно обоснованной методики по проведению тренировочных занятий с сотрудниками полиции по применению данного вида специальных средств с использованием метода ситуационного моделирования является насущной необходимостью, позволяющей повысить эффективность действий и уровень личной безопасности сотрудников полиции при решении служебных задач в экстремальных условиях профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Амельчаков И.Ф. Совершенствование системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации // Профессионал. 2007. № 6. С. 39–41.
2. Кустов П. В., Силкин Н. Н. Содержание профессиональной подготовки сотрудников полиции к служебной деятельности в условиях повышенного риска // Вестник современных исследований. 2019. № 3.11(30). С. 112-114.
3. Тарасенко А. А., Еремина А. С. О подготовке сотрудников ОВД к применению специальных газовых средств // Совершенствование огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов: сборник материалов Всероссийской конференции, Орел, 19 мая 2022 года. Орёл: Орловский юридический институт Министрства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2022. С. 189-193.
4. Применение веществ раздражающего действия в целях самозащиты / А.С. Ведмеденко, П.Л. Колесниченко, С.В. Базанов, В.О. Войханский // Бривитер: коротко о главном. 2008. № 1. С. 37-39.

5. Санкин Ю.И., Чуваткин Н.Н. Жидкий состав раздражающего действия для средств самозащиты. Патент на изобретение RU 2381205 С1, 10.02.2010. Заявка № 2008128652/02 от 14.07.2008.
6. Хомяков Э.Г. Специальные средства правоохранительных органов. Ижевск.: Издательский дом "Удмуртский университет", 2020. 122 с.
7. Попов Г.И., Самсонова А.В. Биомеханика двигательной деятельности. М.: Издательский центр «Академия», 2011. 320 с.
8. Процесс формирования и совершенствования двигательных действий: особенности и приоритеты / С. Н. Никитин, Н. Ф. Носов, С. П. Сидоренко [и др.] // Автономия личности. 2010. Т. 1. № 1. С. 6–12.
9. Теория и методика физической культуры / под ред. Л.П. Матвеева. М.: Физкультура и спорт, 1991. 543 с.
10. Томилов В.Н. Принципы формирования рациональных двигательных действий в спорте. Самара : Офорт, 2007. 115 с.
11. Васильев В. В., Вызулин Е. А. Проблемы профессиональной подготовки сотрудников Российской полиции // Российская полиция: три века служения Отечеству: материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции, Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 года / под ред. Н.С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 1484–1487.
12. Батырев В.В. Основы противохимической защиты населения в чрезвычайных ситуациях. М.: ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2010. 212 с.

References

1. Amel'chakov I.F. Sovershenstvovanie sistemy professional'noj podgotovki, perepodgotovki i povysheniya kvalifikacii [Improving the system of vocational training, retraining and advanced training]. *Professional = Professional*, 2007, no. 6, pp. 39–41.
2. Kustov P. V., Silkin N. N. Soderzhanie professional'noj podgotovki sotrudnikov policii k sluzhebnoj deyatelnosti v usloviyah povyshennogo riska [The content of professional training of police officers for official activities in high-risk conditions]. *Vestnik sovremennyh issledovanij = Bulletin of Modern Research*, 2019, no. 3.11(30), pp. 112-114.
3. Tarasenko A. A., Eremina A. S. O podgotovke sotrudnikov OVD k primeneniyu special'nyh gazovyh sredstv [On the preparation of police officers for the use of special gas means]. *Sovershenstvovanie ognevoj i taktiko-special'noj podgotovki sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: Sbornik materialov Vserossijskoj konferencii* [Improvement of fire and tactical special training of law enforcement officers. Collection of materials of the All-Russian Conference]. *Oryol*, 2022, pp. 189-193.
4. Vedmedenko A.S., Kolesnichenko P.L., Bazanov S.V., Vojhanskij V.O. Primenenie veshchestv razdrzhayushchego dejstviya v celyah samozashchity [The use of irritating substances for self-defense]. *Breviter: korotko o glavnom = Breviter: briefly about the main thing*, 2008, no. 1, pp. 37-39.
5. Sankin Yu.I., Chuvatkin N.N. Zhidkij sostav razdrzhayushchego dejstviya dlya sredstv samozashchity [Liquid composition of irritating action for self-defense]. Patent na izobretenie RU 2381205 С1, 10.02.2010. Zayavka № 2008128652/02 ot 14.07.2008.
6. Homjakov E.G. *Special'nye sredstva pravoohranitel'nyh organov* [Special means of law enforcement agencies]. Izhensk, Izdatel'skij dom "Udmurtskij universitet" Publ., 2020. 122 p.

7. Popov G.I., Samsonova A.V. *Biomekhanika dvigatel'noj deyatel'nosti* [Biomechanics of motor activity: studies. for students. institutions of higher Prof. education]. Moscow, Izdatel'skij centr "Akademiya" Publ., 2011. 320 p.

8. Nikitin S. N., Nosov N. F., Sidorenko S. P. [at all] Process formirovaniya i sovershenstvovaniya dvigatel'nyh dejstvij: osobennosti i priority [The process of formation and improvement of motor actions: features and priorities]. *Avtonomiya lichnosti = Personal Autonomy*, 2010, vol. 1, no. 1, pp. 6–12.

9. *Teoriya i metodika fizicheskoj kul'tury* [Theory and methodology of physical culture]; ed. by L.P. Matveeva. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1991. 543 p.

10. Tomilov V.N. *Principy formirovaniya racional'nyh dvigatel'nyh dejstvij v sporte* [Principles of formation of rational motor actions in sports]. Samara, Ofort Publ., 2007. 115 p.

11. Vasil'ev V. V., Vyzulin E. A. Problemy professional'noj podgotovki sotrudnikov Rossijskoj policii [Problems of professional training of Russian police officers]. *Rossijskaya policiya: tri veka sluzheniya Otechestvu. Materialy yubilejnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 300-letiyu rossijskoj policii*. [Russian Police: Three Centuries of Service to the Fatherland. Materials of the jubilee international scientific conference dedicated to the 300th anniversary of the Russian Police]; ed. by N.S. Nizhnik. Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii Publ., 2018, pp. 1484–1487.

12. Batyrev V.V. *Osnovy protivohimicheskoj zashchity naseleniya v chrezvychajnyh situacijah* [Fundamentals of chemical protection of the population in emergency situations]. Moscow, FGU VNII GOCHS (FC) Publ., 2010. 212 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Кириченко Юлия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры тактико-специальной подготовки, Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: julija.kirichenko@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-6309-1067

Yulia N. Kirichenko, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the department of tactical and special preparation, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin", Belgorod, Russian Federation, e-mail: julija.kirichenko@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-6309-1067

Тарасенко Александр Алексеевич, кандидат педагогических наук, начальник кафедры тактико-специальной подготовки, Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: A.A.Tarasenko777@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5996-9420

Alexander A. Tarasenko, Cand. of Sci. (Pedagogical), head of the department of tactical and special preparation, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin", Belgorod, Russian Federation, e-mail: A.A.Tarasenko777@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5996-9420

Ламанов Евгений Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: lamanov_evgeny@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6222-8057

Evgeny N. Lamanov, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the department of theory and history of state and law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: lamanov_evgeny@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6222-8057

Оригинальная статья / Original article

УДК 372.881.111.1

Формирование грамматической компетенции студентов-журналистов на основе использования просодических характеристик грамматических структур**О. Ю. Черникова¹ ✉, М. В. Громенко¹**

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: chernikovaolga76@gmail.com

Резюме

Особую актуальность на сегодняшний день представляют исследования, посвященные анализу различных подходов к обучению грамматике, так как грамматическая компетенция является одной из важнейших составляющих коммуникативной компетенции. Следовательно, знание грамматики – это не просто знание формальных правил, но и умение применять эти правила в реальном общении, используя адекватные коммуникативной ситуации лексические, морфологические, синтаксические и фонологические средства. Бесспорно, необходима такая организация процесса иноязычного образования, в которой каждый из его аспектов будет формироваться с учетом коммуникативного статуса и естественных механизмов его усвоения.

Достижение данной цели возможно с учетом соблюдения общих закономерностей познания в процессе обучения. Авторы подробно рассматривают вопрос о том, какие общие закономерности познания актуальны при формировании грамматической компетенции.

Также в статье рассматриваются и анализируются требования современной методики обучения иностранному языку с учетом специфики речемыслительных процессов и комплексного интерактивного характера усвоения разных аспектов иностранного языка. Утверждается, что формирование грамматической компетенции – это особый вид познавательной деятельности, в процессе которой происходит накопление подсознательных образов и представлений. Именно этот процесс представляется базовым для формирования грамматической компетенции.

По данным психо- и нейролингвистики, механизмы речепорождения на глубинном уровне связаны с произносительными основами речи. В ходе обучения грамматике процессы грамматического и просодического оформления высказывания должны взаимодействовать. Организация такого взаимодействия требует выявления структуры речевой деятельности, этапов порождения речевого высказывания в реальном общении.

Ключевые слова: грамматика; методика преподавания; грамматическая компетенция.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Черникова О. Ю., Громенко М. В. Формирование грамматической компетенции студентов-журналистов на основе использования просодических характеристик грамматических структур // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 144-153.

Статья поступила в редакцию 06.09.2022

Статья подписана в печать 08.11.2022

Статья опубликована 21.12.2022

© Черникова О. Ю., Громенко М. В., 2022

Formation of Students' Grammatical Competence Based on the use of Prosodic Characteristics of Grammatical Structures

Olga Y. Chernikova¹, Maria V. Gromenko¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: chernikovaolga76@gmail.com

Abstract

Of particular relevance today are studies devoted to the analysis of approaches to teaching grammar, since the purpose of teaching grammar is the formation of grammatical competence. Therefore, knowledge of grammar is not just knowledge of formal rules, but also the ability to apply these rules in real communication, using lexical, morphological, syntactic and phonological means adequate to the communicative situation. Undoubtedly, it is necessary to organize the process of foreign language education in which each of its aspects will be formed taking into account the communicative status and natural mechanisms of its assimilation.

Achieving this goal is possible if the general laws of cognition are observed. The formation of grammatical competence is a cognitive process that has its own specifics, it is a special kind of cognitive activity through the accumulation of subconscious images and ideas.

The article discusses and analyzes the requirements of modern methods in teaching a foreign language, taking into account the specifics of speech-thinking processes and the complex interactive nature of mastering various aspects of a foreign language. It is argued that the formation of grammatical competence is a special kind of cognitive activity, during which there is an accumulation of subconscious images and ideas. It is this process that seems to be the basic one for the formation of grammatical competence.

In the course of teaching grammar, the processes of grammatical and prosodic formalization of an utterance should interact. The organization of such interaction requires the identification of the structure of speech activity, the stages of the generation of speech utterance in real communication.

Keywords: grammar; teaching methods; grammatical competence.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Chernikova O. Y., Gromenko M. V. Formation of Students' Grammatical Competence Based on the use of Prosodic Characteristics of Grammatical Structures. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022, 12(4): 144–153 (In Russ.).

Received 06.09.2022

Accepted 08.11.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

Грамматика играет в языке очень важную роль. Она присутствует во всех сферах языка. Нельзя научить читать, писать, говорить или аудировать без знания грамматики. «Грамматика – это рамки, в которых функционирует язык. Учить языку без грамматики, все равно что учить ходить цыпленка без костей» [1, с. 5]. Вопрос заключается в том, как сделать это обучение более эффективным. Существующие подходы к обучению грамма-

тике, как правило, не обеспечивают достаточной прочности грамматических навыков и развития требуемых умений. Нередки случаи, когда обучающиеся хорошо знают грамматическое правило, умеют образовывать изученную грамматическую форму, однако не умеют воспроизводить её при построении самостоятельного высказывания (как устного, так и письменного), не узнают при восприятии аутентичной иноязычной речи.

Указанные проблемы, по нашему мнению, объясняются неадекватностью используемых приемов цели обучения иностранному языку. Напомним, что эта цель – обучение общению на иностранном языке, т.е. формирование иноязычной коммуникативной компетенции. Целью же обучения грамматике является формирование грамматической компетенции. В настоящее время накоплен значительный запас информации о природе и механизмах формирования грамматической компетенции.

Материалы и методы

Грамматическую компетенцию С. Савиньон в книге «Коммуникативная компетенция: теория и практика обучения» определяет как владение лингвистическим кодом, то есть способность узнавать лексические, морфологические, синтаксические и фонологические особенности языка и оперировать ими на уровне слов и предложений» [1, с. 8]. Следовательно, знание грамматики – это не просто знание формальных правил, но и умение применять эти правила в реальном общении, используя адекватные коммуникативной ситуации лексические, морфологические, синтаксические и фонологические средства. Очевидно, необходима такая организация процесса иноязычного образования (Пассов Е.И.), в которой каждый из его аспектов будет формироваться с учетом коммуникативного статуса и естественных механизмов его усвоения [2]. Это соответствует требованиям современной методики о том, что в обучении иностранному языку следует учитывать специфику речемыслительных процессов и комплексный интерактивный характер усвоения разных аспектов иностранного языка.

По данным психо- и нейролингвистики, механизмы речепорождения на глубинном уровне связаны с произносительными основами речи. В частности, Е.Д. Хомская пишет, что в процессе овладения языком слуховая афферента-

ция является базальной для овладения разговорной речью. «По мере овладения иностранным языком человек учится слышать.» [3]. Речевой слух применительно к грамматическому оформлению речи – это, прежде всего, интонационный слух. Интонация, как элемент просодии, имеет функциональный характер и служит средством реализации прагматической ориентации высказывания. В.А. Артемов определяет интонацию как «такое наблюдаемое в устной речи явление языка, при помощи которого смысловое содержание предложения, его коммуникативное значение, лексический состав и модальность получают в определяющем контексте или ситуации свое конкретное выражение» [4]. Из этого следует, что коммуникативная сторона грамматики выражена с помощью просодии.

Таким образом, можно считать, что в обучении грамматике процессы структурного (т.е. грамматического) и интонационного (просодического) оформления высказывания должны каким-то образом взаимодействовать. Организация такого взаимодействия требует выявления структуры речевой деятельности, этапов порождения речевого высказывания в реальном общении. А.А. Леонтьев описывает три фазы порождения речевого высказывания:

- 1) интенционное планирование;
- 2) языковая подготовка;
- 3) моторно-акустическая реализация речи.

На первой фазе уже присутствуют ритмико-тонические представления. При переходе от первой фазы ко второй и к третьей, считает Леонтьев, функция этих представлений все время возрастает. Внутренняя интонационная артикуляция является важным фактором всей структуры будущего высказывания и стиля речи [5]. Таким образом, структурные характеристики речи проявляются как на грамматическом, так и на фонетическом уровне, то есть грамматическое и просодическое оформление высказывания глубоко

связаны на уровне интенции. Исходя из этого, возникает проблема такой организации процесса формирования грамматической компетенции, которая бы позволила реализовать эту глубинную связь.

Результаты и обсуждение

По нашему мнению, достичь этой цели можно только учитывая общие закономерности познания. Очевидно, что формирование грамматической компетенции есть познавательный процесс, обладающий своей спецификой. «Способность интерпретировать общую модель познавательных процессов под углом зрения конкретного аспекта деятельности предъявляет новые требования к познавательной культуре учителя» [6]

Какие же общие закономерности познания актуальны при формировании грамматической компетенции? Работа сознания подчинена универсальным законам жизнедеятельности. Жизнедеятельность человека в материальной, социальной и духовной сфере носит приспособительный характер [7, с. 236]. При освоении и осмыслении среды сознание самоорганизуется и самонастраивается. Как показывают исследования, осмысление реальности – это процесс, осуществляемый одновременно при помощи мыслительных операций, эмоциональных оценок, работы воображения и ощущений [8, с. 70–74]. Результатом этого процесса неизбежно является накопление орудий поиска, средств, от адекватности которых зависит дальнейшее познание. Эти инструменты познания специфичны для каждого конкретного вида познавательной деятельности. Кроме того, восприятие индивидом внешнего происходит не на уровне фактического, а на уровне преобразованного нервной системой, поэтому в процессе обучения формируются индивидуальные инструменты познания на основе систематизации признаков среды. Этот процесс можно представить как постепенное обобщение опыта, самонастройку и саморегуляцию [9, с. 39].

Средства познания индивида формируются в три этапа.

На первой, чувственной ступени познания, сознание как саморегулирующаяся система «упорядочивает сенсорное восприятие до образов» [10, с. 106]. Чувственные данные играют для нашего мышления роль, аналогичную той, которую играет пища для пищеварения [11, с. 10].

В структуре познавательной деятельности опыт накопления в подсознании чувственных образов носит субъективный характер и осуществляется на основе свертывания процессов идентификации действий путем автоматически точного воспроизведения в памяти доминантной составляющей цели [12, с. 101]. Первичные чувственные образы являются образами цели. Накапливаясь, образы цели формируют первичный запас предположительного знания, которое является основой антиципации.

На следующей ступени познания образы обогащаются и трансформируются в контексте деятельности субъекта. В саморазвивающихся системах происходит прогрессирующая координация сенсомоторных схем, усложнение структур, структурная перестройка [9, с. 70]. Образ трансформируется в представление – вторичный, фиксированный образ предмета. Представления – это схема действительности, где максимум информации заключен в минимуме элементов. Представления, основанные на концептуальных моделях, позволяют оперировать накопленным образным содержанием. Образ цели обогащается оперативными действиями и становится парадигмой действия.

При последующем обобщении опыта происходит «отслаивание» образов и представлений и формируются воображение и чувственная фантазия, необходимые компоненты познавательной деятельности. Эмпирическое обобщение опыта, закладывающее основы воображения, происходит на уровне подсознания. Индивидуально освоенное на подсознательном

уровне приобретает императивность и жесткость, отсюда, например, иллюзия врожденности грамматических структур, усвоенных ребенком путем имитации [13, с. 110].

На основе сформированного воображения и чувственной фантазии осуществляется переход к логическим формам мышления, рациональному исследованию и обобщению представлений в понятия. Абстрактное понятие – высшая форма обобщения опыта. Оно характерно для словесно-логического уровня познавательной деятельности. Формирование понятий осуществляется на уровне сознания.

Выполнение творческой спонтанной деятельности захватывает данные всех уровней и работает в режиме «сверхсознания», которое питается материалом, накопленным в «сознании» и «подсознании» [13].

Итак, основой деятельности сознания является систематизация и самоорганизация, а ее мотивом – освоение среды. Структура познавательной деятельности включает: 1) подсознательный этап накопления и систематизации образов и представлений; 2) осознаваемый этап обобщения представлений и понятий в системное знание, формирующее модель деятельности (фрейм); 3) творческий этап манипулирования образами, представлениями и понятиями в контексте доминирующей цели деятельности, осуществляемый на уровне «сверхсознания».

Формирование познавательных средств осуществляется на всех уровнях познания: образы и представления, накапливаемые подсознанием, выступают в качестве элементов освоения среды и развития воображения и выполняют функцию подсознательного контроля над выполнением действий; понятия и идеи, формируемые и интегрируемые во фреймы на сознательном уровне, служат инструментами сознательного управления параметрами деятельности; идеальный образ результата, формируемый сверхсознанием,

управляет способностью творческого использования образов, представлений, понятий и знаний» [6].

Формирование грамматической компетенции – это особый вид познавательной деятельности. Как уже говорилось, на первом этапе познавательной деятельности происходит накопление подсознательных образов и представлений. В терминах коммуникативной методики преподавания иностранного языка – это этапы восприятия и имитации грамматической структуры [14], которые, к сожалению, часто опускаются в существующей практике обучения. Именно процесс накопления слуховых образов грамматических структур представляется нам базовым для формирования грамматической компетенции.

Исходя из этого, процесс овладения грамматической структурой должен начинаться с восприятия ее просодических характеристик в звучащем тексте. Причем, как доказывает психолингвистическая теория восприятия речи «на стадии формирования перцептивного образа-эталона участие моторного компонента обязательно» [5, с. 129]. То есть при восприятии текста осуществляется внутренняя интонационная артикуляция. Таким образом, формируются ритмико-тонические представления о той или иной грамматической структуре. Значит, первичные образы грамматических структур – это их интонационные образы. Очевидно, что интонационные средства, при помощи которых оформляется одна и та же грамматическая структура, будут специфичны для каждой конкретной коммуникативной ситуации. Накопив достаточное количество интонационных образов, обучающиеся уже будут подготовлены к работе с данной грамматической формой на последующих этапах: сознательного управления её употреблением в условно-речевых упражнениях (стадии подстановки, трансформации и репродукции) и творческим использованием в речи (стадия комбинирования). Чем богаче и раз-

нообразнее накопленные образы, тем больше возможностей для самоконтроля и творческой деятельности, тем легче переход к абстрактно-логическому уровню оперирования грамматическими структурами.

Для реализации задачи накопления интонационных образов грамматических структур целесообразно использовать имплицитный подход к обучению грамматике английского языка, который предполагает использование ситуативного и коммуникативного методов.

Суть ситуативного метода раскрывает следующая последовательность действий: 1) прослушивание речевых образцов или текста, содержащего новую грамматическую структуру; 2) повторение образцов за преподавателем с обязательной имитацией интонации (ударных слов, движения основного тона, пауз); 3) выполнение вопросно-ответных упражнений с использованием только что изученной грамматической структуры.

При использовании коммуникативного метода грамматические явления изучаются и отрабатываются в процессе общения на иностранном языке. В основе также лежит прослушивание обучающимися определенного текста, в котором часто используется грамматическая структура, подлежащая изучению на данном этапе. Далее следует имитация текста с соответствующими просодическими характеристиками (ударными словами, движением основного тона, ритмом, паузами). Следующий этап предполагает группирование схожих по смыслу фраз для создания речевой ситуации.

При использовании имплицитного подхода, правила формулируют сами обучающиеся, проверяя впоследствии свои догадки при изучении соответствующего грамматического правила. Далее проводится работа над автоматизацией изученных грамматических структур при помощи различных подстановочных и трансформационных упражнений.

Данный подход применяется нами в практике преподавания иностранного языка (английского) студентам, обучающимся по направлению подготовки 42.03.02 Журналистика, направленность (профиль) «Мультимедийная и традиционная журналистика». Целесообразность его применения не вызывает сомнений, поскольку целью изучения дисциплины «Иностранный язык» является, в частности совершенствование навыков коммуникации в устной и письменной формах на иностранном языке для академического и профессионального взаимодействия, что подразумевает решение таких задач, как усвоение обучающимися языкового материала; овладение разными видами речевой деятельности; формирование умений эффективного и адекватного оперирования лексическим (в том числе терминологическим) и грамматическим минимумом. В процессе изучения дисциплины обучающиеся должны усвоить языковой материал и овладеть навыками использования в речи грамматических элементов и структур из следующих разделов: личные и притяжательные местоимения, множественное число существительных, исчисляемые и неисчисляемые существительные, притяжательных падеж, спряжение глаголов “to be” и “to have”, порядок слов в английском предложении, типы вопросов, видо-временные формы глагола, повелительное наклонение, степени сравнения прилагательных и наречий, пассивный залог, числительные, модальные глаголы, причастие первое и второе, герундий, условные придаточные предложения.

В качестве примера приведем план практического занятия по теме «The Present Simple Tense. The world of work» со студентами 1 курса, обучающимися по направлению подготовки 42.03.02 Журналистика, направленность (профиль) «Мультимедийная и традиционная журналистика».

Цель занятия: овладеть основными лексико-грамматическими конструкциями

ми (утвердительные и вопросительные предложения (общие и специальные вопросы), необходимыми для построения монологических и диалогических высказываний по теме «TheWorldofWork».

I. Warmingup/Разминка.

1) Повторите за преподавателем следующие вопросы и ответы с соответствующей интонацией. Обратите внимание на то, какие слова ударны, а какие - безударны.

1. What is your mother's job? – My mother is a doctor.

2. What is your father's job? – My father is an accountant.

3. What does your sister do? – She is an English teacher. She works at school.

4. What is your future profession? – I will be a journalist.

2) Ответьте на вопрос: “What are your relatives' jobs?”. Преподаватель контролирует интонационное оформление ответов обучающихся и просит повторить предложение с правильным ритмико-тоническим оформлением в случае, если последние допускают ошибки.

II. Работа с текстом.

1. Прослушайте и прочитайте тексты о профессоре музыки Иштване Кише и враче Памеле Грин. Обратите внимание на интонацию (ударные слова, движение

основного тона, паузы). Подчеркните ударные слоги. Повторите за диктором, имитируя его произношение.

IstwanKis

Istwan is a music professor. He comes from Budapest in Hungary, but now he lives in the USA. He works four days a week at the University of Texas, Austin. He speaks three languages: Hungarian, English and German. He's married to an American and has a daughter. He likes playing tennis in his freetime.

Pamela Green

Pamela is a doctor. She's Canadian, but now she lives in a small town near Nairobi, Kenia, in East Africa. She isn't an ordinary doctor, she's a flying doctor. Every day from 8 a.m. to 10 a.m. she speaks to people on her radio, then she flies to help them. She works 16 hours a day non-stop, but she loves her job. She isn't married. She has no freetime [15].

2. Подчеркните в тексте все глаголы. Обратите внимание, что все они заканчиваются на букву “s”, которая произносится как [-s] или [-z], при этом подлежащее в каждом предложении с такими глаголами выражено местоимением 3 лица единственного числа или существительным, которое можно заменить таким местоимением. Послушайте и запишите глаголы в 2 колонки.

[s]	[z]
<u>works</u>	<u>flies</u>
_____	_____
_____	_____
_____	_____

3. Послушайте вопросы и ответы. Обратите внимание на ударные слова, движение основного тона в вопросительных и утвердительных предложениях.

- **Where** does **Istwan** **come** from? – He **comes** from **Budapest**, **Hungary**.

- **What** does he **do**? – He's a **music** **professor**.

- **Does** he **speak** **German**? – **Yes**, he **does**.

- **Does** he **speak** **Spanish**? – **No**, he **doesn't**. He **doesn't** **speak** **Spanish** or **French**.

4. Прослушайте и прочитайте рассказ юриста Кери Биван о своей рабочей неделе. Обратите внимание на интона-

цию (ударные слова, движение основного тона, паузы). Подчеркните ударные слоги. Повторите за диктором, имитируя его произношение.

“**Povemyjob!**”

“I **love** my **job** as a **family lawyer**, because I **like** **helping people**. But I **love** **playing rugby**, **too**, so my **life** is **very busy!**”

Every **lunchtime** I **go** **running** in the **park** near my **office**. On **Monday** and **Thursday evenings** I **go** to the **swimming pool** with my **boyfriend Alex**.

On **Tuesday** and **Friday mornings** I **get up** at **5.30** and **go** to the **gym** before **work**. And on **Wednesday evenings** I **play** with my **team** at the **club**.

On **Friday evenings** I just **relax**, because I'm **usually very tired!** I **sometimes visit** my **sister**. She **lives** in the **centre** of **Cardiff, too**. Or I **cook** a **nice dinner** at **home** with **Alex**. We **love cooking**. After **dinner** we **often watch** a **DVD**.

We **never go out** on **Saturday evenings**, because I **always play** in a **match** on **Sundays**. I **want** our **team** to **win** the **next World Cup!**”[15]

5. Подчеркните в тексте все глаголы. Обратите внимание на то, что большинство из них стоят в форме инфинитива без частицы “to”, так как подлежащее в них – это местоимение 1 лица единственного и множественного числа.

6. Послушайте и прочитайте вопросы и ответы. Обратите внимание на ударные слова, движение основного тона в вопросительных и утвердительных предложениях.

- **Where** do you **work**? – I **work** in **Cardiff**.

- **Do** you **like** your **work**? – **Yes**, I **do**.

- **Do** you **relax** at **weekends**? – **No**, I **don't**.

- **Why don't** you **relax** at **weekends**? – **Because** I **play** **rugby**.

III. Формулирование грамматического правила. Автоматизация и отработка грамматической структуры в упражнениях.

1. Сформулируйте правило про образование и использование The Present Simple Tense. Проверьте себя по учебнику.

2. Выполните подстановочные и трансформационные упражнения.

Выводы

Таким образом, восприятие в тексте и интонационная отработка грамматической структуры должны опережать изучение формальных признаков (т.е. грамматических правил). Слуховые образы грамматических структур – это материал, необходимый сознанию для последующей обработки, направленной на выведение алгоритма построения и употребления этих структур в речи. На этапе сознательного оперирования грамматической формой слуховой образ-эталон помогает контролировать правильность оформления модели. Такой порядок освоения грамматических форм соответствует общим закономерностям познавательной деятельности, не вступает в противоречие с естественными механизмами деятельности сознания при освоении иноязычной коммуникативной среды, а значит, обеспечивает более прочное их усвоение и закладывает основу прагматически оправданного употребления этих форм в речи.

Список литературы

1. Savignon S.J. Communicative Competence: Theory and Classroom Practice. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Company, 1983.
2. Пассов Е.И. Сорок лет спустя или сто и одна методическая идея. М.: ГЛОССА-ПРЕСС, 2006. 240 с.
3. Хомская Е. Д. Нейропсихология: 4-е издание. СПб.: Питер, 2005 496 с.

4. Артемов В.А. Психология обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1969. 279 с.
5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 285 с.
6. Павлова С.В. Формирование произносительных основ иноязычной речи: методология и стратегия. Курск, 2002. 164 с.
7. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. М., 1974.
8. Lynne T. Diaz-Rico, Katrin Z. Weed. The Crosscultural, Language and Academic Development Handbook, Massachusetts, 1995.
9. Аверьянов А.Н. Системное познание мира. М., 1985.
10. Налимов В.В. В поисках смыслов. М.: Прогресс. 1993.
11. Ф. де Соссюр. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 1990.
12. Карташев В.А. Система систем. Очерки общей методологии. М: Прогресс-Академия, 1995.
13. Симонов П.К. Неосознаваемое психическое: подсознание и сверхсознание // Кибернетика живого: человек в разных аспектах. М., 1985.
14. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989.
15. New Headway, Elementary, Students' book, Third edition, Soars J., Soars L., 2010.

References

1. Savignon S.J. Communicative Competence: Theory and Classroom Practice. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Company, 1983.
2. Passov E.I. *Sorok let spustya ili sto i odna metodicheskaya ideya* [Forty years later or a hundred and one methodological idea]. Moscow, GLOSS-PRESS Publ., 2006. 240 p.
3. Chomskaya E. D. *Nejropsihologiya* [Neuropsychology]. St. Petersburg, Peter Publ., 2005. 496 p.
4. Artemov V.A. *Psihologiya obucheniya inostrannym yazykam* [Psychology of teaching foreign languages] Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969. 279 p
5. Leontiev A.A. *Osnovy psiholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., 1997. 285 p.
6. Pavlova S.V. *Formirovanie proiznositel'nyh osnov inoyazychnoj rechi: metodologiya i strategiya* [Formation of the pronouncational foundations of foreign language speech: methodology and strategy]. Kursk, 2002. 164 p.
7. Nalimov V.V. *Veroyatnostnaya model' yazyka* [Probabilistic model of language]. Moscow, 1974.
8. Lynne T. Diaz-Rico, Katrin Z. Weed. The Crosscultural, Language and Academic Development Handbook, Massachusetts, 1995.
9. Averyanov A.N. *Sistemnoe poznanie mira* [System cognition of the world]. Moscow, 1985.
10. Nalimov V.V. *V poiskah smyslov* [In search of meanings]. Moscow, Progress Publ., 1993
11. F. de Saussure. *Zametki po obshchej lingvistike* [Notes on general linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1990.
12. Kartashev V.A. *Sistema sistem. Ocherki obshchej metodologii* [System of systems. Essays on general methodology]. Moscow, Progress Academy Publ., 1995.
13. Simonov P.K. Neosoznavaemoe psihicheskoe: podsoznanie i sverhsoznanie. [Unconscious mental: subconsciousness and superconsciousness]. *Kibernetika zhivogo: chelovek v raznyh aspektah* [Cybernetics of the living: a person in different aspects]. Moscow, 1985.

14. Passov E.I. *Osnovy kommunikativnoj metodiki obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu* [Fundamentals of communicative methods of teaching foreign language communication]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1989.

15. New Headway, Elementary, Students' book, Third edition, Soars J., Soars L., 2010.

Информация об авторах / Information about the Authors

Черникова Ольга Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: chernikovaolga76@gmail.com

Olga Y. Chernikova, Cand. of Sci. (Pedagogical), Associate Professor, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: chernikovaolga76@gmail.com

Громенко Мария Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: grommv@mail.ru

Maria V. Gromenko, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: grommv@mail.ru

УДК 159.942.33:159.944.4:378.37

Особенности влияния эмоционального интеллекта на психическое выгорание волонтеров в условиях профессионально ориентированной добровольческой деятельности

Л. Н. Молчанова¹ ✉, С. И. Черникова¹

¹Курский государственный медицинский университет
ул. К. Маркса, д. 3, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Резюме

Добровольческая деятельность выступает одним из приоритетных направлений реализации государственной молодежной политики Российской Федерации. Исследователи утверждают, что на данный момент на территории России добровольчество находится на пике своего развития, и рассматривают деятельность волонтера как ресурсное пространство для развития эмоционального интеллекта и мотивации у студенческой молодежи. Реализация добровольческой деятельности требует затрат большого количества эмоциональных ресурсов и контроля над эмоциями, их понимание и своевременную проработку с целью не навредить благополучателям. Вместе с тем излишний эмоциональный контроль и накопление эмоций ведет к бесконтрольному их проявлению и психическому выгоранию. Изучение эмоционального интеллекта волонтеров раскрывает возможности рассмотрения его как фактора возникновения психического выгорания и ресурса его преодоления. Так, целью исследования является изучение взаимосвязей эмоционального интеллекта и психического выгорания волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной и не связанной с профессией добровольческой деятельностью. В нем приняли участие 44 волонтера-медика в возрасте от 18 до 23 лет, обучающихся в ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России и 44 волонтера, не занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью, обучающихся в других учебных заведениях. Для сбора данных использовали наблюдение и беседу, а также стандартизированные психодиагностические методики исследования психического выгорания и эмоционального интеллекта. Обработка результатов осуществлялась с помощью методов описательной статистики, сравнительного (непараметрического критерия U Манна-Уитни), корреляционного и регрессионного видов анализа. Эмпирически доказано наличие статистически значимых корреляций между показателями эмоционального интеллекта и психического выгорания. Показатели межличностного эмоционального интеллекта свидетельствуют об эмпатичности волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной волонтерской деятельностью, об их понимании эмоций своих подопечных и знании, как при необходимости изменить эмоциональный фон. Способности понимать внутренние состояния других людей, поддерживать собственные желательные и контролировать нежелательные эмоции выступают фактором устойчивости и преодоления психического выгорания.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; психическое выгорание; волонтеры; профессионально-ориентированная; непрофессионально-ориентированная добровольческая деятельность.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Молчанова Л. Н., Черникова С. И. Особенности влияния эмоционального интеллекта на психическое выгорание волонтеров в условиях профессионально ориентированной добровольческой деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 3. С. 154-167.

Статья поступила в редакцию 12.08.2022

Статья подписана в печать 30.09.2022

Статья опубликована 21.12.2022

© Молчанова Л. Н., Черникова С. И., 2022

Features of the Influence of Emotional Intelligence on the Mental Burnout of Volunteers in the Conditions of Professionally Oriented Volunteer Activity

Lyudmila N. Molchanova¹✉, Svetlana I. Chernikova²

¹Kursk State Medical University
3, K. Marx str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Abstract

Volunteering is one of the priority areas for the implementation of the state youth policy of the Russian Federation. The researchers argue that at the moment in Russia, volunteering is at its peak of development, and they consider the activity of a volunteer as a resource space for the development of emotional intelligence and motivation among students. The implementation of volunteer activities requires the expenditure of a large amount of emotional resources and control over emotions, their understanding and timely elaboration in order not to harm the beneficiaries. At the same time, excessive emotional control and accumulation of emotions leads to their uncontrolled manifestation and mental burnout. The study of the emotional intelligence of volunteers reveals the possibility of considering it as a factor in the occurrence of mental burnout and a resource for overcoming it. Thus, the purpose of the study is to study the relationship between emotional intelligence and mental burnout of volunteers engaged in professionally oriented and non-professional volunteer activities. It was attended by 44 medical volunteers aged 18 to 23 years old, studying at the Kursk State Medical University of the Ministry of Health of Russia and 44 volunteers who are not engaged in professionally oriented volunteer activities, studying at other educational institutions. Observation and conversation, as well as standardized psychodiagnostic methods for the study of mental burnout and emotional intelligence were used to collect data. The results were processed using the methods of descriptive statistics, comparative (non-parametric Mann-Whitney U test), correlation and regression types of analysis. The presence of statistically significant correlations between indicators of emotional intelligence and mental burnout has been empirically proven. Indicators of interpersonal emotional intelligence indicate the empathy of volunteers engaged in professionally oriented volunteer activities, their understanding of the emotions of their charges and knowledge of how to change the emotional background if necessary. The ability to understand the internal states of other people, maintain their own desirable and control unwanted emotions act as a factor in stability and overcoming mental burnout.

Keywords: *emotional intelligence; mental burnout; volunteers; professionally-oriented; non-professional-oriented volunteering.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Molchanova L. N., Chernikova S. I. Features of the Influence of Emotional Intelligence on the Mental Burnout of Volunteers in the Conditions of Professionally Oriented Volunteer Activity. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(4): 154–167 (In Russ.).

Received 12.08.2022

Accepted 30.09.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

Добровольческая деятельность выступает одним из приоритетных направлений реализации государственной молодежной политики Российской Федерации. Исследователи утверждают, что на сегодняшний день на территории России доб-

ровольчество находится на пике своего развития, и рассматривают деятельность волонтера как ресурсное пространство для развития эмоционального интеллекта и мотивации у студенческой молодежи [1].

В исследованиях, которые связаны с изучением личности волонтеров, в пер-

вую очередь, отмечается сильная выраженность эмоциональных мотивов [2], а также преобладание развивающих мотивов над мотивами поддержания. Таким образом, у волонтеров общественная полезность, творческая активность преобладают над социальным статусом и комфортом. В структуре ценностных ориентаций у волонтеров преобладает «Помощь и милосердие к другим людям», «Признание и уважение людей» [3]. Т.И. Богачева отмечает, что у людей, занимающихся добровольческой деятельностью высокий приоритет имеют семейные ценности, что обуславливает значимость доверительных отношений в семье, ответственность и любовь к близким [4].

Вместе с тем, реализация добровольческой деятельности требует затрат большого количества эмоциональных ресурсов, в результате чего происходит постепенное снижение вовлеченности волонтера в добровольческую деятельность. Причиной выступает внутреннее эмоциональное напряжение и эмоциональное истощение и выгорание.

Одним из направлений добровольческой деятельности выступает профессионально-ориентированное добровольчество. В данном случае, волонтерская деятельность реализуется в рамках своей будущей профессии. Преимуществом данного направления выступает возможность применить и отработать на практике получаемые профессиональные знания. Однако в связи с этим возрастает риск развития психического выгорания, поскольку оно непосредственно связано с системой профессионального становления личности [5].

Рассматривая структуру эмоционального выгорания, Маслач и Джексон описывают три компонента: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений. При этом, эмоциональное истощение проявляется в сниженном эмоциональном фоне, чувстве эмоционального перенапряжения и истощенности собственных ресурсов [6].

Библиометрический анализ публикационной активности ученых по проблеме психического выгорания волонтеров свидетельствует о низких ее показателях. Изучается психическое выгорание волонтеров, включенных в разные направления добровольческой деятельности, но собственно его структура, детерминанты и генезис изучению не подлежат.

В ходе библиометрического анализа в электронном информационном пространстве ELIBRARY.RU было выявлено, что общий объем публикаций по ключевому запросу «взаимосвязь эмоционального выгорания и эмоционального интеллекта» за последние 10 лет (2012–2022 гг.) составляет 61 источник из 39664437 имеющихся, где наибольшее количество приходится на рубрику «Психология» (30 статей). Из них 13 статей посвящено изучению эмоционального интеллекта волонтеров.

В источниках эмоциональный интеллект волонтера рассматривается, как умение распознавать, выражать и контролировать эмоциональную сферу [7], способность управлять своими эмоциями в экстренной ситуации и адаптировать с эмоциями других людей [8].

В ряде исследований эмоциональный интеллект рассматривается как сдерживающий фактор развития эмоционального выгорания [9].

По ключевому запросу «особенности влияния эмоционального интеллекта на выгорание волонтеров» в пространстве электронной библиотеки ELIBRARY.RU не выявлено ни одной публикации.

Таким образом, незначительное количество исследований в области эмоционального интеллекта волонтеров свидетельствует о недостаточной разработанности данной проблематики.

В результате, целью исследования выступает изучение взаимосвязей эмоционального интеллекта и психического выгорания волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной и не свя-

занной с профессией добровольческой деятельностью.

Объектом исследования выступает психическое выгорание волонтеров, а предметом – особенности влияния эмоционального интеллекта на психическое выгорание волонтеров в условиях профессионально ориентированной добровольческой деятельности.

Материалы и методы

Общий объем выборки участников исследования включал 88 волонтеров. Экспериментальную группу (ЭГ) составили 44 студента ФГБОУ ВО «Курского государственного медицинского университета», специальностей 37.05.01 Клиническая психология (20 человек) и 31.05.01 Лечебное дело (24 человека), занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью (волонтеры-медики) до 2 лет, в возрасте от 18 лет до 23 лет (40 девушек и 4 юноши). Контрольную группу (КГ) составили волонтеры Ресурсного центра добровольчества Курской области в возрасте от 18 до 23 лет (44 девушки), занимающихся непрофессионально-ориентированной добровольческой деятельностью. Базой исследования выступили ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России и АНО «Ресурсный центр добровольчества Курской области». Психодиагностика осуществлялась с использованием опросников «Профессиональное выгорание» (ПВ) (русскоязычная версия Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова) [5] и «Эмоциональный интеллект ЭМИн» (Д.В. Люсин) [10]. Полученные результаты обрабатывались с помощью компьютерной программы «Statistica 11.0». Используемые математические методы: описательная

статистика, сравнительный (непараметрический критерий U Манна-Уитни), корреляционный и регрессионный виды анализа.

Результаты и обсуждение

Диагностика психического выгорания волонтеров была проведена с помощью опросника «Профессиональное выгорание» (ПВ) (русскоязычная версия Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова) [5].

В экспериментальной группе показатели всех трех шкал психического выгорания засвидетельствовали средний уровень его выраженности: «Эмоциональное истощение»: $X_{\text{ср.}\pm\sigma_x}=20,91\pm10,092$; «Деперсонализация»: $X_{\text{ср.}\pm\sigma_x}=8,34\pm4,22$ и «Профессиональная успешность (редукция персональных достижений)»: $X_{\text{ср.}\pm\sigma_x}=34,7\pm4,73$ (табл. 1).

В контрольной группе также наблюдаются более низкие значения показателей по шкалам «Эмоциональное истощение» ($X_{\text{ср.}\pm\sigma_x}=15,75\pm9,96$) и «Деперсонализация» ($X_{\text{ср.}\pm\sigma_x}=5,7\pm4,5$) и средние по шкале «Профессиональная успешность (редукция персональных достижений)»: ($X_{\text{ср.}\pm\sigma_x}=35,3\pm9,02$), причем на статистическом уровне по шкалам «Эмоциональное истощение» ($U_{\text{эмп.}}=709,0$ при $p\leq 0,030$) и «Деперсонализация» ($U_{\text{эмп.}}=686,5$ при $p\leq 0,018$) (см. табл. 1).

Таким образом, волонтеры, занимающиеся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью, могут испытывать эмоциональную опустошенность и усталость, демонстрировать негативные и отстраненные установки в отношениях с субъектами своей деятельности. Кроме того, возможно снижение чувства собственной компетентности и продуктивности, что обусловлено отсутствием социальной поддержки и ресурсных возможностей.

Таблица 1. Средние значения и значимость различий и показателей психического выгорания волонтеров (U-критерий Манна-Уитни, $p \leq 0,05$; $U^*_{\text{эмп.}} \leq U_{\text{кр.}}$)

Table 1. Average values and significance of differences and indicators of mental burnout of volunteers (Mann-Whitney U-test, $p \leq 0.05$; $U^*_{\text{emp.}} \leq U_{\text{cr.}}$)

Наименование показателя	ЭГ		КГ		(1)-(2)	
	$\bar{X} \pm \sigma$	качественный	$\bar{X} \pm \sigma$	качественный	$U_{\text{эмп}}$	p
Эмоциональное истощение	20,91±10,09	средний	15,75±9,96	низкий	709,00*	0,030
Деперсонализация	8,34±4,22	средний	5,80±4,50	низкий	686,50*	0,018
Редукция профессиональных достижений	34,70±4,73	средний	35,30±9,02	средний	833,50	0,261
Общий индекс психического выгорания	63,95±11,98	средний	56,84±14,13	средний	794,00	0,146

Диагностика эмоционального интеллекта волонтеров осуществлялась с помощью опросника «Эмоциональный ин-

теллект ЭМИн» (Д. В. Люсин) [10] и выявила следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2. Средние значения и значимость различий показателей эмоционального интеллекта волонтеров (U-критерий Манна-Уитни, $p \leq 0,05$; $U^*_{\text{эмп.}} \leq U_{\text{кр.}}$)

Table 2. Average values and significance of differences in indicators of emotional intelligence of volunteers (Mann-Whitney U-test, $p \leq 0.05$; $U^*_{\text{emp.}} \leq U_{\text{cr.}}$)

Наименование показателя	ЭГ		КГ		(1)-(2)	
	$\bar{X} \pm \sigma$	качественный	$\bar{X} \pm \sigma$	качественный	$U_{\text{эмп}}$	p
Понимание чужих эмоций	23,30±0,63	среднее	24,66±4,49	среднее	733,00*	0,049
Управление чужими эмоциями	18,32±0,56	среднее	19,95±2,82	среднее	696,50*	0,022
Понимание своих эмоций	17,39±0,57	среднее	18,84±4,17	среднее	799,00	0,156
Управление своими эмоциями	12,89±0,44	низкое	14,59±3,67	среднее	689,00*	0,019
Контроль экспрессии	11,09±0,35	среднее	11,30±2,51	среднее	903,50	0,586
Межличностный эмоциональный интеллект	41,61±1,08	среднее	44,61±6,64	среднее	685,50*	0,018
Внутриличностный эмоциональный интеллект	39,86±0,89	среднее	43,45±8,14	среднее	703,50*	0,027
Понимание эмоций	40,68±1,08	среднее	43,5±6,52	среднее	762,50	0,085
Управление эмоциями	40,61±0,95	среднее	44,27±7,18	среднее	642,50	0,006
Общий уровень эмоционального интеллекта	83,05±1,86	среднее	89,34±12,16	среднее	680,00	0,016

В экспериментальной и контрольной группах средние значения по шкалам, входящим в межличностный эмоциональный интеллект («Понимание чужих эмоций»: ЭГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=23,30\pm 0,63$ КГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=24,06\pm 4,49$ «Управление чужими эмоциями»: ЭГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=18,38\pm 0,56$ КГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=19,25\pm 2,82$; «Понимание своих эмоций»: ЭГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=17,39\pm 0,57$ КГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=18,84\pm 4,17$; «Контроль экспрессии»: ЭГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=11,09\pm 0,35$ КГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=11,30\pm 2,51$ «Межличностный эмоциональный интеллект»: ЭГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=41,61\pm 1,08$; КГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=44,61\pm 6,64$; «Внутриличностный эмоциональный интеллект»: ЭГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=38,86\pm 0,89$ КГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=43,45\pm 8,14$; «Понимание эмоций»: ЭГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=40,68\pm 1,08$ КГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=43,50\pm 6,5$; «Управление эмоциями»: ЭГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=40,61\pm 0,95$ КГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=44,27\pm 7,18$ «Интегративный показатель общего эмоционального интеллекта»: ЭГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=83,05\pm 1,86$ КГ: $X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=89,34\pm 12,06$), свидетельствуют об эмпатичности волонтеров, об их понимании эмоций своих подопечных и знании, как при необходимости изменить эмоциональный фон. Показатели шкалы внутриличностного эмоционального интеллекта также имеют средние значения. Отмечается низкий уровень выраженности шкалы «Управление своими эмоциями» в ЭГ ($X_{\text{ср.}\pm\sigma\chi}=12,89\pm 0,44$), что свидетельствует о низком уровне контроле и управления собственными эмоциями и об их нестабильности, о возможности в условиях большой эмоциональной напряженности эмоциональных срывов на благополучателях или на близких людях, а также о недостаточно развитых способностях стимулировать и поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные.

Итак, согласно полученным результатам, в ЭГ наблюдаются средние значения показателей как уровня эмоционального интеллекта (за исключением «Управление своими эмоциями»), так и уровня психического выгорания. Однако в контрольной группе наблюдаются низкие показатели по шкалам «Эмоциональное истощение» и «Деперсонализация» при средних значениях выраженности уровня развития эмоционального интеллекта. Таким образом, развитие эмоционального интеллекта волонтеров нивелирует появление различных установок в отношении себя и своей деятельности: чувства несостоятельности, некомпетентности и негативизма в межличностном взаимодействии.

При исследовании взаимосвязей эмоционального интеллекта и психического выгорания волонтеров в условиях профессионально-ориентированной и непрофессионально-ориентированной добровольческой деятельности использовали методы корреляционного (r -Спир-мен) (табл. 3) и множественного регрессионного (Forward stepwise) анализов (табл. 4):

Так, в ЭГ волонтеров обнаружены отрицательные значимые корреляционные взаимосвязи умеренной силы между показателями шкал «Понимание чужих эмоций» и «Деперсонализация», «Эмоциональное истощение» ($r=-0,46^*$ при $p\leq 0,05$). Также выявлена отрицательная корреляция средней силы между показателями данной шкалы и «Интегративный показатель общего эмоционального выгорания» ($r=-0,50^*$ при $p\leq 0,05$ (табл. 3)). Следовательно, чем лучше осуществляется управление чужими эмоциями, тем меньше происходит деформация отношений как между волонтерами, так и в отношениях с благополучателями, а также ниже уровень эмоционального истощения.

Таблица 3. Корреляционные взаимосвязи показателей эмоционального интеллекта и психического выгорания волонтеров из ЭГ и КГ (r-Спирмен)

Table 3. Correlations between indicators of emotional intelligence and mental burnout of volunteers from the EG and CG (r-Spearman)

Наименование показателя	ЭГ				КГ			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Понимание чужих эмоций	-0,46*	-0,46*	0,25	-0,50*	-0,28	-0,07	0,24	-0,06
Управление чужими эмоциями	-0,36*	-0,48*	0,34*	-0,40*	-0,45*	0,03	0,34*	-0,16
Понимание своих эмоций	-0,32*	-0,32*	0,39*	-0,35*	-0,58*	-0,21	0,20	-0,42*
Управление своими эмоциями	-0,80*	-0,68*	0,53*	-0,70*	-0,45*	-0,14	0,21	-0,26
Контроль экспрессии	-0,11	0,30*	-0,31*	-0,14	-0,21	-0,21	0,25	-0,13
Межличностный эмоциональный интеллект	-0,49*	-0,54*	0,36*	-0,48*	-0,41*	-0,06	0,32*	-0,15
Внутриличностный эмоциональный интеллект	-0,60*	-0,36*	0,32*	-0,60*	-0,56*	-0,20	0,28	-0,35*
Понимание эмоций	-0,46*	-0,41*	0,37*	-0,47*	-0,54*	-0,12	0,24	-0,28
Управление эмоциями	-0,62*	-0,48*	0,25	-0,61*	-0,52*	-0,15	0,34*	-0,26
Интегративный показатель общего эмоционального интеллекта	-0,52*	-0,47*	0,38*	-0,50*	-0,55*	-0,11	0,30*	-0,28

Примечание: 1 – «Эмоциональное истощение»; 2– «Деперсонализация»; 3– «Редукция личных достижений»; 4–«Интегративный показатель общего эмоционального выгорания»; *– статистическая значимость при $p \leq 0,05$;

Note: 1 – "Emotional exhaustion"; 2– "Depersonalization"; 3– "Reduction of personal achievements"; 4– "Integrative indicator of general emotional burnout"; * - statistical significance at $p \leq 0.05$; ** - statistical significance at $p \leq 0.01$;

Отрицательные значимые корреляции умеренной силы обнаружены в ЭГ по шкалам «Управление чужими эмоциями» и «Эмоциональное истощение» ($r = -0,36^*$

при $p \leq 0.05$), «Деперсонализация» ($r = -0,48^*$ при $p \leq 0.05$), «Редукцией личных достижений» ($r = 0,34^*$ при $p \leq 0.05$), «Интегративный показатель общего эмоцио-

нального выгорания» ($r=-0,40^*$ при $p\leq 0.05$). Следовательно, чем лучше осуществляется волонтерами контроль над чужими эмоциями, тем менее выражено эмоциональное утомление, сужение личностных контактов с подопечными или другими волонтерами, недовольство собой, неуверенность в собственных силах.

По шкале «Понимание своих эмоций» обнаружены как отрицательные, так и положительные корреляции умеренной силы. Так, выявлены отрицательные связи с показателями шкал «Эмоциональное истощение» ($r=-0,32^*$ при $p\leq 0.05$), «Деперсонализация» ($r=-0,32^*$ при $p\leq 0.05$), «Интегративный показатель общего эмоционального выгорания» ($r=-0,35^*$ при $p\leq 0.05$), а положительная – с показателем шкалы «Редукция личных достижений» ($r=0,39^*$ при $p\leq 0.05$). Таким образом, чем лучше волонтеры из ЭГ понимают свои эмоции, тем меньше они эмоционально истощаются и дистанцируются в отношениях с окружающими (коллегами и благополучателями), тем менее выражены у них негативные установки, а также общий уровень психического выгорания. Вместе с тем, чем лучше волонтеры понимают свои эмоции, тем ниже у них самооценка своей эффективности в условиях профессионально-ориентированной добровольческой деятельности.

Как отрицательные, так и положительные корреляции средней и высокой силы выявлены между показателями шкал «Управление своими эмоциями» и психического выгорания волонтеров из ЭГ. Так, с показателями шкал «Эмоциональное истощение» ($r=-0,80^*$ при $p\leq 0.05$), «Деперсонализация» ($r=-0,68^*$ при $p\leq 0.05$) и «Интегративный показатель общего эмоционального выгорания» ($r=-0,70^*$ при $p\leq 0.05$) установлены отрицательные кор-

реляции, а с показателем шкалы «Редукция личных достижений» ($r=0,53^*$ при $p\leq 0.05$) – положительная. Следовательно, чем лучше волонтеры из ЭГ управляют собственными эмоциями, тем меньше они эмоционально истощаются и проявляют цинизм в отношениях с окружающими. И, наоборот, чем лучше выражены способности управлять своими эмоциями, тем выше самооценка в выполнении своих профессиональных обязанностей в профессионально-ориентированной добровольческой деятельности.

Показатель шкалы «Контроль экспрессии» статистически значимо, умеренно и отрицательно связан с показателем шкалы «Редукция личных достижений» ($r=-0,31^*$ при $p\leq 0.05$), и положительно – с показателем шкалы «Деперсонализация» ($r=0,30^*$ при $p\leq 0.05$). Следовательно, чем сильнее у волонтеров из ЭГ выражен контроль своих эмоций, тем больше проявляется негативизм и выше оценивание своей профессиональной эффективности.

Показатели шкалы «Понимание эмоций» также статистически значимо, отрицательно и умеренно связан с показателями шкал «Эмоциональное истощение» ($r=-0,46^*$ при $p\leq 0.05$), «Деперсонализация» ($r=-0,41^*$ при $p\leq 0.05$) и «Интегративный показатель общего эмоционального выгорания» ($r=-0,47^*$ при $p\leq 0.05$), и положительно – со шкалой «Редукция личных достижений» ($r=0,37^*$ при $p\leq 0.05$).

Обнаружены отрицательные корреляции умеренной и средней силы между шкалами «Управление эмоциями» и «Эмоциональное истощение» ($r=-0,62^*$ при $p\leq 0.05$), «Деперсонализация» ($r=-0,48^*$ при $p\leq 0.05$), «Интегративный показатель общего эмоционального выгорания» ($r=-0,61^*$ при $p\leq 0.05$).

«Интегративный показатель общего эмоционального интеллекта» имеет статистически значимые отрицательные корреляции умеренной и средней степени выраженности с показателями шкал «Эмоциональное истощение» ($r=-0,52^*$ при $p\leq 0.05$), «деперсонализация» ($r=-0,47^*$ при $p\leq 0.05$) и «Интегративный показатель общего эмоционального выгорания» ($r=-0,50^*$ при $p\leq 0.05$) и положительную связь – со шкалой «Редукция личных достижений» ($r=0,38^*$ при $p\leq 0.05$).

Показатели шкал «Межличностный эмоциональный интеллект» и «Внутриличностный эмоциональный интеллект» также имеют статистически значимые, умеренной и средней степени выраженности, положительные и отрицательные корреляционные взаимосвязи со шкалами психического выгорания волонтеров экспериментальной группы.

Таким образом, чем выше способность волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью, к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей и управлению ими, тем ниже уровень эмоционального истощения, деперсонализации и обесценивания своих профессиональных достижений, а также риска развития психического выгорания в целом.

В КГ волонтеров, как и ЭГ, наблюдаются статистически значимые и отрицательно направленные корреляционные взаимосвязи умеренной степени выраженности между показателями шкал «Эмоциональное истощение» и «Управление чужими эмоциями» ($r=-0,45^*$ при $p\leq 0.05$), «Понимание своих эмоций» ($r=-0,58^*$ при $p\leq 0.05$), «Управление своими эмоциями» ($r=-0,45^*$ при $p\leq 0.05$), «Меж-

личностный эмоциональный интеллект» ($r=-0,41^*$ при $p\leq 0.05$), «Внутриличностный эмоциональный интеллект» ($r=-0,56^*$ при $p\leq 0.05$), «Понимание эмоций» ($r=-0,54^*$ при $p\leq 0.05$), «Управление эмоциями» ($r=-0,52^*$ при $p\leq 0.05$), «Интегративный показатель общего эмоционального интеллекта» ($r=-0,55^*$ при $p\leq 0.05$); между показателями шкал «Интегративный показатель общего эмоционального выгорания» и «Понимание своих эмоций» ($r=-0,42^*$ при $p\leq 0.05$), «Внутриличностный эмоциональный интеллект» ($r=-0,35^*$ при $p\leq 0.05$), а также положительно направленные – между шкалами «Редукция личных достижений» и «Управление чужими эмоциями» ($r=0,34^*$ при $p\leq 0.05$), «Межличностный эмоциональный интеллект» ($r=0,32^*$ при $p\leq 0.05$), «Управление эмоциями» ($r=0,34^*$ при $p\leq 0.05$), «Интегративный показатель общего эмоционального интеллекта» ($r=0,30^*$ при $p\leq 0.05$).

Таким образом, чем выше способность волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью, к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей и управлению ими, тем ниже уровень эмоционального истощения. Усиление способностей волонтеров из КГ, в отличие от волонтеров из ЭГ, к управлению своими и чужими эмоциями повышает самооценку собственных профессиональных достижений.

Использование процедуры множественного регрессионного анализа позволило выявить корреляции, свидетельствующие о влиянии эмоционального интеллекта волонтеров на их психическое выгорание (табл.4):

Таблица 4. Значения стандартизированных коэффициентов множественной линейной регрессии показателей эмоционального интеллекта волонтеров с показателями их психического выгорания

Table 4. Values of standardized coefficients of multiple linear regression of indicators of emotional intelligence of volunteers with indicators of their mental burnout

ЭГ				КГ				
Наименование показателя		КМД, R ²	β	р	Наименование показателя	КМД, R ²	β	р
Эмоциональное истощение	Управление своими эмоциями	0,77	-0,91	0,0000	Понимание своих эмоций	0,61	-0,77	0,025
	Управление чужими эмоциями		0,67	0,0003				
	Понимание чужих эмоций		-0,36	0,0167				
Деперсонализация	Контроль экспрессии	0,77	1,13	0,0011	-	-	-	-
	Понимание чужих эмоций		-1,47	0,0031				
	Межличностный эмоциональный интеллект		2,09	0,0188				
Редукций личных достижений	Управление своими эмоциями	0,70	0,58	0,0000	Управление чужими эмоциями	0,33	0,33	0,027
	Контроль экспрессии		-0,51	0,0001				
Индекс психического выгорания	Управление своими эмоциями	0,67	-0,71	0,0000	Понимание своих эмоций	0,40	-0,47	0,008
	Управление чужими эмоциями		0,59	0,0017				
	Понимание чужих эмоций		-0,38	0,0210				

– факторами возникновения эмоционального истощения и психического выгорания волонтеров из ЭГ выступают способности вызывать у других людей эмоции и снижать интенсивность нежелательных эмоций, а факторами устойчивости и преодоления – способности понимать внутренние состояния других людей, поддерживать собственные желательные и контролировать нежелатель-

ные эмоции. Способность контролировать внешние проявления своих эмоций усиливает негативные установки в межличностных отношениях и повышает самооценку профессиональной эффективности. А понимание посторонних эмоций и умение ими управлять, наоборот, редуцирует циничное отношение к другим и к деятельности, в то время, как способ-

ность управлять своими эмоциями снижает оценивание личных достижений;

– фактором устойчивости и преодоления эмоционального истощения волонтеров из КГ выступают их способности распознавать, идентифицировать и описывать собственные эмоции, понимать их причины.

Полученные нами результаты исследования взаимосвязей эмоционального интеллекта и психического выгорания волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью, не противоречат результатам зарубежных исследователей [11; 12; 13; 14; 15; 16].

Мы так же, как и зарубежные коллеги, считаем, что работа волонтеров в различных сферах медицины имеет интенсивный эмоциональный и экзистенциальный характер, что в свою очередь является предиктором их психического выгорания [14]. Выявлены статистически значимые корреляционные связи между эмоциональным интеллектом и устойчивостью к эмоциональному выгоранию во многих исследованиях волонтеров в сфере медицины [13; 15]. В работе [12], как и в нашем исследовании, эмоциональный интеллект волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной профессиональной деятельностью, достоверно отрицательно коррелирует с психическим выгоранием: с показателями шкал «эмоциональное истощение» ($r = 0,18$, $p < 0,01$), «деперсонализация» ($r = 0,24$, $p < 0,01$) и «редукция личных достижений» ($r = 0,24$, $p < 0,01$) [12]. В исследованиях Yusoff, M.S.B., Hadie, S.N.H., Yasin M.A.M. (2021) и Blanchard C., Kravets V., Schenker M., Moore T. (2021) доказано влияние эмоционального интеллекта на снижение психического выгорания студентов-медиков [11; 16].

Исследование особенностей влияния эмоционального интеллекта на психиче-

ское выгорание волонтеров в условиях профессионально ориентированной добровольческой деятельности позволило сформулировать следующие выводы.

Выводы

Проблема психического выгорания волонтеров за последние 10 лет (с 2012 г. по 2022 г.) крайне актуальна, однако недостаточно разработана как в отечественных, так и зарубежных научных исследованиях.

Выраженность психического выгорания свидетельствует о наличии значительной эмоциональной нагрузки, что может приводить к некачественной реализации добровольческой деятельности, возникновению конфликтных ситуаций не только внутри добровольческой группы, но и с благополучателями, а также редукции собственных профессиональных достижений.

Уровень эмоционального интеллекта свидетельствует о снижении контроля над своими нежелательными эмоциями и управления ими, что может негативно повлиять на результат.

При этом способность понимать и управлять эмоциями других людей препятствует негативному циничному отношению к другим и деятельности, а умение стимулировать желательные и контролировать нежелательные эмоции усиливает чувство профессиональной компетентности и продуктивности. Управление своими эмоциями и понимание чужих снижает уровень психического выгорания.

Итак, эмоциональный интеллект выступает ориентиром правильности принятия решений в процессе реализации добровольческой деятельности, способствует правильному выстраиванию границ в общении.

Список литературы

1. Тратинко Т.В. Волонтерская деятельность как пространство развития эмоционального интеллекта // Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном образовании: сб. науч. ст. IV международной научно-практической конференции. Ярославль, 2020. С. 136-138.
2. Сикорская Л.Е. Педагогический потенциал добровольческой деятельности студенческой молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 213–217.
3. Новикова Г.В. Обзор новейших исследований индивидуально-психологических особенностей личности, вовлечённой в добровольческую деятельность // International Journal of Medicine and Psychology. 2021. Т. 4. № 7. С. 47-49.
4. Новикова Г.В. Социально-психологические технологии формирования социальной активности молодежи в добровольческой деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 25 с.
5. Водопьянова Н.Е. Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008. 358 с.
6. Салогуб А.М. Структура и содержание синдрома эмоционального выгорания в исследованиях зарубежных и отечественных ученых // Молодой ученый. 2014. № 5 (64). С. 459-461.
7. Майер Г. Психология эмоционального мышления. Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 123- 129.
8. Можаяева Н.С., Шевченко Д.О., Петракова Е.В. Навыки, необходимые волонтеру // Актуальные вопросы организации волонтерской деятельности в рамках подготовки к Универсиаде 2019: лингвопереводческий, психолого-педагогический, организационно-управленческий и социальный аспекты: сб. материалов V Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, посвященной Универсиаде 2019. Красноярск, 2019. С. 108-109.
9. Ветчинникова О. А. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и профессионального выгорания педагогов образовательных организаций // Мир педагогики и психологии. 2019. № 1(30). С. 244-256.
10. Опросник на эмоциональный интеллект: новые психометрические данные. URL: http://creativity.ipras.ru/texts/books/social_IQ_2009/lusin_social_IQ_2009.pdf (дата обращения: 01.04.2022)
11. Blanchard C., Kravets V., Schenker M., Moore T. Emotional intelligence, burnout, and professional fulfillment in clinical year medical students // Medical Teacher. 2021. No 43(9). pp. 1063-1069. <https://doi.org/10.1080/0142159X.2021.1915468>.
12. Cao Y., Gao L., Fan L., (...), Li Y., Ma Y. The Influence of Emotional Intelligence on Job Burnout of Healthcare Workers and Mediating Role of Workplace Violence: A Cross Sectional Study Frontiers // Public Health. 2022. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.892421>.
13. Cascio M. I. & Magnano P. & Parenti I. & Plaia A. The Role of Emotional Intelligence in Health Care Professionals Burnout // International Journal of Healthcare and Medical Sciences, 2017, vol. 3, no. 2, pp: 8-16. URL: <http://arpgweb.com/?ic=journal&journal=13&info=aims>
14. Jordan S. Potash, Faye Chan, Andy H. Y. Ho, Xiao Lu Wang & Carol Cheng. A Model for Art Therapy-Based Supervision for End-of-Life Care Workers in Hong Kong // Death Studies. 2015. No 39:1. pp. 44-51, <https://doi.org/10.1080/07481187.2013.859187>.
15. Kim, K. O., & Yoo, M. S. The Relationships among Emotional Intelligence, Resilience to Burnout, and Meaning in Life of Hospice Volunteers // Journal of Korean Academic Society

of Home Health Care Nursing, 2018, 25(1), 78–86. <https://doi.org/10.22705/JKASHCN.2018.25.1.078>.

16. Yusoff M.S.B., Hadie S.N.H., Yasin M.A.M. The roles of emotional intelligence, neuroticism, and academic stress on the relationship between psychological distress and burnout in medical students // BMC Medical Education. 2021. 21(1):293. <https://doi.org/10.1186/s12909-021-02733-5>.

References

1. Tratinko T.V. [Volunteer activity as a space for the development of emotional intelligence]. *Aktual'nye problemy psihologii i pedagogiki v sovremennom obrazovanii. Sb. nauch. st. IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Actual problems of psychology and pedagogy in modern education. Collection of scientific articles of the IV International scientific and Practical conference]. Yaroslavl', 2020, pp. 136-138 (In Russ.).

2. Sikorskaya L.E. Pedagogicheskij potencial dobrovol'cheskoj deyatelnosti studencheskoj molodezhi [Pedagogical potential of volunteer activity of student youth]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Ability*, 2011, no. 2, pp. 213–217.

3. Novikova G.V. Obzor novejsih issledovanij individual'no-psihologicheskikh osobenostej lichnosti, vovlechyonnoj v dobrovol'cheskuyu deyatelnost' [Review of the latest research on individual psychological characteristics of a person involved in voluntary activity]. *International Journal of Medicine and Psychology*, 2021, vol. 4, no. 7, pp. 47-49.

4. Novikova G.V. *Social'no-psihologicheskie tekhnologii formirovaniya social'noj aktivnosti molodezhi v dobrovol'cheskoj deyatelnosti*. Avtoref. dis. kand. psihol. nauk [Sociopsychological technologies of formation of social activity of youth in voluntary activity. Cand. ped. sci. abstract. diss.]. Moscow, 2013. 25 p.

5. Vodop'yanova N.E. Starchenkova E.S. *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika* [Burnout syndrome: diagnosis and prevention]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 358 p.

6. Salogub A.M. Struktura i sodержanie sindroma emocional'nogo vygoraniya v issledovaniyah zarubezhnyh i otechestvennyh uchenyh [The structure and content of the burnout syndrome in the research of foreign and domestic scientists]. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2014, no. 5 (64), pp. 459-461.

7. Majer G. Psihologiya emocional'nogo myshleniya. Hrestomatiya po obshchej psihologii. Psihologiya myshleniya [Psychology of emotional thinking. A textbook on general psychology. Psychology of thinking]; ed. by Yu. B. Gippenrejtser, V. V. Petuhov. Moscow, Mosk. un-ta Publ., 1981, pp. 123-129.

8. Mozhaeva N.S., Shevchenko D.O., Petrakova E.V. [Skills necessary for a volunteer]. *Aktual'nye voprosy organizacii volonterskoj deyatelnosti v ramkah podgotovki k Universiade 2019: lingvoperevodcheskij, psihologo-pedagogicheskij, organizacionno-upravlencheskij i social'nyj aspekty. Sb. materialov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov i molodyh uchenyh* [Current issues of organizing volunteer activities in preparation for the Universiade 2019: linguistic, psychological, pedagogical, organizational, managerial and social aspects. Collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists]. Krasnoyarsk, 2019, pp. 108-109 (In Russ.).

9. Vetchinnikova O. A. Vzaimosvyaz' emocional'nogo intellekta i professional'nogo vygoraniya pedagogov obrazovatel'nyh organizacij [The relationship between emotional intelligence and professional burnout of teachers of educational organizations]. *Mir pedagogiki i psihologii = The World of Pedagogy and Psychology*, 2019, no. 1(30), pp. 244-256.

10. *Oprosnik na emocional'nyj intellekt: novye psihometricheskie dannye* [Emotional intelligence questionnaire: new psychometric data]. Available at: http://creativity.ipras.ru/texts/books/social_IQ_2009/lusin_social_IQ_2009.pdf (accessed 01.04.2022)
11. Blanchard C., Kravets V., Schenker M., Moore T. Emotional intelligence, burnout, and professional fulfillment in clinical year medical students. *Medical Teacher*, 2021, no. 43(9), pp. 1063-1069. <https://doi.org/10.1080/0142159X.2021.1915468>.
12. Cao Y., Gao L., Fan L., (...), Li Y., Ma Y. The Influence of Emotional Intelligence on Job Burnout of Healthcare Workers and Mediating Role of Workplace Violence: A Cross Sectional Study *Frontiers in Public Health*. 2022. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.892421>.
13. Cascio M. I. & Magnano P. & Parenti I. & Plaia A. The Role of Emotional Intelligence in Health Care Professionals Burnout. *International Journal of Healthcare and Medical Sciences*, 2017, vol. 3, no. 2, pp. 8-16. Available at: <http://arpgweb.com/?ic=journal&journal=13&info=aims>.
14. Jordan S. Potash, Faye Chan, Andy H. Y. Ho, Xiao Lu Wang & Carol Cheng. A Model for Art Therapy–Based Supervision for End-of-Life Care Workers in Hong Kong. *Death Studies*, 2015, no. 39:1, pp. 44-51. <https://doi.org/10.1080/07481187.2013.859187>.
15. Kim, K. O., & Yoo, M. S. The Relationships among Emotional Intelligence, Resilience to Burnout, and Meaning in Life of Hospice Volunteers. *Journal of Korean Academic Society of Home Health Care Nursing*, 2018, 25(1), pp. 78–86. <https://doi.org/10.22705/JKASHCN.2018.25.1.078>.
16. Yusoff M.S.B., Hadie S.N.H., Yasin M.A.M. The roles of emotional intelligence, neuroticism, and academic stress on the relationship between psychological distress and burnout in medical students. *BMC Medical Education*, 2021, no. 21(1), pp. 293. <https://doi.org/10.1186/s12909-021-02733-5>.

Информация об авторах / Information about the Authors

Молчанова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6309-1825,
Researcher ID: AAF-9625-2019

Molchanova Lyudmila Nikolaevna, Dr. of Sci. (Psychological), Professor, Department of Psychology of Health and Neuropsychology, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6309-1825,
Researcher ID: AAF-9625-2019

Черникова Светлана Игоревна, аспирант кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: sveta51151378@yandex.ru,

Svetlana I. Chernikova, Post-Graduate Student, Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: sveta51151378@yandex.ru,

Оригинальная статья / Original article

УДК 159.9

Трудовая мотивация персонала как фактор повышения эффективности процесса управления в образовательной организации**Е.А. Никитина¹, А.А. Кузнецова², Фабрицио Маррелла³ ✉**

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

²Курский государственный медицинский университет
ул. К. Маркса, д. 3, г. Курск 305000, Российская Федерация

³Венецианский университет Ка'Фоскари
Дорсодуро 3246, 30123 Венеция, Италия

✉ e-mail: eanikitina72@mail.ru

Резюме

Актуальность деятельности руководителя по мотивации трудового поведения кадров, по формированию их заинтересованности в качественной работе возрастает при изменениях, происходящих в ходе модернизации системы образования. Эффективно управлять профессиональной деятельностью сотрудника возможно через понимание его ведущих мотивов и стимулирование его трудовой деятельности. Однако на сегодняшний день наблюдается существенное противоречие между необходимостью планирования и развития системы трудовой мотивации сотрудников и второстепенностью мотивации как функции управления организацией.

Настоящее исследование было посвящено выявлению ведущих мотивов профессиональной деятельности научно-педагогических работников вуза с целью повышения эффективности управления коллективом через планирование системы трудовой мотивации.

В статье представлен теоретический анализ понятий «трудовая мотивация», «мотивационная готовность», «инновационная мотивация», «внутренние и внешние мотивационные факторы».

В результате эмпирического исследования было выявлено, что ведущими мотивами для педагогов являются внутренние мотивы. Это значит, что научно-педагогические работники осознанно выбрали свою профессию, у них высок интерес к творческой самореализации, и желание посвятить себя обучающему является приоритетным. Они демонстрируют готовность к инновационной деятельности, испытывают удовлетворение от самого педагогического процесса и результатов собственной работы. Однако и внешние положительные мотиваторы являются для педагогов чрезвычайно важными. В частности, сотрудники крайне чувствительны к внешним оценкам своей деятельности со стороны руководства и коллег, к материальным стимулам и поощрениям, гибкому рабочему графику.

Таким образом, система мотивации сотрудников должна опираться на знание их ведущих мотивов. Это позволит руководителям образовательных учреждений даже при ограниченном количестве организационных ресурсов эффективно влиять на эффективность труда.

Ключевые слова: трудовая мотивация; внешние и внутренние мотивационные факторы; образовательная организация; научно-педагогический работник.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Никитина Е.А., Кузнецова А.А., Фабрицио Маррелла. Трудовая мотивация персонала как фактор повышения эффективности процесса управления в образовательной организации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 168-177.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022

Статья подписана в печать 02.11.2022

Статья опубликована 21.12.2022

© Никитина Е.А., Кузнецова А.А., Фабрицио Маррелла, 2022

Labor Motivation of Personnel as a Factor of Increasing the Efficiency of the Management Process in an Educational Organization

Elena A. Nikitina¹, Alesya A. Kuznetsova², Fabrizio Marrella³ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation KSMU

²Kursk State Medical University
3, K. Marx str., Kursk 305000, Russian Federation

³Full Professor, Ca'Foscari University of Venice
Dorsoduro 3246, 30123 Venezia, Italy

✉ e-mail: eanikitina72@mail.ru

Abstract

The relevance of the manager's activities to motivate the labor behavior of personnel, to form their interest in quality work increases with changes occurring during the modernization of the education system. It is possible to effectively manage the professional activity of an employee through understanding his leading motives and stimulating his work activity. However, today there is a significant contradiction between the need to plan and develop a system of employee motivation and the secondary importance of motivation as an organization management function. The present study was devoted to identifying the leading motives of professional activity of scientific and pedagogical staff of the university in order to improve the efficiency of team management through the planning of the system of labor motivation. The article presents a theoretical analysis of the concepts of "work motivation", "motivational readiness", "innovative motivation", "internal and external factors".

As a result of empirical research, it was revealed that the leading motives for teachers are internal motives. This means that scientific and pedagogical workers consciously chose their profession, they have a high interest in creative self-realization, and the desire to devote themselves to students is a priority. They demonstrate a willingness to innovate, feel satisfaction from the pedagogical process itself and the results of their own work. However, external positive motivators are also extremely important for teachers. In particular, employees are extremely sensitive to external assessments of their activities by management and colleagues, to financial incentives and incentives, flexible working hours. Thus, the motivation system of employees should be based on knowledge of their leading motives. This will allow the heads of educational institutions, even with a limited amount of organizational resources, to effectively influence labor efficiency.

Keywords: work motivation; external and internal motivational factors; educational organization; scientific and pedagogical worker.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Nikitina E.A., Kuznetsova A. A., Fabrizio Marrella. Labor Motivation of Personnel as a Factor of Increasing the Efficiency of the Management Process in an Educational Organization. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022, 12(4): 168-177 (In Russ.).

Received 30.09.2022

Accepted 02.11.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

Современные преобразования в системе высшего образования заставляют руководителей вузов сделать мотивацию персонала и развитие его интереса к ра-

боте главным приоритетом. Этот выбор обусловлен тем, что успех образовательного учреждения как организации в выполнении своих задач определяется качеством работы преподавателей и их удовлетворенностью научно-педагогической

деятельностью. Для создания эффективной системы мотивации и стимулирования персонала с целью повышения качества работы руководитель образовательного учреждения должен учитывать потенциальные способности и индивидуальные ресурсы каждого сотрудника.

Однако реализация задач в этой области сопряжена с рядом проблем. Одна из них заключается в том, что способность мотивировать сотрудников - это не просто реализация существующих мотиваций, а определение структуры непосредственных потребностей, которая систематически развивается в процессе организации обратной связи с сотрудниками.

Сложность мотивационного менеджмента также ограничивается сложностью самого субъекта управления. В силу индивидуальности каждого работника поведение человека в сфере трудовой деятельности определяется комплексом индивидуальных мотивационных факторов, таких как интересы, способности, ценности, установки и ожидания. Каждый конкретный сотрудник имеет свой личный набор мотивационных факторов. Поэтому в процессе управления персоналом возрастает роль личности работника, знание его основных мотивов, умение формировать и направлять их в соответствии с целями и задачами образовательной организации.

Таким образом, в целом проблема заключается в том, чтобы правильно определить реальную доминирующую мотивацию профессиональной деятельности педагогов, чтобы использовать ее как механизм повышения эффективности управления персоналом в образовательных учреждениях.

Методы и организация исследований

Целью исследования было выявление доминирующих мотивов профессиональной деятельности научно-педагогических

работников для повышения эффективности управления персоналом путем разработки системы мотивации труда в образовательном учреждении.

Для исследования использовались следующие методики: анкета "Выявление факторов-мотивов, вызывающих желание эффективно работать" А.Б. Бакурадзе; методика "Изучение мотивов педагогической профессии" Т.Н. Сильченко; методика "Изучение мотивов профессиональной деятельности" (К. Замфира после модификации А. Реана).

Результаты и обсуждение

При работе с персоналом образовательных учреждений одной из центральных позиций управления является мотивация сотрудников, поскольку она является непосредственным стимулом их профессиональной реализации. По мнению О.С. Виханского, "направлять сотрудников на достижение целей организации – это, по сути, основная задача управления персоналом" [1].

Необходимость изучения мотивации также заключается в том, что она является одним из способов управления личностью и воздействия на ее потребности и желание для саморазвития [2].

Мотивация занимает особое место в структуре деятельности. Структура профессиональной мотивации во многом определяет продуктивность деятельности научно-педагогических работников [3]. В частности, Е.М. Лепешова, ссылаясь на А.К. Байметова, выделяет четыре группы педагогов по доминирующей мотивации: с преобладанием мотивации ответственности; с преобладанием интереса к преподаваемым дисциплинам; с преобладанием потребности в общении с обучающимися; без преобладающей мотивации [4]. По мнению А.К. Байметова, "доминирование мотивации ответственности характерно для педагогов, склонных к авторитарному стилю руководства, до-

минирование мотивации общения - для педагогов либерального стиля, а отсутствие той или иной мотивации - для преподавателей, склонных к демократическому стилю руководства".

В свою очередь, Н. П. Биссенек, определяя типы профессиональной мотивации преподавателей, различает: материальные мотивы; мотивы, связанные с самоутверждением; профессиональную мотивацию; мотивацию самореализации личности" [5].

Л.С. Подымова и Л.А. Долинская соответственно выделяют инновационную мотивацию, которая подразумевает восприимчивость к педагогическим инновациям. Такая мотивация обеспечивает гармоничное осуществление научно-педагогической деятельности и самовыражение личности педагога [6, с. 52].

Преподаватели с инновационной мотивацией стремятся к самореализации и предпочитают творческие виды работы, открывающие явные возможности для саморазвития. Для таких преподавателей учебный курс - это возможность реализовать себя как личность и как профессионала. В каждом случае они выбирают инновационную образовательную методику, которую внедряют в соответствии с интересами своих студентов. Деятельность таких преподавателей характеризуется высокой чувствительностью к инновациям, постоянным поиском себя в этой новизне и необходимостью создавать новое видение традиционных форм педагогической реальности [7]. Кроме того, необходимым условием мотивации педагогов к инновациям является способность принимать инновационные решения, идти на определенный риск, конструктивно разрешать конфликтные ситуации, возникающие при внедрении инноваций, и преодолевать барьеры на пути их реализации.

Следует также отметить, что на формирование мотивационных факторов вли-

яют и личностные характеристики преподавателя, такие как:

– общая направленность личности (социальная зрелость и гражданская ответственность, профессиональные устремления, познавательные интересы);

– организаторские качества (способность к самоорганизации, деловая хватка, инициативность, высокие требования, самокритичность);

– коммуникативные качества (открытость, дружелюбие, общительность, эмпатия);

– перцептивно-познавательные качества (креативность, интеллектуальная активность, исследовательский стиль, гибкость, потребность в постоянном обновлении и обогащении знаний);

– экспрессивность (позитивный фон настроения, оптимизм, самоконтроль, выдержка, терпимость, чувство юмора);

– высокая производительность труда.

Итак, каждый сотрудник характеризуется своим набором личных мотивирующих факторов. Именно знание доминирующих мотивационных факторов позволит руководителям использовать их в качестве механизма повышения эффективности управления персоналом в образовательных учреждениях.

Целью данного исследования было выявление основных мотивов профессиональной деятельности научно-педагогических работников высших учебных заведений. В исследовании приняли участие 52 преподавателя. Средний возраст преподавателей составлял 45 лет. Средний педагогический стаж сотрудников составлял 18 лет.

Для выявления основных мотивов профессиональной деятельности педагогов мы использовали методику "Изучение мотивов педагогической профессии" Т. Н. Сильченковой. Этот метод позволил нам определить важность мотивов, связанных с профессией педагога (табл. 1).

Таблица 1. Основные мотивы профессиональной деятельности педагогов**Table 1.** The main motives of the teaching profession

Мотив	Ранг
интерес к педагогической деятельности	4,3
желание обучаться педагогической деятельности	4,8
стремление посвятить себя воспитанию обучающихся	4,2
осознание педагогических способностей	3,5
желание иметь высшее образование	5
представление об общественной важности, престиже педагогической профессии	3,8
стремление к материальной обеспеченности	4,9
так сложились обстоятельства	2,1

Анализ результатов показывает, что самые высокие ранговые значения принадлежат мотивации, связанной со стремлением иметь высшее образование. Она указывает на необходимость занять определенное социальное положение и тем самым заслужить уважение окружающих. Ранг, связанный со стремлением к материальному благополучию, также имеет высокое значение. Все последующие позиции рангов напрямую связаны с целями и задачами преподавательской деятельности. Можно сделать вывод, что основными мотиваторами деятельности учителей являются внешние факторы (экономические и социальные). Однако мотивы, связанные с профессиональным развитием и служением профессии, также важны и не сильно отличаются по ценности от группы внешних факторов.

Для изучения мотивации к профессиональной деятельности мы также использовали методику "Исследование мотивации к профессиональной деятельности" А. Реана. Эта методика предполагает

изучение двух типов мотивации [8]. Внутренний тип мотивации подразумевает важность самой профессиональной деятельности для преподавателя. Внешний тип мотивации - это стремление удовлетворить другие потребности, вне содержания самой профессиональной деятельности (социальный статус, зарплата, престиж профессии, длительный отпуск и т.д.). В свою очередь, внешняя мотивация делится на внешнюю положительную и внешнюю отрицательную мотивацию. Поэтому можно выделить три группы педагогов с разным соотношением мотивационных доминант.

1. Педагоги с преобладанием внутренней мотивации, для которых характерны креативность, стремление к инновационной деятельности и профессиональному саморазвитию.

2. Педагоги, для которых преобладает внешняя положительная мотивация и для которых важны внешние факторы, такие как материальные и социальные стимулы.

3. Педагоги с доминирующей внешней негативной мотивацией, которые стремятся удовлетворить свои основные потребности и обеспечить себе защиту от различных наказаний и санкций, часто путем завоевания определенного статуса в коллективе.

Степень выраженности мотивации и мотивационный комплекс группы опре-

Таблица 2. Степень выраженности внешней и внутренней мотивации педагогов

Table 2. The degree of expression of external and internal motives of teachers

Степень выраженности	Ведущие мотивы деятельности						
	Потребность и в достижении социального престижа и уважения со стороны других	Удовлетворение от самого процесса и результата работы	Денежный заработок	Возможность наиболее полной самореализации именно в данной деятельности	Стремление к продвижению по работе	Стремление избежать критики со стороны руководителя или коллег	Стремление избежать возможных наказаний или неприятностей
В очень незначительной мере	0%	0%	0%	0%	20%	0%	10%
в достаточно незначительной мере	10%	10%	10%	20%	10%	10%	10%
в небольшой, но и в немаленькой мере	40%	20%	70%	50%	40%	10%	10%
в достаточно большой мере	30%	40%	20%	30%	30%	50%	40%
в очень большой мере	20%	30%	0%	0%	0%	30%	30%

Исследуемой группе респондентов соответствуют следующие мотивационные комплексы: ВПМ = 4,2, VM = 3,7, WOM = 2,1. ВПМ > VM > WOM. Полученный мотивационный комплекс показывает, что деятельность педагогов мотивируется как внешними положительными факторами, так и самой профессиональной деятельностью, стремлением достичь высоких результатов в профессии и интересом к работе.

Анализ результатов исследования позволил нам выделить две основные группы испытуемых с различными мотивационными доминантами:

деляются после выбора респондентом актуальной мотивации профессиональной деятельности. Мотивационный комплекс - это связь между типами мотивации: VM, ВПМ и WOM. В табл. 2 перечислены проявления мотивации к профессиональной деятельности.

1) педагогические работники, где преобладает внутренняя и внешняя положительная мотивация;

2) педагогические работники с ведущими внешними положительными и внешними отрицательными мотиваторами (меньшая группа).

Для выявления мотивов, побуждающих педагогических работников к эффективной работе, мы использовали методику А.Б. Бакурадзе [9, с. 132-136] "Выявление факторов - мотиваторов, вызывающих желание эффективно работать". Результаты показаны на рис. 1.

Анализ результатов

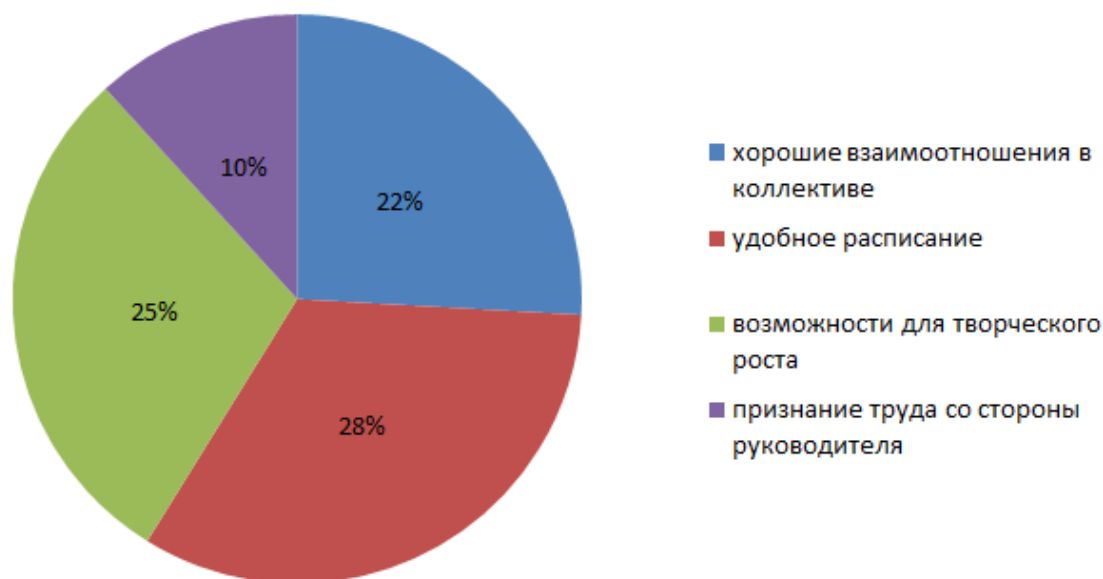

Рис. 1. Ведущие факторы - мотиваторы, вызывающие желание работать

Fig. 1. The leading factors- motivators that cause a desire to work

Анализ результатов показывает, что на основные мотивирующие факторы преподавательской деятельности примерно в равной степени влияют внешние факторы (график и отношения в коллективе) и внутренние факторы (возможности для творческого роста). Другие мотивационные факторы (признание работы начальством и зарплата) были менее важны.

Сегодня, в условиях трансформации системы образования, значение мотивации в управлении персоналом стало более заметным, а содержание этой управленческой деятельности - более сложным. Т.Д. Комиссарова подчеркивает, что "для эффективного управления сегодня нужны ответственные и мотивированные сотрудники, высокоорганизованные и стремящиеся к самореализации индивидуального труда" [10, с. 54]. Обеспечение этих качеств у сотрудников возможно

только при понимании важных мотивов их профессиональной деятельности.

Результаты нашего исследования показали, что во многом значимые мотивы учителей обусловлены внутренними факторами, связанными с самой педагогической деятельностью и стремлением к творчеству в работе. Такие учителя осознают значимость своей работы и стремятся к достижению целей и задач образовательной организации. Однако и создавать мотивационные системы для таких сотрудников сложнее, чем для тех, в мотивации которых преобладают внешние факторы.

В таких случаях руководителям лучше использовать интеллектуально-инновационные методы для мотивации своих сотрудников. Такой способ мотивации творческих сотрудников необходим для дальнейшего саморазвития. К таким мо-

тивационным приемам относятся дружеские беседы руководителя с положительными комментариями о проделанной работе; направление сотрудников на семинары, мастер-классы и конференции; помощь в выдвижении на престижные конкурсы профессионального мастерства; помощь в подготовке авторских учебников и учебных пособий и публикаций в ведущих рецензируемых журналах; помощь в разработке авторских учебных курсов. Кроме того, формы интеллектуальной и творческой стимуляции включают идеи по расширению прав и возможностей. Известные варианты такой мотивации могут включать: поручение работы, представляющей интерес в силу своей престижности и ответственности; предоставление возможности работать в пилотной программе; наставничество; работа в качестве эксперта и т.д.

Кроме того, менеджеры должны понимать, что мотивационные системы основаны на определенных принципах, таких как:

1) доступность. Поощрения должны быть на условиях, понятных и приемлемых для всех сотрудников;

2) прогрессивность. Стимулы должны постоянно пересматриваться в сторону увеличения;

3) минимизация разрыва между результатами труда и стимулами. Более частое поощрение и его четкая и прямая связь с результатами работы является мощным мотивирующим фактором;

4) сочетание морального и материального вознаграждения. Влияние этих двух факторов почти одинаково сильно и важно;

5) личностная ориентация мотивационной системы. Необходимо рационально сочетать различные виды стимулирования и учитывать их целенаправленное индивидуальное воздействие на каждого работника.

Выводы

Таким образом, анализ результатов исследования показывает, что одной из центральных позиций менеджмента в работе с научно-педагогическими работниками в образовательных учреждениях является мотивация сотрудников, так как она является непосредственным стимулом их профессиональной реализации. В условиях непрерывной трансформации системы образования возрастает актуальность деятельности менеджера по планированию мероприятий, связанных с мотивацией трудового поведения персонала и развитием его заинтересованности в качественной работе. Эффективное планирование мотивационной деятельности может быть достигнуто только при понимании личных черт характера работника, его доминирующей мотивации, формировании и направлении его способностей в соответствии с целями и задачами самой образовательной организации.

Список литературы

1. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс. М.: МГУ, 2007. 168 с.
2. Реан А. А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб.: Издательство «ПитВестник Buryatskogo gosudarstvennogo universitetater», 2000. 416 с.

3. Марадзе Л.М., Кузнецова А.А. Удовлетворенность профессиональной деятельностью: критериально-феноменологический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2012. №2. С. 308–313.
4. Лепешова Е. М. Мотивация труда в образовательном учреждении: общие подходы // Школьный психолог. 2007. №9. С. 43.
5. Биссенек Н.П. Изучение особенностей мотивации профессионального развития педагогов // Управление ДОУ. 2009. №7. С. 92–95.
6. Подымова Л. С., Долинская Л. А. Самоутверждение педагогов в инновационной деятельности. М.: МПГУ, 2014. 207 с.
7. Удалов А.С. Стимулирование персонала // Персонал Микс. 2001. № 1. С. 25.
8. Реан А.А. Психология и психодиагностика личности: Теория, методы исследования, практикум. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. С. 84–86.
9. Бакурадзе А.Б. Мотивация труда педагогов. М.: Сентябрь, 2005. 192 с.
10. Комиссарова Т.Д. Управление человеческими ресурсами. М.: Дело, 2002. 312с.

References

1. Vihanskij O.S., Naumov A.I. *Menedzhment: chelovek, strategiya, organizaciya, process* [Management: person, strategy, organization, process]. Moscow, MGU Publ., 2007. 168 p.
2. Rean A. A., Kolominskij Ya.L. *Social'naya pedagogicheskaya psihologiya* [Social pedagogical psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000. 416 p.
3. Maradze L.M., Kuznecova A.A. Udovletvorennost' professional'noj deyatel'nost'yu: kriterial'no-fenomenologicheskij analiz [Satisfaction with professional activity: criterion-phenomenological analysis]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2012, no. 2, pp. 308–313.
4. Lepeshova E. M. Motivaciya truda v obrazovatel'nom uchrezhdenii: obshchie podhody [Motivation of work in an educational institution: general approaches]. *Shkol'nyj psiholog = School Psychologist*, 2007, no. 9, p. 43.
5. Bissenek N.P. Izuchenie osobennostej motivacii professional'nogo razvitiya pedagogov [Studying the features of motivation of professional development of teachers]. *Upravlenie DOU = Management of preschool educational institutions*, 2009, no. 7, pp. 92–95.
6. Podymova L. S., Dolinskaya L. A. *Samoutverzhenie pedagogov v innovacionnoj deyatel'nosti* [Self-affirmation of teachers in innovation]. Moscow, MPGU Publ., 2014. 207 p.
7. Udalov A.S. Stimulirovanie personala [Staff incentives]. *Personal Miks = Staff Mix*, 2001, no. 1, p. 25.
8. Rean A.A. *Psihologiya i psihodiagnostika lichnosti: Teoriya, metody issledovaniya, praktikum* [Psychology and psychodiagnostics of personality: Theory, research methods, practicum]. St. Petersburg, Prajm-EVROZNAK Publ., 2006, pp. 84–86.
9. Bakuradze A.B. *Motivaciya truda pedagogov* [Motivation of teachers' work]. Moscow, "Sentyabr" Publ., 2005. 192 p.
10. Komissarova T.D. *Upravlenie chelovecheskimi resursami* [Human resource management]. Moscow, Delo Publ., 2002. 312 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Никитина Елена Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникологии и психологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: eanikitina72@mail.ru

Elena A. Nikitina, Cand. of Sci. (Psychological), Head of Communicative and Psychological Science Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: eanikitina72@mail.ru

Кузнецова Алеся Анатольевна, кандидат психологических наук, проректор по воспитательной работе, социальному развитию и связям с общественностью, заведующий кафедрой психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kuznetsova.a80@mail.ru

Alesya A. Kuznetsova, Cand. of Sci. (Psychological), Vice-Rector for Educational Work, Social Development and Public Relations, Head of the Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kuznetsova.a80@mail.ru

Фабрицио Маррелла, профессор, Венецианский университет Ка'Фоскари, Венеция, Италия, e-mail: marrella@unive.it

Fabrizio Marrella, Full Professor, Ca' Foscari University of Venice, Venice, Italy e-mail: marrella@unive.it

Оригинальная статья / Original article

УДК 159.98:159.944.4:378.37

Социально-психологический тренинг как инструмент профилактики психического выгорания волонтеров-медиков в профессионально-ориентированной волонтерской деятельности

Л.Н. Молчанова¹✉, К.В. Блинова¹

¹Курский государственный медицинский университет
ул. К. Маркса, д. 3, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Резюме

Библиометрический анализ литературы засвидетельствовал повышение интереса к изучению волонтерства в медицинской сфере. Наиболее актуальные направления исследования волонтеров: выгорание волонтеров в период COVID-19 и выгорание волонтеров-медиков. Выделена структура социально-психологических установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков: эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты. В формирующем эксперименте приняли участие 60 волонтеров-медиков в возрасте от 19 до 25 лет, занимающиеся волонтерской деятельностью в сфере медицины до 1 года. Базами исследования выступили ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России и АНО «ЦСПСКР «Феникс». Методы исследования: опросник «Профессиональное выгорание» (ПВ) (русскоязычная версия Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова), опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазарус и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, тест ЭМИН (Д.В. Люсин), «Стиль саморегуляции поведения» (А.В. Моросанова). Математико-статистическую обработку информации (описательную статистику и сравнительный анализ) осуществляли с помощью компьютерной программы «Statistica 11.0» и метода структурно-психологического анализа А.В. Карпова. По результатам констатирующего этапа формирующего эксперимента была разработана и апробирована программа профилактики психического выгорания волонтеров-медиков, занимающихся профессионально-ориентированной волонтерской деятельностью до 1 года. Программа профилактики психического выгорания волонтеров представляет собой групповой социально-психологический тренинг-интенсив. Целью тренинга является формирование резистентности волонтеров-медиков к психическому выгоранию путем повышения их психологической компетентности в вопросах межличностного взаимодействия, основных причин психического выгорания и методов их устранения. В ходе работы выявлено снижение уровня психического напряжения в группах, усвоение знаний о причинах психического выгорания и методах их проработки; произведена работа над резистентностью к психическому выгоранию волонтеров-медиков.

Ключевые слова: психическое выгорание; волонтеры-медики; профилактика; профессионально-ориентированная волонтерская деятельность; социально-психологический тренинг.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Молчанова Л.Н., Блинова К.В. Социально-психологический тренинг как инструмент профилактики психического выгорания волонтеров-медиков в профессионально-ориентированной волонтерской деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 178-195.

Статья поступила в редакцию 27.08.2022

Статья подписана в печать 14.10.2022

Статья опубликована 21.12.2022

© Молчанова Л.Н., Блинова К.В., 2022

Socio-Psychological Training as a Tool for the Prevention of Mental Burnout of Medical Volunteers in Professionally Oriented Volunteer Activities

Lyudmila N. Molchanova¹, Kristina V. Blinova¹ ✉

¹Kursk State Medical University
3, K. Marx str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Abstract

Bibliometric analysis of the literature showed an increase in interest in the study of volunteering in the medical field. The most relevant areas of volunteer research are: burnout of volunteers during COVID-19 and burnout of medical volunteers. The structure of socio-psychological attitudes of interpersonal interaction of medical volunteers is highlighted: emotional, cognitive and behavioral components. The formative experiment involved 60 medical volunteers aged 19 to 25 years, engaged in volunteer activities in the field of medicine for up to 1 year. The bases of the study were the Kursk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation and the ANO TSSPSKR Phoenix. Research methods: questionnaire "Professional burnout" (PV) (Russian version by N.E. Vodopyanova, E.S. Starchenkova), questionnaire "Methods of coping behavior" by R. Lazarus and S. Folkman in adaptation by T.L. Kryukova, E.V. Kufiyak, Emln test (D.V. Lyusin), "Style of self-regulation of behavior" (A.V. Morosanova). Mathematical and statistical processing of information (descriptive statistics and comparative analysis) was carried out using the computer program "Statistica 11.0" and the method of structural and psychological analysis of A.V. Karpov. Based on the results of the ascertaining stage of the formative experiment, a program for the prevention of mental burnout of medical volunteers engaged in professionally oriented volunteer activities for up to 1 year was developed and tested. The program of prevention of mental burnout of volunteers is a group socio-psychological training-intensive. The purpose of the training is to form the resistance of medical volunteers to mental burnout by increasing their psychological competence in interpersonal interaction, the main causes of mental burnout and methods of their elimination. In the course of the work, a decrease in the level of mental stress in groups was revealed, the assimilation of knowledge about the causes of mental burnout and methods of their study; work was done on the resistance to mental burnout of medical volunteers.

Keywords: mental burnout; medical volunteers; prevention; professionally oriented volunteering; socio-psychological training.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Molchanova L. N., Blinova K. V. Socio-Psychological Training as a Tool for the Prevention of Mental Burnout of Medical Volunteers in Professionally Oriented Volunteer Activities. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(4): 178–195 (In Russ.).

Received 27.08.2022

Accepted 14.10.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

Значимость профессионально-ориентированного волонтерства в медицинской сфере на сегодняшний день очень высокая. Так, в период пандемии образовалось большое количество добровольческих отрядов, которые активно включались в работу в различных областях ме-

дицинской практики, предполагающей наличие у волонтеров-медиков сильной нервной системы, стойкой выдержки и объективной оценки собственных ресурсов.

Добровольчество связано с последствиями для благополучателей, и организаций, которые предоставляют услуги

волонтеров, а также для самих волонтеров. Хорошо изученными положительными для волонтерства эффектами является удовлетворенность волонтерской работой [1], а отрицательными – эмоциональное истощение, испытываемое при выполнении волонтерских задач [2, 3, 4].

Об актуальности проблемы психического выгорания волонтеров свидетельствует возрастающий интерес как отечественных, так и зарубежных авторов. Так,

библиометрический анализ публикационной активности в электронном информационном пространстве PubMed по ключевым словам «burnout volunteers» за все время составил 285 статей, а за период с 2012 г. по 2022 год – 178 статей. Первая статья была опубликовано в 1984 году. При этом возрастающая динамика исследовательского интереса по данной тематике наблюдается с 2016 года с пиком активности в 2021 году (табл. 1).

Таблица 1. Распределение публикаций по годам (ключевой запрос «burnout volunteers» (период поиска: 2016–2022 гг.)

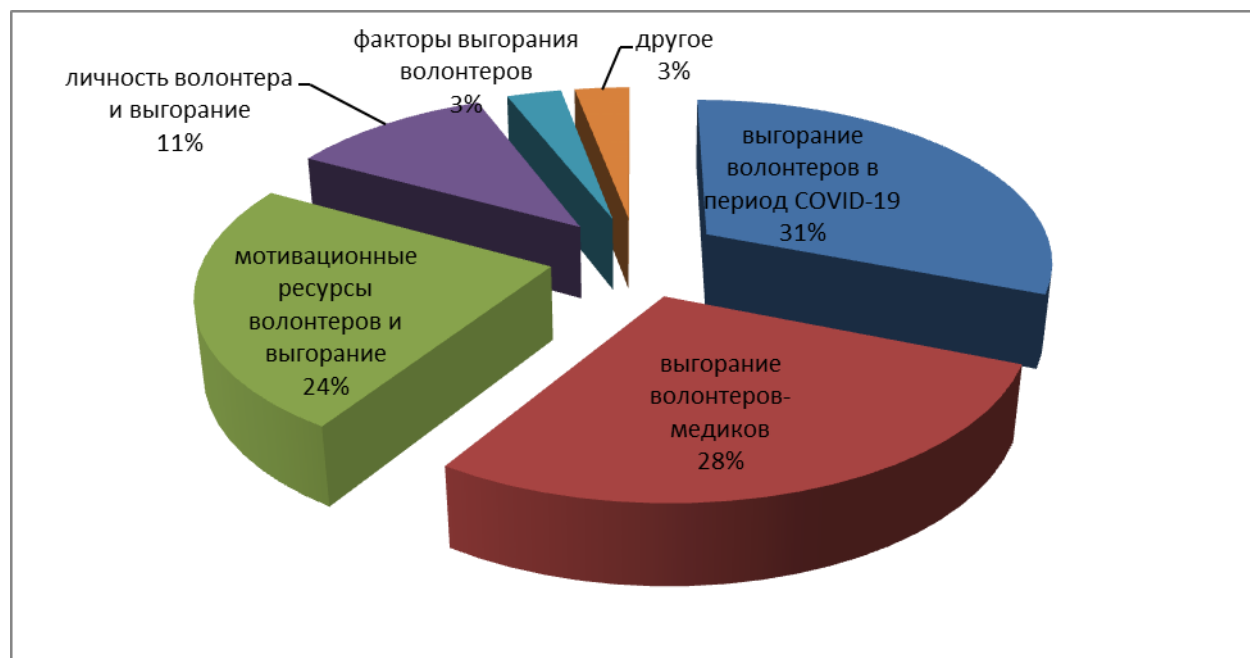
Table 1. Distribution of publications by years (key query "burnout volunteers" (search period: 2016-2022)

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022*
Кол-во статей	7	5	14	11	12	19	24	23	27	54	20

*Примечание: 1 половина 2022 года

Тематическое секторирование по проблеме психического выгорания волонтеров (ключевой запрос «burnout volunteers»;

период информационного поиска с 2012-2022 гг.) указало на следующие тематические блоки: (рис. 1).

Рис. 1. Тематическое секторирование исследовательской активности по запросу «выгорание волонтеров» («burnout volunteers»; 2012-2022 гг.)

Fig. 1. Thematic sectorization of research activity on the request "burnout volunteers"(2012-2022)

Результаты тематического секторирования: анализ исследовательской активности по объекту позволил выявить следующие тематические области: выгорание волонтеров в период COVID-19: 31%, выгорание волонтеров-медиков, работающих в центрах паллиативной помощи, 19%, в других медицинских учреждениях: 9%, мотивационные ресурсы и выгорание волонтеров: 24%, личность волонтера и выгорание: 11%, факторы выгорания волонтеров: 3%, другие аспекты выгорания волонтеров: 3%. Наиболее разработанные темы – выгорание волонтеров в период COVID-19 (2020–2022 гг.), выгорание волонтеров-медиков (2012 – 2022 гг.).

Действительно, в связи с происходящими в мире событиями волонтерское

направление расширяется и привлекает исследователей. Помимо констатации факта о психическом выгорании волонтеров есть необходимость как вторичной, так и первичной профилактики данного состояния, направленного на повышение качества работы, поддержку внутренней мотивации, сохранение кадрового ресурса организации [5, 1].

Библиометрический анализ публикационной активности в электронном информационном пространстве ELIBRARY.RU по ключевому запросу «профилактика выгорания волонтеров» за последние 10 лет (2011 г. – 2021 гг.) засвидетельствовал лишь 6 источников из 39198670 имеющихся (рис. 2) и пик публикационной активности в 2021 г. (рис. 3):

№	Тематическая рубрика	Статей
1	<u>Психология</u>	<u>6</u>

Рис. 2. Распределение публикаций по тематическим рубрикам по запросу «профилактика выгорания волонтеров»

Fig. 2. Distribution of publications by thematic headings for the query "prevention of burnout of volunteers"

Исследования авторов показывают, что наиболее подвержены психическому выгоранию волонтеры, занимающиеся профессионально ориентированной волонтерской деятельностью до 1 года [6]. Перестройки распорядка дня из-за включенности в добровольческую деятельность, нехватка времени, напряженный ритм работы, комбинирование эмоций прошлого и будущего – все эти факторы могут влиять на интерес к волонтерской деятельности в настоящем, что приводит к истощению внутренних ресурсов [7].

Год	Статей
<u>2021</u>	<u>2</u>
<u>2020</u>	<u>1</u>
<u>2019</u>	<u>1</u>
<u>2018</u>	<u>1</u>
<u>2013</u>	<u>1</u>

Рис. 3. Распределение публикаций по годам по запросу «профилактика выгорания волонтеров»

Fig. 3. Distribution of publications by years for the query "prevention of burnout of volunteers"

Теоретическими основаниями исследования выступают модели психического выгорания [8, 9, 10], межличностного взаимодействия [11, 12] и социально-психологической установки [13] и ее структуры [14].

Под психическим выгоранием волонтеров-медиков в условиях профессионально-ориентированной волонтерской деятельности понимаем трехкомпонентное состояние из эмоционального истощения, деперсонализации и редукции личных достижений [9, 10], вызванное межличностным взаимодействием и яв-

ляющееся результатом снижения ресурсообеспечения на разных уровнях психологической регуляции [8]. Профессионально-ориентированная деятельность волонтеров-медиков характеризуется длительностью, высоким уровнем интенсивности, неопределенности и эмоциональной напряженности, что повышает вероятность нарушений социально-психологической адаптации, а также риск возникновения психического выгорания.

Межличностное взаимодействие рассматриваем как способность понимать внутреннюю организацию и структуру личности окружающих, верно интерпретировать их чувства и эмоции, управлять проявлениями своих эмоций, выстраивать эффективные отношения с окружающими [11, 12].

Вслед за С.С. Гордеевой (2016) под социально-психологической установкой понимаем психологическое состояние предрасположенности индивида к определенным действиям в отношении объектов в конкретной ситуации, оказывающее организующее, направляющее влияние на поведение индивида [13].

Согласно экологическому подходу А.А. Девяткина (1999) структура установки представлена тремя уровнями: экологического, аттитюдного и поведенческого компонентов. На первом уровне установка рассматривается, согласно Д.Н. Уз-надзе, как «бессознательное психическое явление», возникающее при взаимодействии индивида с окружающей средой. Когнитивный и аффективный компоненты структуры установки представлены на данном аттитюдном уровне. А третьему уровню соответствует поведенческий компонент [14].

В нашем исследовании структура социально-психологических установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков включает эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты.

Эмоциональный компонент рассматривается как внутренний ориентир рефлексивности и эмпатии. При формировании способности к управлению и пониманию чужих эмоций происходит повышение значимости собственного вклада, усиление внутренней мотивации в работе, уменьшение деформаций в отношениях с благополучателями [15, 16].

Когнитивный компонент представляет собой копинг-компетентность в преодолении возникающих трудностей, а также способы совладания с этими трудностями. Было выявлено, что такие копинг-стратегии, как «Самоконтроль», «Положительная переоценка» и «Бегство-избегание» способствуют снижению самооценки профессиональной компетентности и успешности, а «Дистанцирование» и «Поиск социальной поддержки», наоборот, – её повышению [15, 16].

Поведенческий компонент проявляется в эффективности взаимодействия и стиле саморегуляции поведения. Исследования демонстрируют низкий уровень гибкости волонтеров-медиков при работе с благополучателями.

Материалы и методы

В формирующем эксперименте приняли участие 60 волонтеров-медиков в возрасте от 19 до 25 лет, занимающиеся волонтерской деятельностью до 1 года. Базами исследования выступили ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России и АНО «ЦСПСКР «Феникс».

Реализация констатирующего и контрольного этапов формирующего эксперимента предусматривала диагностику психического выгорания волонтеров-медиков с помощью опросника «Профессиональное выгорание» (ПВ) (русскоязычная версия Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова) [17] и диагностику социально-психологических установок в межличностном взаимодействии (табл. 2):

Таблица 2. Соотношение социально-психологических установок в межличностном взаимодействии волонтеров-медиков и измерительного инструментария**Table 2.** Correlation of Socio-Psychological Attitudes in Interpersonal Interaction of Medical Volunteers and measuring instruments

№ п/п	Шкалы методики	Наименование методики
Когнитивный компонент		
1	Конфронтационный копинг	опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазарус и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк [25]
2	Дистанцирование	
3	Самоконтроль	
4	Поиск социальной поддержки	
5	Принятие ответственности	
6	Бегство-избегание	
7	Планирование решения проблемы	
8	Положительная переоценка	
Эмоциональный компонент		
9	Понимание чужих эмоций	тест ЭМИн (Д.В. Люсин) [27]
10	Управление чужими эмоциями	
11	Понимание своих эмоций	
12	Управление своими эмоциями	
13	Контроль экспрессии	
14	Межличностный эмоциональный интеллект	
15	Внутриличностный эмоциональный интеллект	
16	Понимание эмоций	
17	Управление эмоциями	
18	Общий уровень эмоционального интеллекта	
Поведенческий компонент		
19	Планирование	«Стиль саморегуляции поведения» (А.В. Моросанова) [26]
20	Моделирование	
21	Программирование	
22	Оценивание результатов	
23	Самостоятельность	
24	Гибкость	
25	Общий уровень саморегуляции	

Математико-статистическую обработку информации (описательную статистику и сравнительный анализ) осуществляли с помощью компьютерной программы “Statistica 11.0” и метода струк-

турно-психологического анализа А.В. Карпова [18].

По результатам констатирующего этапа формирующего эксперимента была разработана и апробирована программа профилактики психического выгорания

волонтеров-медиков, занимающихся профессионально-ориентированной волонтерской деятельностью до 1 года.

Программа профилактики психического выгорания волонтеров представляет собой групповой социально-психологический тренинг-интенсив. Целью тренинга является формирование резистентности волонтеров-медиков к психическому выгоранию путем повышения их психологической компетентности в вопросах межличностного взаимодействия, основных причин психического выгорания и методов их устранения.

Первый этап тренинга предусматривает выявление основных трудностей в волонтерской деятельности, а также психодиагностика уровня психического выгорания, эмоционального интеллекта, копинг-стратегий и стилевых особенностей саморегуляции поведения; составление плана по решению выявленных проблем. *Второй этап* тренинга включает проведение группового социально-психологического тренинга-интенсива, повышение психологической компетентности в вопросах межличностного взаимодействия, обсуждение основных причин психического выгорания и методов их устранения. Тренинг представляет собой 7 встреч, включает в себя теоретические и практические блоки с учетом эмоциональной динамики группообразования по И.П. Волкову [19]. Предполагается наставничество волонтеров координаторами в течение 1 года, при условии участия в профессионально-ориентированной волонтерской деятельности. Реализация *третьего этапа* тренинговой программы предусматривает участие в последующем тренинге для рефлексии психоэмоционального состояния и собственных ожиданий, а также вторичная психодиагностика уровня психического выгорания, эмоционального интеллекта, копинг-

стратегий и стилевых особенностей саморегуляции поведения.

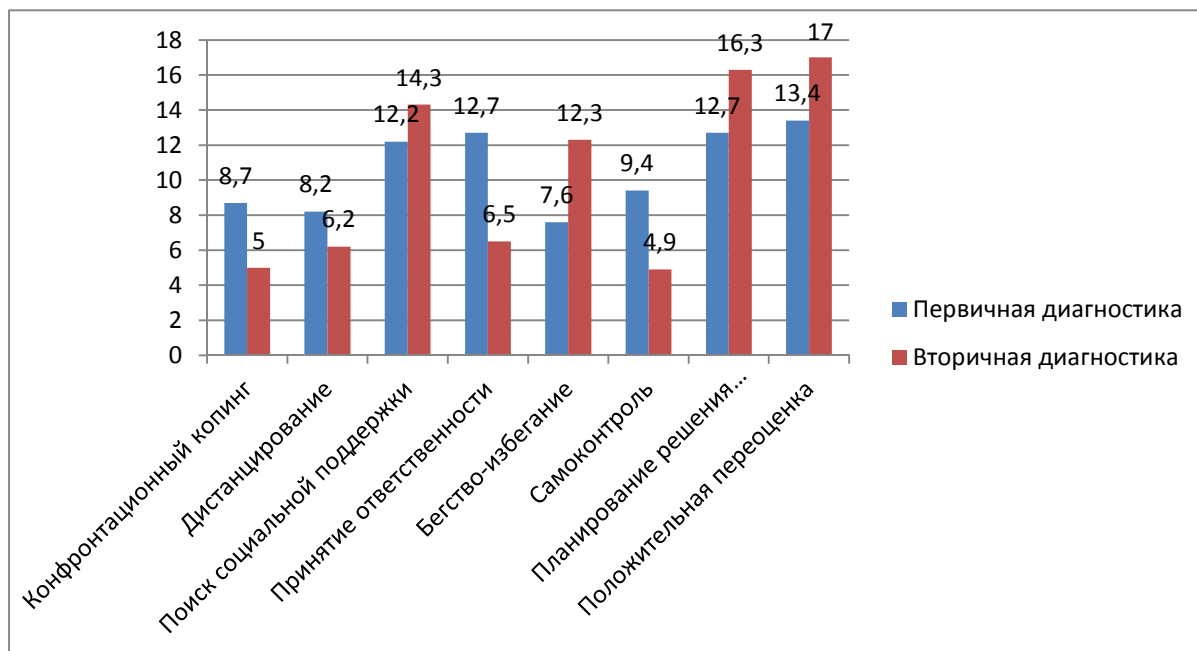
Результаты и обсуждение

Формирующий эксперимент включал *констатирующий* и *контрольный* этапы. *Констатирующий* этап предусматривал первичную психодиагностику степени выраженности психического выгорания и социально-психологических установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков, а *контрольный* – оценку эффективности реализации группового социально-психологического тренинга-интенсива по психопрофилактике их психического выгорания.

Результаты *контрольного этапа формирующего эксперимента* по оценке эффективности программы группового социально-психологического тренинга свидетельствуют о том, что выраженность социально-психологических установок в межличностном взаимодействии и психического выгорания существенно изменились.

Так, результаты исследования когнитивного компонента социально-психологических установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков на контрольном этапе засвидетельствовали значимость различий показателей копинг-стратегий по всем диагностическим шкалам. В целом у волонтеров-медиков наблюдается снижение импульсивности в поведении, наличие адекватности в планировании волонтерской деятельности и прогнозе результата, стремление к самообладанию, снижение значимости социальной поддержки и опора на внутренние ресурсы, усиление готовности к анализу собственной деятельности и решению трудностей без их аккумуляции, ее осмыслению и переоценке (рис. 4 и табл. 3).

Рис. 4. Результаты констатирующего и контрольного этапов в исследовании когнитивного компонента социально-психологических установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков

Fig. 4. The results of the ascertaining and control stages in the study of the cognitive component of the socio-psychological attitudes of interpersonal interaction of medical volunteers

Таблица 3. Значимость различий показателей когнитивного компонента социально-психологических установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков на констатирующем и контрольном этапах эксперимента (Wilcoxon Matched Pairs Test)

Table 3. The significance of differences in the indicators of the cognitive component of the socio-psychological attitudes of interpersonal interaction of medical volunteers at the ascertaining and control stages of the experiment (Wilcoxon Matched Pairs Test)

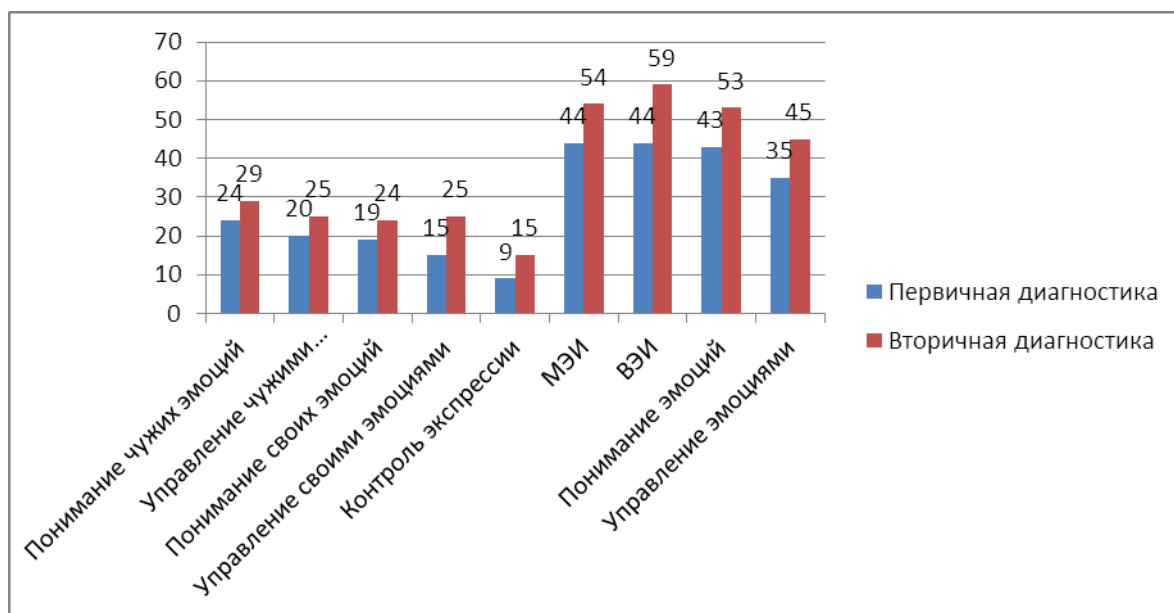
№ п/п	Наименование показателя	Этапы формирующего эксперимента				(1)-(2)		
		констатирующий (1)		Контрольный (2)		T	Z	p
		Mean	Качественный	Mean	Качественный			
1	Конфронтационный копинг	8,7	средний	5,00	низкий	0,00*	9,31	0,00
2	Дистанцирование	8,2	средний	6,2	низкий	0,00*	9,39	0,00
3	Самоконтроль	12,2	средний	14,5	высокий	0,00*	9,51	0,00
4	Поиск социальной поддержки	12,7	средний	6,5	низкий	0,00*	9,35	0,00
5	Принятие ответственности	7,6	средний	12,3	средний	0,00*	9,51	0,00
6	Бегство-избегание	9,4	средний	4,9	средний	45,00*	9,27	0,00
7	Планирование решения проблемы	12,7	средний	16,3	высокий	0,00*	9,51	0,00
8	Положительная переоценка	13,4	высокий	17,0	высокий	0,00*	9,51	0,00

* - значимость различий

Психологическая диагностика эмоционального компонента социально-психологических установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков на контрольном этапе демонстрирует статистически значимое повышение уровня эмоционального интеллекта (рис. 5, табл. 4).

В соответствии с полученными результатами можно отметить, что волон-

теры-медики улучшили навык распознавания и управления эмоциями благополучателей, с помощью сопровождения координаторов, групповой и индивидуальной рефлексии достигли более глубокого понимания собственных чувств, отработали навыки управления своими эмоциями.

Примечание: МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект, ВЭИ – внутриличностный эмоциональный интеллект.

Рис. 5. Результаты констатирующего и контрольного этапов в исследовании эмоционального компонента социально-психологических установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков

Fig. 5. The results of the ascertaining and control stages in the study of the emotional component of the socio-psychological attitudes of interpersonal interaction of medical volunteers

Таблица 4. Значимость различий показателей эмоционального компонента социально-психологических установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков на констатирующем и контрольном этапах эксперимента (Wilcoxon Matched Pairs Test)

Table 4. Significance of differences in indicators of the emotional component of the socio-psychological attitudes of interpersonal interaction of medical volunteers at the ascertaining and control stages of the experiment (Wilcoxon Matched Pairs Test)

№ П/п	Наименование показателя	Этапы формирующего эксперимента				(1)-(2)		
		констатирующий (1)		контрольный (2)		T	Z	p
		Mean	Качественный	Mean	Качественный			
1	Понимание чужих эмоций	23,9	средний	28,8	высокий	0,00*	9,51	0,00
2	Управление чужими эмоциями	20,3	средний	25,3	очень высокий	0,00*	9,51	0,00
3	Понимание своих эмоций	19,3	средний	24,1	высокий	0,00*	9,51	0,00

Окончание табл. 4

Table (ending)

№ п/п	Наименование показателя	Этапы формирующего эксперимента				(1)-(2)		
		констатирующий (1)		контрольный (2)		T	Z	p
		Mean	Качественный	Mean	Качественный			
5	Контроль экспрессии	9,1	средний	15,2	высокий	0,00*	9,51	0,00
6	Межличностный эмоциональный интеллект	44,1	средний	54,1	очень высокий	0,00*	9,51	0,00
7	Внутриличностный эмоциональный интеллект	43,8	средний	59,1	очень высокий	0,00*	9,51	0,00
8	Понимание эмоций	43,2	средний	53,0	высокий	0,00*	9,51	0,00
9	Управление эмоциями	35,7	низкий	45,4	средний	0,00*	9,51	0,00
10	Интегративный показатель	87,9	средний	113,3	очень высокий	0,00*	9,51	0,00

* - значимость различий

Вторичная диагностика поведенческого компонента социально-психологических установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков показала

значимое увеличение показателей их индивидуальной саморегуляции произвольной активности и индивидуального профиля (рис. 6, табл. 5).

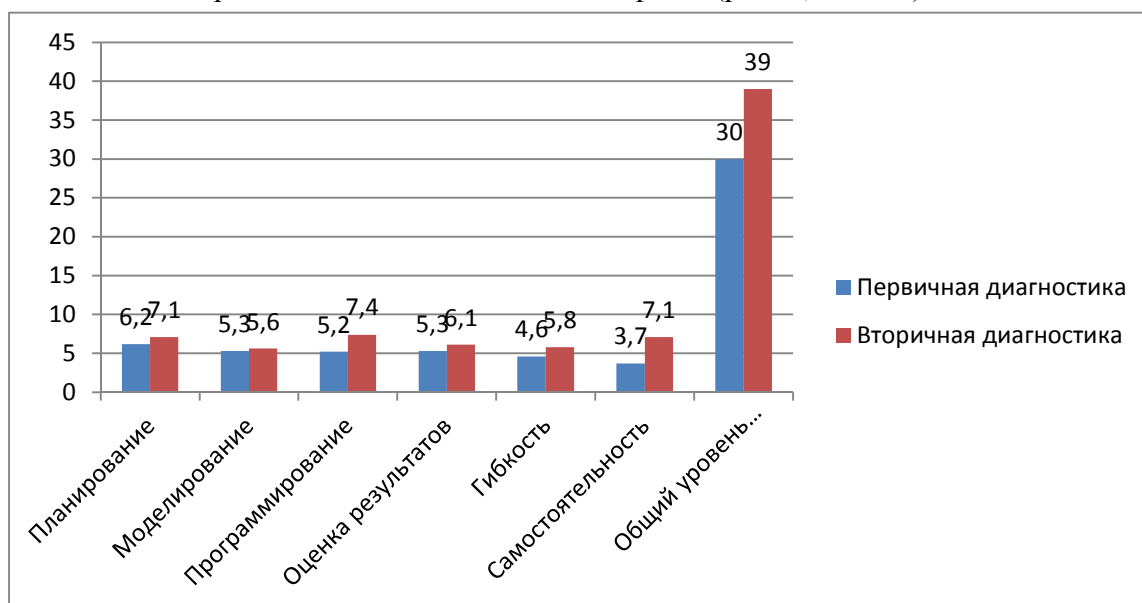

Рис. 6. Результаты констатирующего и контрольного этапов в исследовании поведенческого компонента социально-психологических установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков

Fig. 6. The results of the ascertaining and control stages in the study of the behavioral component of the socio-psychological attitudes of interpersonal interaction of medical volunteers

Таблица 5. Значимость различий показателей поведенческого компонента социально-психологических установок межличностного взаимодействия волонтеров-медиков на констатирующем и контрольном этапах эксперимента (Wilcoxon Matched Pairs Test)

Table 5. Significance of differences in the indicators of the behavioral component of the socio-psychological attitudes of interpersonal interaction of medical volunteers at the ascertaining and control stages of the experiment (Wilcoxon Matched Pairs Test)

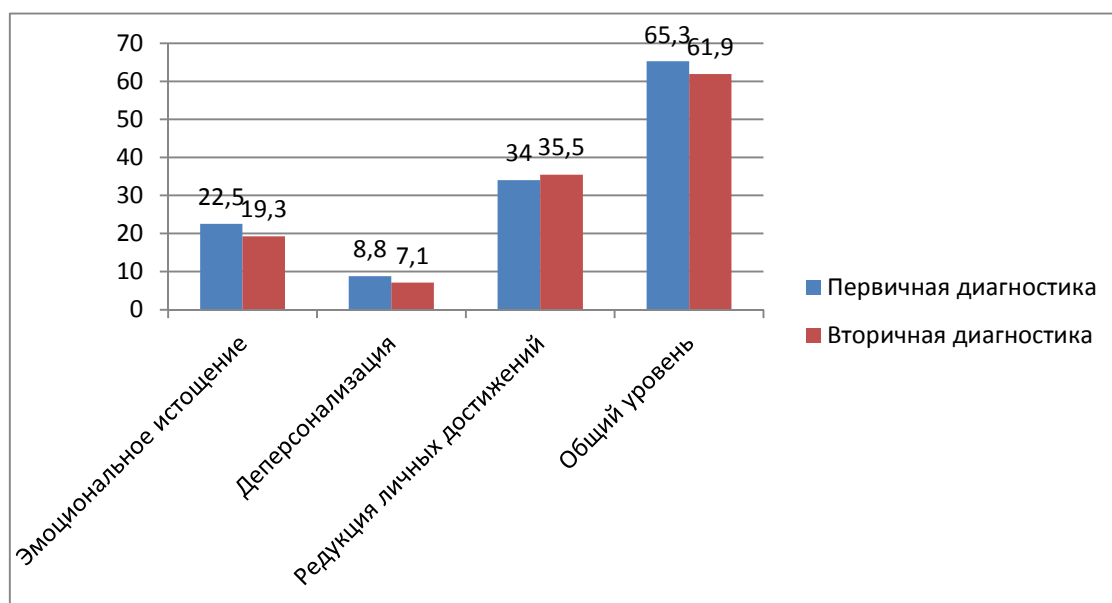
№ п/п	Наименование показателя	Этапы формирующего эксперимента				(1)-(2)		
		констатирующий (1)		контрольный (2)		T	Z	p
		Mean	Качественный	Mean	Качественный			
1	Планирование	6,2	средний	7,1	высокий	0,00*	9,51	0,00
2	Моделирование	5,3	средний	5,6	средний	0,00*	9,35	0,00
3	Программирование	5,2	средний	7,2	средний	0,00*	9,43	0,00
4	Оценивание результатов	5,3	средний	6,1	средний	5,00*	9,45	0,00
5	Гибкость	4,6	низкий	5,8	средний	6,50*	9,17	0,00
6	Самостоятельность	3,7	низкий	7,1	высокий	0,00*	9,19	0,00
7	Общий уровень саморегуляции	29,9	средний	38,9	высокий	0,00*	9,51	0,00

* - значимость различий

Таким образом, волонтеры-медики умеют планировать и программировать достижение жизненных целей с учетом значимых внешних и внутренних условий, оценивать результаты и корректировать свою активность в соответствии с ними. Они самостоятельны. Способны гибко и адекватно реагировать на изменение условий и формировать такой

стиль саморегуляции, который позволяет компенсировать влияние личностных особенностей, препятствующих достижению целей деятельности.

Исследование психического выгорания волонтеров-медиков засвидетельствовало значимость различий в выраженности всех его структурных элементов (рис. 7 и табл. 6):

Рис. 7. Результаты констатирующего и контрольного этапов в исследовании психического выгорания волонтеров-медиков

Fig. 7. The results of the ascertaining and control stages in the study of mental burnout of medical volunteers

Волонтеры получили сведения о причинах и способах профилактики выгорания, а также был разработан дневник, в котором отслеживались причины, эмоции, реакции и чувства, способствующие выгоранию.

Таблица 6. Значимость различий показателей психического выгорания волонтеров-медиков на констатирующем и контрольном этапах эксперимента (Wilcoxon Matched Pairs Test)

Table 6. The significance of differences in indicators of mental burnout of medical volunteers at the ascertaining and control stages of the experiment (Wilcoxon Matched Pairs Test)

№ п/п	Наименование показателя	Этапы формирующего эксперимента				(1)-(2)		
		констатирующий (1)		контрольный (2)		T	Z	p
		Mean	Качественный	Mean	Качественный			
1	Эмоциональное истощение	22,5	средний	19,3	средний	0,00*	9,51	0,00
2	Деперсонализация	8,8	средний	7,1	средний	24,00*	9,28	0,00
3	Редукция личных достижений	34,0	средний	35,5	средний	0,00*	9,51	0,00
4	Индекс психического выгорания	65,3	средний	61,9	средний	0,00*	9,51	0,00

* - значимость различий

С помощью метода структурно-психологического анализа А. В. Карпова (1998) также провели оценку меры интегрированности структуры психического

выгорания волонтеров-медиков и установили ее уменьшение на контрольном этапе формирующего эксперимента (табл. 7, 8).

Таблица 7. Мера интегрированности структуры психического выгорания волонтеров-медиков на констатирующем и контрольном этапах эксперимента

Table 7. A measure of the integration of the structure of mental burnout of medical volunteers at the ascertaining and control stages of the experiment

Мера интегрированности структуры психического выгорания	Этапы формирующего эксперимента	
	констатирующий	контрольный
ИКС	27	24
ИДС	0	0
ИОС	27	24

Структуры психического выгорания волонтеров-медиков являются гетерогенными, о чем свидетельствует незначимый коэффициент корреляции между их ран-

гами: $R=0,87$ при $p \leq 0,05$ и что указывает на эффективность социально-психологического тренинга.

Таблица 8. Базовые качества структур психического выгорания волонтеров-медиков на констатирующем и контрольном этапах эксперимента

Table 8. Basic qualities of the structures of mental burnout of medical volunteers at the ascertaining and control stages of the experiment

№п/п	Этапы формирующего эксперимента									
	констатирующий					контрольный				
	Наименование показателя	E ₊	E ₋	E ₀	ранг	Наименование показателя	E ₊	E ₋	E ₀	ранг
1	Эмоциональное истощение	12	0	4	1	Эмоциональное истощение	10	0	3	1
2	Деперсонализация	9	0	2	2	Деперсонализация	7	0	0	2,5
3	Редукция личных достижений	6	0	2	3	Редукция личных достижений	7	0	3	2,5

Полученные нами результаты исследования психического выгорания волонтеров-медиков согласуются с результатами зарубежных исследователей и учтены при разработке группового социально-психологического тренинга-интенсива.

Мы согласны с мнением Marcia Kessler (2011) о необходимости проведения семинаров для обучения и практики навыков межличностного общения, а также ознакомления с причинами, видами, симптомами психического выгорания волонтеров-медиков [20]. В разработанной и успешно апробированной программе социально-психологического тренинга по профилактике психического выгорания волонтеров-медиков мы также учли позицию *Paula Ewers, Tim Bradshaw (2002), а также Sosnowitz, Barbara G. и др. и Crescenzo, P., Marciano, R. (2021)* о важности обучения навыкам социального вмешательства и о его роли в улучшении собственных знаний и отношения к группе благополучателей и снижении уровня психического выгорания [21]. Так, *Sosnowitz, Barbara G. и др. и Crescenzo, P., Marciano, R. (2021)*, подчеркивали важными компонентами социального вмешательства внутреннюю и внешнюю социальную поддержку [22, 23]. Благодаря наставничеству координаторов происходит психологическое сопровождение волонтеров-медиков в течение года, что

способствует вовлечению добровольцев в регулярную профессионально-ориентированную деятельность, снижению уровня психического напряжения и текучести кадров [24].

Выводы

По результатам реализации социально-психологического тренинга по профилактике психического выгорания волонтеров-медиков в профессионально-ориентированной волонтерской деятельности выявлены значимые изменения его выраженности и меры интегрированности его структуры, а также содержания структурных компонентов (когнитивного, эмоционального и поведенческого) социально-психологических установок межличностного взаимодействия. Успешно выполнены мероприятия по информированию о феноменологии, генезисе, диагностике и способах профилактики психического выгорания с целью сохранения уровня мотивации и интереса к работе, а также развитию межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта у волонтеров-медиков, повышению уровня их саморефлексии и саморегуляции, формированию навыка использования продуктивных копинг-стратегий в сложных ситуациях профессионально-ориентированной волонтерской деятельности.

Список литературы

1. Yandan Wu & Chunxiao Li. Helping Others Helps? A Self-Determination Theory Approach on Work Climate and Wellbeing among Volunteers // *Applied Research in Quality of Life*, Springer; International Society for Quality-of-Life Studies, 2019. Vol. 14(4). Pp. 1099–1111. <https://doi.org/10.1007/s11482-018-9642-z>
2. Francesco Chirico, Pietro Crescenzo, Angelo Sacco et al. Prevalence of burnout syndrome among Italian volunteers of the Red Cross: a cross-sectional study // *Industrial Health*. 2021. Vol. 59, no 2. Pp. 117-127. <https://doi.org/10.2486/indhealth.2020-0246>
3. Fritha Roberts, Bonnie Teague, Jennifer Lee, Imogen Rushworth. The Prevalence of Burnout and Secondary Traumatic Stress in Professionals and Volunteers Working With Forcibly Displaced People: A Systematic Review and Two Meta-Analyses // *Journal of Traumatic Stress*. 2021. Vol. 34, is. 4. Pp. 773-785. <https://doi.org/10.1002/jts.22659>.
4. Oscar Licandro, Stefanía Yapor Patricia Correa. Analysis of the personal factors of the volunteers as mediators between the satisfaction and the permanence in employee volunteering // *International Review on Public and Nonprofit Marketing*. 2021. Vol.19, no 1. Pp. 127–151. <https://doi.org/10.1007/S12208-021-00299-Y>.
5. Jessica L. Morse, Bryan J. Dik, Adelyn B. Shimizu, Kaitlyn A. Reed. Volunteerism and Burnout: Does Satisfaction of Motives for Volunteering Protect Against Symptoms? // *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2022. Vol. 33. Pp. 229–241. <https://doi.org/10.1007/s11266-020-00257-y>.
6. Головешкина Н.В., Никитина А.Г., Спирина В.С. Взаимосвязь ценностных ориентаций и системы отношений личности к временному континууму у студентов-психологов // *Психология XXI века теория и практика современной психологии*. 2017. С. 25–27.7. Серова Е.А. Профилактика эмоционального выгорания студентов-волонтеров как фактор сохранения их психического здоровья: постановка проблемы // *Материалы II Региональной научно-практической конференции «Психология здоровья в образовательном процессе»* (г. Курск, 11 ноября 2021 г.). Курск: КГМУ, 2021. С. 98-102.
8. Водопьянова Н.Е. Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда (на примере специалистов «субъект-субъектных» профессий): автореф. дис. ...д-ра психол. наук. СПб., 2014. 49 с.
9. Орёл В.Е. Синдром эмоционального выгорания личности. М.: Институт психологии РАН, 2005. 330 с.
10. Maslach C. Burnout. The Cost of Caring. Englewood Cliffs; Prentice – Hall; 1982. 177 p.
11. Мясищев В.Н. Психология отношений. Текст. // *Избр. психол. труды / под ред. А.А. Бодалева*. М., Воронеж: МОДЕК, 1998. 363 с.
12. Обозов Н.Н. О трехкомпонентной структуре межличностного взаимодействия // *Психология межличностного познания / ред. А.А. Бодалев*. М.: Педагогика, 1981. С. 80-92. URL: <http://www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=62747> .
13. Гордеева С.С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2016. Вып. 3(27). С. 135–140. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-3-135-140>.

14. Девяткин А.А. Явление социальной установки в психологии XX века / Калинингр. ун-т. Калининград, 1999. 309 с.
15. Молчанова Л.Н., Блинова К.В. Взаимосвязи способов совладающего поведения и психического выгорания волонтеров-медиков в условиях профессионально ориентированной волонтерской деятельности (в период пандемии COVID-19) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т.11, №4. С. 202–203.
16. Молчанова Л.Н., Блинова К.В. Взаимосвязи эмоционального интеллекта и психического выгорания волонтеров-медиков в условиях профессионально ориентированной волонтерской деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т.11, №3. С. 181–193.
17. Водопьянова Н.Е. Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008. 358 с.
18. Карпов А.В. Психология принятия управленческих решений. М.: Юристъ, 1998.
19. Волков И.П. Межличностный контакт как психологическая основа группообразования // Вопросы психологии познания людьми друг друга и общения: научные труды / Кубанский гос. ун-т; ред. Б. А. Еремеев. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та. Кн. 2. 1978. С. 29–34.
20. Marcia Kessler, M.S. Preventing Burnout: Taking the Stress Out of the Job // The international journal of volunteer administration. 2011. Vol. XXVIII, no. 3. Pp. 68-73.
21. Paula Ewers, Tim Bradshaw, John McGovern, Bob Ewers Does training in psychosocial interventions reduce burnout rates in forensic nurses? // J Adv. Nurs. 2002. 37(5). Pp. 470–476. <https://doi.org/10.1046/j.1365-2648.2002.02115.x>.
22. Crescenzo P., Marciano R., Maiorino A., Denicolo D., D'Ambrosi D., Ferrara I., Calabrese S., & Diodato F. First COVID-19 wave in Italy: coping strategies for the prevention and prediction of burnout syndrome (BOS) in voluntary psychologists employed in telesupport // Psychology Hub, 2021. 38(1), 31–38. <https://doi.org/10.13133/2724-2943/17435>.
23. Sosnowitz, Barbara G.; Appleby, George A. Preventing Volunteer Burn Out Through a Structured Support Network. Medicine. 1988. URL: <https://eric.ed.gov/?id=ED305541>.
24. Kenneth V. Iserson. Burnout Syndrome: Global Medicine Volunteering as a Possible Treatment Strategy // The Journal of Emergency Medicine. 2018. 54(4). Pp. 516–521. <https://doi.org/10.1016/j.jemermed.2017.12.062>.
25. Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.
26. Моросанова В.И., Аронова Е.А. Самосознание и саморегуляция поведения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 245 с.
27. Опросник на эмоциональный интеллект: новые психометрические данные. URL: http://creativity.ipras.ru/texts/books/social_IQ_2009/lusin_social_IQ_2009.pdf (дата обращения: 07.07.2022)

References

1. Yandan Wu & Chunxiao Li. Helping Others Helps? A Self-Determination Theory Approach on Work Climate and Wellbeing among Volunteers. *Applied Research in Quality of Life*,

Springer; International Society for Quality-of-Life Studies, 2019, vol. 14(4), pp. 1099–1111. <https://doi.org/10.1007/s11482-018-9642-z>

2. Francesco Chirico, Pietro Crescenzo, Angelo Sacco et al. Prevalence of burnout syndrome among Italian volunteers of the Red Cross: a cross-sectional study. *Industrial Health*, 2021, vol. 59, no 2, pp. 117-127. <https://doi.org/10.2486/indhealth.2020-0246>

3. Fritha Roberts, Bonnie Teague, Jennifer Lee, Imogen Rushworth. The Prevalence of Burnout and Secondary Traumatic Stress in Professionals and Volunteers Working With Forcibly Displaced People: A Systematic Review and Two Meta-Analyses. *Journal of Traumatic Stress*, 2021, vol. 34, is. 4, pp. 773-785. <https://doi.org/10.1002/jts.22659>.

4. Oscar Licandro, Stefanía Yapor Patricia Correa. Analysis of the personal factors of the volunteers as mediators between the satisfaction and the permanence in employee volunteering. *International Review on Public and Nonprofit Marketing*, 2021, vol. 19, no 1, pp. 127–151. <https://doi.org/10.1007/S12208-021-00299-Y>.

5. Jessica L. Morse, Bryan J. Dik, Adelyn B. Shimizu, Kaitlyn A. Reed. Volunteerism and Burnout: Does Satisfaction of Motives for Volunteering Protect Against Symptoms? *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2022, vol. 33, pp. 229–241. <https://doi.org/10.1007/s11266-020-00257-y>.

6. Goloveshkina N.V., Nikitina A.G., Spirina V.S. Vzaimosvyaz' cennostnyh orientacij i sistemy otnoshenij lichnosti k vremennomu kontinuumu u studentov-psihologov [Interrelation of value orientations and the system of personality relations to the time continuum among psychology students]. *Psihologiya XXI veka teoriya i praktika sovremennoj psihologii* [Psychology of the XXI century theory and practice of modern psychology], 2017, pp. 25–27.

7. Serova E.A. Profilaktika emocional'nogo vygoraniya studentov-volonterov kak faktor sohraneniya ih psicheskogo zdorov'ya: postanovka problemy [Prevention of emotional burnout of volunteer students as a factor of preserving their mental health: statement of the problem]. *Materialy II Regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii «Psihologiya zdorov'ya v obrazovatel'nom processe»* [Materials of the II Regional scientific and practical Conference "Psychology of health in the educational process"]. Kursk, KGMU Publ., 2021, pp. 98–102.

8. Vodop'yanova N.E. *Resursnoe obespechenie protivodejstviya professional'nomu vygoraniyu sub"ektov truda (na primere specialistov «sub"ekt-sub"ektnyh» professij)*. Avtoref. diss. d-ra psihol. nauk [Resource provision of counteraction to professional burnout of labor subjects (by the example of specialists of "subject-subject" professions). Cand. philol. sci. abstract diss.]. St. Petersburg, 2014. 49 p.

9. Oryol V.E. *Sindrom emocional'nogo vygoraniya lichnosti* [Emotional burnout syndrome]. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2005. 330 p.

10. Maslach C. *Vurnout. The Cost of Caring*. Englewood Cliffs; Prentice – Hall; 1982. 177 p.

11. Myasishchev V.N. *Psihologiya otnoshenij. Tekst* [Psychology of relations Text]. *Izbr. psihol. Trudy* [Selected psychological works]; ed by A.A. Bodalev. Moscow, Voronezh, MODEK Publ., 1998. 363 p.

12. Obozov N.N. O trekhkomponentnoj strukture mezhlichnostnogo vzaimodejstviya [On the three-component structure of interpersonal interaction]. *Psihologiya mezhlichnostnogo poznavaniya* [Psychology of interpersonal cognition]; ed by A.A. Bodalev. Moscow, Pedagogika Publ., 1981, pp. 80-92. Available at: <http://www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=62747>.

13. Gordeeva S.S. Sushchnost' i struktura social'noj ustanovki v sociologii i social'noj psihologii [The essence and structure of social attitudes in sociology and social psychology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya = Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2016, is. 3(27), pp. 135–140. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-3-135-140>.
14. Devyatkin A.A. *Yavlenie social'noj ustanovki v psihologii XX veka* [The phenomenon of social attitudes in psychology of the twentieth century]. Kaliningrad, 1999. 309 p.
15. Molchanova L.N., Blinova K.V. Vzaimosvyazi sposobov sovladayushchego povedeniya i psihicheskogo vygoraniya volonterov-medikov v usloviyah professional'no orientirovannoj volonterskoj deyatelnosti (v period pandemii COVID-19) [Interrelations of coping behaviors and mental burnout of medical volunteers in the conditions of professionally oriented volunteer activity (during the COVID-19 pandemic)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 202–2013.
16. Molchanova L.N., Blinova K.V. Vzaimosvyazi emocional'nogo intellekta i psihicheskogo vygoraniya volonterov-medikov v usloviyah professional'no orientirovannoj volonterskoj deyatelnosti [Interrelations of emotional intelligence and mental burnout of medical volunteers in the conditions of professionally oriented volunteer activity]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 181–193.
17. Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika* [Burnout syndrome: diagnosis and prevention]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 358 z.
18. Karpov A.V. *Psihologiya prinyatiya upravlencheskih reshenij* [Psychology of managerial decision-making]. Moscow, Yurist Publ., 1998.
19. Volkov I.P. Mezhluchnostnyj kontakt kak psihologicheskaya osnova gruppooobrazovaniya [Interpersonal contact as a psychological basis of group formation]. *Voprosy psihologii poznaniya lyud'mi drug druga i obshcheniya: nauchnye trudy* [Questions of psychology of people's cognition of each other and communication. Scientific works]. Krasnodar, 1978, pp. 29–34.
20. Marcia Kessler, M.S. Preventing Burnout: Taking the Stress Out of the Job. *The international journal of volunteer administration*, 2011, vol. XXVIII, no 3, pp. 68-73.
21. Paula Ewers, Tim Bradshaw, John McGovern, Bob Ewers Does training in psychosocial interventions reduce burnout rates in forensic nurses? *J Adv. Nurs*, 2002, no. 37(5), pp. 470–476. <https://doi.org/10.1046/j.1365-2648.2002.02115.x>.
22. Sosnowitz, Barbara G.; Appleby, George A. Preventing Volunteer Burn Out Through a Structured Support Network. *Medicine*. 1988. Available at: <https://eric.ed.gov/?id=ED305541>
23. Crescenzo P., Marciano R., Maiorino A., Denicolo D., D'Ambrosi D., Ferrara I., Calabrese S., & Diodato F. First COVID-19 wave in Italy: coping strategies for the prevention and prediction of burnout syndrome (BOS) in voluntary psychologists employed in telesupport. *Psychology Hub*, 2021, 38(1), 31–38. <https://doi.org/10.13133/2724-2943/17435>.
24. Kenneth V. Iserson. Burnout Syndrome: Global Medicine Volunteering as a Possible Treatment Strategy. *The Journal of Emergency Medicine*, 2018, 54(4), pp. 516–521. <https://doi.org/10.1016/j.jemermed.2017.12.062>.

25. Kryukova T.L., Kuftyak E.V. Oprosnik sposobov sovladaniya (adaptaciya metodiki WCQ) [Questionnaire of coping methods (adaptation of WCQ methodology)]. *Zhurnal prakticheskogo psihologa = Journal of a Practical Psychologist*, 2007, no. 3, pp. 93–112.

26. Morosanova V.I., Aronova E.A. *Samosoznanie i samoregulyaciya povedeniya* [Self-awareness and self-regulation of behavior]. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2007. 245 p.

27 *Oprosnik na emocional'nyj intellekt: novye psihometricheskie dannye* [Emotional Intelligence questionnaire: new psychometric data]. Available at: http://creativity.ipras.ru/texts/books/social_IQ_2009/lusin_social_IQ_2009.pdf (accessed 07.07.2022)

Информация об авторах / Information about the Authors

Молчанова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6309-1825, Researcher ID: AAF-9625-2019

Lyudmila N. Molchanova, Dr. of Sci. (Psychological), Professor, Department of Psychology of Health and Neuropsychology, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation, e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6309-1825, Researcher ID: AAF-9625-2019

Блинова Кристина Викторовна, аспирант кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: sam.meteorit@yandex.ru,

Kristina V. Blinova, Post-Graduate Student, Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation, e-mail: sam.meteorit@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 159.922

Специфика проявлений коммуникативных особенностей студентов как фактор конфликтности в межличностном взаимодействииТ. В. Иванова¹, О. Л. Ворошилова¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: mk473942@yandex.ru

Резюме

Цель исследования. Важность исследования конфликтности личности подтверждается работами российских и зарубежных ученых. Развитие коммуникативных качеств личности студентов является прочной основой формирования их профессионализма. Целью исследования мы ставим выявление коммуникативных особенностей в процессе межличностного взаимодействия и проверку их влияние на конфликтность студентов. В статье исследованы коммуникативные установки студентов. Показана их взаимосвязь с уровнем конфликтности. Выявлены преобладающие негативные установки в межличностном общении студентов, которые приводят к конфликтам.

Методы. Методика «Диагностика типа коммуникативной установки» В. Бойко была использована для изучения проявления негативных установок в межличностном общении студентов. Для определения общего показателя агрессии и враждебности как специфики взаимодействия в межличностном общении мы выбрали методику «Опросник враждебности» А. Басса и А. Дарки. Степень общей конфликтности индивида позволяет определить методику «Личная агрессивность и конфликтность» Е.П. Ильина. Для установления связи между конфликтностью и негативными установками, а также индексами враждебности, агрессии как особенностями коммуникации в межличностном взаимодействии нами был проведен корреляционный анализ по критерию Спирмена.

Результаты. В процессе эмпирического исследования было выявлено, что значительное число студентов имеет ярко выраженные негативные установки в межличностном взаимодействии. Среди них высокие показатели наблюдаются по шкалам завуалированная и открытая жестокость, а также брюзжание. Несмотря на то, что у большинства студентов враждебность и агрессивность проявляются на низком и среднем уровнях, сумма баллов по отдельным видам реакций превышает номинал. Это говорит о развитии форм агрессивности, затрудняющем сотрудничество, сознательную кооперацию, а также провоцирующей конфликтность. Общий уровень конфликтности большинства студентов находится на среднем и низком уровнях, однако значительное число испытуемых показали высокие баллы по этой шкале, что коррелирует с показателями по шкалам агрессивность и наличием негативных установок.

Заключение. Таким образом, необходима коррекция негативных установок как фактора конфликтности студентов. Для этой цели нами разработана программа психологического тренинга, эффективность которой была доказана на практике и статистически.

Ключевые слова: коммуникативные установки; конфликтность; агрессивность; студенты; межличностное взаимодействие.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Иванова Т. В., Ворошилова О. Л. Специфика проявлений коммуникативных особенностей студентов как фактор конфликтности в межличностном взаимодействии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 196-205.

Статья поступила в редакцию 07.10.2022

Статья подписана в печать 26.10.2022

Статья опубликована 21.12.2022

The Specificity of Manifestations of Students' Communicative Features as a Factor of Conflict in Interpersonal Interaction

Tatiana V. Ivanova¹✉, Olga L. Voroshilova¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: mk473942@yandex.ru

Abstract

Purpose of the study. The importance of the study of personality conflict is confirmed by the works of Russian and foreign scientists. The development of the communicative qualities of the personality of students is a solid basis for the formation of their professionalism. The aim of the study is to identify communicative features in the process of interpersonal interaction and to test their influence on students' conflict. The article explores the communicative attitudes of students. Their relationship with the level of conflict is shown. The prevailing negative attitudes in the interpersonal communication of students, which lead to conflicts, are revealed.

Methods. Methodology "Diagnosis of the type of communicative attitude" by V. Boyko was used to study the manifestation of negative attitudes in the interpersonal communication of students. To determine the general indicator of aggression and hostility as a specificity of interaction in interpersonal communication, we chose the method of "Hostility Questionnaire" by A. Bass and A. Darki. The degree of general conflict of an individual can be determined by the methodology "Personal aggressiveness and conflict" by E.P. Ilyin. To establish a connection between conflict and negative attitudes, as well as indices of hostility, aggression as features of communication in interpersonal interaction, we conducted a correlation analysis according to the Spearman criterion.

Results. In the process of empirical research, it was revealed that a significant number of students have pronounced negative attitudes in interpersonal interaction. Among them, high rates are observed on the scales of veiled and open cruelty, as well as grumbling. Despite the fact that most students exhibit hostility and aggressiveness at low and medium levels, the sum of points for certain types of reactions exceeds the nominal value. This indicates the development of forms of aggressiveness, which impedes cooperation, conscious cooperation, and also provokes conflict. The general level of conflict among the majority of students is at medium and low levels, however, a significant number of subjects showed high scores on this scale, which correlates with indicators on scales of aggressiveness and the presence of negative attitudes.

Conclusion. Thus, it is necessary to correct negative attitudes as a factor of students' conflict. For this purpose, we have developed a program of psychological training, the effectiveness of which has been proven in practice and statistically.

Keywords: communicative attitudes; conflict; aggressiveness; students; interpersonal interaction.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ivanova T. V., Voroshilova O. L. The Specificity of Manifestations of Students' Communicative Features as a Factor of Conflict in Interpersonal Interaction. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(4): 196–205 (In Russ.).

Received 07.10.2022

Accepted 26.10.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

На сегодняшний день существует множество работ, в которых обсуждаются проблемы коммуникации, но в большей степени в них рассматривается либо передача информации, либо организаци-

онное целенаправленное воздействие. Фундаментальному анализу коммуникации посвящены работы Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина, А.М. Пятигорского, К. Ясперса и др. [1]. Концептуальными основами психологии речевого воздействия в

российской науке являются теория деятельности, представленная в трудах А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского, и психология общения, отраженная в работах А.А. Леонтьева, Б.Д. Парыгина, А.А. Бодалева, В.В. Бойко и др. [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Мы опирались на методологические основы конфликтологии, отраженные в трудах российских ученых С.М. Емельянова, А.Я. Анцупова, А.И. Шипилова [8, 9].

В нашей работе мы рассматриваем особенности коммуникации как фактора конфликтности. Объектом нашего исследования является коммуникация как процесс межличностного взаимодействия. В качестве предмета исследования мы выбираем специфические проявления коммуникативных особенностей личности как фактор конфликтности. Целью исследования мы ставим выявление коммуникативных особенностей в процессе межличностного взаимодействия и проверку их влияние на конфликтность.

Эффективность коммуникативной деятельности обеспечивается комплексом индивидуальных коммуникативных характеристик человека. Одной из особенностей коммуникации является агрессивность в общении между людьми как ключ к достижению цели. За использованием вербальной агрессии часто стоит неспособность человека разрешить конфликт конструктивным способом.

В коммуникации может присутствовать негативизм, который проявляется как специфическое поведение человека вопреки ожиданиям партнера. Психологической основой регулярного проявления негативизма является субъективная установка отрицания и несогласия с определёнными ожиданиями, требованиями, мировоззрениями отдельных людей, социальных групп или всего общества в целом.

Конфликтогенной чертой коммуникации является брюзжание, то есть склонность к необоснованным обобщениям негативных фактов в области отношений с

партнерами, в наблюдении за социальной реальностью, допускающая прямые обвинения, насмешки, назидания и упреки.

Категоричность, также оказывает конфликтогенное влияние на общение между людьми. Это черта характера, которая подразумевает человека с четкой позицией по определенным вопросам. Изменить его мнение невозможно, так как он не допускает существования другой точки зрения. Категоричность часто проявляется в неуважении к собеседнику, отталкивающих фразах.

Согласно Е.П. Ильину, конфликтность является набором характерных эмоциональных свойств личности, включая вспыльчивость, обидчивость и мстительность [10]. У людей, склонных к конфликту, часто наблюдаются стереотипные установки, аналогичное им поведение, предубеждения, неуверенность в себе. При этом в самом индивиде может существовать личностный внутренний конфликт.

Результаты и обсуждение

Для изучения специфики коммуникативных особенностей личности мы выбрали необходимые методы исследования, которые позволили нам изучить их влияние на конфликт в межличностном общении.

Методика «Диагностика типа коммуникативной установки» В. Бойко была использована для изучения индивидуального уровня негативных установок. С помощью этого опросника можно определить присутствие и степень выраженности коммуникативных установок, отражающих готовность относиться к большинству окружающих недоброжелательно. Они формируются под влиянием неблагоприятного опыта человеческого взаимодействия, а также из-за ярко выраженных эмоций негативного спектра. С помощью этой методики можно выявлять такие негативные установки: полностью открытая жестокость по отношению к

конкретному человеку или ко всем людям; обоснованный негативизм в суждениях о людях; брюзжание или склонность делать необоснованные обобщения негативных фактов в области отношений с партнёрами и в наблюдении за социальной реальностью; условно личный негативный опыт взаимодействия с окружающими людьми.

Для определения общего показателя агрессии и враждебности как специфики взаимодействия в межличностном общении мы выбрали методику «Опросник враждебности» А. Басса и А. Дарки. Она позволяет выявить следующие типы реакций человека в общении: обида, раздражение, подозрительность, вербальная агрессия, физическая агрессия, чувство вины, косвенная агрессия, негативизм. Следует отметить, что некоторые виды реакций, такие как физическая и вербальная агрессия, раздражение вместе формируют общий индекс агрессии, а такие реакции как обида и подозрительность формируют индекс враждебности.

При этом каждый человек обладает и индексом агрессии, и индексом враждебности в определённой степени. Нормальные индексы агрессии и враждебности испытуемого индивида фиксируется в интервале «средние нормы».

Степень общей конфликтности индивида позволяет определить методика «Личная агрессивность и конфликтность» Е.П. Ильина, которая позволяет определять отрицательную и положительную агрессивность, а также обобщённый показатель конфликтности.

В период с апреля по май 2022 года были проведены опросы при помощи методик для изучения специфики проявлений коммуникативных особенностей личности как фактора конфликтности в межличностном взаимодействии. Участие в опросе приняли студенты второго курса Юго-Западного государственного университета. Выборка участников составила 123 человека. Возраст опрошенных составил от 18 до 20 лет.

Рис. 1. Процентные соотношения уровней конфликтности по методике В. Бойко «Диагностика типа коммуникативной установки»

Fig. 1. Percentages of conflict levels according to V. Boyko's method «Diagnostics of the type of communicative attitude»

Проанализировав результаты исследования по методике В. Бойко «Диагностика типа коммуникативной установки», мы выяснили, что лишь у 17.3% отсутствует или выраженность негативных установок очень низкая. Таким людям обычно говорят, что такой человек лёгкий в общении. Это позитивно мыслящая, избегающая конфликтов, с улыбкой, не навязывающая свое плохое настроение другим личность. Обычно у таких людей очень много друзей, как показатель их легкости. Они не вступают в конфликты из-за пустяков, скорее стараются достичь понимания с собеседником и вместе решить какую-либо проблему. Такие студенты обычно доброжелательны, открыты, готовы откликнуться на проблемы других людей (рис. 1).

У 34.9% присутствуют выраженные негативные установки. У таких студентов в общении прослеживается определенное настроение. Как, например, ворчать по любому случаю, демонстративно показывать свое недовольство.

У 47.8% студентов негативные установки в общении наиболее ярко выделяются. Это значит, что в межличностном общении зачастую конфликты могут за-

родиться из-за какой-то мелочи. Такие люди ставят себя на первое место в любых спорах, ситуациях, обычно воспринимают только тех, кто поддерживает их точку зрения. Такой студент старается не заводить крепких отношений, он готов получить помощь, но сам ее предоставить без какой-либо выгоды не захочет.

Самые высокие средние баллы были получены по шкалам: «Завуалированная жестокость», «Открытая жестокость», «Брюзжание». Самый низкий общий балл был получен по шкале «Обоснованный негативизм».

По методике «Диагностика типа коммуникативной установки» В. Бойко общий средний балл респондентов составил 53,5 из 100, что означает присутствие выраженных негативных установок, которые часто используются ими в межличностном общении. Можно сделать вывод, что у 82.6% студентов в межличностном взаимодействии большую роль играют негативные установки, что сказывается на конфликтности.

Следующая методика, которую мы использовали, это «Опросник враждебности».

Рис. 2. Процентные соотношения уровней агрессии опрошенных по методике «Опросник враждебности» Басса-Дарки

Fig. 2. Percentages of aggression levels of respondents according to the method of "Hostility questionnaire" by Bass-Darkey

Исходя из результатов, мы видим, что у 17.3% студентов низкий уровень агрессии, у 47.8% – средний уровень, у 30.4% – повышенный и лишь у 4.5% – высокий уровень индекса агрессии. То есть у 39.9% респондентов агрессия используется в межличностном взаимодействии в качестве защитной реакции в конфликте либо для его разжигания (рис. 2).

Рассмотрев результаты исследования по шкале «враждебность», можно заметить, что у 8.6% испытуемых низкий уровень враждебности, у 43.4% – средний уровень, у 21.7% – повышенный, 26.3% студентов показали высокий уровень индекса враждебности. Следовательно, у 47.3% респондента есть недоверие к собеседнику, что мешает продуктивному установлению контактов (рис. 3).

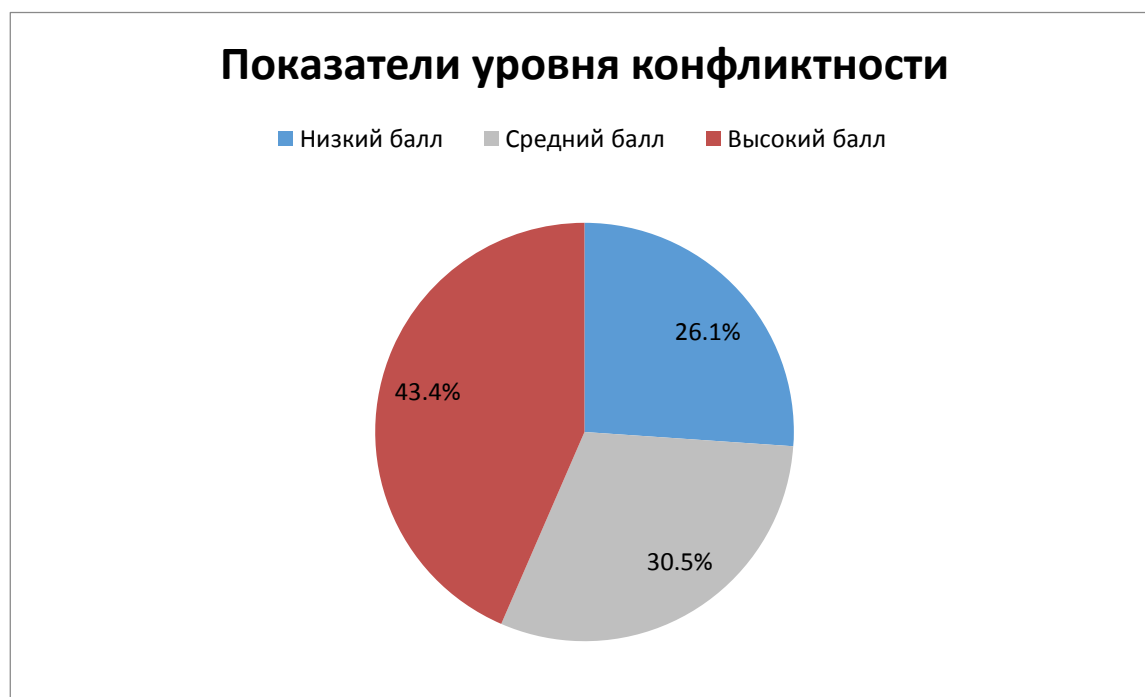
Рис. 3. Процентные соотношения уровней враждебности опрошенных по методике «Опросник враждебности» Басса-Дарки

Fig. 3. Percentages of the levels of hostility of respondents according to the method of "Hostility questionnaire" by Bass-Darkey

Физическая агрессия, раздражение и вербальная агрессия вместе образуют суммарный индекс агрессии, а обида и подозрительность – индекс враждебности. Наиболее высокий средний балл был получен по шкале подозрительности. То есть, в конфликтной ситуации студенты часто полагают, что являются жертвой нападок оппонента. В большинстве конфликтов каждый из участников убежден в своей правоте и желании справедливого разрешения конфликта и уверен, что оппонент этого не хочет. В результате по-

дозрительность вытекает из имеющейся предубежденности. У большинства студентов сумма баллов по отдельным видам реакций испытуемого превышает номинал, то это говорит о чрезмерном развитии форм агрессивности, затрудняющем сотрудничество, сознательную кооперацию, а также провоцирующем конфликтность.

Рассмотрим результаты исследования по методике Е.П. Ильина «Личностная агрессивность и конфликтность» (рис. 4).

Рис. 4. Процентные соотношения уровней конфликтности опрошенных по методике Е.П. Ильина «Личностная агрессивность и конфликтность»

Fig. 4. Percentages of the levels of conflict of respondents according to the methodology of E.P. Ilyin «Personal aggressiveness and conflict»

Как мы видим из диаграммы, у 26,1% низкий уровень конфликтности. Исходя из результатов прошлых опросов, именно у этих студентов были наименьшие баллы по шкалам: негативные установки и индекс враждебности / агрессии. Низкий уровень указывает, что студенты стараются не вступать в конфликт. Но такая личность внутренне противоречива, излишне склоняется к компромиссу, высказывает меньше претензий, не стремится отстаивать свои интересы, сдерживает свои эмоции. С одной стороны, низкий уровень конфликтности может проявляться ввиду особенностей миролюбивого характера, с другой – как следствие равнодушия или пассивности. Кроме этого, низкая конфликтность может говорить о неумении отстаивать свои психологические границы.

У 30,5% испытуемых – средний уровень конфликтности. Личность, имеющая этот уровень конфликтности, осознает свою позицию и намерения. Человек

смело входит в конфликтную ситуацию, если это необходимо.

У 43,4% студентов – высокий уровень конфликтности. Каждый испытуемый из этой категории имеет хотя бы одну ярко выраженную негативную установку, либо несколько установок, которыми он часто пользуется в межличностном общении.

На следующем этапе исследовательской работы был проведён корреляционный анализ для установления связи между конфликтностью и негативными установками, а также индексами враждебности, агрессии, как особенностями коммуникации в межличностном взаимодействии. Коэффициент корреляции, приведенный в нашем исследовании, получен при уровне статистической значимости 0,05 или вероятности ошибки 5%.

Мы сопоставили шкалы «конфликтность» по методике Е.П. Ильина и «индекс агрессии» по методике Басса-Дарка. Было выявлено, что связь между ними

умеренная и прямая ($r_{s \text{ эмп}} = 0.604$). Такой результат дает основание предположить, что агрессия для студентов выступает одним из способов вступления в конфликтную ситуацию. Выявленная нами корреляция означает, что в нашей выборке наблюдается такая закономерность: чем выше агрессивность, тем выше конфликтность.

Сопоставив шкалы «конфликтность» и «индекс враждебности», мы обнаружили прямую и слабую связь ($r_{s \text{ эмп}} = 0.405$). Минимальный уровень критического значения равен 0,42 при статистической значимости в 0,05. Это и показывает нам, что взаимосвязь между этими шкалами присутствует, но слабо выражается.

Далее нами были сопоставлены шкалы «конфликтность» (по методике Е.П. Ильина) и «негативные установки» (по методике В.В. Бойко). В ходе анализа было обнаружено, что связь между этими шкалами сильная и прямая ($r_{s \text{ эмп}} = 0.709$). Наличие положительной статистически значимой корреляционной связи между конфликтностью и негативными установками позволяет говорить о том, что любая негативная установка выступает одним из факторов конфликтности у студентов. Это означает, что чем больше установок используется человеком, тем выше шанс вступление в конфронтацию.

Нами была разработана программа тренинга по развитию коммуникации в процессе межличностного взаимодействия. Основная цель социально-психологического тренинга – повышение коммуникативных навыков студентов. Достижение цели тренинга требует решения следующих задач: получение участниками необходимой информации об эффективном взаимодействии в межличностном общении, формирование новых поведенческих реакций через принятие по-

зитивного опыта и отказа от негативных установок, формирование открытости, толерантности, гибкости в общении, принятия чужой позиции. Реализация программы тренинга предполагает следующие результаты: развитие эмпатических возможностей участников, умений применять конструктивные способы выхода из конфликтных ситуаций, навыков общения; создание психологической обстановки для успешного взаимодействия группы.

После проведения тренинга, следующим этапом исследования было сравнение результатов по опроснику «Личностная агрессивность и конфликтность» до и после тренинга у экспериментальной и контрольной группы. Сравнительный анализ был осуществлен при помощи t-критерия Стьюдента для зависимых выборок.

После проведения сравнительного анализа были получены следующие результаты, коэффициент t у экспериментальной группы до и после тренинга составил $t_{\text{эмп}} = 3$ при коэффициенте значимости $p \leq 0,01$. После проведения сравнительного анализа были получены следующие результаты, коэффициент t у контрольной группы до и после тренинга составил $t_{\text{эмп}} = 0.332$, полученное значение находится в зоне незначимости.

Выводы

Таким образом, негативные коммуникативные установки студентов положительно коррелируют с общим уровнем конфликтности. В частности, завуалированная жестокость, проявляющаяся в сарказме; открытая жестокость в виде критики; брюзжание как склонность делать необоснованные выводы. Именно эти негативные установки наиболее ярко выражены у студентов.

Значительная выраженность у студентов повышенного и высокого уровня агрессии и враждебности, а также высокие показатели уровня конфликтности стали основанием для разработки программы социально-психологического тренинга по развитию коммуникативных

способностей студентов и снижению влияния негативных установок. Реализация программы тренинга и последующая проверка его эффективности показали, что коррекция коммуникативных установок положительно влияет на снижение конфликтности в группе.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Антрополилингвистика: избранные труды. М.: Лабиринт, 2010. 255 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. СПб.: Питер, 2019. 432 с.
4. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. 8-е изд. М.: Ленанд, 2014. 211 с.
5. Парыгин Б.Д. Социальная психология: истоки и перспективы / Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов. СПб.: СПбГУП, 2010. 532 с.
6. Бодалева А.А. Психология общения: энциклопедический словарь / Российской акад. образования, Психологический ин-т; под общ. ред. А. А. Бодалева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Когито-Центр, 2015. 671 с.
7. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Информационно-издательский дом «Филинъ», 1996. 472 с.
8. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. СПб.: Питер, 2020. 560 с.
9. Емельянов С. М. Практикум по конфликтологии. СПб.: Питер, 2000. 360 с.
10. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009. 576 с.

References

1. Bahtin M.M. *Antropolingvistika* [Anthropolinguistics]. Moscow, Labirint Publ., 2010. 255 p.
2. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Conscience. Personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1977. 304 p.
3. Vygotskij L.S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. St. Petersburg, Piter Publ., 2019. 432 p.
4. Leont'ev A.A. *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Language, speech, speech activity]. Moscow, Lenand Publ., 2014. 211 p.
5. Parygin B.D. *Social'naya psihologiya: istoki i perspektivy* [Social psychology: origins and prospects]. Sankt-Peterburg, SPbGUP Publ., 2010. 532 p.
6. Bodaleva A.A. *Psihologiya obshcheniya: enciklopedicheskij slovar'* [Psychology of communication: an encyclopedic dictionary]; ed. by. A. A. Bodalev. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2015. 671 p.
7. Bojko V.V. *Energiya emocij v obshchenii: vzglyad na sebya i na drugih* [The energy of emotions in communication: a look at yourself and others]. Moscow, Informacionno-izdatel'skij dom "Filin" Publ., 1996. 472 p.

8. Ancupov A.Ya., Shipilov A.I. *Konfliktologiya* [Conflictology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2020. 560 p.

9. Emel'yanov S. M. *Praktikum po konfliktologii* [Workshop on conflictology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000. 360 p.

10. Il'in E.P. *Psihologiya obshcheniya i mezhlchnostnyh otnoshenij* [Psychology of communication and interpersonal relations]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 576 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Иванова Татьяна Витальевна, кандидат психологических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: mk473942@yandex.ru

Tatiana V. Ivanova, Cand. of Sci. (Psychological), Associate Professor, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: mk473942@yandex.ru

Ворошилова Ольга Леонидовна, кандидат педагогических наук, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: o_voroshilova@mail.ru

Olga L. Voroshilova, Cand. of Sci. (Pedagogical), Associate Professor, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,

Оригинальная статья / Original article

УДК 159.944.4:378.12:616.9

Компетентностная модель профилактики эмоционального выгорания педагогов отдельных образовательных организаций в условиях пандемии COVID-19 (контрольный этап формирующего эксперимента)

Л. Н. Молчанова¹, А. А. Кузнецова¹✉, Л. Н. Малихова^{1, 2}

¹Курский государственный медицинский университет
ул. К. Маркса, д. 3, г. Курск 305000, Российская Федерация

²Курская школа-интернат для детей с ограниченными возможностями здоровья
ул. Чумаковская, д. 9, г. Курск 305035 Российская Федерация

✉ e-mail: kuznetsova.a80@mail.ru

Резюме

Вынужденный переход в цифровой образовательный формат в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 вызвал изменение квалификационных требований в образовательной деятельности и эмоциональное выгорание педагогов, что обеспечило необходимость разработки и внедрения компетентностной модели его профилактики. В исследовании приняли участие 40 педагогов из ОКОУ «Курская школа-интернат для детей с ограниченными возможностями здоровья» в возрасте от 21 года до 65 лет с длительностью стажа профессиональной деятельности до 43 лет, вошедшие по результатам диагностики в контрольную и экспериментальную группы (по 18 человек в каждую). Реализация констатирующего и контрольного этапов формирующего эксперимента предусматривала диагностику эмоционального выгорания педагогов и содержания их социально-психологической компетентности и оценку результатов с помощью статистических методов математического анализа («Statistica 11.0»). Разработанная в соответствии с компетентностной моделью профилактики эмоционального выгорания педагогов отдельных образовательных организаций программа направлена на снижение его выраженности через оптимизацию уровня сформированности их социально-психологической компетентности в межличностных отношениях. Реализованы лектории о феноменологии, генезисе, диагностике и способах профилактики эмоционального выгорания, а также практико-ориентированные кейсы по развитию социального и эмоционального интеллекта, формированию позитивных социально-психологических установок межличностного взаимодействия и мотивационной направленности, конструктивных coping-стратегий преодоления стрессовых профессиональных ситуаций. Оценка результатов ее внедрения засвидетельствовала значимое изменение выраженности эмоционального выгорания и социально-психологической компетентности педагогов экспериментальной группы в сравнении с контрольной и с результатами первичной диагностики, а значит, и ее эффективность.

Ключевые слова: компетентностная модель; межличностные отношения; профилактика; эмоциональное выгорание; педагоги отдельных образовательных организаций; пандемия COVID-19.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Молчанова Л. Н., Кузнецова А. А., Малихова Л. Н. Компетентностная модель профилактики эмоционального выгорания педагогов отдельных образовательных организаций в условиях пандемии COVID-19 (контрольный этап формирующего эксперимента) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 206-224.

Статья поступила в редакцию 06.09.2022

Статья подписана в печать 20.10.2022

Статья опубликована 21.12.2022

© Молчанова Л. Н., Кузнецова А. А., Малихова Л. Н., 2022

Competence-Based Model for Prevention of Emotional Burnout of Teachers of Individual Educational Institutions in the Context of the COVID-19 Pandemic (control stage of the formative experiment)

Lyudmila N. Molchanova¹, Alesya A. Kuznetsova¹✉, Larisa N. Malikhova^{1,2}

¹Kursk State Medical University
3, K. Marx str., Kursk 305000, Russian Federation

²Kursk boarding school for children with disabilities
9, Chumakovskaya str., Kursk 305035, Russian Federation

✉ e-mail: kuznetsova.a80@mail.ru

Abstract

The forced transition to a digital educational format due to the spread of the coronavirus infection COVID-19 caused a change in qualification requirements in educational activities and emotional burnout of teachers, which ensured the need to develop and implement a competency-based model of its prevention. 40 teachers from OKOU "Kursk boarding school for children with disabilities" aged 21 to 65 years with a professional experience of up to 43 years took part in the study. They were included in the control and experimental groups according to the diagnostic results (18 people each). The implementation of the ascertaining and control stages of the formative experiment included diagnosing the emotional burnout of teachers and the content of their socio-psychological competence and evaluating the results using statistical methods of mathematical analysis ("Statistica 11.0"). The program developed in accordance with the competency-based model for the prevention of emotional burnout of teachers of individual educational organizations is aimed at reducing its severity through optimizing the level of formation of their socio-psychological competence in interpersonal relationships. Lectures on the phenomenology, genesis, diagnostics and methods of preventing emotional burnout, as well as practice-oriented cases on the development of social and emotional intelligence, the formation of positive socio-psychological attitudes of interpersonal interaction and motivational orientation, constructive coping for overcoming stressful professional situations were implemented. Evaluation of the results of its implementation testified to a significant change in the severity of emotional burnout and socio-psychological competence of teachers in the experimental group in comparison with the control group and with the results of primary diagnostics, and hence its effectiveness.

Keywords: competence model; interpersonal relations; prevention; emotional burnout; teachers of individual educational organizations; COVID-19 pandemic.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Molchanova L. N., Kuznetsova A. A., Malikhova L. N. Competence-Based Model for Prevention of Emotional Burnout of Teachers of Individual Educational Institutions in the Context of the COVID-19 Pandemic (control stage of the formative experiment). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022, 12(4): 206–224 (In Russ.).

Received 06.09.2022

Accepted 20.10.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

Цифровизация образовательной среды в связи с распространением пандемии COVID-19 повлекла за собой изменение требований к общепрофессиональным компетенциям в образовательной деятельности, ее результативности, а также

обусловило эмоциональное выгорание педагогов [1, 2], что актуализировало проблему его эффективной профилактики.

На состоявшемся 30 июля 2021 года первом виртуальном Форуме высокого уровня по компетенциям учителей в условиях цифровой революции: оказание

поддержки всем, в котором участвовали докладчики из Организации министров образования Юго-Восточной Азии и из стран-членов международной целевой группы «Учителя для образования для всех» представили свое видение развития педагогического потенциала [3].

Библиометрико-библиографический обзор публикационной активности, выполненный в электронном пространстве

национальной медицинской библиотеки «PubMed» с применением программного инструмента «VOSviewer», по запросу «teacher burnout prevention» (профилактика выгорания педагогов) выявил 89 публикаций. Библиометрическая сеть (network visualizations) представлена пятью разноцветными кластерами, включающими связанными по смыслу 69 ключевыми словами (табл. 1).

Таблица 1. Смысловая разбивка ключевых слов на кластеры

Table 1. Semantic breakdown of keywords into clusters

Красный кластер (22 ключевых слова)	anxiety (тревожность), burnout (выгорание), burnout psychological (психологическое выгорание), Covid-19, depression (депрессия), educational personnel (педагогический персонал), emotional intelligence (эмоциональный интеллект), longitudinal studies (лонгитюдные исследования), mental health (психическое здоровье), mindfulness (осознанность), occupational health (профессиональное здоровье), occupational stress (профессиональный стресс), pandemics (пандемии), prevention (профилактика), prospective studies (проспективные исследования), school teachers (школьные учителя), schools (школы), stress (стресс), students (ученики), teacher (учитель)
Зелёный кластер (17 ключевых слов)	adaptation psychological (адаптация психологическая), adolescent (подросток), child education (детское образование), special (специальные), emotions (эмоции), faculty (способность), internal-external control (внутренний-внешний контроль), interpersonal relations (межличностные отношения), job satisfaction (удовлетворенность работой), personality (личность), Poland (Польша), social environment (социальная среда), social support (социальная поддержка), socioeconomic factors (социально-экономические факторы), workload (нагрузка), workplace (рабочее место)
Голубой кластер (14 ключевых слов)	adult (взрослые), aged (пожилые), cross-sectional studies (кросс-секционные исследования), female (женщины), Germany (Германия), Italy (Италия), male (мужчины), middle aged (средний возраст), occupational diseases (профессиональные заболевания), retirement (выход на пенсию), risk factors (факторы риска), school health services (школьные медицинские услуги), stress psychological (психологический стресс), teaching (обучение)
Жёлтый кластер (11 ключевых слов)	burnout professional (профессиональный выгорание), curriculum (учебная программа), empathy (эмпатия), health status (состояние здоровья), humans (человек), motivation (мотивация), quality of life (качество жизни), resilience psychological (психологическая устойчивость), students medical (студенты-медики), surveys and questionnaire (опросы и сомнительные), young adult (молодой человек)
Фиолетовый кластер (5 ключевых слов)	China (Китай), depersonalization (деперсонализация), personality inventory (личностный опросник), psychometrics (психометрия), reproducibility of results (воспроизводимость результатов)

Согласно табл. 1 преобладающим является красный кластер. В нём отражена взаимосвязь изучаемой проблемы с эмоциональным интеллектом, пандемией, педагогическим персоналом, о чем свидетельствует частое использование таких слов, как *emotional intelligence* (эмоциональный интеллект), *Covid-19*, *pandemics* (пандемии), *school teachers* (школьные учителя), *schools* (школы), *educational personnel* (педагогический персонал). В этом же кластере содержатся ключевые слова, сопряженные с эмоциональным выгоранием: *anxiety* (тревожность), *depression* (депрессия), *occupational stress* (профессиональный стресс) и эффективность его профилактики: *self-efficacy* (самоэффективность) (рис. 1).

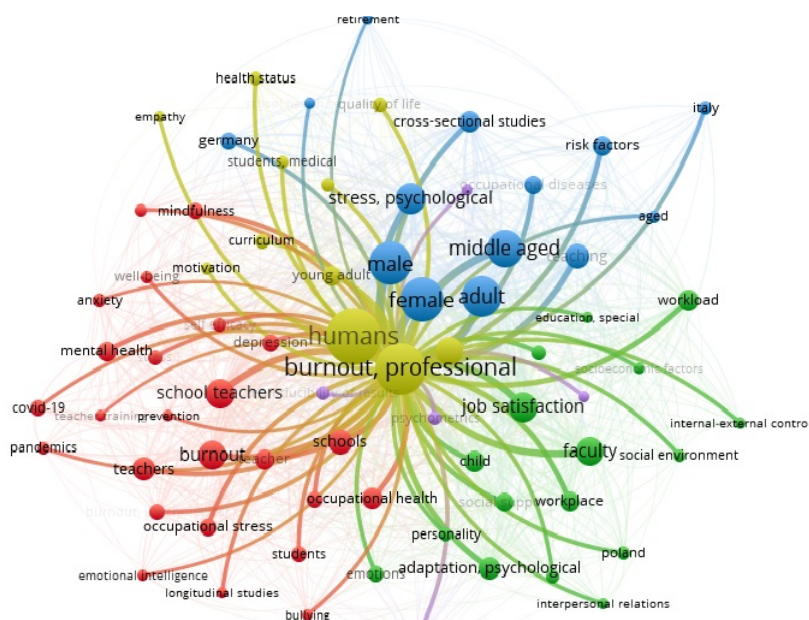
Зелёный кластер отражает взаимосвязи психологической адаптации (*adaptation psychological* (адаптация психологическая), *job satisfaction* (удовлетворенность работой) и субъектов в условиях специального обучения, (*personality* (личность), *special* (специальные)), *child education* (детское образование), *social environment* (социальная среда), *social support* (социальная поддержка)) (см. рис. 1).

Взаимосвязи неблагоприятных эмоциональных состояний и их факторов риска (*stress psychological* (психологический стресс), *occupational diseases* (профессиональные заболевания), *risk factors* (факторы риска)), и обучения, здоровьесберегающих технологий (*teaching* (обучение), *school health services* (школьные медицинские услуги) представлены в кластере голубого цвета (см. рис. 1).

Кластер жёлтого цвета содержит понятие выгорания и часто связывает его с эмпатией, мотивацией, и психологической устойчивостью и программой (см. рис. 1).

Кластер фиолетового цвета включает слова, коррелирующие с организацией проведением эксперимента: *personality inventory* (личностный опросник), *psychometrics* (психометрия), *reproducibility of results* (воспроизводимость результатов).

На библиографической карте четко прослеживаются взаимосвязи между содержанием красного и желтого кластеров, свидетельствующие об актуальности изучаемой проблемы: эффективности профилактики эмоционального выгорания педагогов в условиях пандемии Covid-19 (см. рис. 1).

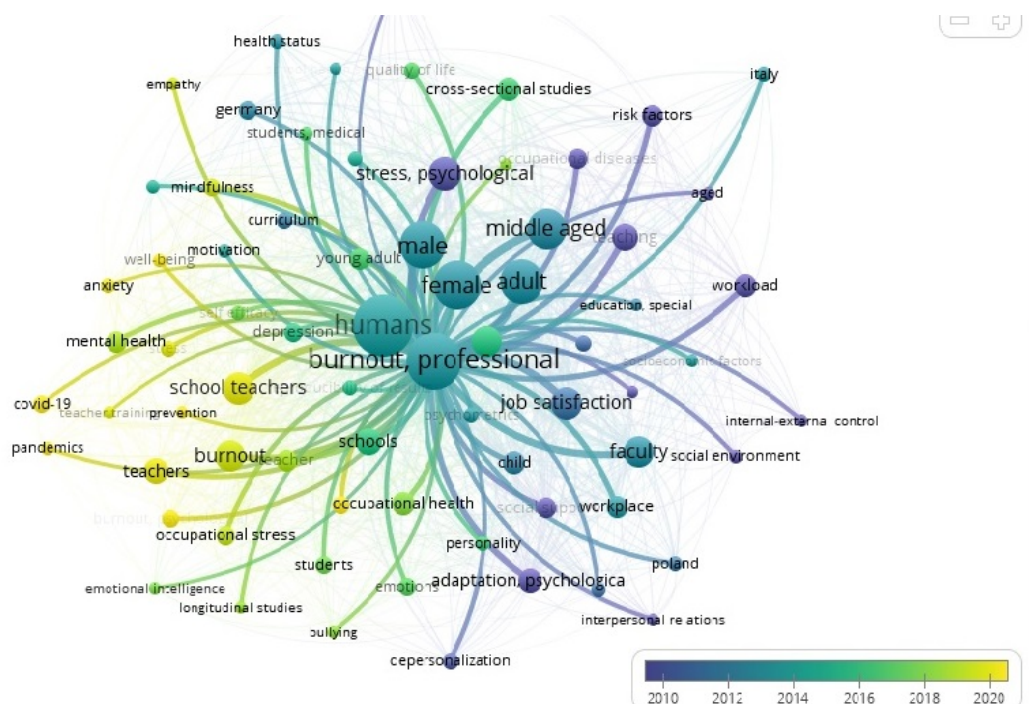

Рис. 1. Библиометрическая сеть на базе «PubMed»: "teacher burnout prevention" (профилактика выгорания педагогов) (network visualizations)

Fig. 1. Bibliometric network based on "PubMed": "teacher burnout prevention" (prevention of teacher burnout) (network visualizations)

Начиная с 2010 года, изучение профилактики эмоционального выгорания педагогов в основном посвящено взаимосвязям выгорания и психологического стресса, факторов риска, профессиональных болезней, психологической адаптации, что соответствует фиолетовому кластеру в библиометрической карте (рис. 2).

Постепенно исследовательский интерес к данной проблеме меняется: наблюдается взаимосвязи выгорания со специальным образованием, удовлетворенностью работой, профессиональным стрессом, дифференциацией педагогов по полу и возрасту, профилактикой и пандемией (см. рис. 2).

Рис. 2. Библиометрическая сеть на базе «PubMed»: "teacher burnout prevention" (профилактика выгорания педагогов) (overlay visualizations)

Fig. 2. Bibliometric network based on "PubMed": "teacher burnout prevention" (prevention of teacher burnout) (overlay visualizations)

Таким образом, библиометрический анализ исследовательской активности по проблеме профилактики эмоционального выгорания педагогов отдельных образовательных организаций засвидетельствовал проявление научного интереса к данной проблеме в 2010 году, в условиях пандемии – в 2020 году.

Материалы и методы

В формирующем эксперименте приняли участие 40 педагогов в возрасте от

21 года до 65 лет и длительностью стажа профессиональной деятельности до 43 лет из ОКОУ «Курская школа-интернат для детей с ограниченными возможностями здоровья». В экспериментальную (ЭГ) группу вошли педагоги с высокими показателями эмоционального выгорания, а в контрольную (КГ) – с низкими, по 18 человек в каждой.

Реализация констатирующего и контрольного этапов формирующего эксперимента предусматривала диагностику

выгорания с помощью опросника «Эмоциональное выгорание» (В.В. Бойко) [4] и диагностику когнитивного компонента социально-психологической компетентности в межличностных отношениях с помощью методики «Социальный интеллект» Гилфорда (адаптация Е.С. Михайлова) [5], эмоционального – теста ЭМИн (Д.В. Люсин) [6], ценностно-мотивационного – теста «Социально-психологические установки личности» (О.Ф. Потемкина) [7] и поведенческого – опросников «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» («Strategic Approach to Coping Scale (SACS)» С. Хобфолл (1994)) (адаптация Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой) [8] и «Диагностика межличностных отношений» (Л.Н. Собчик) [9].

Обработка и интерпретация данных проводилась с использованием методов описательной и сравнительной статистики, а математическая обработка – с помощью программного обеспечения “Statistica 11.0”.

Результаты и обсуждение

Подробное графическое описание организационно-содержательного и оценочно-результативного этапов реализации компетентностной модели профилактики эмоционального выгорания педагогов отдельных образовательных организаций в условиях пандемии COVID-19, в соответствии с которой была разработана и апробирована программа его профилактики, представлено на рис.3.

Стратегия и тактика профилактического воздействия ориентирована на решение конкретных задач программы в ходе индивидуально-группового взаимодействия:

– лектории об историко-генетическом аспекте состояния эмоционального

выгорания, а также практико-ориентированные кейсы и дискуссии и способах психопрофилактики;

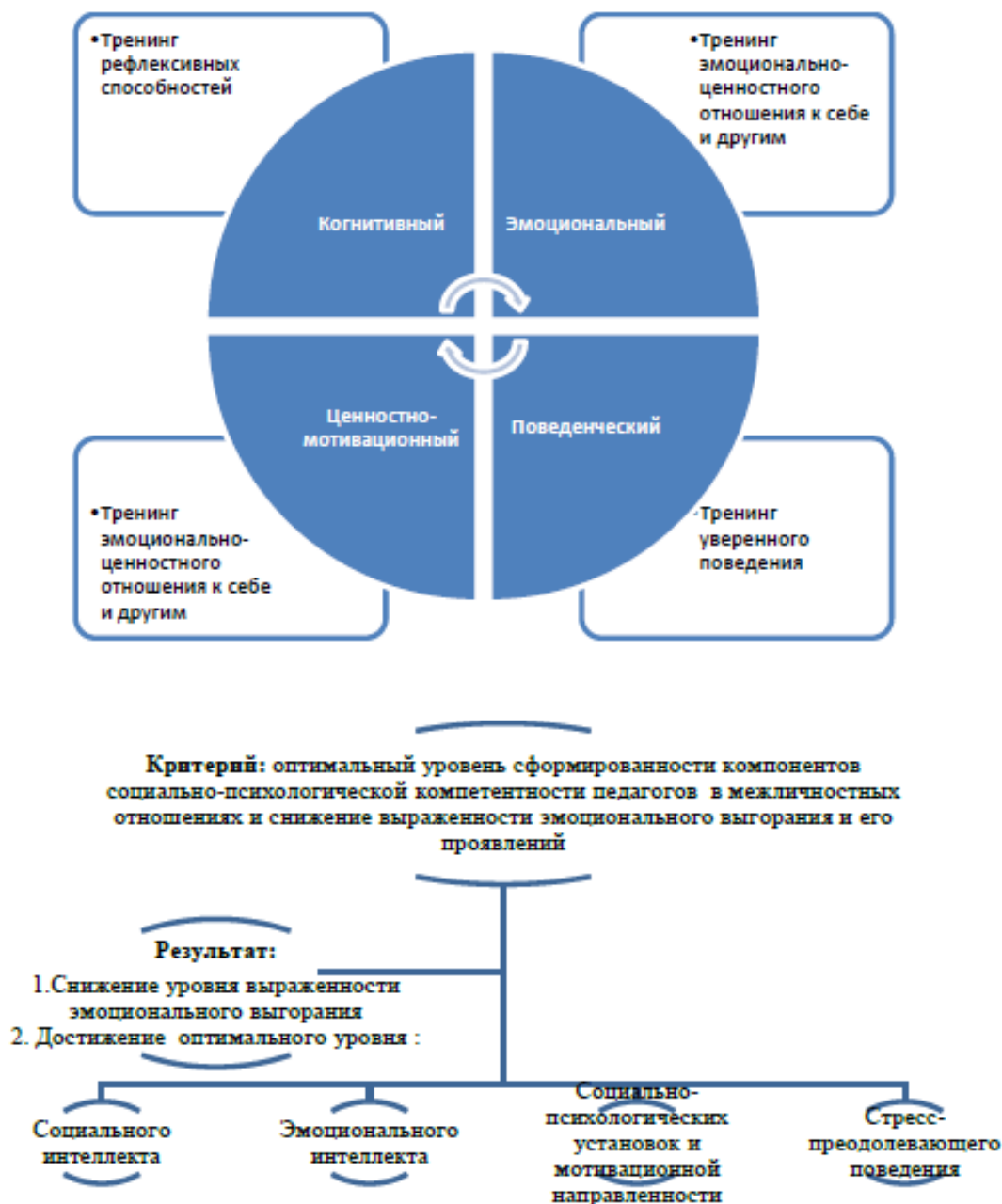
– повышение уровня социального интеллекта через развитие рефлексивных компетенций;

– повышение уровня эмоционального интеллекта путем формирования адекватного эмоционально-ценностного отношения к себе и другим;

– формирование позитивных социально-психологических установок межличностного взаимодействия и мотивационной направленности путем реструктуризации системы ценностей и обучение навыкам эмоционально-ценностного отношения к себе и другим;

– повышение уровня сформированности стресс-преодолевающего поведения через обучение навыкам психической саморегуляции, релаксации и т.д.

Программа направлена на снижение выраженности эмоционального выгорания через оптимизацию уровня сформированности структурных компонентов социально-психологической компетентности педагогов в межличностных отношениях. Программа состоит из 10 тематических блоков: введение в тренинг, «Эмоциональное выгорание: феноменология и генезис», «Внешняя и внутренняя детерминация эмоционального выгорания», «Психологическая и дифференциальная диагностика эмоционального выгорания», «Теоретические подходы и методы профилактики эмоционального выгорания», «Ресурсосберегающие технологии в профилактике эмоционального выгорания», «Рефлексивная компетентность», «Эмоционально-ценностное отношение к себе и другим», «Просоциальные стратегии стресс-преодолевающего поведения», завершение тренинга.

Рис. 3. Компетентностная модель профилактики эмоционального выгорания педагогов отдельных образовательных организаций в условиях пандемии COVID-19

Fig. 3. Competence-Based Model for Prevention of Emotional Burnout of Teachers of Individual Educational Institutions in the Context of the COVID-19 Pandemic

Общая длительность психопрофилактической программы составила 48 занятий (120 часов) продолжительностью каждого по 2,5 часа: из них 10 лекториев (25 часов), 30 практико-ориентированные

кейсов (75 часов) и 8 дискуссий (20 часов) в течение 6 месяцев с периодичностью два раза в неделю, что обеспечивает рабочее состояние группы и возможность

тренеру осознать и переработать полученный материал.

Методологическим основанием программы выступили принципы единства диагностики и коррекции, деятельностный принцип коррекции, учета индивидуальных особенностей личности комплексности методов психологического воздействия, приоритетности коррекции каузального типа, целесообразности и адекватности действий, конструктивной обратной связи и др.

Результаты *контрольного этапа формирующего эксперимента* засвидетельствовали значимое повышение выраженности социально-психологической компе-

тентности в межличностных отношениях педагогов отдельных образовательных организаций и значимое уменьшение выраженности их эмоционального выгорания в целом, а также его фаз, и, таким образом, ее эффективность.

Психологическая диагностика когнитивного компонента социально-психологической компетентности в межличностных отношениях педагогов отдельных образовательных организаций на контрольном этапе засвидетельствовала статистически значимое повышение уровня до среднего по всем шкалам социального интеллекта (табл. 2).

Таблица 2. Значимость различий показателей когнитивного компонента социально-психологической компетентности в межличностных отношениях педагогов отдельных образовательных организаций из ЭГ на констатирующем и контрольном этапах формирующего эксперимента (Wilcoxon Matched Pairs Test)

Table 2. The Significance of differences in indicators of the cognitive component of socio-psychological attitudes of interpersonal interaction between teachers of individual educational organizations from the experimental group at the ascertaining and control stages of the formative experiment (Wilcoxon Matched Pairs Test)

№ п/п	Наименование показателя	Этапы формирующего эксперимента				(1)-(2)		
		констатирующий (1)		Контрольный (2)		T	Z	p
		Mean	Качественный	Mean	Качественный			
1	Фактор познания результатов поведения	3,18	средний	3,40	средний	0,0000*	2,3664	0,017961
2	Фактор познания классов поведения	2,59	ниже среднего	3,20	средний	0,0000*	3,6214	0,000293
3	Фактор познания преобразований поведения	2,79	ниже среднего	3,38	средний	0,0000*	3,8230	0,000132
4	Фактор познания систем поведения	2,41	ниже среднего	3,15	средний	0,0000*	3,6214	0,000293
5	Композитная оценка	2,56	ниже среднего	3,30	средний	0,0000*	4,2857	0,000018

* - значимость различий

Согласно полученным результатам способности педагогов к логическому обобщению и пониманию логики развития ситуаций взаимодействия и изменений значений сходных вербальных реакций окружающих людей достигли среднего уровня выраженности.

Оценивание эмоционального компонента социально-психологической компетентности в межличностных отношениях педагогов отдельных образовательных организаций на контрольном этапе указало на статистически значимое по-

вышение его низкого уровня до уровня диагностируемых значений по шкалам «Управление чужими эмоциями» ($T = 0,0000^*$ при $p=0,000006$), «Управление

своими эмоциями» ($T = 0,0000^*$ при $p = 0,000000$) и «Управление эмоциями» ($T = 210,50^*$ при $p = 0,007329$) (табл. 3).

Таблица 3. Значимость различий показателей эмоционального компонента социально-психологической компетентности в межличностных отношениях педагогов отдельных образовательных организаций из ЭГ на констатирующем и контрольном этапах формирующего эксперимента (Wilcoxon Matched Pairs Test)

Table 3. The significance of differences in indicators of the emotional component of socio-psychological competence in interpersonal relations of teachers of individual educational organizations from the experimental group from the experimental group at the ascertaining and control stages of the experiment (Wilcoxon Matched Pairs Test)

№ п/п	Наименование показателя	Этапы формирующего эксперимента				(1)-(2)		
		констатирующий (1)		контрольный (2)		T	Z	p
		Mean	Качественный	Mean	Качественный			
1	Понимание чужих эмоций	23,36	средний	24,80	средний	0,0000*	3,9199	0,000089
2	Управление чужими эмоциями	17,64	низкий	22,93	высокий	0,0000*	4,5407	0,000006
3	Понимание своих эмоций	18,69	средний	20,00	средний	0,0000*	4,0145	0,000060
4	Управление своими эмоциями	12,26	низкий	20,18	очень высокий	0,0000*	5,0862	0,000000
5	Контроль экспрессии	9,51	средний	11,18	средний	0,0000*	5,0862	0,000000
6	Межличностный эмоциональный интеллект	40,92	средний	47,73	высокий	0,0000*	4,9365	0,000001
7	Внутриличностный эмоциональный интеллект	40,46	средний	51,35	высокий	0,0000*	5,3731	0,000000
8	Понимание эмоций	41,95	средний	44,80	средний	0,0000*	4,8599	0,000001
9	Управление эмоциями	39,41	низкий	43,10	средний	210,50*	2,6815	0,007329
10	Интегративный показатель	81,46	средний	99,08	высокий	0,0000*	5,4424	0,000000

* - значимость различий

В соответствии с полученными результатами можно заключить, что педагоги значительно улучшили свои способности в управлении собственными и чу-

жими эмоциями (в т.ч. слабослышащих детей), в стимулировании и поддержании желательных и контроле нежелательных эмоций у себя и других.

Таблица 4. Значимость различий показателей ценностно-мотивационного компонента социально-психологической компетентности в межличностных отношениях педагогов отдельных образовательных организаций из ЭГ на констатирующем и контрольном этапах формирующего эксперимента (Wilcoxon Matched Pairs Test)

Table 4. The significance of differences in indicators of the value-motivational component of socio-psychological competence in the interpersonal relations of teachers of individual educational organizations from the experimental group at the ascertaining and control stages of the formative experiment (Wilcoxon Matched Pairs Test)

№ п/п	Наименование показателя	Этапы формирующего эксперимента				(1)-(2)		
		констатирующий (1)		контрольный (2)				
		Mean	Качественный	Mean	Качественный	T	Z	p
1	Процесс	6,36	средний	6,38	средний	5,0000*	2,4895	0,012793
2	Результат	5,74	средний	7,18	высокий	0,0000*	3,8230	0,000132
3	Альтруизм	5,92	средний	6,63	средний	0,0000*	3,0594	0,002218
4	Эгоизм	3,82	средний	3,05	низкий	0,0000*	2,6656	0,007686
5	Труд	5,36	средний	5,90	средний	0,0000*	3,2958	0,000982
6	Свобода	6,23	средний	7,03	высокий	0,0000*	3,4078	0,000655
7	Власть	2,79	низкий	2,53	низкий	0,0000*	3,0594	0,002218
8	Деньги	3,05	низкий	3,45	низкий	0,0000	1,8257	0,067890

* - значимость различий

Вторичная диагностика поведенческого компонента социально-психологической компетентности в межличностных отношениях педагогов отдельных образовательных организаций показала статистически значимое увеличение показателей активных и просоциальных стратегий

преодоления стрессовых ситуаций и конструктивных стилей межличностных отношений, а также статистически значимое снижение выраженности пассивных и ассоциальных копинг-стратегий и неконструктивных стилей межличностных отношений (табл. 5):

Таблица 5. Значимость различий показателей поведенческого компонента социально-психологической компетентности в межличностных отношениях педагогов отдельных образовательных организаций из ЭГ на констатирующем и контрольном этапах формирующего эксперимента (Wilcoxon Matched Pairs Test)

Table 5. The significance of differences in indicators of the behavioral component of socio-psychological competence in interpersonal relations of teachers of individual educational organizations from the experimental group at the ascertaining and control stages of the formative experiment (Wilcoxon Matched Pairs Test)

№ п/п	Наименование показателя	Этапы формирующего эксперимента				(1)-(2)		
		констатирующий (1)		Контрольный (2)		T	Z	p
		Mean	Качественный	Mean	Качественный			
1	Ассертивные действия	20,95	средний	21,68	сред-ний	0,0000*	3,2958	0,000982
2	Вступление в социальный контакт	24,03	средний	25,25	сред-ний	0,0000*	2,6656	0,007686
3	Поиск социальной поддержки	23,74	средний	26,08	высо-кий	0,0000*	2,5205	0,011719
4	Осторожные действия	22,56	средний	21,00	средний	0,0000*	3,8230	0,000132
5	Импульсивные действия	19,49	средний	17,68	сред-ний	0,0000	3,4078	0,000655
6	Избегание	18,33	высокий	14,50	сред-ний	5,5000*	4,3177	0,000016
7	Манипулятивные действия	18,03	средний	16,38	низкий	0,0000*	3,7236	0,000196
8	Ассоциальные действия	13,23	низкий	12,58	низкий	0,0000*	3,2958	0,000982
9	Агрессивные действия	17,74	средний	14,70	низкий	0,0000*	3,8230	0,000132
10	Властный - лидирующий	4,92	умеренная	5,28	умеренная	0,0000*	4,0146	0,000060
11	Независимый-доминирующий	4,95	умеренная	5,43	умеренная	0,0000*	4,10691	0,000040
12	Прямолинейный-агрессивный	4,41	умеренная	4,60	умеренная	0,0000*	3,17980	0,001474
13	Недоверчивый-скептический	5,23	умеренная	4,75	умеренная	0,0000*	3,05941	0,002218
14	Покорно-застенчивый	2,95	низкая	3,60	низкая	0,0000*	3,05941	0,002218
15	Зависимый-послушный	4,41	умеренная	3,80	низкая	0,0000*	3,51620	0,000438
16	Сотрудничающий-конвенциональный	3,49	низкая	5,03	умеренная	0,0000*	4,62260	0,000004
17	Ответственно-великодушный	6,38	умеренная	7,13	умеренная	0,0000*	4,62260	0,000004

* - значимость различий

Следовательно, результатом реализации тренинговых мероприятий в работе с педагогами отдельных образовательных организаций явилась более активная, открытая и последовательная их позиция в отстаивании собственных интересов, при условии соблюдения интересов окружающих, в большей степени готовность принять социальную поддержку, а также вступить в социальный контакт с целью совместного с другими и эффективного преодоления стрессовой ситуации. В большей степени выражены уверенность в себе и независимость, свойства наставника и руководителя, прямолинейность и настойчивость в достижении цели, а также стремление к тесному сотрудничеству и дружелюбным отношениям с окружающими. В меньшей степени выражены осторожные и импульсивные действия, а

также избегание решительных, требующих большой напряженности и ответственности за последствия, стремление отдалиться от конфликтной ситуации, прокрастинация, эгоцентризм, гнев, раздражение, внутренняя напряженность и неудовлетворенность при неудачах и конфликтах с другими людьми, а также скептицизм и неконформность, склонность брать на себя чужие обязанности, потребность в помощи со стороны окружающих.

Исследование эмоционального выгорания педагогов отдельных образовательных организаций после реализации программы профилактики их эмоционального выгорания засвидетельствовало значимость различий в выраженности всех его симптомов, фаз и уровня (табл. 6, 7):

Таблица 6. Значимость различий показателей эмоционального выгорания педагогов отдельных образовательных организаций из ЭГ на констатирующем и контрольном этапах формирующего эксперимента (Wilcoxon Matched Pairs Test)

Table 6. The Significance of differences in indicators of emotional burnout of teachers of individual educational organizations from the experimental group at the ascertaining and control stages of the formative experiment (Wilcoxon Matched Pairs Test)

№ п/п	Наименование показателя	Этапы формирующего эксперимента				(1)-(2)		
		констатирующий (1)		контрольный (2)		T	Z	p
		Mean	Качественный	Mean	Качественный			
1	Переживание психотравмирующих обстоятельств	14,58	складывающийся	7,80	не сложившийся	0,0000*	4,8599	0,000001
2	Неудовлетворенность собой	7,50	не сложившийся	5,85	не сложившийся	1,0000*	2,8451	0,004439
3	Загнанность в клетку	4,50	не сложившийся	3,25	не сложившийся	0,0000*	2,5205	0,011719
4	Тревога и депрессия	8,88	не сложившийся	5,85	не сложившийся	0,0000*	3,7236	0,000196

Окончание табл. 6

Table 6 (ending)

№ п/п	Наименование показателя	Этапы формирующего эксперимента				(1)-(2)		
		констатирующий (1)		контрольный (2)		T	Z	p
		Mean	Качественный	Mean	Качественный			
5	Неадекватное эмоциональное избирательное реагирование	17,45	сложившийся	10,68	складывающийся	0,0000	4,6226	0,000004
7	Расширение сферы экономики эмоций	19,68	сложившийся	14,98	складывающийся	0,0000*	3,4078	0,000655
8	Редукция профессиональных обязанностей	16,40	сложившийся	13,73	складывающийся	0,0000*	3,0594	0,002218
9	Эмоциональный дефицит	10,43	складывающийся	6,85	не сложившийся	0,0000*	4,1973	0,000027
10	Эмоциональная отстраненность	8,03	не сложившийся	5,85	не сложившийся	0,0000*	3,4078	0,000655
11	Личностная отстраненность (деперсонализация)	8,68	не сложившийся	5,93	не сложившийся	0,0000*	3,5162	0,000438
12	Психосоматические и психовегетативные нарушения	11,43	складывающийся	8,10	не сложившийся	0,0000*	3,8230	0,000132
13	Напряжение	35,33	не сформирована	22,75	не сформирована	0,0000*	5,5109	0,000000
14	Резистенция	64,23	сформирована	49,10	в стадии формирования	0,0000*	5,0119	0,000001
15	Истощение	38,82	в стадии формирования	37,33	в стадии формирования	0,0000*	5,0112	0,000001
16	Итоговый показатель выгорания	138,38	в стадии формирования	109,18	в стадии формирования	0,0000*	5,5109	0,000000

* - значимость различий

Таблица 7. Значимость различий показателей эмоционального выгорания педагогов отдельных образовательных организаций из ЭГ и КГ на контрольном этапе формирующего эксперимента (U-Манна-Уитни))**Table 7.** The significance of differences in indicators of emotional burnout of teachers of individual educational organizations from the experimental and control groups at the control stage of the formative experiment (U-Manna-Uitni)

№ п/п	Наименование показателя	Контрольный этап формирующего эксперимента				(1)-(2)	
		ЭГ (1)		КГ (2)			
		Mean	Качественный	Mean	Качественный	U	p
1	Переживание психотравмирующих обстоятельств	7,80	не сложившийся	7,00	не сложившийся	736,00	0,532255
2	Неудовлетворенность собой	5,85	не сложившийся	6,03	не сложившийся	742,00	0,569234
3	Загнанность в клетку	3,25	не сложившийся	4,93	не сложившийся	541,00*	0,011671
4	Тревога и депрессия	5,85	не сложившийся	6,85	не сложившийся	575,00*	0,025797
5	Неадекватное эмоциональное избирательное реагирование	10,68	складывающийся	7,98	не сложившийся	291,00*	0,000000
6	Эмоционально-нравственная дезориентация	9,73	не сложившийся	8,00	не сложившийся	631,50	0,100510
7	Расширение сферы экономики эмоций	14,98	складывающийся	8,18	не сложившийся	283,00*	0,000000
8	Редукция профессиональных обязанностей	13,73	Складывающийся	8,30	не сложившийся	394,5*	0,000087
9	Эмоциональный дефицит	6,85	не сложившийся	7,20	не сложившийся	766,50	0,743542
10	Эмоциональная отстраненность	5,85	не сложившийся	8,85	не сложившийся	358,50*	0,000016
11	Личностная отстраненность (деперсонализация)	5,93	не сложившийся	8,38	не сложившийся	400,00*	0,000089
12	Психосоматические и психовегетативные нарушения	8,10	не сложившийся	8,75	не сложившийся	635,00	0,104668
13	Напряжение	22,75	не сформирована	24,80	не сформирована	636,50	0,115134
14	Резистенция	49,10	в стадии формирования	32,45	не сформирована	91,00*	0,000000
15	Истощение	37,33	в стадии формирования	33,18	не сформирована	705,00	0,359697
16	Итоговый показатель выгорания	109,18	в стадии формирования	90,43	не сформирован	367,50*	0,000031

* - значимость различий

Полученные результаты согласуются с результатами отечественных и зарубежных исследований о внедрении программ профилактики эмоционального выгорания педагогов в условиях пандемии COVID-19 [1, 2].

Тематический поиск и анализ публикаций по профилактике эмоционального выгорания педагогов с позиций компетентностного подхода, в том числе и в условиях пандемии COVID-19, выполненный в информационном пространстве базы Scopus, указал на незначительное количество исследований.

Так, исследование взаимосвязи между профессиональной компетентностью педагогов (ее основных аспектов: общепедагогических знаний (ОПК) и самоэффективности) и их эмоциональным выгоранием на выборке из 119 человек, а также возможных различий в этих конструкциях в зависимости от пола и опыта преподавания не показало систематических связей с полом, в то время как опыт преподавания связан с общепедагогическими знаниями педагогов, причем отрицательно с самоэффективностью и незначимо с эмоциональным выгоранием. Общепедагогические знания, как выявлено, негативно коррелируют с эмоциональным выгоранием, что необходимо учитывать в разработке мероприятий по его профилактике [10].

Мы согласны с авторами, что эмоциональный интеллект и невербальная коммуникация являются двумя значимыми факторами в профилактике выгорания педагогов. В исследовании Puertas-Molero P., Zurita-Ortega F., Chacón-Cuberos R., (...), Castro-Sánchez M., González-Valero G. (2018) взаимосвязей эмоционального интеллекта со стрессом, эмоциональным выгоранием и невербальной коммуникацией выявлено, что стресс положительно связан с эмоциональным истощением и отрицательно с самореализацией [11]. Эмоциональное истощение прямо коррелирует с эмоциональным вниманием и обратно с эмоцио-

нальной ясностью и эмоциональным восстановлением, а эмоциональная ясность положительно связана с невербальной коммуникацией [11].

Как многие отечественные и зарубежные исследователи [12, 13, 14, 15] мы придерживаемся мнения о необходимости включения программ психопрофилактики выгорания, основанных на эмоциональном интеллекте, в планы профессионального развития педагогов с целью укрепления их психического здоровья и психологического благополучия.

Для развития эмоционального интеллекта была разработана и апробирована программа тренинга эмоциональной компетентности, включающая мини-лекции и лекции-дискуссии, упражнения для развития вербальных и невербальных средств выражения эмоций, способов управления эмоциональными состояниями, ролевые игры, арт-терапевтические занятия, рефлексии, в результате реализации которой повысился уровень эмоционального интеллекта педагогов и их эмоциональная компетентность как ресурс устойчивости к эмоциональному выгоранию [13].

Согласно авторской модели эмоциональных компетенций разработана программа обучения педагогов эмоциональным навыкам, состоящая из пяти двухчасовых занятий, проводимых в течение трех месяцев в группах по 15–20 человек. Диагностика проявлений эмоционального выгорания, уровень самооценки и удовлетворенности жизнью включает три этапа: до внедрения программы (Т1), после (Т2) и через шесть месяцев наблюдения (Т3). Многомерный ковариационный анализ с последующим применением нескольких иерархических регрессионных моделей показал снижение выраженности эмоциональной симптоматики у педагогов экспериментальной группы при повышении их самооценки и удовлетворенности жизнью в сравнении с контрольной группой [15].

Результаты оценки эффективности внедрения программы профилактики эмоционального выгорания педагогов отдельных образовательных организаций не противоречат результатам зарубежных исследований. Как показало повторное тестирование учителей из частных и государственных специальных и инклюзивных школ, обучающие детей с РАС, с помощью методики (MBI-ES) после внедрения программы профилактики эмоционального выгорания Rational Emotive Occupational Health Coaching (REOHC) его выраженность значительно снизилась [17].

Выводы

По результатам реализации программы профилактики эмоционального выгорания педагогов отдельных образовательных организаций выявлены значи-

мые изменения его выраженности, а также содержания структурных компонентов (когнитивного, эмоционального, ценностно-мотивационного и поведенческого) социально-психологической компетентности в межличностных отношениях, что позволяет сделать вывод о ее эффективности. Успешно выполнены мероприятия по информированию о феноменологии, генезисе, диагностике и способах профилактики эмоционального выгорания, а также развитию социального и эмоционального интеллекта, формированию позитивных социально-психологических установок межличностного взаимодействия и мотивационной направленности, конструктивных копингов преодоления стрессовых профессиональных ситуаций.

Список литературы

1. Джига Н. Д. Профессиональный стресс и эмоциональное выгорание у педагогов в условиях пандемии COVID-19 и дистанционного образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/38PSMN621.pdf>
2. Zadok-Gurman, T., Jakobovich, R., Dvash, E., (...), Ganz, A.B., Lev-Ari, S. Effect of inquiry-based stress reduction (Ibsr) intervention on well-being, resilience and burnout of teachers during the COVID-19 pandemic // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021.18(7), 3689. <https://doi.org/10.3390/ijerph18073689>.
3. Форум по компетенциям учителей в условиях цифровой революции. URL: <https://iite.unesco.org/ru/news/teacher-competencies-in-the-digital-revolution-ru/> (дата обращения: 25.09.2022).
4. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
5. Тест «Социальный интеллект» Гилфорда. URL: <http://psytests.org/iq/guilford/guilford4.html?single> (дата обращения: 20.12.2018).
6. Опросник на эмоциональный интеллект: новые психометрические данные. URL: http://creativity.ipras.ru/texts/books/social_IQ_2009/lusin_social_IQ_2009.pdf (дата обращения: 20.12.2018).
7. Тест О.Ф. Потемкиной. Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере. URL: <https://hr-portal.ru/tool/test-potemkinoy-diagnosticsocialno-psihologicheskikh-ustanovok-lichnosti-v-motivacionno> (дата обращения: 15.05.2021).
8. Опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолл (1994)» (адаптированный Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой (2001)). URL: https://studopedia.ru/11_129688_oprosnik-strategii-preodoleniya-stressovih-situatsiy-Strategic-Approach-to-Coping-Scale-SACS-s-hobfoll-.html (дата обращения: 01.06.2020).

9. Собчик Л.Н. Методы психологической диагностики. Вып. 3: Диагностика межличностных отношений: модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Липри. М.: МКЦ ГУ по труду и социальным вопросам Мосгорисполкома, 1990. 48 с.
10. Lauermaann, F., & König J. Teachers' professional competence and wellbeing: Understanding the links between general pedagogical knowledge, self-efficacy and burnout // *Learning and Instruction*, 2016, 45, 9–19. <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2016.06.006>.
11. Puertas-Molero P., Zurita-Ortega F., Chacón-Cuberos R., (...), Castro-Sánchez M., González-Valero G. An explanatory model of emotional intelligence and its association with stress, burnout syndrome, and non-verbal communication in the university teachers // *Journal of Clinical Medicine*. 2018. 7(12), 524. <https://doi.org/10.3390/jcm7120524>.
12. Молчанова Л.Н., Кузнецова А.А. Рефлексивно-смысловая регуляция состояния психического выгорания у педагогов специального коррекционного образовательного учреждения и оценивание ее эффективности // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 2 (38). С. 212–228. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.2.16>.
13. Погодаева М.В., Чепурко Ю.В. Исследование эмоциональной компетентности педагогов и ее развитие в ходе тренинговых занятий // *Science for Education Today*. 2022. Т. 12, № 2. С. 51–72. <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2202.03>.
14. Слабинский В. Ю., Воищева Н. М., Незнанов Н. Г., Никифоров Г. С., и др. Оценка эффективности тренинга проактивного поведения и индивидуальной психотерапии у лиц с разной степенью профессионального выгорания // *Экология человека*. 2019. №11. С. 28–34. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-11-28-34>.
15. Сорокоумова Г.В. Психологический тренинг как эффективный метод профилактики эмоционального выгорания педагогов // *Гуманизация образования*. № 3/2019. <https://doi.org/10.24411/1029-3388-2019-10037>.
16. Schoeps K., Tamarit A., de la Barrera U., González Barrón R. Effects of emotional skills training to prevent burnout syndrome in schoolteachers | [Efectos de un entrenamiento en habilidades emocionales para prevenir el síndrome de burnout en profesores] // *Ansiedad y Estrés*. 2019. 25(1), pp. 7-13. <https://doi.org/10.1016/j.anyes.2019.01.002>.
17. Uzodinma U.E., N. Onyishi, C., Ngwoke, A.N., (...), Moguluwa, S.C., Akanaeme, I.N. Effectiveness of rational emotive occupational health coaching in reducing burnout symptoms among teachers of children with autism // *Science Progress*. 2022. 105(2). <https://doi.org/10.1177/00368504221100907>.

References

1. Djiga N. D. Professional'nyj stress i emocional'noe vygoranie u pedagogov v usloviyah pandemii COVID-19 i distancionnogo obrazovaniya [Occupational stress and emotional burnout among teachers in the context of the COVID-19 pandemic and distance education. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2021, vol. 9, no. 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/38PSMN621.pdf>.
2. Zadok-Gurman T., Jakobovich R., Dvash E., (...), Ganz A.B., Lev-Ari S. Effect of inquiry-based stress reduction (Ibsr) intervention on well-being, resilience and burnout of teachers during the COVID-19 pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021, 18(7), 3689.
3. *Forum po kompetencyam uchitelej v usloviyah cifrovoj revolyucii* [Forum on teacher competencies in the context of the digital revolution]. Available at: <https://iite.unesco.org/ru/news/teacher-competencies-in-the-digital-revolution-ru/> (accessed 25.08.2022).
4. Vodopyanova N. E. *Psihodiagnostika stressa* [Psychodiagnosis of stress]. St. Petersburg, Peter Publ., 2009. 336 p.

5. Test «Social'nyj intellekt» Gilforda [Test "Social intelligence" Guilford]. Available at: <http://psytests.org/iq/guilford/guilford4.html?singl> (accessed 20.12.2020).

6. Oprosnik na emocional'nyj intellekt: novye psihometricheskie dannye [Emotional intelligence questionnaire: new psychometric data]. Available at: http://creativity.ipras.ru/texts/books/social_IQ_2009/lusin_social_IQ_2009.pdf (accessed 20.12.2020).

7. Test O.F. Potemkinoy. Diagnostika social'no-psihologicheskikh ustanovok lich-nosti v motivacionno-potrebnostnoj sfere [Potemkina's test. Diagnostics of socio-psychological attitudes of the individual in the motivational-need-sphere]. Available at: <https://hr-portal.ru/tool/test-potemkinoy-diagnostika-socialno-psihologicheskikh-ustanovok-lichnostiv-motivacionno> (accessed 15.05.2021).

8. Oprosnik «Strategii preodoleniya stressovyh situacij» S. Hobfoll (1994)» (adaptirovannyj N.E. Vodop'yanovoj, E.S. Starchenkovoj (2001) [Questionnaire “Strategic Approach to Coping Scale (SACS)” S. Hobfall (1994)” (adapted by N.E. Vodopyanova, E. S. Starchenkova (2001))]. Available at: <https://studopedia.ru/> (accessed 01.06.2020).

9. Sobchik L.N. Metody psihologicheskoy diagnostiki. Vyp. 3: Diagnostika mezhlichnostnyh otnoshenij: modifitsirovannyj variant interpersonal'noj diagnostiki T. Liri [Methods of psychological diagnostics. Issue 3: Diagnostics of interpersonal relations: a modified version of T. Leary's interpersonal diagnostics]. Moscow, 1990. 48 p.

10. Lauermaun F., & König J. Teachers' professional competence and wellbeing: Understanding the links between general pedagogical knowledge, self-efficacy and burnout. *Learning and Instruction*, 2016, 45, 9–19. <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2016.06.006>.

11. Puertas-Molero, P., Zurita-Ortega, F., Chacón-Cuberos, R., (...), Castro-Sánchez, M., González-Valero, G. An explanatory model of emotional intelligence and its association with stress, burnout syndrome, and non-verbal communication in the university teachers. *Journal of Clinical Medicine*, 2018, 7(12), 524.

12. Molchanova L. N., & Kuznetsova A. A. Refleksivno-smyslovaya regulyaciya sostoyaniya psihicheskogo vygoraniya u pedagogov special'nogo korrekcionnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya i ocenivanie ee effektivnosti [Reflexive and semantic regulation of the mental burnout condition among teachers of a special correctional educational institution and evaluation of its effectiveness]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, 2019, no. 38 (2), pp. 212-228. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.2.16>.

13. Pogodaeva M.V., Chepurko Yu.V. Issledovanie emocional'noj kompetentnosti pedagogov i ee razvitie v hode treningovyh zanyatij [Study of the emotional competence of teachers and its development during training sessions]. *Science for Education Today*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 51–72. <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2202.03>.

14. Slabinsky V.Yu., Voischeva N.M., Neznanov N.G., Nikiforov G.S. et al. Ocenka effektivnosti treninga proaktivnogo povedeniya i individual'noj psihoterapii u lic s raznoj stepen'yu professional'nogo vygoraniya [Evaluation of the effectiveness of proactive behavior training and individual psychotherapy in individuals with different degrees of professional burnout]. *Ekologiya cheloveka = Human Ecology*, 2019, no. 11, pp. 28–34. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-11-28-34>.

15. Sorokoumova G.V. Psihologicheskij trening kak effektivnyj metod profilaktiki emocional'nogo vygoraniya pedagogov [Psychological training as an effective method of preventing emotional burnout of teachers]. *Gumanizaciya obrazovaniya = Humanization of Education*, no. 3/2019. <https://doi.org/10.24411/1029-3388-2019-10037>.

16. Schoeps K., Tamarit A., de la Barrera U., González Barrón R. Effects of emotional skills training to prevent burnout syndrome in schoolteachers | [Efectos de un entrenamiento en habilidades emocionales para prevenir el síndrome de burnout en profesores]. *Ansiedad y Estrés*, 2019, 25(1), pp. 7-13.

17. Uzodinma U.E., N Onyishi C., Ngwoke A.N., (...), Moguluwa S.C., Akanaeme I.N. Effectiveness of rational emotive occupational health coaching in reducing burnout symptoms among teachers of children with autism. *Science Progress*, 2022, 105(2).

Информация об авторах / Information about the Authors

Молчанова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6309-1825, Researcher ID: AAF-9625-2019

Lyudmila N. Molchanova, Dr. of Sci. (Psychological), Professor, Department of Psychology of Health and Neuropsychology, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation, e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6309-1825, Researcher ID: AAF-9625-2019

Кузнецова Алеся Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, проректор по воспитательной работе, заведующий кафедрой психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kuznetsova.a80@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9166-0770, Researcher ID: AAI-5730-2020

Alesya A. Kuznetsova, Cand. of Sci. (Psychological), Associate Professor, Vice-Rector for Educational Work, Head of the Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kuznetsova.a80@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9166-0770, Researcher ID: AAI-5730-2020

Малихова Лариса Николаевна, аспирант кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация; дефектолог, директор, Областное казенное общеобразовательное учреждение "Курская школа-интернат для детей с ограниченными возможностями здоровья". e-mail: lnmalihova@yandex.ru

Larisa N. Malikhova, Post-Graduate Student, Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation; defectologist, director, Regional State Educational Institution "Kursk Boarding School for Children with Disabilities", e-mail: lnmalihova@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 159.9.072.43

Профилактика конфликтов в студенческой группе

Т.Ю. Копылова¹, Т.О. Цурик¹ ✉, С.М. Цурик¹, Е.А. Карху¹

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: TsurikTO@yandex.ru

Резюме

Противоречивые ситуации и столкновения интересов в ходе образовательной деятельности сопровождаются адаптацией и самоутверждением обучающихся. Особенно остро данные процессы протекают на начальном этапе вхождения в студенческий коллектив. Конфликты могут быть не только конструктивными, но и препятствующими успешной социализации молодых людей и разрушающими организационные структуры. Перед преподавателями и кураторами стоит задача минимизировать ущерб и негативные последствия конфликтных ситуаций.

Актуальность исследования продиктована необходимостью поиска способов воздействия со стороны преподавательского состава на процессы урегулирования и профилактики конфликтов в студенческой среде, с использованием комплекса психолого-педагогических методов воздействия.

Цель исследования – определить эффективность разработанных авторами рекомендаций для педагогов и студентов, направленных на формирование умений и навыков конструктивного разрешения конфликтов и их профилактики.

Проведено эмпирическое исследование, включающее констатирующий и формирующий эксперимент. Данная статья раскрывает итоги второго этапа, после использования разработанных для кураторов рекомендаций по профилактике и разрешению конфликтов. В исследовании приняли участие студенты факультета строительства и архитектуры Юго-Западного государственного университета.

После проведения формирующего эксперимента выявлена эффективность разработанных рекомендаций, реализующаяся в снижении уровня конфликтности, повышении показателей благополучия психологического климата и снижении индекса конфликтности в личных и деловых взаимодействиях в экспериментальной группе.

Ключевые слова: конфликт; студенческая группа; профилактика и разрешение конфликтов; формирующий эксперимент; управление конфликтом.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Профилактика конфликтов в студенческой группе / Т.Ю. Копылова, Т.О. Цурик, С.М. Цурик, Е.А. Карху // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 225-236.

Статья поступила в редакцию 18.09.2022

Статья подписана в печать 27.10.2022

Статья опубликована 21.12.2022

© Копылова Т.Ю., Цурик Т.О., Цурик С.М., Карху Е.А., 2022

Prevention of Conflicts in the Student Group

Tatyana Yu. Kopylova¹, Tatyana O. Tsurik¹ ✉, Sofia M. Tsurik¹,
Elizabeth A. Karkhu¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: TsurikTO@yandex.ru

Abstract

Contradictory situations and conflicts of interests in the educational process activities accompany the adaptation and self-affirmation of students. These processes are especially acute at the initial stage of joining the student group. Conflicts can be not only constructive, but also obstructive to the successful socialization of young people and destroying organizational structures. Teachers and curators are faced with the task of minimizing the damage and negative consequences of conflict situations.

The relevance of the study is dictated by the need to help the academic staff find ways to influence the processes of conflict resolution and prevention in the student environment, using a complex of psychological and pedagogical methods of influence.

The purpose of the study is to determine the effectiveness of the recommendations developed by the authors for teachers and students aimed at developing the skills and abilities of constructive conflict resolution and their prevention.

An empirical study was carried out, including an ascertaining and formative experiment. This article reveals the results of the second stage, after using the recommendations developed for curators on the prevention and resolution of conflicts. Students of the Faculty of Construction and Architecture of the Southwestern State University took part in the study.

After the formative experiment, the effectiveness of the developed recommendations was revealed, which is realized in reducing the level of conflict, increasing the indicators of the well-being of the psychological climate and reducing the index of conflict in personal and business interactions in the experimental group.

Keywords: conflict; student group; conflict prevention and resolution; formative experiment; conflict management.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kopylova T. Yu., Tsurik T. O., S. M. Tsurik, Karkhu E. A. *Prevention of Conflicts in the Student Group. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(4): 225–236 (In Russ.).

Received 18.09.2022

Accepted 27.10.2022

Published 21.12.2022

***

Введение

В современных условиях радикальных перемен во всех сферах общественной жизни – политической, социальной, экономической, а также в ситуации глобальных вызовов, на которые сегодня предстоит ответить как российскому обществу в целом, так и молодому поколению страны, чрезвычайную важность приобретает способность к конструктивному сотрудничеству. Оно реализуется в ситуациях решения разнообразных, и

прежде всего, профессиональных задач, происходящих при обстоятельствах протекания многообразных конфликтов – между консервативным и инновационным, между личным и общественным, между различными и противоречащими друг другу взглядами и ценностями и т.д.

Способность к эффективному разрешению конфликтов в процессе совместной деятельности в группе сегодня признается одной из самых значимых компетенций специалиста [1, с. 6]. Разви-

тие указанной компетенции может осуществляться только в условиях совместной групповой деятельности, когда ею руководит грамотный и умелый в данном отношении педагог или тренер. При этом опыт отношений и разрешения конфликтов в группе обучающихся играет значительную роль в становлении вышеназванной способности. Именно в студенческой группе могут быть созданы благоприятные условия для формирования умения сотрудничать и эффективно разрешать конфликтные ситуации в общении и командном взаимодействии, поскольку в данных условиях на фундаментальной основе студенты обучаются совместному решению профессиональных задач, получают опыт межличностного общения в тот период формирования личности, когда происходит развитие самосознания и мировоззрения [2, с. 17]. В процессе обучения в вузе у обучающихся происходит формирование регуляторных умений и навыков, лежащих в основе осуществления будущей профессиональной деятельности. Для эффективной реализации этой задачи необходимо, чтобы у студентов был опыт проживания различных учебных и коммуникативных ситуаций, который был бы связан с ощущением удовлетворенности (благополучия, личностной успешности) [3, с. 121], что актуализирует умения управлять эмоциями и поведением в конфликтных ситуациях.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между потребностью общества в специалистах, способных к сотрудничеству, и конструктивному разрешению конфликтных ситуаций в условиях совместной деятельности, и недостаточной разработанностью рекомендаций и мероприятий, способствующих развитию у будущих специалистов умений и навыков конструктивного разрешения конфликтов и их профилактики.

Нами была поставлена цель изучить специфику разрешения и профилактики конфликтов в студенческой группе на

примере обучающихся пяти студенческих групп третьего курса строительного факультета Юго-Западного государственного университета.

Для достижения данной цели было проведено исследование, включающее констатирующий и формирующий этапы. Констатирующий этап был направлен на раскрытие особенностей проявления конфликтности и разрешения конфликтных ситуаций среди студентов, обучающихся в одной группе. Задачей формирующего этапа была разработка и реализация в условиях учебно-воспитательного процесса рекомендаций по профилактике и разрешению конфликтов в студенческой группе.

В результате констатирующего исследования были выявлены две студенческие группы с высоким уровнем конфликтности как в личных, так и в деловых отношениях, что указывает на выраженные признаки высокого эмоционального напряжения среди членов коллектива, затруднения в разрешении спорных вопросов и выполнении совместных задач, что свидетельствует о достаточно высокой внутригрупповой конфликтности.

Анализ итогов первого (констатирующего) этапа исследования позволил сделать вывод о необходимости разработки рекомендаций по профилактике и разрешению конфликтов в студенческой группе. Данные рекомендации разработаны для кураторов, преподавателей, студентов, и затрагивают различные виды и формы совместной деятельности педагогов с обучающимися, а также – самих обучающихся. Был определен ряд психодиагностических методик, которые помогут педагогам выявить особенности проявления групповой и индивидуальной конфликтности, а студентам – определить собственные сильные и слабые стороны при разрешении конфликтных ситуаций. Также была разработана тренинговая программа для обучающихся, которая может реализовываться курато-

рами и педагогами в студенческой группе. Тренинг предполагает проведение 10 занятий по 1,5 часа каждое (два занятия в неделю).

Было выдвинуто предположение, что реализация разработанных рекомендаций для кураторов и студентов, в среде обучающихся с выявленным высоким уровнем конфликтности, позволит снизить использование стратегий избегания и соперничества, и, напротив, увеличит частоту применения стратегий приспособления и сотрудничества.

Для проверки данной гипотезы в процессе проведения второго этапа исследования, итоги и результаты которого раскрываются в данной работе, были определены следующие задачи:

- на основе выводов констатирующего исследования разработать и реализовать рекомендации по предупреждению и разрешению конфликтов в студенческой группе;

- изучить эффективность разработанных нами рекомендаций посредством проведения формирующего эксперимента, выделив контрольную и экспериментальную студенческие группы;

- осуществить анализ результатов формирующего эксперимента и сделать выводы об эффективности целенаправленного воздействия педагогами и кураторами на снижение конфликтности среди обучающихся.

Результаты и обсуждение

Студенческий возраст – очень важный период в жизни человека. В этом возрасте происходит не только становление значимых личностных качеств, но и знакомство с основами избранной профессии, освоение необходимых для ее осуществления компетенций. Обучение в вузе создает возможности, при которых студенты могут приобрести базовые умения и навыки межличностного и делового сотрудничества, а также научиться эффективно разрешению конфликтов в процессе разнонаправленного взаимодей-

ствия. Как отмечает Л.С. Титкова [4, с. 6], «студенческая среда отличается конфликтностью». Следовательно, существенное значение приобретает целенаправленная деятельность администрации и педагогов вуза по созданию условий для конструктивного разрешения и профилактики конфликтов в студенческих группах.

Студенческая группа – это разновидность малой группы, для которой характерно единство совместной деятельности, общие цели и интересы, непосредственные взаимоотношения друг с другом [5]. Основными процессами и явлениями, характерными для жизнедеятельности группы, являются: руководство и лидерство, принятие групповых решений, образование групповых норм, мнений, правил, ценностей и др.; формирование функционально-ролевой структуры; сплочение; групповое давление и другие способы регуляции индивидуального и группового поведения; и в том числе – конфликты [6, с. 305]. Таким образом, групповое взаимодействие молодых людей в процессе обучения – это особый вид социального взаимодействия на пути обретения ценностно-нормативных установок личности. Важнейшим условием успешной деятельности студента является преодоление дискомфорта новой социальной среды, адаптация к изменившимся требованиям учебы в вузе, что в целом снижает конфликт с новой средой. Наиболее конфликтным периодом для студентов выступают первые два года обучения, в течение которых осуществляется социализация. В это время происходит изменение мировоззрения, переоценка собственной личности, возникают отношения со сверстниками, зачастую требующие изменения поведения молодого человека [7, с.196]. Наиболее частые конфликты в данный период связаны с адаптацией и самоутверждением в группе сверстников.

Взаимоотношения на старших курсах имеют более осознанный характер, и, как правило, происходят внутри сформир-

рованных микрогрупп, что уменьшает количество конфликтных ситуаций, но в некоторых случаях могут привести к прекращению отношений [8].

В студенческой группе могут происходить конфликты различных видов, затрагивающие такие сферы жизни молодого человека: учебная деятельность, межличностные отношения, отношения с преподавателями и др. [9].

Конфликты в студенческой группе могут иметь конструктивный и деструктивный характер для личности и группы. Деструктивные внутригрупповые конфликты способны изменить структуру студенческой группы, они отрицательно влияют на ход учебного процесса, психологический климат, втягивая окружающих в свою орбиту, тем самым увеличивают глубину конфликтной ситуации. Помимо воздействия на учебную деятельность, данные конфликты негативно воздействуют на социализацию и психическое состояние личности. Конструктивные конфликты выявляют проблемные зоны внутригрупповых взаимоотношений. Они активизируют внутригрупповое взаимодействие, улучшают психологический климат и создают более благоприятные условия для дальнейшей социализации личности.

Управление конфликтами в группе обучающихся принято рассматривать в двух аспектах – внутреннем и внешнем. Если внутренний нацелен на использование противоборствующими сторонами технологий эффективного общения и рационального поведения, то внешний аспект отражает управленческую деятельность (с использованием педагогических или административных методов разрешения конфликта) со стороны преподавателя, куратора или другого субъекта управления по отношению к конкретному конфликту [10].

В ходе исследования были использованы следующие методы: опросник «Стратегии поведения в конфликте» К. Томаса (в адаптации Н.В. Гришиной) [11], со-

циометрический метод Я. Морено, методика оценки психологической атмосферы в коллективе Ф. Фидлера, математико-статистический анализ. Основным организационным методом экспериментального исследования явился метод формирующего эксперимента. Вышеперечисленные методики являются стандартизованными, надежными и валидными, соответствуют возрастным нормам и задачам исследования.

Для обработки полученных результатов использовались математико-статистические методы. Подсчет всех статистических данных производился в программе STATISTICA 6.0. (использовались статистические критерии: U-критерий Манна-Уитни).

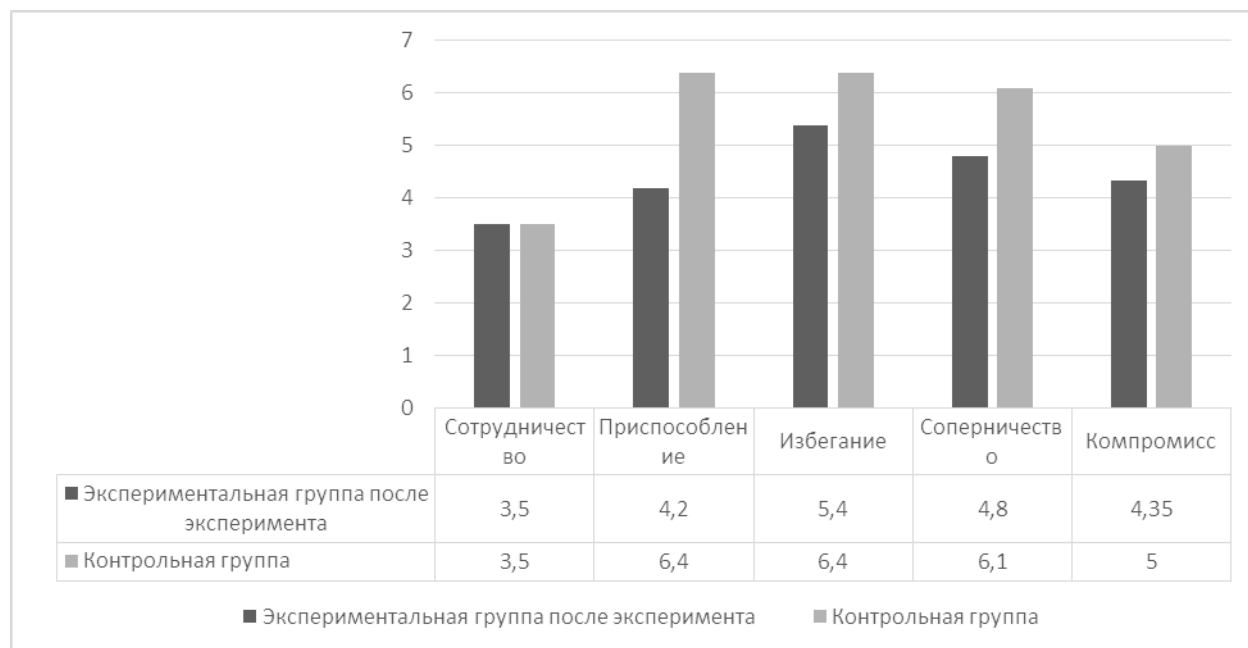
Для участия в формирующем эксперименте нам необходимо было выявить студенческие группы, сходные по целому ряду значимых в контексте настоящего исследования показателей, чтобы данные коллективы обучающихся могли выступить в качестве экспериментальной и контрольной групп. Результаты проведенного пилотажного исследования позволили нам сделать предварительные выводы о соответствии необходимым критериям, что затем было подтверждено в ходе дальнейшего психодиагностического исследования. В выбранных двух студенческих группах обучаются 34 студента 3 курса факультета строительства и архитектуры ЮЗГУ (20 чел. в третьей группе и 14 чел. – в четвертой). В качестве экспериментальной группы мы выбрали третью группу, так как в ней больше испытуемых, что в свою очередь поможет получить более точные данные о результатах формирующего эксперимента.

Для чистоты эксперимента мы сравнили все необходимые показатели в контрольной и экспериментальной (до проведения формирующего эксперимента) группах с помощью статистического U-критерия Манна-Уитни, чтобы удостовериться в отсутствии статистически значимых различий между ними. Это дало

нам уверенность в объективности изменений между контрольной группой и экспериментальной группой после проведения формирующего эксперимента.

При сравнении выраженности проявления стратегий поведения в конфликте в контрольной и экспериментальной

группах после проведения формирующего эксперимента выявлено, что в экспериментальной группе статистически значимо снижены показатели стратегии приспособления ($U_{эмп}=29,5$, $73 \leq U_{кр} \leq 92$) и соперничества ($U_{эмп}=62$, $73 \leq U_{кр} \leq 92$), это показано на рис. 1.

Рис. 1. Проявление стратегий поведения в конфликте в контрольной и экспериментальной группах после проведения формирующего эксперимента

Fig. 1. Manifestation of strategies of behavior in conflict in the control and experimental groups after the formative experiment

В контрольной группе мы наблюдаем преобладание стратегий приспособления, избегания и соперничества. Стратегия приспособления выражается в устранении субъекта из конфликта любыми способами, даже при непосредственном участии в нем, откладывании разрешения конфликта на неопределенный срок. Эта стратегия не ведет к разрешению конфликта.

Стратегия избегания выражается в пассивности членов группы, готовности поступиться своими интересами, что приводит к неудовлетворенности потребностей и эмоциональному напряжению между участниками конфликта.

Выраженность соперничества в контрольной группе говорит о том, что участники стремятся удовлетворить свои

интересы в ущерб интересам другого. Преобладание стратегии соперничества свидетельствует о предрасположенности личности к конфликтному поведению.

До проведения формирующего эксперимента мы наблюдали схожие показатели в экспериментальной группе.

Снижение использования стратегии приспособления в экспериментальной группе говорит о том, что формирующий эксперимент мотивирует участников группы к разрешению конфликтных ситуаций, обозначению своих интересов и внесению проблемы наличия противоречий в плоскость обсуждения. Обозначение позиции сторон конфликта является первым шагом в его решении, после чего происходит поиск общих или близких по содержанию точек соприкосновения; сни-

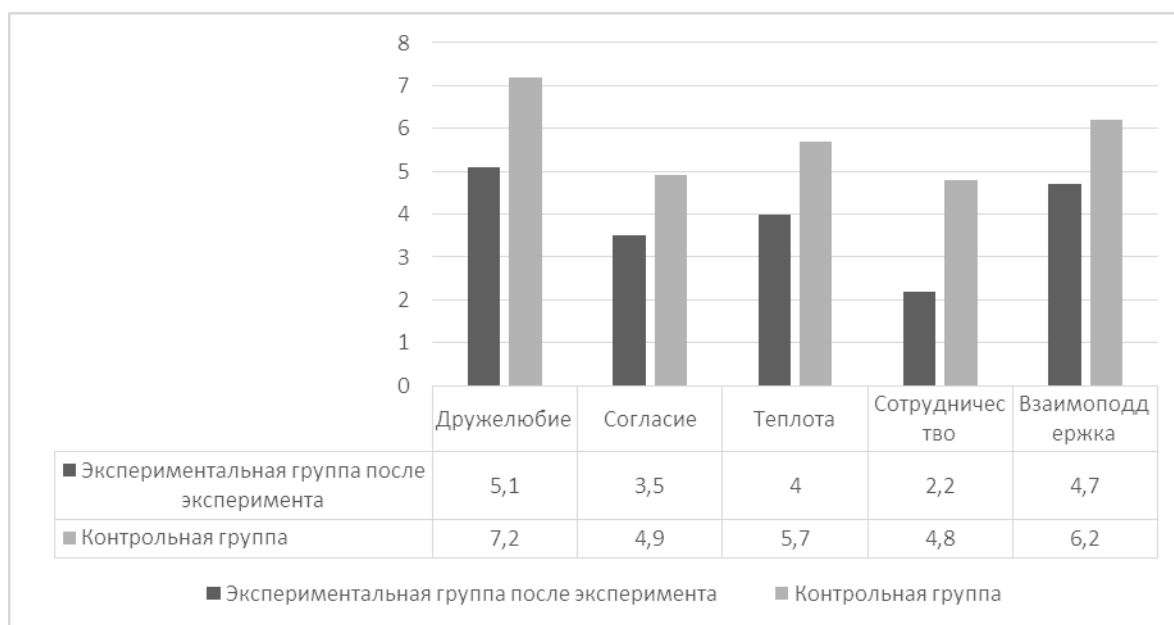
жение интенсивности негативных эмоций. Снижение стратегии соперничества в результате формирующего эксперимента говорит о том, что участники коллектива в меньшей степени навязывают свою точку зрения, выгодное исключительно для себя решение, соответственно появляется время и возможности на конструктивные договоренности и поиск решения, устраивающего все стороны конфликта.

При сравнении характеристик психологической атмосферы в коллективе контрольной и экспериментальной групп после формирующего эксперимента обнаружено, что в экспериментальной группе статистически значимо выше показатели дружелюбия ($U_{\text{эмп}}=67,5$, $73 \leq U_{\text{кр}} \leq 92$), теплоты ($U_{\text{эмп}}=22,5$, $73 \leq U_{\text{кр}} \leq 92$), сотрудничества ($U_{\text{эмп}}=15,5$, $73 \leq U_{\text{кр}} \leq 92$) и взаимоподдержки ($U_{\text{эмп}}=43,5$, $73 \leq U_{\text{кр}} \leq 92$). Различия в показателе «сотрудничество» в данном замере оказались статистически значимыми в отличие от незначимых различий в показателе «сотрудничество» в методике Томаса. Это может быть свя-

зано с тем, что изучаемые методом Томаса стратегии отражают деятельную сторону взаимоотношений, а метод Фидлера изучает эмоциональное восприятие членами коллектива психологической атмосферы. И, если внутренне субъективно участники коллектива готовы к сотрудничеству, то в деятельности это могло еще не проявиться.

В контрольной группе мы наблюдаем низкие показатели благополучия психологической атмосферы, что свидетельствует о высоком уровне враждебности, холодности в отношениях, несогласованности между членами коллектива. До формирующего эксперимента в экспериментальной группе были схожие показатели. После проведения формирующего эксперимента в экспериментальной группе показатели благополучия психологического климата повысились.

Результаты изучения показателей психологического климата после формирующего эксперимента в контрольной и экспериментальной группах представлены на рис. 2.

Рис. 2. Средние показатели психологической атмосферы в контрольной и экспериментальной группах после проведения формирующего эксперимента

Fig. 2. Average indicators of the psychological atmosphere in the control and experimental groups after the formative experiment

При сравнении характеристик атмосферы в коллективе между контрольной и экспериментальной группами после формирующего эксперимента обнаружено, что в экспериментальной группе статистически значимо выше показатели дружелюбия ($U_{эмп}=67,5$, $73 \leq U_{кр} \leq 92$), теплоты ($U_{эмп}=22,5$, $73 \leq U_{кр} \leq 92$), сотрудничества ($U_{эмп}=15,5$, $73 \leq U_{кр} \leq 92$) и взаимоподдержки ($U_{эмп}=43,5$, $73 \leq U_{кр} \leq 92$), (рис. 2.)

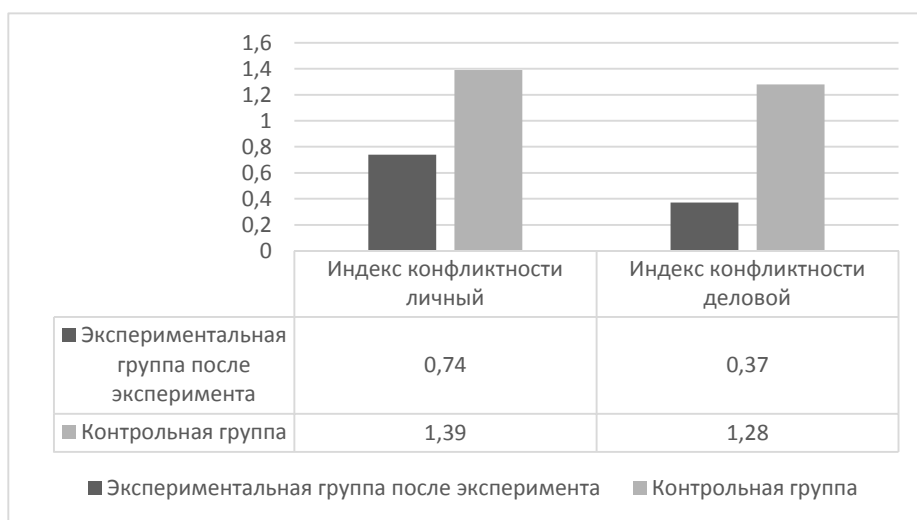
Различия по шкале «сотрудничество – несогласованность» в данном замере оказались статистически значимыми в отличие от незначимых различий в показателе «сотрудничество» в методике К. Томаса. Это может быть связано с тем, что изучаемые методом Томаса стратегии отражают деятельную сторону взаимоотношений, а метод Ф. Фидлера изучает эмоциональное восприятие членами коллектива психологической атмосферы. И если внутренне субъективно участники коллектива готовы к сотрудничеству, то в деятельности это могло еще не проявиться.

В контрольной группе мы наблюдаем высокие показатели неблагополучия психологической атмосферы группы, это говорит о высоком уровне враждебности, холодности в отношениях, несогласованности между членами коллектива. До формирующего эксперимента в экспери-

ментальной группе были схожие показатели. После проведения формирующего эксперимента в экспериментальной группе показатели неблагополучия психологического климата снизились.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что формирующий эксперимент значительно улучшает психологическую атмосферу в коллективе. В общении между студентами появляется больше дружелюбия, взаимной поддержки и помощи, теплоты в межличностных отношениях, а также больше вариантов стратегий сотрудничества.

Рассмотрим различия между контрольной и экспериментальной группами после формирующего эксперимента по уровню конфликтности группы в личных и деловых отношениях. Данный показатель в контрольной группе характеризуется высокими значениями как в личных отношениях (индекс конфликтности 1,39), так и в деловых взаимодействиях (индекс конфликтности 1,28). В группе, где был проведен формирующий эксперимент, индекс конфликтности в личных отношениях оказался практически вдвое меньше, чем в контрольной группе (0,74), а индекс конфликтности в деловых отношениях (0,37) оказался втрое ниже, чем в контрольной группе (рис. 3).

Рис. 3. Индекс конфликтности в личных и деловых отношениях в контрольной и экспериментальной группах после проведения формирующего эксперимента

Fig. 3. The index of conflict in personal and business relations in the control and experimental groups after the formative experiment

Представленные данные показывают, что формирующий эксперимент способствует уменьшению взаимных негативных выборов в группе, то есть проявление негативного отношения студентов друг к другу уменьшается. Вызывает интерес тот факт, что при снижении индекса конфликтности в личных отношениях происходит снижение индекса конфликтности деловых взаимодействий. Это может быть связано с тем, что снижение личной неприязни, уменьшение внутреннего напряжения в отношениях членов коллектива, снижение уровня негативных эмоций делает деловое общение легче и эффективнее.

Выводы

Большую роль в развитии студенческой группы как коллектива, члены которого способны к конструктивному разрешению возникающих конфликтов, играет куратор группы. В рамках осуществления воспитательной деятельности куратор может способствовать оптимизации социально-психологического климата в среде обучающихся как состояния группового настроения и качественной стороны межличностных отношений.

На ликвидацию причин возникающих конфликтных ситуаций влияют как индивидуальные беседы куратора с обучающимися, так и регулярные встречи и мероприятия со студентами. Для урегулирования напряженных взаимодействий следует привлекать членов студенческой группы, пользующихся авторитетом, при этом важно отсутствие предвзятости, либо оправдания какой-либо из конфликтующих сторон. Конечной задачей педагогического воздействия на отношения в студенческом коллективе становится создание благоприятного психологического климата, в атмосфере которого увеличивается сплоченность членов малой группы и качество обучения.

Для профилактики конфликтов в студенческой группе необходимо создавать условия для понимания студентами

психологической сущности и специфики конфликта; развития навыков коммуникативного контроля в общении; развитие эмпатических тенденций, толерантности; снижение интолерантных установок и агрессивности в отношениях; выработку оптимальной стратегии конструктивного поведения в конфликте. В качестве основы для формирования указанных условий может быть использован групповой психологический тренинг, который также может способствовать конструктивному разрешению конфликтов в студенческой группе.

Разработанные нами рекомендации по профилактике и разрешению конфликтов в студенческой среде для кураторов групп, преподавателей и студентов включали психодиагностический инструментарий для изучения конфликтности группы и отдельных студентов, а также рекомендации по формированию оптимального социально-психологического климата в студенческой группе с учетом индивидуально-психологических особенностей обучающихся (таких как акцентуации характера). Данная методика направлена в том числе и на реализацию посредничества и психологическую помощь студентам и рекомендации по развитию способности к сотрудничеству на занятиях. Студентам предлагались рекомендации по учету особенностей своего характера (акцентуаций) во взаимодействии с людьми, по бесконфликтному общению, а также литература для развития умений и навыков предупреждения и разрешения конфликтов.

В результате реализации разработанных нами рекомендаций в студенческой группе, в которой проводился формирующий эксперимент, выявлено существенное снижение использования стратегий избегания и соперничества, а также тенденция к изменению частоты применения стратегий приспособления и сотрудничества (первая – в сторону уменьшения использования, вторая – в сторону повышения частоты использования). Про-

изошло значимое улучшение средне-групповых оценок по таким характеристикам психологической атмосферы в группе, как теплота, сотрудничество и взаимоподдержка. Выявлена тенденция к улучшению показателей по характеристикам дружелюбия и согласия. Понижались индексы конфликтности группы как в личных, так и в деловых отношениях.

Полученные в настоящем исследовании результаты свидетельствуют о до-

статочно высокой эффективности разработанных нами рекомендаций по профилактике и разрешению конфликтов в студенческой группе. Таким образом, подтвердилась выдвинутая гипотеза о том, что целенаправленное развитие способности к конструктивному разрешению конфликтов у студентов будет способствовать оптимизации межличностных отношений в студенческой группе.

Список литературы

1. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Питер, 2008. 538 с.
2. Никулина И.В. Психологические особенности студенческого возраста. Самара: Изд-во «Универс групп», 2009. 100 с.
3. Копылова Т. Ю., Цурик С. М. Оценка российскими и иностранными студентами удовлетворенности своим поведением и эмоциями в различных жизненных ситуациях как показатель эффективности саморегуляции // Архитектоника региональной культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 55-летию Юго-Западного государственного университета. Курск, 2019. С. 120-125.
4. Титкова Л.С. Внутригрупповая конфликтность студентов современных российских вузов и факторы, влияющие на нее: По материалам социологического исследования вузов Приморского края: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Владивосток, 2004. 18 с.
5. Кокорева А.А., Решетникова Н.С. Студенческая учебная группа как разновидность малых социальных групп. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/studencheskaya-uchebnaya-gruppa-kak-raznovidnost-malyh-sotsialnyh-grupp> (дата обращения: 04.08.2022).
6. Коломинский Я. Л. Психология взаимоотношений в малых группах (общие и возрастные особенности). Минск: ТетраСистемс, 2000. 432 с.
7. Валуикова В.Е. Психолого-педагогические условия предупреждения межличностных конфликтов в студенческой среде // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 2 (83). С. 195–198.
8. Коммуникативный потенциал субъектов образовательного процесса / Л.И. Савва, Е.Ю. Семькина, А.Л. Солдатченко [и др.]; под общей ред. Л.И. Савва. Магнитогорск: МаГУ, 2005. 345 с.
9. Якимова А.А., Дворникова И.Н. Причины и факторы конфликтов в студенческой группе. URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/prichiny-i-factory-konfliktov-v-studencheskoj-gruppe.html> (дата обращения: 04.08.2022)
10. Воронич Е. А. Технология управления конфликтами в общеобразовательной организации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №3-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-upravleniya-konfliktami-v-obsheobrazovatelnoy-organizatsii> (дата обращения: 05.08.2022).
11. Тест Томаса - Килмена, адаптация Н.В. Гришиной «Стратегии поведения в конфликте». URL: <https://psylaser.ru/practice/practice-psychology-conflict/psychological-tests-psychology-conflict/conflict-strategies.html> (дата обращения: 05.08.2022).

References

1. Grishina N.V. *Psihologiya konflikta* [Psychology of conflict]. Moscow, Piter Publ., 2008. 538 p.
2. Nikulina I.V. *Psihologicheskie osobennosti studencheskogo vozrasta* [Psychological features of student age]. Samara, Univers grupp Publ., 2009. 100 p.
3. Kopylova T. Yu., Curik S. M. Ocenka rossijskimi i inostrannymi studentami udovletvorennosti svoim povedeniem i emociyami v razlichnyh zhiznennyh situacijah kak pokazatel' effektivnosti samoregulyacii [Assessment by Russian and foreign students of satisfaction with their behavior and emotions in various life situations as an indicator of the effectiveness of self-regulation]. *Arhitektonika regional'noj kul'tury. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Architectonics of regional culture. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Kursk, 2019, pp. 120-125.
4. Titkova L.S. *Vnutrigruppovaya konfliktnost' studentov sovremennyh rossijskih vuzov i faktory, vliyayushchie na nee: Po materialam sociologicheskogo issledovaniya vuzov Primorskogo kraja*. Avtoref. diss. kand. sociol. nauk [Intra-group conflict of students of modern Russian universities and factors influencing it: Based on the materials of a sociological study of Primorsky Krai universities. Cand. sociol. sci. abstract diss.]. Vladivostok, 2004. 18 p.
5. Kokoreva A.A., Reshetnikova N.S. *Studencheskaya uchebnaya gruppа kak raznovidnost' malyh social'nyh grupp* [Student study group as a kind of small social groups]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/studencheskaya-uchebnaya-gruppa-kak-raznovidnost-malyh-sotsialnyh-grupp> (accessed 04.08.2022).
6. Kolominskij Ya. L. *Psihologiya vzaimootnoshenij v malyh gruppah (obshchie i vozrastnye osobennosti)* [Psychology of relationships in small groups (general and age-specific features)]. Minsk, TetraSistems Publ., 2000. 432 p.
7. Valujkova V.E. Psihologo-pedagogicheskie usloviya preduprezhdeniya mezhlichnostnyh konfliktov v studencheskoj srede [Psychological and pedagogical conditions for the prevention of interpersonal conflicts in the student environment]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of the Orel State University*, 2019, no. 2 (83), pp. 195–198.
8. Savva L.I., Semykina E.Yu., Soldatchenko A.L. eds. *Kommunikativnyj potencial sub"ektov obrazovatel'nogo processa* [The communicative potential of the subjects of the educational process]; ed by L.I. Savva. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2005. 345 p.
9. Yakimova A.A., Dvornikova I.N. *Prichiny i faktory konfliktov v studencheskoj gruppe* [Causes and factors of conflicts in the student group]. Available at: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/prichiny-i-faktory-konfliktov-v-studencheskoj-gruppe.html> (accessed 04.08.2022)
10. Voronich E. A. Tekhnologiya upravleniya konfliktami v obshcheobrazovatel'noj organizacii [Conflict management technology in a general education organization]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2019, no. 3-1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-upravleniya-konfliktami-v-obsheobrazovatel'noj-organizatsii> (accessed 05.08.2022).
11. *Test Tomasa - Kilmena, adaptaciya N.V. Grishinoj "Strategii povedeniya v konflikte"* [Thomas-Kilman test, adaptation of N.V. Grishina's "Strategies of behavior in conflict"]. Available at: <https://psylaser.ru/practice/practice-psychology-conflict/psychological-tests-psychology-conflict/conflict-strategies.html> (accessed 05.08.2022).

Информация об авторах / Information about the Authors

Цурик Татьяна Олеговна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры архитектуры, градостроительства и графики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail TsurikTO@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9767-3505

Копылова Татьяна Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail asd-swsu@mail.ru

Цурик Софья Михайловна, магистрант кафедры коммуникологии и психологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail sonyatsurik@gmail.com

Карху Елизавета Андреевна, магистрант кафедры архитектуры, градостроительства и графики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: mumumu90@eandex.ru

Tatyana O. Tsurik, Cand. of Sci. (Cultural Studies), Associate Professor, Department of Architecture, Town Planning and Graphics, Faculty of Construction and Architecture, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail TsurikTO@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9767-3505

Tatyana Y. Kopylova, Cand. of Sci. (Psychological), Associate Professor, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail asd-swsu@mail.ru

Sofya M. Tsurik, Master's Student of the Department of Communication and Psychology, Southwest State University, Russian Federation, e-mail sonyatsurik@gmail.com

Elizaveta A. Karhu, Master's Student of the Department Architecture, Town Planning and Graphics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: mumumu90@eandex.ru

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

– статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

– лицензионный договор;

– сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail).

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью, включая адрес организации), электронного адреса (телефона), название (полуужирный), аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (5–10 слов), текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках. Текст статьи должен быть структурирован по разделам:

- введение (постановка проблемы)
- результаты и обсуждение
- выводы

Например:

УДК 81-114.2

Н. А. Боженкова, д-р филол. наук, профессор, Государственный институт русского языка

им. А. С. Пушкина (Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6) (e-mail:natalyach@mail.ru)

Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве

Дезинтеграционные процессы последнего десятилетия XX века, вызванные многоплановыми геополитическими факторами, привели к трансформации информационного поля на русском языке: в каждом из четырнадцати новых постсоветских государств...

Ключевые слова: социолингвистика; коммуникативная лингвистика; постсоветское пространство; статус русского языка; языковая ситуация.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

9. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

10. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы.**

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания **не допускаются.**

11. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Список представляется в двух вариантах: традиционный (ГОСТ Р 7.05–2008) и дополнительный с переводом русскоязычных источников на латиницу и английский язык. Применяется транслитерация по системе BSI. Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

12. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <http://www.swsu.ru/izvestiya/serieslingva>.

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://science.swsu.ru>.